

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Могилёвский государственный университет продовольствия»

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ
И СВИДЕТЕЛЕЙ СОБЫТИЙ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Могилев 2014

УДК 94(4Бел) : 355.48

ББК 63.3(2)622

Ж 66

Рекомендовано
Научно-методическим советом МГУП

Живая память о войне. Воспоминания участников и свидетелей событий Великой Отечественной войны / сост. Ю. М. Бубнов, О. С. Маркасова. – Могилев: МГУП, 2014. – 272 с.
ISBN 978-985-6979-98-2.

Сборник составлен на основе встреч и бесед студентов и сотрудников университета с ветеранами, участниками и очевидцами Великой Отечественной войны и представляет собой краткие записи их устных историй. В данном издании зафиксированы эпизодические воспоминания о героических и трагических событиях на фронте и в тылу, ставшие характерными вехами в жизни этих людей в период страшной кровавой драмы XX века. Каждая записанная история подчеркивает величие духа, лучшие моральные и физические качества тех, кто встал на пути агрессоров, посягнувших на свободу и независимость Родины.

Материалы сборника будут полезны студентам и преподавателям, всем, кто интересуется историей Великой Отечественной войны.

УДК 94(4Бел) : 355.48
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-985-6979-98-2

© Бубнов Ю. М., Маркасова О. С.
составление, 2014
© Учреждение образования
«Могилевский государственный
университет продовольствия», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	7
БЕЛАРУСКІЯ САБАКІ НЕ ЛЮБІЛІ НЕМЦАЎ Успаміны Зінаіды Сямёнаўны Агеевай і Паліны Паўлаўны Шышакавай	9
Я ДОЛГО НЕ НАВИДЕЛА НЕМЦЕВ Воспоминания Александры Сергеевны Аликберовой	15
Я СТАЛ СОЛДАТОМ НАШЕЙ АРМИИ Воспоминания Ивана Тихоновича Башаримова	20
ВОЙНА ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ Воспоминания Татьяны Ивановны Белоусовой	22
ДЕТИ ВОЙНЫ Воспоминания Ивана Антоновича Бибильникова	23
БЛОКАДНОЕ ДЕТСТВО Воспоминания Нины Васильевны Бубновой	24
Я ВЕРНУЛАСЬ ДОМОЙ Воспоминания Иллии Никифоровны Букановой	27
ЭПИЗОДЫ ВОЙНЫ Воспоминания Петра Иосифовича Верстака	31
ТАК НАЧИНАЛАСЬ ВОЙНА Воспоминания Марии Степановны Витер	32
БЕРЕГИТЕ МИР Воспоминания Михаила Ивановича Гончарова	36
БОГ МЕНЯ ХРАНИЛ Воспоминания Марии Сидоровны Гребеневой	38
ОСТАЛИСЬ ЖИВЫ Воспоминания Михаила Иосифовича Гусаченко	42
ПИСЬМО ОБ ОТЦЕ Воспоминания Светланы Яковлевны Демченко	45
ОБ ЭТОМ ПОМНИТЬ НАДО ВСЕГДА Воспоминания Фени Андреевны Денисенко	47
ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ Воспоминания Анны Ивановны Довгаль	50
ТЯЖЕЛЫЕ ИСПЫТАНИЯ ДЛЯ МАТЕРИ С РЕБЕНКОМ Воспоминания Нины Григорьевны Елисеевой	57
ПАРТИЗАНСКАЯ БРИГАДА Воспоминания Николая Артемьевича Ерашова	60
О ВОЙНЕ И О ЖИЗНИ Воспоминания Михаила Терентьевича Зайца	65

СТРАНИЦЫ ИЗ ПРОШЛОГО	
Воспоминания Марии Карповны Каружель	68
ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ – НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ	
Воспоминания Дарьи Ларионовны Кацер	71
БЫЛО СТРАШНО	
Воспоминания Марии Ефимовны Клыпутенко	75
Я ВИЖУ ЭТО ВО СНЕ	
Воспоминания Файны Павловны Козловской	76
ФРОНТОВАЯ СЕСТРА	
Воспоминания Анны Васильевны Колтович	80
ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ МЕНЯ ПОХОРОНИЛИ	
Воспоминания Адама Яковлевича Корытко	82
МОРСКАЯ ПЕХОТА	
Воспоминания Ивана Павловича Кравцова	85
КОГДА НАЧАЛАСЬ ВОЙНА...	
Воспоминания Александра Михайловича Крупенкова ...	87
ЧУДОМ ОСТАЛСЯ ЖИВ	
Воспоминания Алексея Петровича Кудрявцева	89
ВОЙНА УНЕСЛА ВСЕ	
Воспоминания Ядвиги Ефимовны Лазаревич	93
ЭТОГО НИКТО ПОНЯТЬ НЕ МОГ	
Воспоминания Любови Павловны и Равиля Нагимовича Латыповых	95
НАГОРЕВАЛИСЬ, НЕ ДАЙ БОГ НИКОМУ	
Воспоминания Валентины Яковлевны Логвиновой и Галины Яковлевны Пантелеевой	98
НИКТО НЕ ЖАЛОВАЛСЯ, ХОТЬ БЫЛО ТЯЖЕЛО	
Воспоминания Анны Герасимовны Максимовой	101
ДОРОГАМИ ВОЙНЫ	
Воспоминания Иосифа Ивановича Матюшевского	102
ЛЁС І ВАЙНА САПЁРА І БАТАЛЬЁННАГА ФАТОГРАФА РЫГОРА МАЦЮШЭЎСКАГА НА СТАРОНКАХ ЯГО ДЗЁННІКА	
Успамяны Рыгора Фаміча Мацюшэўскага	113
ВЕРИЛИ, ЧТО ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ	
Воспоминания Марии Ануфриевны Могдаловой	120
ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ	
Воспоминания Анны Лаврентьевны Мозовко	124
НЕМЦЫ БЫЛИ РАЗНЫЕ	
Воспоминания Владимира Ильича Мяделя	127

ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ	
Воспоминания Петра Андреевича Науменко	129
ТЯЖЕЛЫЕ ГОДЫ	
Воспоминания Лидии Семеновны Носиковой	131
ВЫЖИЛ, ПОТОМУ ЧТО СЛУЖИЛ В АРТИЛЛЕРИИ	
Воспоминания Петра Викторовича Осмоловского	134
Я ГОРЖУСЬ СВОИМ ОТЦОМ	
Воспоминания Зинаиды Федоровны Панушкиной	140
МНОГО НАШИХ ПОГИБЛО	
Воспоминания Степана Ивановича Петроченко	143
ПАМЯТЬ НЕ ПОДВЛАСТНА ВРЕМЕНИ	
Воспоминания Виктора Петровича Пилюто	145
ДНЕВНИК ВОЙНЫ	
Воспоминания Олега Назаровича Плиндова	147
ВТОРОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ	
Воспоминания Юрия Петровича Полухина	156
«МАТКА, ВОЙНА – ПЛОХО»	
Воспоминания Веры Даниловны Поляковой	162
ЛЕНИНГРАД И ЛЕНИНГРАДЦЫ	
Воспоминания Олега Георгиевича Поляченка и Лидии Дмитриевны Поляченко	164
ВАЕННАЕ ЛІХАЛЕЦЦЕ	
Успаміны Аляксандра Барысавіча Пушкіна і Алёны Дзмітрыеўны Пушкінай	172
НЕ ДАЙ ВАМ БОГ ПРОЙТИ АД И ПЕКЛО ВОЙНЫ	
Воспоминания Николая Герасимовича Рыжковича	178
БОЛЬШЕ ВОЕВАТЬ НЕ ХОТЕЛОСЬ	
Воспоминания Алексея Андреевича Свиридова	180
ВОЙНА – ГРЯЗНОЕ ДЕЛО	
Воспоминания Захара Савельевича Серикова	183
ДАЎНІЯ СПОЛАХІ ВАЕННЫХ ГАДОЎ	
Успаміны Аркадзя Арсенцьевіча Смаляка	184
НАЧАЛО ГРЯДУЩИХ ПОБЕД	
Воспоминания Семена Антоновича Снытко	189
БАРКОЛАБОВСКИЙ ГЕРОЙ	
Воспоминания Антоня Ануфриевича Стаменкова	192
В ОЖИДАНИИ ПОБЕДЫ	
Воспоминания Надежды Кузьминичны Старун	195
ОН ПРИБЛИЖАЛ ПОБЕДЫ ЧАС	
Воспоминания Ивана Петровича Тимашкова	199

БАБУШКА ПОМНИТ ВОЙНУ	
Воспоминания Нины Ивановны Титовой	202
ПРЕДПРИИМЧИВЫЙ БУРГОМИСТР	
Воспоминания Павла Никитовича Ткачева	207
САЛЮТЫ ПОБЕДЫ	
Воспоминания Андрея Александровича Тринченко	218
МНОГО БЫЛО УБИТЫХ	
Воспоминания Марии Максимовны Трояновской	223
ДЛЯ МЕНЯ ВОЙНА НАЧАЛАСЬ 1 СЕНТЯБРЯ 1939 ГОДА	
Воспоминания Ивана Федоровича Труша	228
НО НАСТУПИЛО 22 ИЮНЯ...	
Воспоминания Марии Игнатьевны Цыганковой	233
В БОРЬБЕ ЗА РОДИНУ	
Воспоминания Анны Кузьминичны Шамаль	237
НАС НИКТО НЕ УЧИЛ ВОЕВАТЬ	
Воспоминания Петра Дмитриевича Шардыка	244
ЗДЕСЬ БЫЛА ДЕРЕВНЯ КИСТЕЛЕВО...	
Воспоминания Любови Ануфриевны Шнитко	247
МНОГО РАЗ СМОТРЕЛ В ГЛАЗА СМЕРТИ	
Воспоминания Петра Антоновича Шостака	251
«САЛАСПИЛС» НАДО ПОМНИТЬ	
Воспоминания Виктора Степановича Юдина	254

Предисловие

Война имеет много измерений. Руководителям государств она видится в геополитическом масштабе, политики измеряют войну соотношением материальных и людских ресурсов у противников. Военноначальники чаще всего воюют, переставляя флажки на штабных картах и составляя приказы по войскам. Бойцам на передовой достаётся хлебнуть окопной войны с её тяжёлым трудом, изнурительными маршами, по соседству со ставшей обыденной смертью. В тылу война заполнена голодом и холодом и бесконечным тревожным ожиданием весточки с фронта. А ведь есть ещё оккупационное измерение войны в постоянном страхе и унижении, война партизанская и подпольная... Все измерения войны и не перечислить, не говоря уже о том, чтобы дать ей всестороннее описание.

Мы решили посмотреть на войну глазами тех людей, которые видели её самым непосредственным образом, через чью жизнь война прошла своим безжалостным катком. Эти люди живут или ещё совсем недавно жили рядом с нами, храня в глубинах памяти пережитые ими ужасы войны. Прошедшие после войны десятилетия не в состоянии стереть в их памяти глубокие шрамы. Им очень тяжело было вспоминать военные невзгоды. Но их воспоминания очень нужны тем поколениям, которые не знают войны, в особенности тем, которые выросли в условиях материального изобилия. Как это ни парадоксально, но цена жизни познаётся на краю гибели, вкус хлеба – во время голода, а ценность верности и долга – в ситуации экзистенциального выбора между честью или жизнью. Военное поколение, пройдя через горнило смертельных испытаний, знает цену жизни и человеческим отношениям и может рассказать об этом потомкам, знакомым с войной лишь по компьютерным играм. Эти рассказы помогут молодым людям лучше понять смысл жизни вообще и ценность мирной жизни в особенности.

Воспоминания участников и свидетелей войны мы старались не править. Они сохранены в том виде, в каком были записаны ими самими или их родственниками. Многие воспоминания были записаны со слов ветеранов студентами нашего университета во время прохождения ими курса «Великая Отечественная война советского народа». Именно это и подвигло нас на составление настоящего издания. Никакие лекции и семинарские занятия не сравнятся с непосредственным общением молодого человека с

участником боевых действий, со слезами на глазах рассказывающим о тех страшных событиях. Такая тесная сопричастность поколений оставляет глубокий след в душах молодёжи, выступая эффективным транслятором памяти народной о великой и страшной войне.

Бубнов Ю. М.

*Четыре года испытаний страшных!..
Мир навшим!.. – Ушедшим...
Не вернувшись домой!..
Поклон тыловикам!.. –
на смену вставшим!..
Всем, КТО ПОБЕДУ ОДЕРЖАЛ, –
ПОКЛОН ЗЕМНОЙ!!!*

(О. Климчук)

БЕЛАРУСКІЯ САБАКІ НЕ ЛЮБІЛІ НЕМЦАЎ Успаміны Зінаіды Сямёнаўны Агеевай і Паліны Паўлаўны Шышаковай

Пачатку маёй навуковай цікаўнасці да вывучэння штодзённага жыцця насельніцтва на акупаванай тэрыторыі ў гады Вялікай Айчыннай вайны паспрыяла вастрыня спрэчак і відавочная супярэчлівасць разнастайных гістарыяграфічных парадыгмаў. Яны выклікалі натуральную дапытлівасць і жаданне разабрацца ў праблеме. Не менш, а можа і больш важнай прычынай цікавасці да тэмы штодзённасці ў гады вайны, было адрозненне кніжнага і побытавага апісання жыцця падчас акупацыі членамі маёй вялікай сям'і. Тое, што родныя распавядалі за чаркай часцяком не ўпісвалася ў мае школьныя стэрэатыпныя ўяўленні аб жыцці пры немцах. Дадзены тэкст складзены на базе захаваных дакументаў, запісаных ўспамінаў маіх родных і сваякоў, а таксама маіх ўспамінаў аб гутарках з членамі маёй сям'і пра падзеі сямідзесяцігадовай даўніны.

Напачатку трэба зрабіць рэмарку аб швейнай машыне, якая сыграла важную ролю ў выжыванні маёй сям'і ў гады вайны. Як яна апынулася ў дзед і бабулі, я не ведаю, а запытаць, калі яны былі жывы і маглі адказаць, не здагадаўся. Дзед мой па матчынай лініі, Яўген Якаўлевіч Шышакоў, скончыў аршанскі педагагічны інстытут. Прычым быў ён па спецыяльнасці гісторык-географ. Гэтым ён міжволі прычыніўся да таго, што я стаў гісторыкам у трэцім пакаленні і змог дарасці да выкладчыка гістарычнага факультэта МДУ імя А. А. Куляшова. Бабуля, Паліна Паўлаўна Шышакова (Булаўкіна), скончыла ў Оршы педагагічнае вучылішча. І дзед, і баба былі вясковага паходжання і, як у любой тагачаснай сем'і на вёсцы, была ў іх падсобная гаспадарка. Аднекуль з'явілася ў ёй і швейная машына.

Мабілізаваны ў армію дзед Яўген быў ў пачатку мая 1941 года, за два месяцы да нападзення нямецчыны на СССР. З першых дзён і да

канца вайны ён знаходзіўся ў Чырвонай Арміі, і сям'я не мела з ім сувязі да 1944 года. А вось дзед, паколькі служыў у сувязі, меў магчымасць праз партызан, а можа праз разведку сачыць за сваімі з «вялікай зямлі». Яму перадавалі весткі, што ўсе жывыя і жонка «паводзіць сябе добра». Гэта сапраўды дапамагала дзеду выконваць свой вайсковы абавязак. З фронту ён вярнуўся з ордэнам Краснай Звязды і баявымі медалямі.

Пакуль дзед служыў, мая бабуля разам з сынам Віктарам і дачкой Святланай – маёй маці – пражывала ў вёсцы Макараўка Дубровенскага раёна Віцебскай вобласці, дзе бабуля працавала ў мясцовай школе настаўніцай пачатковых класаў. Эвакуіравацца ім не ўдалося, бо калі немцы ўжо падыходзілі да Оршы, загадчык Дубровенскага РАНА не выдаў дакументаў ды яшчэ абвінаваціў маю бабулю, а тады маладую настаўніцу, ў панікёрстве. Пасля гэтага сям'я пераехала на радзіму мужа ў вёску Лапыры Дубровенскага раёна, дзе занімалася сельскай гаспадаркай. У 1943 годзе ў сувязі з наступленнем Чырвонай Арміі насельніцтва прыфрантавой паласы прымусова эвакуіравалася немцамі на захад. У сваёй аўтабіяграфіі бабуля сцвярджала, што ёй удалося збегчы ад нямецкага канвою і пераехаць жыць на ст. Орша да сям'і сястры яе мужа. У лютым 1944 года, калі пайшлі чуткі, што жыхароў немцы будуць адпраўляць у лагер, яна з дзецьмі пераехала жыць на сваю радзіму ў вёску Хімы Аршанскага раёна Віцебскай вобласці, дзе зноў жыла з сельскай гаспадаркай.

Да канца жыцця бабуля мела ясны розум і добрую памяць. Вайну яна памятала, але не любіла распавядаць аб ёй. Пра немцаў і партызан яна мне паведаміла няшмат. Вёска Хімы знаходзіцца каля чыгункі Орша – Магілёў, якую немцы пільна ахоўвалі. Сапраўдныя партызаны прыходзілі ў вёску рэдка і ціхенька, каб не сутыкнуцца з аховай, надта людзям не шкодзілі. Немцы ў вёсцы стаялі добрыя, нічога асабліва дрэннага таксама не рабілі. Але аднойчы бабуля расчулілася і пачала казаць аб бандытах, якія абрабавалі іх уначы. Гэта відаць былі яе самыя набалелыя ўспаміны аб вайне.

Як пераехала сям'я да сястры бабулі Анастасіі ў Хімы, то неўзабаве ноччу рабаўнікі заперлі звонку хату і пачалі абшукваць гаспадарчыя памяшканні. Нехта мабыць выглядзеў, што людзі прыехалі і рэчы з сабой прывезлі. Мае праз акенца бачылі цёмныя постаці ўзброеных людзей, якія лазілі па двару, але зрабіць нічога не маглі, да і, хутчэй за ўсё, баяліся.

Варта адзначыць, што ў гады вайны людзі часцяком хавалі каштоўнасці (харчы, адзенне) не ў хаце, а ў копах сену, ямах, пунях і

г.д. Рабілася гэта наўмысна, бо хаты былі маленькія і стандартныя, у іх цяжка было прыхаваць нешта каштоўнае. Днём ў хаты маглі зайсці паліцэйскія, ноччу завітаць бандыты або партызаны і настойліва папрасіць ці проста забраць адзежу, ежу, якіх і самім не хапала. Усе магчымыя месцы схованак тутэйшаму люду былі вядомыя.

Той зімовай ноччу рабаўнікі пасля не надта доўгіх пошукаў знайшлі ў двары схованку з адзеннем, выцягнулі ўвесь прыхаваны скарб, у тым ліку касцюм майго дзеда. Гора было вялікае, бо цяпер не было матэрыі, з якой можна было сшыць што-небудзь на продаж. Дні праз тры вясковы мужчына прынёс гэты самы дзедавы касцюм перашываць да майстра, што жыў з маімі ў суседняй хаце, а працаваў на бабінай швейнай машыне. Бабуля пакруціла цыраваны яе рукамі пінжак і пры людзях сказала, што гэта ж «мужаў касцюм».

Сама Паліна не была вялікай майстрыхай, але сям'я мела каштоўную на той час прыладу працы – швейную машыну. Таму не дзіва, што ў Хімах знайшоўся не мабілізаваны працаўнік, які добра ўмеў шыць на ёй. Дзед, не дзед, але з распавяду бабулі выходзіла, што немаладога веку. Вось так дзве сям'і скаапераваліся і дзякуючы машынцы выжывалі. Здольнік працаваў на прыладах працы маёй бабулі. Заказаў хапала. А вось тканіны тады моцна не ставала. Людзі перашывалі ўсялякае рыззё, пераніцоўвалі рэчы па некалькі разоў, а плацілі за гэта харчамі. Дапамагала выжываць і праца ў прысядзібнай гаспадарцы.

Адна з вясковых кабет прыбегла на наступны дзень і ціхенька папярэдзіла сястру бабулі аб небяспецы: «Сама дурная, дык хоць бы дзетак пашкадавала». Анастасія сцяміла, што сястра адной фразай наклікала бяду на сям'ю, бо стала сведкам злачынства, і настрашыла яе. Бабуля, якая даведлася аб мясцовых парадках, не марудзячы пабегла да мужчыны, што прынёс касцюм. Пакуль ён хадзіў за канём пераворваючы палеткі, яна гадзіны тры цягалася за ім на краю поля, прабачалася ды казалася, што памылілася. Нарэшце той мужык сказаў: «Ладна, ідзі ўжо да дзяцей». Так быў улагоджаны самы небяспечны за вайну канфлікт. Мая маці і бабуля засталіся жывымі. Толькі і праз шмат гадоў не магла бабуля дараваць ўладзе тое, што пасля вайны рабаўнік зрабіўся партызанам. «Герой» насіў медалі і з гонарам распавядаў аб сваіх подзвігах.

Адразу пасля вызвалення бабулю, як настаўніцу, накіравалі ў Тарчылаўскую школу Яромкаўскага сельскага савета. Дзеці засталіся ў Хімах ў сястры. Першыя пасля вызвалення ад немцаў гады былі самымі галоднымі ў большасці рэгіёнаў усходняй Беларусі. Але

пашчасціла маёй маці, дзядзьку і бабулі тым, што дзед Яўген здолеў іх адшукаць і пераслаць свой афіцэрскі атэстат. Па яму сям'я атрымоўвала істотную дапамогу. «Тут мяне Якаўлевіч і адшукаў. Я яшчэ па атэстату палучала 850 рублёў, як зараз памятаю. Ён даслаў атэстат, а я ў ваенкамаце палучала. Так і жыла», – успамінала бабуля. Усё разам і дазволіла дачакацца ў 1945 годзе дзеда з вайны. У наступным годзе дзеда накіравалі дырэктарам Нікіцінскай школы Шклоўскага раёна. Там яны працавалі і пражылі ўсё жыццё.

Мая цётка па бацькоўскай лініі, Ядвіга Дзянісаўна Агеева, (Завадская) вайну згадвала таксама з нечаканага для мяне боку. Яна разам з маці, сёстрамі і цёткамі ў гады акупацыі пражывала ў пасёлку Коханава Талачынскага раёна. Бацька працаваў на чыгунцы і з пачатку вайны быў мабілізаваны. У маленькай хаце на пераездзе сабраліся ўсе сваячкі. Гаспадаркі амаль не было. А ў сям'і было больш дзясятка рознага ўзросту «дзевак» і ніводнага мужчыны, хаця б маленькага. Выжылі яны толькі дзякуючы нямецкай кухні. Дзетак адпраўлялі да кухараў, і дзяўчынкі сталі галоўнымі карміцелямі сям'і. Фашысты рэшткі ежы аддавалі «кіндарам». Вось толькі назваць гэтых «фашыстаў» фашыстамі цяжка, бо «толькі дзякуючы ім мы і выжылі!» – казалі цётка.

Гэтыя ўспаміны, якія не ўкладаліся ў уяўленні савецкага студэнта гістфака аб жыцці пры немцах, падштурхнулі мяне распытаць і іншых сваякоў аб вайне.

Мая маці, Святлана Яўгеньеўна Агеева (Шышакова), нарадзілася ў 1941-м і вайну амаль не памятала. Урэзаліся ёй у памяць толькі лагодныя да яе адносіны маладога нямецкага салдата, які гладзіў яе па галоўцы і частаваў цукеркамі ў Хімах. Бялявыя валасы маленькай прыгожай дзяўчыны мабыць выклікалі ў яго ўспаміны аб нямецкіх дзетках. Яшчэ яе цётка Анастасія згадвала, што пры немцах на маю маці – тады маленькую дзяўчынку – акупацыйныя ўлады нарэзалі палосу зямлі, як на едака.

Успаміны па бацькоўскай лініі былі не такія шчымлівыя. Мой дзед, Іосіф Емельянавіч Агееў, як і дзед Яўген, таксама быў прызваны ў войска яшчэ да пачатку вайны і вярнуўся з фронту толькі ў 1945 годзе. Ваяваў ён дарэчы і на фінскай вайне. Дэмабілізаваўся дзед са ўзнагародамі ў чыне капітана, чым заўжды ганарыўся. Калі дзяды сталі сватамі, то любілі выпіць чарку за Перамогу і цешыліся, што яны такія баявыя і роўныя па франтавому статусу.

Жонка дзеда, Зінаіда Сямёнаўна Агеева (Галубоўская), разам з трыма сынамі Анатолям, Рыгорам (маім бацькам) і Валянцінам

засталася ў горадзе Шклове Магілёўскай вобласці ў вялікай не так даўно пабудаванай хаце. Як падышлі немцы, то народ пацягнуўся ў эвакуацыю. Разам з суседзямі пагрузіла баба Зіна пажыткі на калёсы і паехала з дзецьмі на ўсход. Вось толькі далёка яны не ад'ехалі. Недзе пад Горкамі немцы іх перахапілі і павярнулі назад. Па вяртанні ў Шклоў іх чакала бяда – камсамольцы і вайскоўцы перад уцёкамі спалілі кінутыя хаты. «Шклоў выгарэў да Рагаткі. Прышлося нам усю вайну жыць на Ганчарнай (у сваякоў, ці чужой хаце невядома – аўт.). Людзі, што засталіся, свае дамы падпаліць не далі. Баранілі хаты ад тых камсамольцаў. Нашто мы з'ехалі? Мы і пасля вайны такой вялікай хаты не пабудавалі», – з гаркатой памінала яна.

Немцы абвясцілі абавязковую працоўную павіннасць. Усё насельніцтва павінна было вярнуцца на даваенныя месцы працы. Бабулі зноў прышлося працаваць у гарадской бальніцы, за што праз многа гадоў дзед пад кепскі настрой мог абазваць яе прыслужніцай фашыстаў. Дарэчы, у пасляваенных анкетах амаль усім беларусам з гарадоў прыходзілася ўказваць, што сваякі працавалі ў перыяд акупацыі. Гэта было пэўнай плямай на біяграфіях іх і іхніх сем'яў.

Пра немцаў нічога асабліва кепскага бабуля, бацька і яго браты не распавядалі. Наадварот, афіцэр, што кватараваў у іх, быў культурны, выхаваны. Ідылія скончылася, калі старэйшы сын Анатоль сцягнуў у немца пісталет. Навошта ён гэта зрабіў, цяжка сказаць. Беларускія хлопцы нярэдка кралі ў немцаў ежу, прысмакі, за што іх немцы страшылі, збівалі, а часам каралі і больш сурова. Пасля знікнення пісталета ўсю сям'ю паставілі да сценкі і пагражалі расстрэлам. Усе страшна перапалохаліся, але абышлося, бо дзядзя Толік прызнаўся ў крадзяжы, вярнуў зброю і атрымаў свой выспытак.

Яшчэ адна трагедыя магла здарыцца з маім бацькам Рыгорам Агеевым. У двары, як водзіцца, быў сабака. Ён быў добры да сваіх, але «нямчуру» чамусьці не любіў і заўжды аблайваў. Ці то чужыя пахі, выгляд формы незнаёмы, мо што іншае? Сабака ж не распавядзе. Як смяялася баба Зіна, «беларускія сабакі не любілі немцаў». З-за гэтага вайскоўцы багата сабак пастралілі. Так здарылася і з нашым сабакам. Ён кінуўся брахаць на немца. Той выхапіў зброю, а мой бацька, які дужа любіў пса, з крыкам «не страляй» кінуўся прыкрываць сабой сабаку. У гэты момант і прагучаў стрэл. Сабака быў забіты на вачах мальчика, а мой бацька, які зусім крыху не даскочыў да яго, быў лёгка паранены.

Крыўдай бацькі была яго вучоба ў нямецкай школе. У Шклове, як і ў іншых гарадах і многіх вёсках, немцы адкрылі так званыя

«народныя школы». Навучацца ў школах былі абавязаны ўсе дзеці з 7 да 14 гадоў, акрамя дзяцей яўрэйскай нацыянальнасці. Для настаўнікаў была ўведзена працоўная павіннасць. Школы былі пачатковыя і з сямігадовым тэрмінам навучання. У іх выкладаліся руская, нямецкая, беларуская мовы, матэматыка, радзімазнаўства (у ім сцвярджалася, што сталіца нашай Радзімы горад Берлін), геаграфія, біялогія, спевы, маляванне, фізічная культура, садоўніцтва і рамёствы. У праграме па беларускай літаратуры засталіся творы М. Багдановіча, Я. Купалы, Я. Коласа, Т. Гартнага і іншых пісьменнікаў. Бацька вучыўся ў школе як заўжды добра. Але пасля вяртання савецкай улады год адукацыі пры немцах у сямігодцы не быў залічаны, і яму прыйшлося пераросткам паўторна вучыцца ў тым жа класе і праходзіць ужо вывучаныя прадметы. Больш за ўсё яму было крыўдна, што ён згубіў адзін год для паступлення ў ваеннае вучылішча.

Аднаго сына бабы Зіны – майго бацьку – немцы цудам не забілі, другога – Валіка – выратавалі. У малодшага сына бабулі Валіка ў вайну быў «заварот кішок». Дзяцёнак ужо канаў, калі баба на калёсах павезла яго ў Магілёў, дзе нямецкі доктар у бальніцы зрабіў яму паспяховую аперацыю. Чымсьці бабка заплаціла за тую аперацыю. Цёця Галя – жонка дзядзі Валіка – не змагла дакладна ўгадаць чым, але заплаціла. У выніку мой дзядзька пражыў доўгае жыццё, разам з жонкай выгадаваў сына і дачку.

Успаміны маіх сваякоў зламалі мае стэрэатыпныя ўяўленні аб жыцці ва ўмовах акупацыі і падштурхнулі да даследавання тэмы. Сёння яны мне ўяўляюцца этнаграфічнай крыніцай, якая раскрывае механізмы выжывання ў гады акупацыі беларускага насельніцтва. Калі падсумаваць з чаго жылі ў вайну мая радня і сваякі, то атрымоўваецца разнастайная карціна: з сельскай гаспадаркі ў вёсцы, з дапаможнай гаспадаркі ў горадзе, з аплаты за працу ў бальніцы, дзякуючы наяўнасці швейнай машыны, дзякуючы дапамозе немцаў у Коханава, перасылцы афіцэрскага атэстату ў самыя галодныя гады пасля вызвалення. Гістарычная памяць сям’і таксама паказвае неадназначнасць і супярэчлівасць паводзін акупацыйных войск і партызан ў гады Вялікай Айчыннай вайны.

*Падрыхтаваў да публікацыі
Агееў А. Р.*

Я ДОЛГО НЕ НАВИДЕЛА НЕМЦЕВ

Воспоминания Александры Сергеевны Аликберовой

Проходит время и война для поколения, рожденного в конце XX века, остается в памяти, как рассказ о тех событиях наших дедушек и бабушек. У каждого человека найдутся воспоминания о военном прошлом. Но многие потомки, в том числе и я, осознали значимость тех событий, когда повзрослели, а рассказывать о пережитом стало некому. Однако остались люди, которые во время войны были детьми. Вот моя тетя, Аликберова (Коржавина) Александра Сергеевна, 1935 года рождения, пронесла через всю жизнь детские воспоминания о событиях, пережитых в те далекие военные годы.

«Воспоминания о войне... Пожалуй, это не воспоминания о войне, а память о ней. Эти события живут во мне постоянно, всегда. Вероятно, потому, что мое осознание собственного «я» и окружающей среды начинается именно с войны.

Мне пять лет. Лето. Город вдруг по вечерам стал темным: не горел свет в окнах домов, не было и уличного освещения. Светомаскировка, город погрузился во тьму. На улицах много одинаково одетых людей (по моим ощущениям – в серое): в городе много военных. Война. По радио объясняют, как себя вести при обстрелах. Люди роют всякого рода укрытия – окопы, щели, что-то еще.

Все время оккупации я провела с дедом и бабушкой в Могилеве. Меня к ним привезла мама в 1937 году после ареста отца, чтобы как-то уберечь меня, если и ее арестуют как жену «врага народа». Мама жила в Бобруйске и оттуда попала в эвакуацию после бомбежки Бобруйска, везли их сначала в Сталинград, затем в Уфу, где она работала почти до конца войны на заводе, где изготавливали авиационную фанеру.

Мы жили на улице, на которой и сейчас находится старая городская больница. От нее шли две улицы, одна из них – параллельно Подниколью, затем поворачивала налево к Машековке, по ней и сейчас можно выйти к кинотеатру «Родина». Мы жили в том месте, где сейчас смотровая площадка. Здесь были в основном одноэтажные и двухэтажные деревянные дома. Место это издавна называлось Костерня. Когда начали рыть окопы, находили много человеческих костей, что оправдывало название места. На костях...

У нас с соседями тоже был окоп, вернее, блиндаж. Он был на той же улице, где мы жили, только ближе к Машековке, в большом

саду. До революции он назывался садом Саульской. Да и перед войной его еще называли так.

Город долго не сдавался, обстрел был, кажется, больше месяца. Метрах в 20-ти от нашего блиндажа установили зенитку. Взрослые боялись, что немцы, целясь в зенитку, могут попасть в наш блиндаж. Шел бой. Вдруг стало тихо. И наша зенитка замолчала... Кто-то вошел в блиндаж и сказал, что наши части оставили город. Взрослые заплакали в голос...

Из окопа вышли в непривычную тишину. Тихо, пусто, необычно... Страшно... Ощущение опасности до дрожи. Меня стал бить озноб. Дед (Авраам Митрофанович Пусков его звали) мне сказал, как взрослому человеку: «Не бойся. Будет, как будет, как Бог даст». Мы стояли на нашей улице и с горы смотрели на Подниколье вдоль Днепра и влево на железнодорожный мост. Там вроде бы и пусто.... Но, присмотревшись, я уловила неспешное, направленное движение сплошной зеленой массы. Когда поток несколько приблизился, это оказались немецкие солдаты. Не торопясь, с закатанными по локоть рукавами и расстегнутыми воротниками они вошли в город. И враз все изменилось! Стало шумно и тесно. Они заполнили дворы и дома (было много брошенных домов), стали располагаться в соответствии со своими нуждами, привычками, желаниями. Все это делалось весело, энергично, шумно. В город вошли армейские части. Они были к нам, очевидно, враждебны. Они нас просто не видели. Мы для них были в полном смысле слова ничем, пустым местом. Они вели себя хозяевами, уверенно; они смотрели на тебя, смотрели через тебя, смотрели мимо тебя. Тебя нет и быть не может, если им не нужны твои услуги. Это было очевидно и очень страшно.

Всех мужчин от 16 до 60 лет увели куда-то. Уже и не надеялись близкие увидеть их вновь. Увели без всяких слов, без всяких объяснений. И это тоже было страшно. К нашей радости через три дня мой дед и соседский мальчик 16 лет вернулись и начали носить воду (ведрами на коромыслах) из Днепра на нужды немцев. Водопровод был выведен из строя и воду им носили с утра до вечера. Немецкая армия мылась, стирала, варила, все время требуя воду.

Завоеватели оставляли после себя кучи мусора, где стояли, шли или сидели, там и бросали все, что хотели выбросить. Они вели себя так по-хозяйски, по-барски, с таким безразличием к нам, местным, что это не просто унижало, а уничтожало человека. Вся живность во дворе была выловлена в пользу немецкой армии. Население

рассматривалось ими как прислуга, обязанная быстро, без промедления, выполнять их распоряжения, желания, намерения.

Я не могу выразить всю меру унижения, уничтожения, исходившую от них, теми словами, которыми сейчас пользуюсь. Состояние души было более тяжелым. Меня это состояние долго тревожило, мучило, лишало уверенности в себе. Ты же никто и ничто! С годами, взрослея, я понимала, какое будущее нас ожидало... Уже гораздо позже, будучи взрослым человеком, я нашла в белорусском языке слово «зневажаць». В моем понимании этот глагол объясняет глубинное, тотальное и всеобъемлющее неуважение к человеку, уничтожающее личность (в русском языке по силе и глубине смысла аналога этому слову я не нашла). Это чувство, владевшее мною тогда в оккупации, я бы назвала крайней незащищенностью, потерянностью. Как-то так...

Через несколько дней пошли всякие распоряжения и указы, в основном о том, что нельзя. Все это расклеивали на стенах домов, на заборах. В начале осени стали сгонять евреев в какое-то место, не знаю, где оно было. Еще раньше мы видели иногда человека, идущего по улице с желтой шестиконечной звездой на одежде сзади. Но это было очень редко. Страх евреев был намного сильнее нашего. Только теперь, с возрастом, я понимаю, какой леденящий ужас был у них в душе. Подпольщики какими-то тайными дорогами выводили из города еврейских детей. Для этого нужны были метрики (свидетельства о рождении) русских детей. Наверное, чтобы пройти отдельные прикормленные немецкие посты, где были какие-то договоренности. Может быть так. Наши с сестрой метрики были использованы именно для этого. По ним из города вывели двух соседских девочек. Мы после войны с ними встречались, они приезжали в Могилев, надеясь что-нибудь узнать о своих родителях. Те погибли в гетто.

Потом были расстрелы... Часто... Это наводило ужас... Сначала жертвами стали евреи. Затем в городской больнице (той старой довоенной) обнаружили, что врачи выхаживали русских раненых под видом обычных больных. Врачей казнили повешением. Публично. Их все в городе знали, у них лечились. Это была единственная больница в городе.

Я во время оккупации жила в узком кругу своих впечатлений: двор, крыльцо, дом. А городские новости приходили от деда, который случившееся принимал очень тяжело, что было видно даже мне. Он с крестьянской смекалистостью все подмечал и хорошо знал, что в городе было: события, слухи, разговоры, оккупационные требования.

Все знал, все оценивал и делал выводы. Увидев, что обед немецкого солдата состоял из горохового супа и манной каши с капелькой повидла, сказал, что с таким рационом эта армия скоро «съест» весь город. Так оно и случилось: домашняя живность городских жителей быстро была уничтожена. Как-то я слышала разговор взрослых, и дед сказал, что будет еще хуже, но не всегда, будет конец. «А потом?» – спросили его. «Потом будет как с Наполеоном», – ответил он. Я не знала, кто такой Наполеон, и поэтому запомнила сказанное. А потом, уже после войны, взрослея, я гордилась дедом.

А дед мой тяжело заболел гнойным плевритом и, понимая, что в условиях неустроенности, голода и холода бабушке не вытянуть нас двоих, покончил жизнь самоубийством... Так что я живу сейчас благодаря его жертве в глубоком безмерном долгу перед ним. Светлая память... Этот его поступок, конечно, изменил мою психику, дав понятие о хрупкости бытия, жертвенности, сакральности.

Уже зимой 1941–1942 гг. по городу стали ходить наши пленные. Лагерь военнопленных находился там, где сейчас на улице Шмидта мемориал. Пленных, как я поняла, в лагере не кормили, а выпускали в город добывать пропитание у населения. Если кто-то из этого похода не возвращался, расстреливали 10 человек пленных. К нам приходил очень молодой человек, юноша. Бабушка давала ему сало и картошку, хлеба у нас уже не было. С наступлением больших морозов он перестал бывать у нас. Бабушка о нем очень горевала.

К весне все, что оставалось от довоенной жизни, израсходовали (сало, картошку, овощи). Наступил голод. Постоянный, неотступный. Дед мой ходил на рынок и там за всякие мелкие услуги, как-то: напоить лошадей, снять груз с телеги, убрать торговое место и другие, приносил кое-что из продуктов, которых часто не хватало. Ели молодые листья липы, сныть, лебеду, щавель, что находили...

В годы оккупации была еще в городе большая беда, унесшая много жизней. По-моему, это 1942 год, но могу и ошибаться. Прорвало какие-то сооружения в верховье Дубравенки. Вода быстрым и сильным потоком пронеслась по руслу, унося к Днепру людей, скот, пожитки и даже строения. Тогда погибло много людей.

Мы первую военную зиму жили в очень холодном доме. Стены не держали тепло, дров не было, а первая военная зима была очень холодная. За ночь вода в ведре покрывалась коркой льда. У меня опухали и местами гноились колени и руки. Дед мой, достав кое-какие продукты, пошел со мной к немецкому врачу или фельдшеру. Тот, махнув на меня рукой, не жилец, мол, все-таки какую-то мазь

дал. Ею смазывали больные места по краю. Вскоре пришла весна, и я грела руки на солнце через оконное стекло. И почти до совсем уж теплых дней я держала руки в ватных мешочках, сшитых по размеру, а чтобы верх не касался рук, в мешочки вставляли палочки-подпорки. Руки к концу лета зажили, но еще много лет сильно болели и синели на холоде. Колени – тоже, но меньше (только годам к 35–40 я их подлечила барсучьим жиром).

Мы совсем не знали что там, на нашей стороне. Слухи доходили редкие и противоречивые. Их жадно ловили и передавали друг другу. После очень сильного налета на город нашей авиации, когда было много жертв и разрушений, вместе с горем утраты пришла и надежда: «Наши!».

Освобождали город тяжело, с большими потерями солдат и офицеров. Сразу после освобождения по городу пошла корь. Ослабленные годами оккупации дети тяжело болели. Я тоже долго болела и очень долго и тяжело выздоравливала.

А первого сентября мы пошли в школу. В первом классе учились и те, кому было 7 лет, и те, кому 10, даже 11 лет, потому что при немцах школ не было. Во всяком случае, я о них не слышала.

Дальше все пошло своим чередом: голодно, холодно, но уже спокойно. Завели огород, стало чуть легче. Жизнь входила в мирное русло. Воссоединились все родные в 1944 году, после освобождения города. Отец, проведя в лагере 7 лет, был комиссован по состоянию здоровья и умер по дороге из лагеря в г. Ейск, куда его направили.

Очень долго я ненавидела немцев. Всех – и медсестер, в серых фирменных платьях; и солдат в зеленой и черной форме; и тех, кто бросал свои боевые знамена на землю в День Победы (я это видела сама); и тех, о ком читала, кто зверствовал на нашей земле, в лагерях; и тех военнопленных, кто отстраивал в первые послевоенные годы развалины Могилева. Эта ненависть стала уходить, отступать через много лет, только после того, как я узнавала, что все немцы (все, нация) считают себя виновными в том необъятном горе, которое несла людям их армия. Я узнала, что раскаяние – это не только официальная позиция, но позиция каждого, личная. Стали выплачивать компенсации узникам, еврейские семьи получали от немецких семей посылки, завязывались добрые отношения... Это принесло мне некоторое облегчение. Я поняла, что это уже другая нация... Но себя в душе я до конца не преодолела. Не получилось...».

*Подготовила к публикации
Тарасенко А. А.*

Я СТАЛ СОЛДАТОМ НАШЕЙ АРМИИ

Воспоминания Ивана Тихоновича Башаримова

Родился я 17 мая 1923 года в деревне Кутня Чаусского района Могилевской области. В июне 1941 года я окончил с отличием Хацковичскую среднюю школу, получил похвальную грамоту. У меня были большие планы, но началась война, и все мои планы рухнули.

Наши войска быстро отступали, и уже 2 июля 1941 года мы оказались на оккупированной территории. Я остался в оккупации. Наша воинская часть была окружена. Были брошены легкие танки, гаубицы и много стрелкового оружия. Наши отступающие солдаты говорили, чтобы мы прятали винтовки, ручные пулеметы – они будут нужны партизанам. Мы обернули и закопали 4 ручных пулемета, 13 винтовок и много патронов.

Нас (наши же) выдали полиции в 1942 году. Меня сильно били, ставили к стенке, рядом стреляли, требовали оружие. Я говорил, что не знаю, и не выдал, где спрятано оружие (оно ушло партизанам).

В июне 1943 года я ушел в партизанский отряд № 128 (нас называли Свистуновцами). Наша бригада (14-я) базировалась на границе Чаусского и Славгородского районов (деревня Долгий Мох, Усушек, Хоронево и несколько других). Мы не прятались в лесах, в занятых нами деревнях не было никаких полицаев, никакой немецкой власти.

В августе 1943 года (по данным нашей разведки) из Чаус должны были выйти на нас фашистские каратели. Мы их встретили, когда они шли маршем к нашей зоне. Все до одного фашисты были уничтожены. Больше к нам каратели не ходили.

В конце сентября 1943 года мы должны были уйти на соединение с нашей армией. Нужно было уничтожить полицаев, которые собрались в деревне Войнилы недалеко от железнодорожной станции Реста. Ночью все полицаи были уничтожены.

Мы ушли на соединение с нашей армией, шли ночью, дня три–четыре. Подошли к деревне Студенец на реке Сож, это ниже Славгорода километров 15–20. Спрятались в лесу недалеко от деревни. Это было 25–27 сентября 1943 года. Ночью были уничтожены немецкие часовые. В каких зданиях размещались немцы,

нам сообщил местный житель. Мы начали штурм, очень много было убито немцев. На лодках, плотках, которые подготовили местные партизаны, мы форсировали реку Сож. Здесь мы уже встретили наших солдат. Это уже был октябрь 1943 года.

Здесь я стал солдатом нашей Советской Армии. У меня даже есть справка, что я действительно состоял на военной службе в 1020 ст. п. в 3-м стрелковом батальоне в 7-й стрелковой роте. Здесь я воевал с ручным пулеметом. Нас немного подготовили: показали, как окапываться, вести штыковой бой, маскироваться, как наступать в бою.

Первым для меня был бой, когда нужно было форсировать реку Сож напротив деревни Студенец, где уже была оборона немцев. На реке Сож была построена сапёрами переправа, была проведена хорошая артподготовка. Мы форсировали с боями Сож и заняли плацдарм. Нас контратаковали немцы, против нас шли танки, нас бомбили бомбардировщики. Тяжёлый был бой. Много погибло наших солдат. Мы жгли немецкие танки, было уничтожено много немцев. Плацдарм мы отстояли. Затихли бои.

Через несколько дней часть солдат 3-й армии (командовал 3-й армией генерал Горбатов А. В.) была перебросена ночью на реку Проня (севернее Славгорода), где нужно было форсировать реку напротив деревни Красная Слобода. С боями мы заняли деревню. Немцы нас контратаковали, но все их атаки были отбиты. Это был удар по немцам с фланга по их обороне на реке Сож.

У деревни Красная Слобода мы встретили 26-ю годовщину Октябрьской революции. Здесь я получил подарок от командира батальона, от жителей Смоленщины (наша дивизия освобождала Смоленск). Здесь шёл разговор, что затихнут бои осенне-зимнего наступления и меня пошлют в тыл на подготовку младшим сержантом.

Недолго было тихо. Началось всеобщее наступление. Немцы бежали на Запад, мы не давали им возможности занять оборону. Во второй половине ноября (мы не знали дней) 1943 года наша 269-я стрелковая дивизия под командованием полковника Кубасова (я был в этой дивизии) ночью с ходу овладела городом Журавичи.

27 ноября 1943 года в бою у незнакомого поселка я был ранен. Разрывная пуля выбила мне левую часть верхней челюсти. Это было очень тяжелое ранение. Я лежал в госпиталях в Климовичах, Брянске, Нижнем Новгороде. В начале 1944 года выписали из госпиталя «нестроевым». Работал в тыловых частях, на испытательном полиго-

не, потом в хоззвезде (охраняли лагеря бывших военнопленных). Демобилизован 27 ноября 1945 года как «нестроевой».

В 1946–1947 годах учился в университете в Минске, заочно. В 1953 году окончил Могилевский пединститут. Работал учителем в школах БССР и СССР 40 лет. Был завучем, директором. Я сейчас на пенсии, инвалид войны.

Мои награды: медаль «За отвагу» в боях за Родину на фронте; в честь 40-летия Победы советского народа в ВОВ 1941–1945 годах, за храбрость и мужество, проявленные в боях, награжден орденом Отечественной войны I степени. Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и еще 8 различных юбилейных медалей (медаль «65 год вызваления Рэспублікі Беларусь ад нямецка-фашыстскіх захопнікаў», медаль «Ветеран труда»).

21 июля 2010 года получил удостоверение и грамоту «Почетный гражданин муниципального образования «Зеленоградский район».

*Подготовил к публикации
Носиков А. С.*

ВОЙНА ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ

Воспоминания Татьяны Ивановны Белоусовой

Я помню, как уходил папа на фронт. Это было 21 июня 1941 года. Жили мы не в самом городе, а в посёлке Кисловка. До войны отец работал машинистом на железной дороге, а мама заботилась о семье. Семья у нас была большая: семеро детей, папа, мама и бабушка.

Через наш город проходил фронт: постоянные бомбёжки днем и ночью, поэтому мама собрала все вещи на тележку и мы ушли в лес. Нам было очень трудно жить в лесу, поэтому, когда начались холода, мама пошла в деревню недалеко от леса проситься перезимовать. В одном из домов нас приютили, хотя в этом доме уже было 2 семьи, которые спали на полу. Жили мы в постоянном страхе. Недалеко от нашего дома был цементный завод, узловая станция и луг. При бомбёжке цементного завода в домах вылетели все окна. На узловой станции падали с рельсов поезда. На лугу было много мертвых и раненых солдат. Мы, как могли, оказывали помощь раненым.

Однажды, когда фронт уже отошел от нашего города, по дороге немцы гнали русских пленных. Отец не написал ни одного письма с фронта, и мы не знали что с ним, поэтому мы бегали и искали его

среди пленных. Недалеко от дороги росла свекла и капуста. Мы рвали их и бросали пленным. Отца мы так и не увидели и возвратились домой в деревню. А когда мама узнала, что сжигают наш посёлок, она собрала самых старших из нас, и мы пошли к поселку в надежде, что нас пожалеют и не сожгут наш дом. Когда мы подошли, было уже поздно – весь посёлок горел пламенем. Со слезами на глазах мы вернулись в деревню. Долго жить в деревне мы не могли, сделали землянку и жили там до окончания войны.

У нашего отца был брат Прокоп, у которого осталась целая баня. После того как отец возвратился с войны в 1945 году, он сделал в бане настил в два яруса для 13-ти человек. Из них пятеро были школьниками. Учиться было очень тяжело: вместо стола была бочка, накрытая дверями. Света не было, вместо него была самодельная лампа из патрона. Для учебы были нужны книги, а их у нас не было, и чтобы их купить, мы собирали металлолом. Так мы жили почти пять лет, пока отец не построил маленький домик.

Жили мы бедно, но дружно. Летом спали на улице. Мы все очень голодали и собирали, что было: гнилую картошку, зерновые колоски. Пололи у людей на огородах, чтобы они нас накормили. Недалеко от бани была воинская часть «Ракета». Там была очень большая свалка испорченных вещей. Старший брат сделал из дерева колодки и шил нам обувь, а зимой мы ходили в лаптях, которые плёл папа. Хлеб мы видели очень редко, так как его давали по карточкам, и стоять за ним нужно было очень долго, а пока донесешь его домой, кусок отломаешь, а мама скажет, что свою долю ты уже съела.

Война... Это страх и ужас, холод, голод и смерть каждый день.

*Подготовил к публикации
Зубанов А. Ю.*

ДЕТИ ВОЙНЫ

Воспоминания Ивана Антоновича Бибильникова

Когда началась война, мне было 4 года. Мы с матерью, старшим братом Николаем и сестрой Дуней жили в Каличенке. Наш дом стоял на краю деревни. Недалеко находился железнодорожный мост через реку Друть. Я помню, как нас, жителей всей деревни, согнали на поле, поставили пулемёты, и немецкий комендант, на ломанном русском, объявил нам о том, что наша деревня оккупирована.

Помню, как нас погрузили в какой-то вагон и куда-то повезли. У нас не было ни еды, ни воды. Вспоминаю, как моя мама поднимала меня высоко к потолку, и я облизывал железные детальки, на которых были капельки воды.

Оказалось, нас привезли в город Могилев. А потом погнали пешком. Моему брату Николаю удалось сбежать в лес (где он нашел партизан). С партизанским отрядом он был до освобождения Беларуси, а потом ушел в действующую Красную Армию. Был награжден орденами Славы 2-й и 3-й степени. Но это было потом... А на тот момент страшная действительность окружала нас. И никто не знал, что будет с нами дальше. Моя мать и сестра, как и другие женщины, работали на поле. А мы, дети, нас было много, как могли помогали им.

Я помню, что мне всегда хотелось есть... Ходили «по кусочкам», может кто что даст.

Наш дом сгорел, его сожгли немцы. Мы ютились у соседей.

Однажды я даже сходил в «разведку». К нам в хату пришли партизаны. И послали меня посчитать, поглядеть, где кто. Нас малых не трогали. Я и пошел. Запомнил, посчитал и рассказал....

Помню, как немцы бомбили, зачем-то сбрасывали бочки, которые страшно гудели. Было жутко.

Как сейчас стоит перед глазами: сидим с сестрой на завалинке, а немцы, убегающие из нашей деревни, что-то кричат на своем языке и стреляют по окнам. Теперь понимаю, что опасно было. Но нам же было интересно.

Вот так мы и жили. Это было мое детство. Мы были дети войны.

*Подготовила к публикации
Бибильникова Д. И.*

БЛОКАДНОЕ ДЕТСТВО

Воспоминания Нины Васильевны Бубновой

Без слёз невозможно вспоминать о том, что пришлось пережить нашим людям в годы войны. 900 дней и ночей мы жили в блокадном Ленинграде. Мне тогда было 11 лет, и жили мы всей семьёй: мама, моя старшая сестра Анна и младшая – Люся. Хотя слово «жили», наверное, в данном случае не подходит. Мы находились между жизнью и смертью. Сколько дней и ночей мы провели в бомбоубежищах, где рядом с живыми оставались трупы умерших! Их

не выносили по несколько дней – сил у живых не оставалось. К тому же на хлебные карточки умерших ещё день-другой члены семьи могли получать блокадный кусочек хлеба. Люди умирали на ходу, матери выбрасывали голодных детей из окон и следом выбрасывались сами. Они просто не выдерживали голодного плача детей. Продовольственные пайки в блокадном Ленинграде выдавали всю войну раз в десять дней. В самые тяжёлые дни на одного человека в день приходилось всего по 125 граммов хлеба. Однако многие изможденные люди съедали десятидневный паёк в первые 2–3 дня, а потом пухли от голода. Вот тут-то и проявила моя старшая сестра Аня всю твёрдость своего характера. Так получилось, что именно она распорядилась пайками. Полученное на десять дней продовольствие она делила на двенадцать частей, так как обычно выдачу пайков задерживали на несколько дней. Хлеб пекли не из чистой муки, а с примесями. Он был сырой и тяжёлый, пайки получались маленькие, на один зубик возьмёшь, а как хочется ещё! Каждый день мама варила суп с несколькими крупинками проса, умоляя свою старшую дочь добавить крупы, но та была неумолима. Зато мы выжили благодаря нашей дорогой старшей сестре. А ведь она была тогда всего лишь десятиклассницей. В те годы люди взрослели очень рано. Вскоре Аня ушла на фронт мстить за погибшего старшего брата, за муки своего народа. С боями прошла она до самого Берлина. И папа дошёл до Берлина. Домой они ехали в одном поезде, а встретились только после крушения поезда, когда выносили погибших. Чуть лбами не стукнулись. Вот такая получилась встреча отца с дочерью.

До сих пор блокадное детство больно вспомнить. Как-то раз мы после бомбежки пошли на кладбище, там вырыта широкая яма и туда складывали покойников. Малые дети лежали между взрослыми. Эту яму не зарывали, каждый день её наполняли всё новыми погибшими и умершими. Копать было очень трудно, да и некому, все ходили как сонные мухи, едва волоча ноги.

Пришлось видеть, как самолёт наш и немецкий шли на таран. Самолёт с крестом не выдержал и поднялся вверх, а в это время в его обнажённое пузо наш дал очередь и самолёт с крестом, обогнув дугу, упал в воду. Бывало, немецкий лётчик спускался на парашюте, но его тут же вылавливали. Это приходилось видеть, когда дома не было старших, во время воздушной тревоги мы, дети, выходили во двор и наблюдали за боем в воздухе.

А однажды после воздушной тревоги зашёл папа, спросил, почему я не в школе. Что-то не пускало меня. А когда пришла,

школьные мои подружки лежат мёртвые и многие учителя. Во дворе школы упала бомба. Тогда мы стали учиться в бомбоубежище. Сначала было хорошо в бомбоубежищах, стояли столы, графинные вазы, журналы, газеты на столах. А потом всё меньше и меньше их оставалось. Людей набивалось столько, что дышать было нечем. Вот тогда мама не стала нас водить в бомбоубежище. Бывало, сядем на кровать и ждём, когда тебя завалит кирпичами и упадёт крыша.

Очень тяжело вспоминать военные годы. В детской памяти остались зарубки на всю жизнь. Помню, как нас везли зимой на грузовых машинах по льду Ладоги. Это была дорога жизни для всех блокадников. Внизу лёд, а сверху вода. И тут, откуда ни возьмись, немецкий самолёт с чёрным крестом как начал строчить по колонне! Я закрыла ладонями лицо, потом посмотрела, первая машина наклонилась набок, только крики: «Спасите!». Многие тогда ушли под лёд.

Я очень благодарна своим родителям, которые на всю мою жизнь дали хороший пример честности, справедливости, доброты. А пример такой. Брать хлеб на карточки ходила в магазин я, так как магазин был рядом, через один квартал. В магазине нас всегда старшие ставили впереди себя, хотя сами еле стояли на ногах. Смотрю, в углу на полу лежат хлебные карточки. Чтобы незаметно поднять их с пола, я выронила свои карточки. Взяла я хлеб и побежала домой радостная. Прихожу домой, а у нас папа, он был военнообязанный, но служил тогда в Ленинграде. На второй этаж он поднимался от слабости на четвереньках. И мама последнее время очень трудно передвигалась, ноги были опухшие. А я такая радостная прибежала из магазина, показываю найденные карточки родителям. А родители мои вдруг заплакали, усадили меня и спрашивают: «И чему же ты радуешься, и как же ты будешь жить на свете, если, конечно, останешься живой, зная, что из-за тебя умерли люди, которые остались без этих 125 грамм? Иди и отнеси тому, кто их выронил, только продавцам не давай». Я так расстроилась. Спросила: «А как я найду тех, кто потерял?». «Кто потерял, – говорят, – будет искать». Вот и пошла я обратно в магазин. Стою и украдкой поглядываю по сторонам. Приходит женщина, руками разводит, что-то причитает, плачет. Подошла я, давай утешать, чтобы не плакала, так как многие плакали, потеряв родных, близких. Она и говорит мне: «Теперь мои дети умрут, я потеряла всё!». «А что потеряли», – спрашиваю. «Хлебные, – говорит, – карточки потеряла». Уж как она плакала, теперь, однако, от радости, когда я ей эти карточки вернула, не забуду

никогда! Вот какой пример подали мне мои дорогие, любимые родители, царствие им небесное, на всю мою жизнь: ничего не брать чужого. Умерли они в один год, когда мне было всего 25 лет, двое детей у меня в ту пору было, сыну Юрочке полтора годика, доченьке Надюшке 2 месяца. Мы гордимся своими детьми, у нас на Кубани ещё один сын родился, Володя. У нас уже 10 внуков и 7 правнуков. Мы прожили счастливую жизнь. Вот уже 58 лет вместе с мужем делим радость и невзгоды.

С уважением, Нина Васильевна Бубнова.

*Подготовил к публикации
Бубнов Ю. М.*

Я ВЕРНУЛАСЬ ДОМОЙ...

Воспоминания Иллии Никифоровны Букановой

Я, Буканова Иллия Никифоровна, родилась 14 января 1929 года в деревне Поляниновичи Быховского района Могилевской области. До войны окончила 5 классов местной семилетки. Воспитывалась в многодетной семье Никифора Егоровича и Полины Кирилловны Балоновых.

Родители трудились в колхозе. Я помогала им по хозяйству. Когда началась война, мне было 12 лет. Помню, когда поблизости Полянинович начались боевые действия, родители запрягли коня, и мы поехали в Слободу. Вместе с нами поехал дед. У чужих людей пожили недолго, прогнали они беженцев. Мы решили вернуться домой. Когда вернулись в Поляниновичи, нашего дома уже не было, остались одни головешки.

Хорошо, что заранее успели блиндаж выкопать, оборудовали его и стали в нем жить. Приехали немцы, во дворе поставили кухню. По деревне собирали у всех коров и убивали. Нас предупредили и мы свою корову спрятали.

Потом часть немцев выехала из Полянинович в деревню Искань. Немцы заставили ехать с ними деда. А отца схватили и посадили в гумно. Туда же согнали всех мужчин деревни – и старых, и молодых. Поставили вооруженного немца. Мама решила пойти туда и передать мужу еду. Собрала что было и пошла с нами, детьми, к гумну. Немец сначала не хотел слушать, но, когда до него дошло, что все семеро детей ее и что они пришли к отцу, подобрел и только кивал головой. И неожиданно для всех разрешил отцу выйти. Встреча была

настолько радостной, что мама заплакала, а вслед за ней и мы, дети. Немец тоже растрогался, наверное, и сам имел детей. Потом показал знаками, чтобы мы быстрее ушли из деревни. Но куда было идти? Решили временно спрятаться в большом болоте, за деревней Палки. Пошли туда, а там... мне и сейчас хочется плакать... мы увидели там столько убитых, с оторванными руками и ногами наших солдат, что у всех «поднялись волосы». В страхе мы кинулись прочь от ужасного места. Уставшие, мы вернулись в деревню. Начались морозы, метели. В холодном блиндаже жить было невозможно. Перешли жить в дом деда. Жить стало немного легче.

Однажды я гуляла у подруги Маши Андрейчиковой. Пришла мама и сказала: «Пошли домой, а то облава будет. Нужно прятаться». Пошли, а немцы уже по домам шныряют, молодежь забирают. Дошли и до нас. Старшая сестра Паша лежала больная, отец сказал немцам, что у нее тиф. Услышав слова «тиф», немцы сразу ушли от нас. Но местный житель, полицай, Шурка Горбачев, опять привел немцев в дом. У меня на руках была маленькая сестра Маня. Полицай вырвал сестру из рук, меня забрали и повели к школе, где уже собрали всю местную молодежь: Тарасенко Нину, Кублицкого Шуру, Ковалева Шуру и других.

Когда согнали всех, то посадили на сани и под охраной повезли в районный центр Журавичи. Около «дурного» болота бургомистр остановился вместе со старостой, мы стали проситься, чтобы нас отпустили домой и никуда не увозили. А они только оттолкнули нас.

Привезли нас в Журавичи. Здесь продержали с неделю. Потом приехали крытые грузовики, забрали нас и повезли в Кричев. Оттуда на машинах повезли до Минска. В дороге кормили баландой. Это чуть мутная водичка из очистков редьки и брюквы. У этой баланды был отвратительно дурной запах и вкус. Попадались и кусочки гнилой картошки или моркови с запахом керосина.

Запомнился мне в Минске вокзал – совсем плохой, как гумно. К вечеру, когда всех собрали, нас стали загонять в товарные вагоны. В вагонах ступенек не было, и нас толкали, как скот, под мат полицаев. Все кричали и плакали. Мужчины ругались. Во время следования двери вагонов не открывали, на улицу никого не выпускали, не давали воды. Маленькие окна вагона были забиты решетками. Вагоны были настолько забиты людьми, что лежать и сидеть было невозможно. Были маленькие дети, их нужно было укладывать спать, но где? Дышать было тяжело, не хватало воздуха. Туалета не было. Ехали долго.

Попали мы в небольшой городок Ульм. Высадили из вагонов и куда-то повели. Здесь мы увидели высокий забор, в несколько рядов обнесенный колючей проволокой. С первого взгляда мы ничего страшного не заметили. За забором простиралось широкое поле. Там был лагерь, было много мертвых. Нас разместили в бараках. Легли, кто где мог. Ночью слышали, как с другой стороны дощатой перегородки кто-то спросил: «Откуда приехали?» – ответили, что из Белоруси. «А мы из Украины», – услышали в ответ. Спать было невыносимо, так как откуда-то очень плохо пахло. Украинцы объяснили, что около стены барака имеется траншея, куда немцы бросают трупы узников. Посоветовали привыкать. Но привыкать не пришлось. Утром нас построили в шеренги, затем покормили баландой и вывели на улицу. Там стояли грузовики. На них и повезли дальше по Германии. Ехали долго. Остановились только в городе Зинген, недалеко от Швейцарии. Повели в концлагерь. Там покормили, разрешили помыться в бане. В баню я зашла с косой, а вышла без нее: стала расплетать, а коса отвалилась, волосы съели вши.

Началась тяжелая лагерная жизнь. Жили в бараках по 30 человек, спали мы на нарах. С нами, белорусами, были украинцы и русские. Рядом в бараках были итальянцы.

Работали мы на алюминиевом заводе. Первые три месяца сортировали бумагу. Работали по 8 часов. А ведь мне было тогда всего 13 лет. Затем перевели работать на станки. Работа была изнурительная. Ролики алюминиевой бумаги, которые были очень тяжелыми, нужно было поднять во весь свой рост и заправить в станок. Затем нужно было опустить ножи на центр и резать эту бумагу. Из нее делали тубики. Их паковали в ящики. Работали посменно: с 12 часов дня до 12 часов вечера. Ночная смена была самая тяжелая, спали почти на ходу. Часто шел брак, нужно было останавливать станок и по-новому перезаправлять. Вот так и работали. Помогали друг другу, помогали тем, кто работал рядом. Затем нам начали приводить учеников. Мне привели бельгийку. Мы с ней сдружились.

Кормили нас так: утром – черпачок супа, в два часа дня – баланда, вечером – скибочка хлеба, одна пареная картошка или две маленькие. Из одежды нам дали зеленый костюм с юбкой, а кому и платье. На левый рукав пришили белые ленты с черными номерами. С этого дня мы потеряли свои имена и фамилии. Нас называли только по номерам. На моей руке был нашит номер 1133. На ногах мы носили колодки (верх – кожа, низ – дерево).

За работу платили 5 марок. За них можно было купить только лимонад. А какой лимонад, когда хотелось кушать. Просили немок, чтобы втридорога купили кусочек хлеба.

Когда советские войска вошли на территорию Германии, немцы озверели. Они начали уничтожать наших военнопленных. Особенно большую их партию расстреляли около горы Гогентвиль. Немцы боялись, чтобы наши парни не взяли в руки оружие.

Однажды стали бомбить город Зинген. Немцы на всех заводах вывесили белые флаги. Всех стали грузить на машины. Никто не знал, куда нас повезут. Поднялась паника. Нам удалось убежать в лес. Потом перешли через границу в Швейцарию. В Швейцарии нас приняли хорошо. Благодаря Красному Кресту нас обули и одели. Здесь нас уже хорошо кормили. Мы не работали, только чистили для своего обеда картошку. Так жили почти полгода. И вот однажды раздалась сирена. Все испугались. Думали, что и сюда пришла война. Но швейцарцы выходили на улицы с красными флагами. Сказали, что война закончилась.

Нам дали сухпайки и отправили в Англию, а затем – к русским. Ехали на поезде, прямо на платформах. Через Германию приехали в Польшу. Там нас оставили на две недели в каких-то развалинах.

Потом уже узнали, что едем в Брест. Приехали в Жлобин, где нас чуть не расстреляли наши же солдаты. Немного позже мы вернулись в Быхов. Радости не было предела. Пешком дошли до Днепра. Наступила ночь. Возле самой реки жили мои сестрички, они пустили переночевать. Утром мы пошли домой. Так я вернулась в родную деревню. Это был сентябрь 1945 года.

После войны в деревню вернулся старший лейтенант Марк Буканов. Мы полюбили друг друга. Поженились. У нас появились дети: сын и три дочери. Марк Иванович трудился в школе, в пожарной части. Я работала в колхозе «Россия» полеводом, а с 1962 года – телятницей. За многолетний труд была награждена медалями и грамотами: медаль «За доблестный труд» (6 апреля 1970 года), медаль «Ветеран труда» (21 февраля 1984 года), знаками: «Победитель социалистического соревнования 1974 года» (14.04.1975), «Победитель социалистического соревнования 1977 года», «Ударник 11 пятилетки» (23.06.1985).

Посеченный осколками, с покалеченной (при штурме Кенигсберга) ногою, кавалер ордена Красной Звезды, Отечественной войны I степени и других боевых наград, мой муж рано ушел из жизни.

Все наши дети получили образование. Трудятся на благо страны. Сейчас я радуюсь успехам моих многочисленных внуков и правнуков. Проживаю с младшей дочерью Надеждой Марковной, которая трудится бухгалтером в Быховском отделе образования спорта и туризма.

*Подготовила к публикации
Кравцова А. С.*

ЭПИЗОДЫ ВОЙНЫ

Воспоминания Петра Иосифовича Верстака

Я, Верстак Пётр Иосифович, 1925 года рождения. Родом я из Зельвы (Польша). На фронт ушёл в 18 лет. Всех нас собрали, кого забирали на войну. Сначала меня зачислили в пехоту, но потом посмотрели, что я окончил шесть классов польской школы, отозвали из-под Белостока и послали на два месяца в школу радистов. Но я не доучился, пошли дальше на польские города Торунь, Быгдош.

А под городом Кольберг шли страшные бои, говорили, что там был маленький Сталинград. Шли бои за каждую улицу, за каждый дом, за каждый этаж. А плюс к этому на Балтийском море стояли немецкие броненосцы. Когда они открывали огонь с моря, то земля на берегу качалась под ногами. Наши артиллеристы, а служил я радистом в артиллерии, хотели ударить по этим броненосцам, но слишком они далеко были, и снаряды не долетали. А если бы даже и долетели, то пробить их броню не смогли бы.

Когда шли бои за реку Одер, то нас, радистов, перевозили на американской машине «студебеккер» (в ней мы и спали, даже на ходу спать могли, некогда было). Форсировать реку никак не удавалось. Немцы разбомбили железнодорожный мост, и над рекой свешивались железные перила и вагоны поезда. Наша артиллерия и две «Катюши» ударили – немцы сразу ушли.

После двухчасовой артподготовки началась переправа. Переправился я со своими хлопцами (я был сержант, под моим началом было три радиста) и вижу: танки немецкие идут. Это после такой артподготовки! Я быстренько по радиации передал нашим. Они опять ударили – всё вдруг потемнело, дым, гарь! Метрах в ста от меня рвались снаряды. Когда я поднял голову, то увидел, что пять танков горели, а остальные ушли. А нам приказ – переходить на другой объект. А как переправиться, переправа-то уничтожена. Огляделись –

какая-то лодочка стоит. На ней и поплыли. И только на середине реки увидели, что лодочка наша дырявая, вода всё прибывает. Давай мы воду вычерпывать, кто как мог. А течение на Одере посередине очень быстрое. Нас закрутило и прибило к перилам того разбитого моста. Кто успел – схватился за перила, вылез, а кто не успел, того закрутило и понесло.

Всю войну прошёл без единого ранения, слава Богу. Когда мать отправляла меня на фронт, дала с собой хлеб освящённый. Но сохранить его не удалось, конечно.

Когда мы подошли к Польше, то увидели там концентрационный лагерь Майданек. Немцы, которые лагерь охраняли, успели удрать с отступавшими войсками. Мы там увидели какие-то горы одежды, горы человеческих тел, что не успели сжечь, бочки с жиром. Тысячи барачков, колючая проволока, вышки. Немцы на пленных испытывали газ, смотрели, как они мучаются. Зрелище это страшное!

*Подготовил к публикации
Барановский Я. Ю.*

ТАК НАЧИНАЛАСЬ ВОЙНА

Воспоминания Марии Степановны Витер

Моя бабушка, Витер Мария Степановна, 1928 года рождения, родилась в деревне Зеленые Буды. Я неоднократно интересовался у своей бабушки о том, как проходила её жизнь в годы Великой Отечественной войны. Бабушка рассказала о первых днях войны, о первых эмоциях, потерях и о том, как все начиналось.

«Когда началась война, мне было 13 лет. Мы о войне не знали, жили по-прежнему, занимались своими делами. Война есть, но у нас в деревне её нет. Но немцы не заставили себя долго ждать. В один из хороших теплых дней августа отец отправил меня и моего брата на поле обрабатывать бураки. Мы собрались как обычно, но отец дал нам целый мешочек хлеба и сала, чего раньше никогда не делал. Крепко обнял меня и брата и сказал, чтобы мы шли. Довольные, мы с братом отправились на поле, но в голове крутились разные мысли. Почему отец собрал обед? Почему так крепко обнял? А мама была без настроения. Пришли мы на поле и принялись за работу. Прошло около часа и вдруг... Мы слышали какой-то странный рев моторов где-то вдалеке.

С поля было очень хорошо видно дорогу, которая вела в деревню поближе к хуторам. С каждой минутой звук становился сильнее, и в груди становилось тревожно. Рев усилился так, что мы обратили внимание на дорогу и увидели тяжёлую технику. Брат со страха прыгнул в канаву, а я легла в траву. Так мы лежали минут десять, пока не проехала вся техника. Пока я лежала, на душе было тревожно, и сердце стучало все сильнее и сильнее. Я поняла: вот добрались и до нас немцы!!! Теперь я моментально поняла смысл папиных действий сегодня утром. Тут мы услышали первые выстрелы, по телу пробежали мурашки, и во рту пересохло. Брат в панике кинулся в сторону хутора. Я догнала его и сказала, что домой идти опасно! Но все-таки пошли через свою посадку, там, где мало кто пройдет. Мы шли, и в голову лезли разные мысли. Выглянув из-за бугра, расположенного недалеко от нашего хутора, открылся вид на наш дом, все было спокойно – мы рванули к дому. Забежав домой, мы увидели отца, отчаянно смотревшего в окно, и маму, сидевшую около печи. Отец ничего не стал объяснять, сказал, что соседняя деревня оккупирована, дал ещё один мешочек с едой и сказал, чтобы мы шли в поле. Брат задавал много вопросов, но я обняла отца и маму и, взяв брата, ринулась обратной дорогой.

Пришли мы на поле, просидели там около двух часов. Со стороны деревни доносились многочисленные выстрелы. Уже смеркалось, и мы пошли домой. Мы пришли домой, отец обнял нас, и я понимала, что он чувствует какую-то опасность и заботится о нас.

На следующий день еще совсем было рано, когда отец разбудил нас и заставил идти в поле. Я не понимала, почему так рано надо было идти на работу, но уже предполагала, что все это из-за немцев. Взяв мешочек с едой, мы пошли. Мы работали, но на душе было как-то грустно и тянуло домой. Вышли из-за бугра и увидели, что на нашем хуторе какое-то движение. Мы присели, начали всматриваться. Это были немцы. Вот теперь меня охватил страх... Немцы выводили из наших сараев всякую живность, брали наши улья с пчелами и грузили их на свои машины. А когда я слышала выстрелы, у меня полились слезы ручьем, мой брат лежал и как будто не понимал, что происходит. Мы были за бугром около трех часов, в душе все перевернулось. Мы не знали, что делать и куда идти. К самому вечеру все притихло, мы пошли домой. Пока мы шли эти 500 метров до дома, в голове крутились мысли, и я не знала, что меня ждет там. Мы зашли в дом, и я увидела своего отца и маму целыми и невредимыми, я даже не обратила внимание на беспорядок (все шкафы были перевернуты,

мебель разбита). Отец обнял нас, и я почувствовала легкость. Мы легли спать в одиннадцатом часу. Уже в 4 часа отец разбудил нас, собрав очередной мешочек, сказал, чтобы мы шли в лес и домой вернулись только вечером, с осторожностью. Мы пошли в посадку, легли там ещё подремать, но вскоре проснулись от ужасных многочисленных выстрелов, которые уже были нам привычны, но все время пугали. Мы побежали к селу. Это все было любопытство и страх, но любопытство было сильнее, и в лес мы не побежали, как сказал отец, а были в посадке. Она тянулась от хутора к самой деревне. Не добежав, мы слышали страшные взрывы, я боялась, но бежала туда, где они были (не знаю, что со мной происходило). Смотрели на деревню и видели тяжело двигавшуюся колонну людей под конвоем немцев. Теперь мне стало настолько страшно, что сердце начало стучать все чаще и чаще, но я не могла плакать, потому что рядом был брат. Я видела, как немцы расстреливают людей, которые не хотят идти. Я знала, что эта беда движется и к нам. Мы побежали обратно домой, но техника была быстрее. И только добежав и выглянув из-за бугра, я увидела, что немцы уже на хуторе. Они выводили отца и мать и куда-то их вели. Брат начал плакать, я его успокаивала, но сама не плакала, чтобы показать ему пример. А сердце разрывалось за своих близких... А что же завтра?

Мне было страшно, все тело начало дрожать, но я не знала что делать и шла по посадке за конвоем и смотрела на своих родителей. Эта колонна людей дошла до перекрестка, где соединялись две деревни – Зеленые Буды и Коростовка. На этом перекрестке находился сарай – всех детей, женщин и мужчин и наших родителей загнали туда. Во мне все перевернулось, я не знала чего ждать дальше. Перед сараем выстроилась колонна немцев, и они вскинули автоматы (глядя на свою бабушку, я видел, как у неё начали капать слезы, – П. В.). Немец облил соляркой сарай. У меня внутри все перевернулось – слезы покатались сами, брат бил землю и рвал её руками. Немцы подожгли сарай!!! В моих глазах были отблески, а в ушах, словно плотный биток – я не понимала где я! Но через пару секунд мои уши не выдерживали криков, которые доносились из сарая: визги, крики, мольба о пощаде!!! Я не могу этого передать, помню, что в этот момент мне не хотелось жить, но рядом лежал брат, и я знала, что для него нужен пример. Я взяла брата за руку, не могла оторвать его от земли, он просто был в шоке. Ведь это ужас – видеть, как твоих родителей заживо сжигают! Я оторвала его от земли, и мы побежали в лес. Я бежала, а в ушах перемешивались те страшные

крики и стоны. Я плакала, мы бежали минут пять, потом устали и упали у ближайшего бугра. Я не знала, что делать дальше, но решила одно: нужно беречь брата и подать ему пример. Я вытерла слезы и стала сильной, а боль утраты и потери – все было внутри! Трудно было успокоиться, но я держалась, так как брат был младше, и ему нужна была поддержка.

Два дня и две ночи мы бродили по знакомым местам в лесу. Я в старой кофте для полевых работ и в штанах, брат тоже в рабочей одежде. Ночью мы ложились около дерева либо в кустах, брат засыпал у меня на коленях, а я не могла уснуть (несмотря на то, что я была измучена, в голове крутились мысли о том, что мы с братом одни и где-то есть сестра, но ей не до нас). Если я начинала засыпать, то тут же просыпалась от тех криков и стонов, которые не покидали меня и слышались ещё на протяжении многих лет.

Утром наше юное любопытство тянуло нас домой, где все наше родное и близкое. Выстрелов совсем не было слышно, видно, колонна прошла! И мы пошли домой через лес, но мы совсем устали идти по лесу и решили выйти на дорогу поближе к канаве, чтобы попить. Вот мы шли по дороге, шли несколько минут и совсем не разговаривали, просто у нас был шок. Каждый все переживал по-своему. Вдруг мы увидели вдали быстро несущуюся машину нам на встречу. Тут у нас возник спор куда бежать: в лес или в кукурузу. Времени спорить не было, а машина вот-вот будет около нас. Я бросилась в кукурузу. Васька не послушал меня и побежал в лес. Я не успела забежать, тут же легла и услышала, как раздалась автоматная очередь. Обычные выстрелы, к которым я уже привыкла. Я побежала за Васькой в лес. И только я вбежала в лес, как мое сердце разорвалось на части: я увидела самую ужасную картину в своей жизни, в глазах потемнело и стало плохо до тошноты. Я увидела брата, лежащего на животе, а на спине запекшиеся следы крови!!! Я упала, подползла к брату, обняла его и начала плакать и кричать со всей силы, я кричала, как могла. Я прокляла всех немцев, и эхо меня поддержало!!!

Теперь я была в отчаянии и не знала что делать. Мне было до боли плохо, все навалилось, я была в шоке и просто плакала. Потом слезы кончились, и я без всяких надежд пошла в сторону нашего хутора. Теперь мне не было страшно. Я прикрыла тело Васи ветками. Решила зайти домой и пойти в деревню за конем, чтобы похоронить своего брата.

Я зашла домой, поцеловала икону Божией Матери и вновь всплакнула. Залезла в погреб, взяла сало и хлеб – туда немцы не

добрались. Отправилась по хуторам, вокруг царила тишина, она угнетала меня. В ушах перепутывалось все: крики, стоны, выстрелы... Многие хутора представляли собой горы пепла или догорающие постройки. В это время у меня впервые сложилось впечатление о том, кто такие немцы и что им надо. От размышлений мне было только хуже, и я старалась совсем не думать ни о чем.

Я шла по хуторам и на одном из хуторов увидела людей. Я пошла к ним и мне было непонятно их поведение. Тетушка Татьяна и молодой парень Иван (я потом узнала их имена) вели себя совершенно спокойно и убирались на своем хуторе, словно ничего не произошло. Я поздоровалась и спросила, не собираются ли они уходить, убежать. На что я получила ответ: «Куда и зачем?». «От немцев к нашей армии». Тетушка тогда сказала, что бежать некуда, потому что война, а от войны не убежишь... Я стала жить с ними (с легкой улыбкой и слезами на глазах бабушка сказала, что тот молодой парень мой дед, и мне стало как-то грустно, потому что я не видел своего деда, но знаю о нем много хорошего, – П. В.).

Мы жили и работали. Ходили на поля, держали живность. Иногда проезжали немцы, тогда приходилось прятаться. Жизнь текла своим чередом. Я не то чтобы чувствовала себя взрослой в свои 13 лет, но поддержка со стороны Ивана делала меня более сильной и самостоятельной. Вот так проходили первые дни моей жизни во время войны. Но боль не стихала, она все также на протяжении многих лет жжет душу».

*Подготовил к публикации
Василевич П. М.*

БЕРЕГИТЕ МИР

Воспоминания Михаила Ивановича Гончарова

Родился Михаил Иванович 10 февраля 1926 года в деревне Заболотье. Был призван в ряды Советской Армии, когда ему исполнилось 18 лет, в 1944 году. На фронте призвали в гвардейский стрелковый Черниговский полк имени ордена А. Суворова. За заслуги зачислили в 76-ю Гвардейскую Краснознамённую дивизию в Восточной Пруссии. Участвовал в боях за город-крепость Копунь. Получил ранения в глаз, в руку, в ногу. После войны сразу же вернулся в родную деревню. Был назначен начальником почтового отделения в Мстиславскую контору. В этой должности он отработал

16 лет. Имеет награды: «За отвагу», «За Победу над Германией» и много юбилейных наград.

Из рассказа Михаила Ивановича:

«В 1944 году я пошёл на фронт. Попал в батальон связи, служил и защищал свою Родину от немецких оккупантов. Прежде чем попасть на фронт, нас, как новобранцев, обучали. Организовано было вроде учебки под открытым небом. Инструкторы обучали, как держать винтовку, как стрелять. Обучали как правильно окапываться. Учили как прокладывать связь между пунктами. Обучали также всех без исключения как наводить переправу. Здесь и строительные работы надо знать, и слесарные, и плотницкие. И вот из боевых позиций приехали так называемые «покупатели». Спрашивают: «Кто связисты? Нужно три человека». И вот, едва обученные первым навыкам, мы шли на фронт. До формирования мы наводили переправу, носили тяжёлые брёвна за несколько километров. Два бревна принесёшь – дню конец.

Потом нас определили в батальон связи. Бывало, идёшь на задание, а после вывода из строя кабеля велось прицельное наблюдение за нами немецкими снайперами или устраивались засады со стороны немецких войск для предотвращения ремонта кабеля на этом участке и захвата языка. И связистам был дан приказ в батальон связи, что, когда идём на устранение повреждения, держать палец в кольце чеки ручной гранаты, для того чтобы в случае захвата в плен взорвать себя и уничтожить немцев. Так что каждый выход на ремонт кабеля мог быть для связиста последним. Один из эпизодов я хорошо запомнил. Это было в лесу. Немцы перерезали кабель между батальоном и ротой. Вот собрался я налаживать связь. А в это время ехала повозка из роты в батальон. Только она въехала на мост, как немцы выскочили из-под моста, напали сзади и убили ножом водителя, а сами спрятались под мост. Я в это время был за кустами и выстрелил из карабина под мост. В немцев, видать, всё-таки я попал, а потом наладил и связь.

28 февраля 1945 года наши войска уже освободили советскую территорию и погнали немцев дальше, освобождая Польшу. На польской территории в лесу при наступлении советских войск на Германию я с моим другом Карповым Михаилом, напарником, выполнял боевое задание. Необходимо было наладить связь с группой бойцов огневой позиции. Я вышел из роты на ликвидацию порыва провода. Нашёл порыв и наладил связь. А из батальона вышел навстречу бывший сосед мой, Карпов Мишка. Задание мы

выполнили. Карпов попросил меня закурить. И только я достал папиросы, как начался артобстрел и мы попытались укрыться в воронках, услышавши свист летящего снаряда в нашу сторону. Осколками разорвавшегося снаряда меня тяжело ранило. Один из осколков выбил мне правый глаз, а остальные осколки, летящие в нашу сторону, изрешетили плечо, спину и руку, соседу моему попало в руку, в ногу и в голову, он не успел впрыгнуть в воронку. Делали операцию ему, череп пробило на 5 см. Меня перевязали артиллеристы, а потом забрала санитарная повозка и меня увезли в санроту. Я попал в госпиталь в Гомеле, а Карпова отправили в Москву.

Долго я лечился в госпиталях. Проклятая война отняла много жизней. Каждый раз, когда я вспоминаю о войне, у меня наворачиваются слёзы на глазах. Через мои глаза много прошло смертей и беды, и я ничего не могу говорить. Хорошего о войне говорить ничего нельзя, одна только горечь.

За оперативную работу и за мужество, выполнение боевого задания был награждён медалью «За Отвагу». По окончании войны медалью «За Победу». А после госпиталей 1 мая 1954 года устроился работать в Мстиславскую контору связи – начальником отделения связи. С апреля 1963 года – начальником узла связи. 1 декабря 1970 года был уволен с переходом на пенсию по инвалидности. И хотя прошло уже много лет, мне больно и страшно всё вспоминать и рассказывать.

Люди, живущие в мирное время, берегите мир! Мир – лучше войны!»

*Подготовила к публикации
Соловьёва А. С.*

БОГ МЕНЯ ХРАНИЛ

Воспоминания Марии Сидоровны Гребеневой

Я, Гребенева Мария Сидоровна, в девичестве Саковец. Родилась 11 октября 1923 года. Мы жили сначала в Минске, а потом переехали в Могилевский район в деревню Залесье.

В июне 1941 года я заканчивала второй курс Могилевского педагогического училища. Но сдать экзамены мы не успели, началась война... Я переехала в родную деревню Залесье, где жила моя семья. Дом у нас был большой, просторный, большое хозяйство – две

коровы, куры, свиньи, огород. Во время войны там жило 14 человек: мама (папа был сослан в Казахстан как кулак, хотя организовывал колхоз, был председателем колхоза, позже его оправдали, но домой не отпустили), четверо детей (Надя, Витя, Нюра, я старшая), жена и дети (Надя, Витя, Миша, Коля) дяди Володи (это папин брат) и беженцы.

Сначала немцы нас не беспокоили. Когда прошел фронт, они не остались в нашей деревне, назначили старосту и быстро пошли дальше. В соседних деревнях немцев тоже не было.

Некоторые семьи тайно помогали раненым, которые выходили из окружения. Их прятали в банях, на сеновалах, в сараях. Никому об этом не рассказывали, боялись своих. Люди были разные. У нас тоже был раненый в ногу боец по фамилии Старобыкин. Я помогала ему, делала перевязки. Но из медикаментов у нас был только спирт, а рана стала загнивать. Мы боялись, что ему станет хуже. Когда узнали, что в соседней деревне остановился врач из Могилева, решили раненого отправить туда. Я помогла дойти ему до села, а дальше он пошел сам. О его судьбе я больше ничего не знаю.

В деревне люди не сидели сложа руки, готовили себе убежища на случай бомбежек и пожаров, запасались продуктами. В нашем дворе и на огороде было три замаскированных блиндажа: для двух семей и беженцев. Позже, когда появились партизаны (они жили по деревням, их называли партизанскими), вся деревня копала большой блиндаж в лесу, за нашей деревней.

Партизаны приходили обычно к нам в деревню ночью за едой, за одеждой. А немцы бывали у нас днем, ночью боялись, наверное.

Вскоре стали ходить слухи, что приедут немцы и будут забирать молодежь на работу в Германию. В эту пору многие женились специально, так как говорили, что замужних в Германию не угоняли. Меня тоже хотели выдать замуж за троюродного брата (он пошел потом в партизаны, но вскоре его убили), но, слава Богу, свадьба не состоялась. За мной ухаживал другой хлопец, Ростик (Ростислав), но и за него я замуж не вышла – мама не пустила, он тоже был мой троюродный брат. Ростик был в партизанах, и я ему, когда было нужно, узнавала, что могла, про немцев.

Говорили, что немцы в поисках рабочей силы проверяют все сараи, бани и сеновалы. Мы испугались, потому что в то время у нас был еще один тяжелораненый боец. Перевезти его было некуда, а семью могли расстрелять. Надо было торопиться, немцы устраивали в деревнях облавы. Решили ему устроить место в сельском клубе на нейтральной территории. Все боялись ему помочь, но один он никак

бы не дошел. Пришлось мне, как самой старшей дочери в семье, вести его в клуб. Шли долго, медленно. Мы не успели... Подъехала машина с фашистами, выбежали автоматчики и под прицелом нас вдвоем с раненым (а он в военной форме) – под плот (к забору). Я немного учила немецкий, пытаюсь объяснить что-то, но слушать не хотят. Сбежались женщины, прибежала больная мама – бледная, заплаканная. Я смотрю на нее и думаю: она такого не переживет. Но Бог меня хранил... Подъехала еще одна машина, из которой вышел немецкий офицер. Я к нему – объясняю... Он приказал своим меня отпустить, наверное, сказал, что я пригодна для работы в Германии. И даже разрешил завести раненого в клуб. Этот день я вспоминаю всю жизнь как второе рождение.

Помню, зимой опять ожидалась облава, вся молодежь из деревни побежала прятаться в лес. Мужчины увидели, что идут немцы. Все побежали дальше в большой лес, а мы с дядей Володей – в лесочек рядом с деревней. Дядя Володя присматривал за нами, был опытный, он в Финской войне участвовал. Немцы окружили лес и очень много молодежи забрали тогда, кого нашли, того и забрали в Германию.

Дядя Володя нас спрятал в лесу, а сам влез в гнездо аиста и наблюдал за деревней, немцев не было видно. Он сказал, что пойдет сначала сам в деревню, и если все спокойно, то помашет нам с крыши дома. Оказалось все хорошо, и мы вернулись в дом.

Но вскоре опять немцы оцепили деревню, ходили по дворам, забирали молодежь. Убежать мы уже не могли и спрятались под пол. В доме оставались тетя Нюра (жена дяди) и их пятилетний сын Коля (он умер после войны), его учили, еще раньше, что надо говорить немцам: «Гутен таг (добрый день)». Вот как только первый немец зашел к нам, Коля и поздоровался, было видно (говорила тетя Нюра), что немец обрадовался, немцы разные были (может, и у него были дети). Потом забежали еще немцы с автоматами и хотели стрелять по полу (нас бы всех убили), но первый сказал: «Киндер! Киндер! (ребенок)», и не дал стрелять, увел их. Так я снова осталась жива... Ведь по всем домам ходили и везде-везде стреляли...

Однажды мне передали записку от двоюродного брата Ивана, он был в партизанах. Он просил принести чистую одежду, потому что заедали вши. Мы с тетей, его мамой, вечером пошли в партизанский отряд, он был возле деревни Павлинка, это была партизанская зона. Но брата не застали, он ушел на задание, и мы остались до утра. А утром пришли партизаны и сказали, что ночью немцы окружили нашу

деревню Залесье и сожгли. Людей всех собрали и погнали в деревню Гуслищи. Маму, Нюру и Надю тоже забрали, а дядя Володя со своими успел спрятаться в блиндаже. У нас дома остались только дед с бабушкой. Бабушка была больная. Дед ее вынес из дома, еще какие-то вещи вынес на огород. Немцы их не тронули.

А в Гуслищах среди всех жителей выбирали молодежь, чтобы гнать в Германию. Мою сестру Нюру сразу к старикам отправили, она была невысокого роста и на голове какую-то тряпку ей завязали. А Надю, ей было 14 лет, но она была выше нас всех (красивая была, с голубыми глазами, они даже как-то притягивали), отправили в колонну, чтобы угонять в Германию. А она вертится, ищет маму, плачет. Мама даже Нюру просила, чтобы и она с Надей пошла, хоть вместе были бы, не так страшно. Но Нюра сказала: «Не пойду». Тут мама (это она мне все рассказывала) увидела, что идет какой-то немецкий начальник, потому что ему все немцы кланялись. Мама, как только он подошел поближе, бросилась ему в ноги, руки целовала и просила не забирать ее дочку. Немец спросил: «Где?» Мама позвала Надю. Она стоит, плачет. Немец глянул ей в глаза и некоторое время все смотрел, не отрываясь, а потом оттолкнул Надю к маме и сказал: «К матке!». Мама забрала Надю, тряпку на голову завязала, и к старикам быстрее пошла. Только они отошли, колонна тронулась с места и всех погнали... В Германию...

А меня одна женщина из Гуслищ искала и хотела продать немцам, из-за связи с партизанами. Видела, что сестры есть, а меня нет. Ей сказали, что меня уже забрали немцы.

Я уже из партизанской зоны не вернулась, а на следующий день пришли Нюра, Надя и еще двоюродная сестра. Уже до конца войны мы жили у родственников Ростика в деревне Николаевке, у него мать там осталась и две сестры. Огород вместе сеяли, партизан кормили, они днем приходили, да и самим тоже надо было что-то есть. А вечером ходили прятаться в лес в блиндажи.

И вот мы пошли опять прятаться в блиндаж, закрылись, сидим и слышим, как нас зовут и кричат: «Наши, освободили нас уже!». Закончилась война!

*Подготовила к публикации
Бунос А. В.*

ОСТАЛИСЬ ЖИВЫ

Воспоминания Михаила Иосифовича Гусаченко

Пишу о своём дедушке, Гусаченко Михаиле Иосифовиче, который родился 19 мая 1921 года в деревне Серые (Ельский район). Не раз дедушка делился со мной историями о своём детстве и молодости, которую затронули годы войны. А начинал свой рассказ он так:

«С детства приходилось помогать родителям: пасти коров, свиней, следить за птицами, чтобы те не объедали зерно на огородах, а когда выдавалась свободная минутка – быстрее в лес, побегать по росной траве, набрать грибов и ягод для общего стола».

В 1928 году дедушка пошёл в школу. Сначала обучение было на дому. Первый учитель, по фамилии Понтус, записал дедушку в список первоклассников Засинцевской школы, где он и проучился до 7 класса. Чтобы добраться до школы, нужно было идти три километра (и это только в одну сторону). Дедушка любил учиться, особенно любил рисование: его рисунки украшали стены родного дома. Кстати говоря, копия картины «Утро в сосновом бору» Ивана Шишкина, написанная дедушкой в 1946 году, и сегодня находится в краеведческом музее нашего района.

После окончания школы дедушка начал настраиваться на самостоятельную жизнь. В то время охотно принимали на работу, поэтому сначала работал он мастером подсочки леса: добытчиком смолы-живицы. Затем устроился на постоянную работу в организацию по доставке топлива на Житомирский фарфоровый завод, где работал бухгалтером. Воспитывался среди пролетарской молодёжи Украины. Там же дедушка вступил в ряды комсомола, принимал участие в различных молодёжных и государственных мероприятиях. С 1938 по 1940 гг. одним из инициаторов массовых молодёжных мероприятий был его друг, Цалко Антон Михайлович, который в то время являлся секретарём комсомольской организации. Каждый год 1 мая он готовил трибуну и на разъездах дорог в лесу произносил напутственную речь перед всеми собравшимися в том месте (а, по словам деда, молодежи собиралось много). Это был величайший патриотизм народа того времени и все они шли по жизни с девизом: «За Родину, за Сталина!»

Но быстро кончается его весёлая жизнь, так как в ноябре 1940 года он был призван в ряды Красной Армии. Прибыл дедушка служить в Дальневосточный край, город Сучан, в 78-й железнодорожный батальон, где принял присягу 5 декабря 1940 года и стал

настоящим красноармейцем. Его батальону предстояло построить узкоколейную дорогу для перевозки угля.

«Какой момент, дедушка, самый памятный для тебя во время службы?», – спросила я его однажды. На что дедушка, немного опустив голову, ответил следующее:

«Так разве ж он один только памятный, моя родненькая? Ну, а все начинается отсюда: вышли мы, значит, в лес, разгребли до земли снег, наломали сосновых лапок, легли на них, укрылись бушлатами и так заночевали, прижавшись один к одному на сорокаградусном морозе. Но ничего, остались живы! Ведь это, на самом-то деле, было ничто по сравнению с тем, что ожидало нас впереди... В марте месяце 1941 года нас привезли в город Львов, на станцию Клепари, где мы разбили палатки и начали строительство железной дороги вокруг этого города. Работали день и ночь в две смены. И через некоторое время от наших политруков мы узнали, что над нашей родиной скапливаются чёрные тучи. И вот, стою я на платформе в 4 часа утра, опёршись на лопату, смотрю на учения лётчиков, но даже и не подозреваю, что началась война. Трое суток пришлось побыть во Львове, а после поступил приказ о передвижении в Киев. Я и мои боевые товарищи обороняли город Киев: копали рвы вокруг города и ставили «ежи» против танков с июля по сентябрь 1941 года. При отходе из Киева, в Иванковском районе, я встретился впервые с фашистом: он набросился на меня с ножом, повалил на землю и ранил в левую руку, но, благодаря вовремя подоспевшим моим товарищам, фашист был схвачен».

В городе Ворошиловграде дедушка записался в 842-й стрелковый полк, который формировался на фронт, и в его составе, будучи командиром отделения, принял участие в наступлении на Мценском направлении 17 февраля 1942 года. Именно тогда он был тяжело ранен в левую ногу и отправлен на продолжительное лечение в госпиталь города Энгельса, где и комиссовали его с резолюцией: «годен к нестроевой». Но дедушка не согласился с этим и записался в 46-ю стрелковую роту, которая готовилась на Сталинградское направление. Так он стал участником Сталинградской битвы. Позже дедушка вернулся освобождать Украину, где ему была вручена награда – медаль «Захисник витчизны України». Участвовал и в освобождении Румынии, Венгрии, Австрии.

В начале 1945 года дедушка был вызван руководством штаба Центральной группы войск в городе Вене и был назначен представителем от Советской Армии по делам репатриации граждан

как советских, так и иностранных государств на границе с Италией. Задача была выполнена – все желающие были вывезены в пересыльный пункт – лагерь № 301 города Нойкирхен. Одновременно дедушка занимал должность заместителя начальника учётного отдела 301 лагеря по делам репатриации граждан.

Дедушка не смог рассказать мне без волнения об одном эпизоде – о посещении лагеря для советских граждан в Австрии на станции Обензее. Рядом находился брошенный фашистами концентрационный лагерь, где находилось около двух тысяч мирных граждан, мужчин и женщин, подростков и детей. В этот лагерь его привела женщина, австрийский фотограф. Слезы наворачивались на глаза от увиденного в лагере. Люди были больны, истощены, обессилены и утратили всякую надежду на спасение, но вскоре был мобилизован транспорт для вывоза пострадавших в пересыльный лагерь, где им была оказана помощь в лечении и питании, а позже, через пару недель, все были отправлены на родину.

В мае 1946 года дедушка закончил службу и в июне 1946 года вернулся в свою родную деревню. Началась мирная жизнь. Первое послевоенное рабочее место дедушки – бухгалтер лесоучастка треста «Никольстрой», помощник лесничего Жановичского лесничества Ельского лесхоза. Также работал инструктором Ельского райкома партии, затем председателем колхоза «Путь Ленина». За время работы в 1958 году был награждён медалью «За достигнутые успехи в народном хозяйстве» комитетом ВДНХ СССР. После работы в колхозе дедушка избирался и работал председателем исполкома засинцевского сельского совета.

В настоящее время дедушка имеет множество военных наград – два Ордена Великой Отечественной войны 1 и 2 степени, до тридцати медалей, около девятнадцати почётных грамот различных ведомств. В мае 2010 года ему было присвоено звание «Почётный гражданин Ельского района» с вручением памятного диплома. Также он является членом совета Ветеранской организации Ельского района.

Дедушка просил добавить: «Я пожелаю нашей молодёжи того, что сказал в своём выступлении президент А. Г. Лукашенко на праздновании Дня молодёжи: пусть каждый найдет свое место в жизни и полностью реализует себя. Иногда говорят: нет в мире ничего лучше молодости. Это, конечно, не совсем точная мысль. В каждом возрасте есть свои прекрасные и неповторимые черты. Но молодость отличает поистине удивительное чувство свободы, когда кажется, что все пути открыты, все вершины покорятся тебе и все

цели обязательно будут достигнуты. Со временем приходит опыт, мудрость. Это часто уберегает от многих ошибок, но одновременно приземляет, порождает больше сомнений и колебаний. А иногда чрезмерно приземляет». Это образец пожелания настолько впечатляющий, что добавить что-либо или сказать иначе невозможно.

*Подготовила к публикации
Гуд И. Г.*

ПИСЬМО ОБ ОТЦЕ

Воспоминания Светланы Яковлевны Демченко

Недавно я получила письмо от матери из Украины, которая написала мне свои воспоминания об отце, офицере Советской Армии. Вот что она поведала мне.

«Родился отец в 1916 году в Украине в Херсонской области в семье, где было шесть детей. Мать рано умерла, отец женился, и воспитание младших детей легло на руки старшей сестры, которой исполнилось 18 лет, а мой отец Яков был на год младше, в основном они и занимались воспитанием. Его отец держал 10 кролей, это был голодный 1933 год, семья выехала по вербовке на Кавказ в город Батуми. В 1934 году его забрали в Советскую Армию, маленький, худенький был, сестры говорили: «Яша, как ты будешь служить, и свинья у тебя винтовку отберет». Сначала попал на Финскую войну, потом в 1939 году участвовал в ожесточенных боях и танковых атаках на монгольско-маньчжурской границе Халхин-Гол под командованием командира корпуса Г. К. Жукова.

В 1942 году отец был направлен в город Свердловск для обучения в танковом училище. Рассказывал, такие были морозы, что в классах сапоги примерзали к полу, потому что помещение не отапливалось. Преподаватель их говорил, что ставит им оценку «три» потому, что знает предмет на «четыре», а на «пять» Господь Бог знает, а всему остальному мы научимся в бою. У него там была жена и дочь Галя, война разлучила их в 1943 году.

По окончании танкового училища в звании лейтенанта мой отец был назначен командиром танка Т-34. Танковые роты были брошены на Курскую дугу, бои шли страшные. В танке солдаты находились большее время суток. И ели, и спали там. В танке было четыре танкиста. Командир помогал водителю: ноги командира находились на плечах у танкиста, и он регулировал влево, вправо, вперед

ударами ног. Их называли «неграми», потому что танкисты были постоянно в мазуте, загазованные, но герои. После боя в первую очередь танкисты мыли и убрали танки, а потом уже где-то под деревом устраивали себе душ. Танки ставили в укрытие, рыли траншеи в высоту и длину. Бывало так, что только укрытие выкопают, а команда придет покидать это место. Срочно на другое место дислокации. Бойцы быстро меняли позиции. Большой боевой эффект давали засады из двух-трех танков. Умело используя рельеф местности, танкисты подпускали врага и внезапно открывали губительный огонь. Тяжелым испытанием были для бойцов июльские бои. Враг бросил против русской армии огромные силы: танки, авиацию и артиллерию. Воины получили приказ – отразить удар, не допустить прорыва немцев, поклялись драться и стоять насмерть. Отец был ранен в бою, получил тяжелые ранения, лежал в госпитале, а после вернулся в часть. Снова горел в танке, и опять – госпиталь.

После госпиталя воевал в Восточной Пруссии под Кенигсбергом (ныне город Калининград). Там он женился на моей матери. Родились мы с братом, а затем военную часть отца перевели в Германию, там прослужил до конца войны и в звании майора демобилизовался. За стойкость и мужество был награжден орденом Отечественной войны и Знаком советской гвардии, многими медалями. Два его брата, Алексей и Николай, погибли во время войны и похоронены неизвестно где в Польше.

Отец имел очень хорошее мнение о командующем Григории Константиновиче Жукове, он им гордился. Считал его выдающимся и наиболее прославленным полководцем Великой Отечественной войны, связывал его имя с большим количеством громких побед во время войны.

Сохранились в семейном архиве послевоенные фотографии воинского мемориала в Трептов-парке в Берлине, который посвящен красноармейцам, павшим в боях за Берлин в конце Второй мировой войны. Только в этом парке их похоронено около семи тысяч – из более чем 20 тысяч советских солдат, погибших во время освобождения города в самом конце войны. Отец мой, как военный человек, был очень аккуратным, всегда у него было все чистое и выглаженное. Любил дисциплину и порядок. Любимая военная песня его была «Три танкиста» из кинофильма «Трактористы». Вот что осталось в памяти у меня об отце Якове Гордеевиче».

*Подготовила к публикации
Сивенкова И. Н.*

ОБ ЭТОМ ПОМНИТЬ НАДО ВСЕГДА

Воспоминания Фени Андреевны Денисенко

Глядя сегодня на бабушек и дедушек, трудно представить, какие испытания выпали на их долю. А ведь все, кому сегодня около 70 лет, прошли войну. С каждым днем их становится все меньше и меньше. Тем ценнее каждая крупица их воспоминаний о тяготах войны. Среди этих людей была и моя бабушка – Денисенко (Жакова) Феня Андреевна. Я хочу рассказать о жизни ее семьи в годы войны. Делаю это даже не ради нас, внуков, а ради правнуков. Ради тех, кому не доведется встретиться с живыми свидетелями войны. А помнить об этом надо всегда. Вот что она вспоминает:

«Мы жили в деревне Щежерь Могилевского района Могилевской области. В семье моих родителей было 5 детей. По теперешним меркам, семья многодетная, а в то время почти каждая семья многодетная. К началу войны старшая сестра Нина (1922 года рождения) была уже замужем. Летом 1941 года мне было почти 12 лет. Я успела окончить 4 класса. Жили как и все. Помню, перед началом войны стали рубить новую хату. Срубили четыре венца, остальное доделывали уже после войны.

После объявления о начале войны даже не представляли, что ждет впереди. Впервые осознали, что война недалеко, в тот день, когда мужчин призывного возраста забирали на фронт. Собралась вся деревня: старики, женщины, дети. Мужчин построили в колонну, и та пешком направилась в сторону Чаус. Вся деревня плакала. Наверное, впервые в жизни я видела такое количество слез. Вместе с другими ушел и мой отец – Жаков Андрей Самуилович. Сложной была его судьба, такое пережил. После отец рассказывал, что дошел до Ельца, служил в «трудовой армии», работал в хлебопекарне. Был в плену, бежал. Целый месяц, прячась от немцев, обходя все места, где их видел, возвращался в родное село.

После того как отец ушел на фронт, дома осталась мать – Жакова Василиса Матвеевна и четверо детей на руках (младшему Володе было около шести лет, мне – 12, Макрене – 14, Тане – 17 лет).

Война быстро приближалась к нам. Бои у нас в деревне не проходили. О том, что идут серьезные бои, понимали, когда видели громадные зарева вдаль. Даже не знаю, как описать их. В селе говорили, что бомбили аэродром в Могилеве. Долго шли бои под Чаусами. Каждый день летали самолеты на восток и возвращались обратно.

В первые дни войны помню колонны беженцев, двигавшихся со стороны Могилева в сторону Чаус. Кто на подводах, кто пешком, с узелками женщины, дети. Нам тоже предлагали податься в беженцы. На подводе к нам в деревню приехал мамкин брат Сергей (они до войны жили на Бродах в Могилеве). Но мамка отказалась: куда с такой семьей. Остались на месте.

Однажды утром увидели немцев. Когда ложились спать, было спокойно, а проснулись – в колхозе машины и мотоциклы, и немцы по-своему разговаривают. Мы до войны машин почти не видели.

С приходом немцев в деревне установили новый порядок. Назначили старосту, появились полицаи. Наши деревенские старались на улицу лишний раз не выходить. Детям наказывали. Но разве просидишь в доме 4 года. От войны не спрячешься.

Немцы приходили в дома. Забрали корову. Сначала все говорили: «Матка, яйка», а потом и курей позабирали. Кто как мог, прятали продукты. Зерно в бочки засыпали и закапывали. В сарае навоз сдвинем и закопаем. Картошку прятали. С едой было трудно. Если есть было нечего, не дожидались, когда зерно созреет. Рвали колосочки еще зеленые, сушили, потом ели. Ранней весной собирали в поле мерзлую картошку. Скорлупу снимали, а там белый порошок (крахмал), немного муки добавляли и пекли оладушки. Мы их звали «лопуны».

Ночью приходили партизаны за хлебом. Кто сам отдавал, а у кого и забирали. Им-то в лесу тоже есть надо было.

У старшей сестры уже дочка была Женя. Вот кому пришлось тяжело с грудным ребенком на руках. Мы – дети, о нас мамка заботилась. А она одна с дитем. Муж ее – Капустин Василий, пограничником был в Бресте (после войны уже узнали о том, что погиб он в первые дни войны). Приказали немцы всем собраться, переписали и погнали. В эту колонну поставили и нашу Нину с ребенком на руках. Прошли с полкилометра по деревне, Женя маленькая расплакалась. Тогда немец один пожалел ее, наверное, крикнул: «Матка, нах хаус (домой)!» и оттолкнул в сторону. Так наша Нина осталась в деревне. Остальные пошли под Голени. Говорили, что они работали где-то под Чаусами.

У сестры Тани жених был Лазарь. Он ушел в партизаны. Однажды к нам немцы пришли с полицаями. Всю хату облазили (даже за иконами), искали что-то. Что искали, нам не сказали. А когда уходили, кто-то сказал: «Вас ночью спалют». Мамка испугалась, стала думать, что делать. В доме ночевать боялись. Поэтому мамка

постелет нам под забором, и мы вчетвером спим. А сама ходит с палочкой всю ночь, нас охраняет. Хорошо, что лето было, ночи не холодные.

Когда отец вернулся в деревню, его забрали немцы. Всех мужчин позабирали. Даже дядька у нас глухой был, и его забрали. Загнали за город работать. Они день работают, а ночью в сарае из закрывают. Они навоз раскопают и спят. Зима была. Холодно. Мамка отцу из шубы пошила «бурочки». Только они и спасли его. Так бы ноги поморозил.

Мы тифом болели. Болели все дети. Мамка нас уложит, накроет. Немцы, когда приходили, дверь откроют, увидят, что мы лежим, в дом не заходят. Они тифа очень боялись, только скажут: «Кранк (больной)», – и бегут.

Летом 1944 года началось освобождение. Наши пришли. Бои шли на старой Чаусской дороге, где-то в полутора-двух километрах от нас. Мы окоп сделали в срубке нового дома. Там прятались. Один снаряд разорвался очень близко возле соседнего дома. Нас осколками засыпало. Страшно было. Горели дома. В Щежере один поселок сгорел полностью. Его после войны так и называли – Горелый.

Когда деревню освободили, все очень радовались, пели, танцевали. Как в фильмах показывают.

Война закончилась, но наши испытания еще продолжались. В школу я уже не пошла. Из нас только Володя после войны в школу ходил. Мне 15 лет было. Не до учебы уже. Пошли в колхоз. Нас, девчонок 1927–1930 годов рождения, отправляли на линии (железная дорога). Надо было рельсы очищать. Один раз мина взорвалась. Одна девушка погибла. Схоронили Тхореву Лизавету.

Потом объявили гужтруд (гужевая повинность). Шесть дней работать надо было, бесплатно. Запрягут телегу, сложат лом, лопаты, и идем со Щежера в Зимницу. От каждой бригады по 6 человек. В Зимнице на Славгородском шоссе работали. Канавы копали. Каждому отмеряли, размечали, сколько сделать. Дело летом было, жарко. В Палетники за водой ходили. День работаешь, намаешься, устанешь. А вечером еще домой возвращаться опять пешком. Иногда подведем немного на телеге. Но телега одна, а нас много. Все не сядем, поэтому и идем.

После войны мы опять без отца остались. Его забрали, потому что в плену был. Отправили на Урал работать.

Но уже стали поля засеивать, дома восстанавливать. Потихоньку к мирной жизни возвращались.

Сейчас не часто о войне вспоминаю, не хочется. Но иногда вздумается. Хотя сейчас надо жить и молиться, чтобы войны не было. Чтобы вы (дети, внуки, правнуки) не испытали всего ужаса, который мы пережили».

*Подготовила к публикации
Синявская И. Л.*

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ

Воспоминания Анны Ивановны Довгаль

Я Анна Ивановна Довгаль (Русецкая). Когда началась война, объявили по радио только в 12 часов дня. Выступал Молотов, сказал, что Германия напала, и рассказал, какие города бомбила. Начали собирать людей в райкомы, военкоматы. Связь начали рвать, провода обрывали и на пол кидали. Потом стало как-то тихо. Война идет, повесили репродукторы, люди под столбами стояли, слушали, что немцы заняли. Говорят, что уже Минск занимают, к нам подходят. Начали появляться беженцы, бабы шли с детьми – двое, трое несут на руках. А немцы еще из самолетов высаживались, десантники, и били всех подряд, женщин, детей.

Нас было семь человек: папа, Вася (он был слепой, 20 лет), я (мне шел 10-й год), Улита (старшая сестра, у нее муж был офицер, воевал уже) и трое детей маленьких (младшему было полгода). Мама наша умерла, когда мне было 8 лет, еще четверо детей у папы умерло. Была еще старшая сестра Соня, она вышла замуж за солдата и уехала в Баку, там она была всю войну.

Папа до войны был в артели и с ним еще человек десять. Они возили обычно всякие товары из Минска, Бобруйска на конях, тогда все на конях возили, машин было мало. Возили продукты, одежду. Хлеба у нас не было, но папа ездил по разным городам и иногда привозил мешок хлеба, его на неделю хватало. Как война началась, всех коней забрали, а потом каждому своего отдали, надо было самим пахать, сеять. У нас тогда еще корова была. Папа сено ночью косил, а мы потом детей маленьких спать положим, дверь на замок, а сами за этой скошенной травой, и сушим ее во дворе. Нам сосед помогал, как-то два мешка зерна нам принес, папа жернова сделал, мы сотрем и потом «затирку» (комочки из муки и воды, вареные в кипятке) варим.

Немцы первый раз появились в июле 1941 года. Приехала машина немецкая на колхозный двор, а председателем был Дайнеко,

умный был мужик. Два немца вышли и о чем-то с ним стали разговаривать, а мы, дети, человек десять, побежали к машине, машин-то никогда не видели. Один немец подошел к нам, по голове всех гладил, а меня еще и на коня посадил. Я как заплачу, я на коне никогда не сидела, хоть у папы и был конь, но он кусался. Немец меня снял, я бегом домой. Папа потом с меня смеялся и говорил, что я так плакала, что немцев испугала, и они уехали. А уехали они в сторону Бобруйска.

Потом опять появились немцы. Я была с братом Васей, двое немцев шли к нам. Вася говорит: «Ты не бойся, я хорошо знаю немецкий, я буду с ними говорить» (а он хорошо учился в школе слепых в Могилеве, после школы был рабочим в Березино, веревки вил). Когда немцы вошли во двор, залаяла собака, и Вася сказал идти на улицу, чтобы они собаку не застрелили. Они о чем-то говорили, потом Вася сказал, что им надо дать сало, молоко и яйца. Я все принесла в дом, они там все ходили, рассматривали и удивлялись нашей мебели, нигде такой не видели (когда-то к нам приезжал какой-то американец и привез мебель красного дерева, потом надо было уезжать, а денег не было, и он продал мебель нашему папе). Немцы сели за стол, я дала им газету, они сало разделили и в нее завернули, яйца тоже разделили, спасибо сказали и ушли. Вася сказал, что хоть это и враги, но пока они нас не трогают, и мы не будем. У нас ведь семья – одни дети.

Осенью уже режим немецкий начался, налоги надо было платить. Начали детей в школу забирать, надо было платить марки или идти, у нас денег не было, и папа мне сказал идти учиться (я уже три класса до войны закончила). В Кличеве у нас за всю войну, сколько ни бомбили немцы (а Кличев много бомбили, только солнце встанет, и уже летают самолеты, тренируются бомбы бросать), остался один еврейский дом, пустой. В нем и сделали школу. Нам принесли учебники, и я два месяца ходила в немецкую школу.

Как-то к нам два немца пришли и староста. Сказали собираться всем к аптеке, а сами стояли возле нас, пока мы все не вышли. Так собрали весь Кличев. Оказалось, евреев отбирали: как евреев или похожих на них видят, так их во двор всех отправляют, и детей, и женщин. Нашу сестру Улиту тоже приняли за еврейку (она была высокая, черноглазая, черноволосая, и «р» не выговаривала). Немец один посмотрел на нее и говорит: «Юда!». Они называли так всех еврейских женщин. Все мы стали говорить, что она наша сестра, что мы белорусы. Все пошли к нам в дом. Папа на иконы показывал

(которые достал с началом немецкой оккупации и развесил по дому, при советской власти нельзя было), говорил, что мы православные, на колени перед ними становился, еды им какой-то насобирали. Вася с ними все говорил, говорил. Немцы, наконец, ушли, сестру не тронули. Потом, когда немцы приходили и просили: «Матка, яйка, матка, шпик, матка, млеко», – сестра уже всегда пряталась, иногда даже в шкаф, в тряпки. Боялась, мы все боялись, если убьют, куда же детей, грудные ведь.

А немцы евреев всех в машины грузили и всех вывозили к лесу, до войны там песок брали на ремонт дороги. Там всех ставили к ямам, из которых песок копали, ставят и стреляют. Люди падали один на одного, и так машины одна за другой ездили, пока всех евреев не вывезли. Некоторым удавалось убежать. Одна еврейская женщина с тремя детьми убежала от немцев. Они все выжили, но, конечно, помогали ей все, кто мог.

Перед новым годом, где-то в ноябре, к нам орловская полиция приехала, и начальник полиции с женой его заместителя к нам вселился. С женщиной мы подружились. Она рассказала нам все про себя, рассказала, что с полицией оказалась случайно.

В один вечер полицай и мы сидели в доме и тут раздались крики: «Ура! Партизаны!». Полицай как сдуло куда-то. А папа, я, Вася и женщина подхватили троих маленьких, они уже спали, и побежали все в погреб, он у нас во дворе был. Я побежала в дом за едой маленьким, за одеялами и подушками. А женщина эта стала просить спасти ее, так как боялась, что партизаны могут убить из-за того, что с полицией была. Мы положили ее на картошку, накрыли одеялами, подушками, а сверху детей положили спать. Партизаны спустились в погреб, искали полицая, папа сказал, что у нас никого нет, только наша семья. Мы и правда не знали, где был полицай, потом, когда партизаны ушли, оказалось, что полицай был у нас в сарае. Он вышел и хотел убить нашего папу, но женщина, которую мы спасли, заступилась за него, сказала, что папа ее спас. Полицай забрал свои вещи, а женщине сказал, что она может остаться с нами, если ей нас так жалко. Эту женщину потом в Германию забрали.

В марте 1942 года начали проводить работу партизаны, многих полицаяв в деревнях убивали. Летом партизаны из оставшихся мужчин в городе и старших детей сделали самозащиту. Они по четыре ходили, охраняли деревню. Немцы всех этих мужиков забрали, и кто говорил, что у его родственники в партизанах, тех тоже забирали. Были какие-то сараи, где держали всех узников. Их там

допрашивали, били, опять допрашивали, потом подъезжали машины, их грузили на машины, как дрова, сами залазили сверху, садились, ноги поставив на людей. Везли их к школе, там раздевали, что из одежды было получше, забирали себе, а людей ставили перед ямой, уже полной трупов, и стреляли им в затылок. Кто сразу не умирал, добивали. Ямы были очень большие и глубокие. Закапывали ямы только когда полностью заполняли их убитыми людьми, а закапывали те, кого собирались расстреливать.

В 1943 году уезжала орловская полиция на Бобруйск. Соседка к папе прибежала (у нее восемь детей было) и говорит: «Дядька, давай я свою Соню, а ты свою Аню отправим к дядьке Михайло на поселок, а то нас всех побьют немцы, хоть бы по человеку спаслось из семьи». Папа согласился. Подошли мы с Соней к поселку, а там костер большой, немцы стоят. А нам деваться некуда, идем. А три немца за нами идут, мы быстренько забежали в дом к моему дяде. Дядя нас на печку спрятал за своих детей, а сам побежал за медом (у него пчелы были), жену послал за огурцами, за бутылкой самогонки (он говорил, что у него специально было, чтобы откупиться от немцев или от партизан – одинаково трясли и те, и те). Он им налил, поставил мед, огурцы и хлеб (оказывается, мед с кислыми огурцами так вкусно, я только один раз так тогда ела). Немцы самому дяде сказали сначала все попробовать, потом все съели и ушли.

Мы пошли дальше, на поселок к дяде Сони. А тут еще четверо хлопцев (они от немцев убежали) переползали речку по льду попластунски, а там дальше в лес хотели бежать. Нас увидели и с ними сказали ползти, а потом и до дяди довели. Мы пришли к дяде Сони. Он, когда дверь открыл, я даже испугалась, он оказался такой худой, очень худой, страшный. Нам сказали лезть на печь, греться, потому что накрыться нечем было, все уже позабирали. Жена дяди сварила нам в 20-литровом чугуне меленькой картошки, грибов сушеных покрошила, маленькую луковицу и говорит: «Ешьте, девки, больше у нас ничего нет».

Утром мы проснулись, хозяйка с Соней все говорили о чем-то. А я как-то незаметно вышла на улицу. День такой теплый, солнечный. Вижу, люди все идут-идут куда-то, и я пошла. Толпа стоит, а оказывается, там видно, что немцы уезжают из Кличева, а там все горит и взрывается что-то, гранаты или бомбы. А женщины рядом стоят, спрашивают:

– Девочка, ты откуда?

– Из Кличева.

– Что это они там делают? У тебя там кто-то есть?

– Есть.

– Так просись, вон разведчики, они как раз в Кличев едут (на лошадях ехали, четыре подводы).

Я подбежала к ним, бегу, плачу, прошусь: «Дядя, дядя, возьмите меня, я из Кличева». Один солдат пожилой меня взял. Высадили в Кличеве, я пошла, вижу, дом наш стоит, из трубы дым идет, я и побежала... Бегу и плачу, плачу...

В доме были уже немцы, а наших всех выгнали и вещи на улицу выбросили. Наши все к соседке, тетке Марии, пошли. А немцы печки все топят, дрова с улицы носят, носят. Папа рассказывал, что сидели, смотрели в щелочку. Вдруг перестали за дровами выходить, а дым из труб все валит, черный-черный, думали, что они там палят. Тут услышали, что машина заводится, выехала, проехала дом тетки Марии, где мы были, и остановились. А тетка Мария молиться стала. Когда советская власть церкви уничтожала, в Шкловском, Круглянском и некоторых других районах церкви остались и люди молились там, а тетка Мария оттуда была. Она поставила большую икону и молится-молится, папа говорил, что часа три молилась. И уже последние слова она говорила (остальное непонятно было): «Спаси, Господи, нас, у нас только одни бабы, малые дети и старик, пусть они проедут мимо». Вот так все остались целы и дом тоже. А так немцы еще, когда уезжали, гранаты в дома кидали.

Когда немцы уже уехали, все в дом побежали, а там вся наша мебель красного дерева сгорела, ничего не осталось. Папа кинул матрасы на пол, и дети легли спать. А сами варить картошку стали, в погребке у нас в доме еще сохранилась. Тут что-то стало казаться, что кто-то по Кличеву ездит. Вася вышел, послушал, слух у него был хорошо развит, сказал, что кони ездят. Мы поняли, раз кони, значит партизаны, а на них же тоже не надейся, вытрясут все. Мы пол закрыли, где картошка была, мусор размели по полу, чтобы не видно было, что открывали. Тут и партизаны вбежали, стали везде все обыскивать, во двор побежали, а собака лает, хотели собаку стрелять. Папа выскочил на улицу, собаку между ног взял и говорит: «Стреляй, немцы не застрелили, так ты стреляй!». Со своими-то проще разговаривать. Партизаны тогда в дом все пошли, а один полез в печурку (это такое маленькое отверстие сбоку в печке, там угли сохраняли горячими, чтобы печь растапливать, спичек-то не было) и выгребает все угли. Папа говорит: «Что же ты там ищешь? Нам же печь завтра нечем растопить будет. Дети маленькие замерзнут».

Оказалось, что там, в печурке, они в некоторых домах соль находили. Но у нас там ничего не было. Мы всю войну без соли ели.

Партизаны начали еще в погреб ломиться, наши-то не пускали, но какие там силы. У нас дядина дочка была, Даша, очень смышленная, она нас взяла, всех детей, и на чердак сказала лезть. Сама тоже залезла и как закричит (голос хороший был, во всём Кличеве, наверное, было слышно): «Изох, Заяц (это были командиры у партизан), мы Русецкие, нас партизаны грабят». Голос звенит, далеко слышно. Нам говорит: «Вы кричите, кто как может». Мы все как закричали, кто как, партизаны как услышали наш крик – убежали. А Улиту толкнули в снег, пальто отобрали и валенки с ног стянули, валенки она у какого-то полица (из орловской полиции, он голодал) на кусок сала поменяла, ходить в погреб не в чем было, мороз сорок градусов.

Изох и Заяц были наши знакомые партизаны. Изох Игнат был командиром партизанского отряда из поселка; Заяц Яков Иванович – папин крестник. Я их очень хорошо знаю. Когда папа был мельником, пришел к нему какой-то человек и сказал, что у него трое детей и они уже три дня не ели. Папа дал ему еды и сказал приезжать на коне, еще даст. А этот мужик говорит: «Кто у тебя коней пасет, давай я своего сына пришлю (это был Игнат Изох), пусть он у тебя коней пасет и живет, а то голодаем мы». А кум (у него было десять детей) потом тоже папу попросил взять пасти лошадей и кормить одного из своих сыновей, папиного крестника (это был Яков Заяц). Они стали пасти лошадей у папы, а он их кормил.

Вот утром, после набега партизан, к нам пришли Игнат Изох и Яков Заяц узнать, что случилось. Даша все им рассказала. Они решили выяснить, кто это сделал, и расстрелять, потому что всему отряду всегда говорили, что куда бы ни попадали – мирных жителей никогда не трогать, детей не трогать, будет расстрел, а партизаны не слушают. Тогда Улита сказала: «Не надо, прохожу я в лаптях, папа сплетет, а то не знаю, жив ли мой муж, не надо стрелять».

Папа позвал их есть. У нас картошка и капуста кислая была. Потом сходил в погреб, принес бутылку самогонки и говорит: «Ну, все, мужики, больше ничего нет. Дети вот тоже всю зиму на картошке и капусте». Они даже побелели, жалко детей стало, но говорили, что помочь пока нечем. Обещали только через какого-то родственника нашего передать жеребенка, который один остался в отряде, всех коней уже поели, голод был. Только говорили спрятать хорошо, а то партизаны найдут, заберут. Они ушли, а Дашка за ними тихонько

пошла, рассказывала потом, что командир выстроил свой отряд возле школы в четыре ряда и спрашивал, кто отобрал валенки и пальто у Улиты. Но никто не признался и никто никого не выдал.

Как-то немцы пришли. Из города никого не выпускали. А папа поплакал, попросил, ему какую-то справку дали, что нам можно выйти из города, и мы все убежали из Кличева ночью. На болоте папа еще раньше устроил специальное место для сена, сено там еще оставалось. Две ночи мы ночевали в сене, на болоте.

Потом пошли посмотреть что там, в Кличеве, есть ли немцы. Подошли к первому двору, а там во дворе женщина лежит и четверо детей убиты... Папа сказал, что это не вся семья, еще есть старшие дети, может они живы. В других дворах, тоже не все из семьи убиты. Мы шли дальше, подошли к нашим соседям. Там женщина плачет, кидается. Рассказала, что немцы с рассветом всех, кто остался в Кличеве, убивали, кого стреляли, кого танком давили. Говорила, что маму ее убили, двое сыновей моего возраста убежали, а дочку ее сначала ранили только в ручку. Она лежала и говорит, больно же маленькой: «Мама, мама...», – так немец подошел и на глазах у матери ее штыком заколол. Папа ее успокаивал, как мог...

Дом наш сгорел, печка только осталась, погреб наш тоже остался и картошка уцелела. Тут папа ахнул: жеребенка, которого партизанский командир нам дал, убили тоже. Мы его спрятали. Папа говорит: «Ну, будем жить». Мы набрали картошки мяса, и пошли обратно в болото. Сварили картошки, мяса, поели. Мы с папой и Вася пошли шалаш делать, а Улита еще картошку пекла и мясо варила. Ночь мы в шалаше провели, я проснулась и оказалось, что примерзла к земле, на льду спала.

Потом уже домой пошли, а дома-то нет, ночевать негде было, пошли в Калинин под Кличевом. Все хаты были заняты, сказали, только одна хата у болота была свободна. Пошли туда, там молодой мужик, лет 25–30 ему, он рассказал, что отца его немцы убили за то, что партизанам помогал, а он остался с мамой (она была немного не в себе, потому что мужа у нее на глазах убили) и сестрой моего возраста. Вот он и приютил нас.

Потом мы уже жили в землянке, огород посадили. Однажды сели обедать, тут кто-то как закричит: «Немцы, немцы!». Мы с Улитой и детьми опять на болото побежали. Папа с Васей остались, сказали, что в жито рядом с землянкой будут прятаться.

Мы сидим в болоте, вдруг на нас трое немцев бегут, кричат «Гитлер капут» и руки поднимают. А мы со страха думали, что они

нам кричат «Стой!». Мы как побежим с детьми, бежали-бежали, устали, сели на прогалину. Встретили мою двоюродную сестру с сыном, а она и говорит: «Все, мы погибли». А сын: «Мама, ты же умная женщина, посмотри, самолеты летят, на них красная звезда, это наши самолеты, нас освобождают». Мы все посмотрели и правда, самолеты наши летят, а по лесу еще гул идет, танки едут. А из леса выйти боимся. Тут кто-то закричал нам: «Наши пришли, нас освободили, идите домой». А мы со страха еще дальше в лес, потому что в войну немцы так делали, хватали кого-нибудь и заставляли идти в лес кричать, что это партизаны пришли, люди выскакивали, и немцы всех убивали. Вот мы и боялись.

Наконец, решились, выходим из леса, танки идут, солдат много идет. Пять солдат отделилось и к нам бегут, детей наших на руки взяли, а мы плачем, мы так рады, и солдаты эти плачут. Донесли детей до землянки, а у нас во дворе две машины стоит. Солдаты выскочили и за нас, воды принесли, помыли нас и стали кормить. Одеяла нам дали. И сказали: «Отдыхайте». А один солдат, он был с Витебщины, посмотрел на нашу семью, он оказался верующим, и говорит папе: «У вас в семье кто-то счастливый, раз вся семья выжила». Папа с ним еще долго разговаривал.

А мы легли, уснуть не можем, все радуемся – война закончилась...

*Подготовил к публикации
Довгаль А. В.*

ТЯЖЕЛЫЕ ИСПЫТАНИЯ ДЛЯ МАТЕРИ С РЕБЕНКОМ **Воспоминания Нины Григорьевны Елисеевой**

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Она стала с самого начала Великой, ибо в ней участвовали все народы нашей страны. Мои родители находились в городе Августово Гродненской области с 1936 года, где служил мой отец, младший политрук роты 80-го стрелкового полка, уроженец Могилёвской области Городецкого района деревни Рудковщина. В городе Августово родилась я, Елисеева Нина Григорьевна, в сентябре 1940 года. Мама, Елисеева Надежда Николаевна, в 1938 году закончила Могилёвское медицинское училище по специальности фельдшер.

Тревожное время наступало для военных. Офицеры будто знали, что вот-вот начнётся война, но в то время нельзя было об этом

говорить. Вечером 21 июня офицеры быстро организовали грузовик, выделили водителя для 6 человек, молодых женщин, жён офицеров и ребёнка. Из детей была одна я. Тогда мне было 8 месяцев. Выехали мы поздно вечером, водителю машины было приказано: «Езжай вглубь страны как можно дальше и не слушай женщин, не останавливайся и не возвращайтесь назад».

Но уже на следующий день, где-то в 12 часов ночи, женщины попросили водителя остановиться, чтобы передохнуть до утра. Мы проехали не больше 100 км. Женщины расположились вокруг машины, а моя мама, со мною на руках, отошла от машины немного дальше, ближе к лесу. С одной стороны был красивый густой лес, а с другой – кустарники. Ночь тогда была очень тёплая. И вдруг, как только начался рассвет, всё загремело, в небе проносились самолёты. Сразу стало темно, начался грохот. От страха и ужаса мама схватила меня и побежала в лес. Гул, взрывы, грохот, дым. Атака была действительно молниеносной. Через некоторое время мама опомнилась, что её ждут люди, но где же они, где машина? Ей удалось выйти на дорогу. Она побежала туда, где должна была стоять машина. Действительно «должна была» стоять, но её там не было... Издали мама увидела ужас: где нога, где голова, где части машины, кровь и земля... Погибли все... Остались в живых только мы вдвоём... Первые минуты войны – ужас, боль, страх, муки. Нельзя передать всё то, что испытывала моя мама в эти секунды. Она поняла, что её муж погиб, документы догорали в разорванной бомбой машине, и мама решила идти вперёд к людям, а там уже домой к родителям, в город Горки Могилёвской области.

Добиралась она в основном пешком из деревни в деревню, иногда подвозили на подводе. Немцы наступали очень быстро и уже были почти в каждой деревне. В основном перебиралась моя мама по ночам. Люди в деревнях были доброжелательными, прятали нас, кормили, давали еды на дорогу, советовали, куда идти, иногда даже сопровождали.

Добрались домой к маминим родителям. Дедушка мой (директор семилетней школы в городе Горки), Зенькович Николай Иванович, ушёл в партизаны. Его старшая дочь Казачкова Людмила Николаевна тоже ушла в партизаны. Её муж (преподаватель Горецкого института) ушёл на войну, оставив четверых детей моей бабушке. Через пару дней мама заболела тифом. А как только она смогла встать на ноги (всё ещё болела), заболела бабушка. Поправившись, мама помогала врачу, часто ходила с доктором к

партизанам. Немцы и полицаи обходили стороной, не трогали нас. А зачем им нужны были пятеро детей и две ослабевшие женщины без какого-либо хозяйства? Скорее всего, они боялись тифа. Мамы часто не было дома и поэтому мы оставались с бабушкой, я и четверо детей маминой сестры. Во время войны были проблемы с едой. Люди голодали, но даже в таких тяжелых условиях помогали друг другу. У наших соседей была корова и поэтому изредка они давали нам по литру молока. Это молоко бабушка разбавляла с водой и давала нам. Только после войны она мне рассказывала, что мне она разбавляла меньше всего, потому что я была самой маленькой.

При наступлении партизан немцы начали потихоньку отступать. В то время немцы забирали людей и сгоняли в поезда, а потом кого куда. Кого в лагеря, а кого просто на расстрел. В тот день, когда немцы пришли за нами, мамы дома не было. Нас согнали в последний вагон, а немец, охранявший хвостовую часть, был всего лишь один. Старшей внучке захотелось в туалет, и она спросила у бабушки разрешения. Бабушка сказала нам всем, что когда немец отвернется, выбегать из вагона и бежать в рожь. «Уж лучше погибнуть здесь, на родной земле, чем в концлагере, – говорила она, – если начнут по нам стрелять, падайте и ползите в рожь, поднимайтесь, когда стемнеет». И вот, когда немец отвернулся, мы вылезли из вагона и побежали. Выстрелов не последовало, возможно, немец нас и не заметил, а может и заметил, но стрелять не стал. Ночью мы поднялись с земли и пошли домой. Пробирались тихо, чтобы нас никто не заметил.

Освободили город Горки осенью. Мы переехали с родителями мамы в город Пинск в 1945 году. Дедушка пришёл с войны, зашёл в комнату и спросил, здесь ли проживает Полина Ивановна. Бабушка стояла и смотрела на него. Она смотрела на исхудавшего человека с бородой по грудь и не догадывалась, что перед ней стоял её муж. Деда поставили работать в детдоме города Пинска. Приехав туда, мы даже не переночевали там. Дед сказал, что ни за что там не будет работать, потому что, несмотря на государственную помощь, ему не хватило бы даже своей зарплаты, чтобы прокормить и обогреть сирот. И его перевели на работу в школу директором. Несмотря на упрёки деда, мама не стала восстанавливать диплом, сгоревший при бомбёжке, а пошла учиться в Пинскую фельдшерско-акушерскую школу. Получая образование, она одновременно работала на ночных дежурствах медсестрой в городской больнице города Пинска. Закончила мама учиться в 1948 году.

Работала она в городе Пинске до 1951 года, затем работала в военном госпитале Литовской Республики до 1958 года, затем в городе Быхове Могилёвской области, в районной больнице, несколько лет, а также фельдшером скорой помощи Быховского района. Когда я просила рассказать мне о войне, она говорила: «Наше счастье, что мы с тобой остались живы!». Об участнике войны и речи не было. Все документы были у неё на руках. Она могла бы получать за это льготы. Но она говорила, что тогда все участвовали. Ей всегда хватало того, что у неё было, и она никогда не хотела большего. При восстановлении документов в паспорте ей указали 1920 год рождения, а она была 1918 года рождения. Когда можно было установить реальный срок рождения, она говорила: «Значит, я доживу до пенсии и не надо мне раньше». Ей было безразлично, сколько ей лет оставалось до пенсии. Главное, она всегда повторяла: «Счастье – жить на земле и счастье – когда твои дети рядом». Самым радостным и печальным днём в её жизни был День Победы – 9 мая.

*Подготовил к публикации
Зайцев В. В.*

ПАРТИЗАНСКАЯ БРИГАДА

Воспоминания Николая Артемьевича Ерашова

В субботу 21 июня 1941 года парень из деревни Радунь Лепельского района (Витебская область) Николай Ерашов в числе других десятиклассников веселился на выпускном вечере, который проводился в Бочейковской средней школе. Утром вернулся домой, лёг отсыпаться. А проснувшись узнал, что началась война. Было Николаю тогда 19 лет (поздно окончил школу потому, что из Радунь в Бочейково далеко было, поэтому пошёл в школу только в 9 лет). Во время сдачи выпускных экзаменов Ерашов подал документы в военкомат с целью поступления в военное училище, но вызова так и не дождался. Откуда ему было знать, что строение военкомата в Лепеле разбомбили еще до прихода оккупантов. Но они не заставили себя долго ждать. Уже в начале июля колонны немцев на грузовиках, мотоциклах и велосипедах потянулись по шоссе в сторону Витебска. Наши части отступали разрозненно, несколько ранее, пешком.

Что же делать взрослому парню? Ну не сидеть же в доме и не ждать, когда мобилизуют немцы. В Радунь немцы наведывались пару раз, чтобы пополнить свои запасы продовольствием. В начале весны

оккупанты начали активную деятельность по набору полицейских из числа сельских ребят. Кто не являлся в комендатуру по вызову, того мобилизовали силой. Николай решает пойти в партизаны, про которых ходили слухи, а находились они рядом – в Сосняговской пуще. Винтовку Ерашов сам раздобыл, подобрал её на дороге возле Бочейкова, когда произошла там стычка отступающих красноармейцев с немцами.

В августе 1942 года отряд В. Е. Лобанка из Сосняговской пуши объединился с отрядом Ф. Ф. Дубровского из Ушачского района. Командиром бригады стал Ф. Ф. Дубровский, а В. Е. Лобанок – комиссаром. А командовать отрядом стал Николай Ерашов. Николай Артемьевич вспоминает:

«Связь партизан с местным населением была крепкой. Катастрофически не хватало боеприпасов. Приходилось даже возвращаться с задания, не выполнив его. Как-то я обмолвился знакомому жителю деревни Дутчино, Андрею Паршонку, что не хватает патронов. Андрей сказал, что может достать патронов и рассказал, что знает место под Полоцком на бывшей государственной границе, где находился в 1941 году рубеж обороны наших войск. Там остались патроны и стрелковое оружие в полуразрушенных дзотах и блиндажах. На восьми конских повозках заехал в деревню за Андреем. Добрались до места без происшествий по глухим проселочным дорогам.

Нагрузили повозки так, что лошади еле с места тронулись, и без промедления двинулись в обратный путь. В лагерь доставили очень много патронов, штук одиннадцать пулемётов и много винтовок. Правда, часть оружия была не пригодна к использованию, изогнутые и обгорелые винтовки, без затворов и прицелов. Но благодаря народным умельцам все поврежденное оружие было налажено.

Первую крупную операцию на железной дороге партизанская бригада Дубова провела в ноябре 1942 года. Накануне через местных связных, которые по заданию партизан работали на железной дороге у немцев, узнали, насколько сильно укреплен перегон Зябки–Прозороки вражескими постами, о времени смены патрулей, примерном графике движения поездов.

Вечером сделали засаду. Залегли в 150 метрах от железнодорожного полотна. Ползком добрались к насыпи, заложили мину, замаскировали. Капитан Ярмаш со своим артиллерийским расчётом установил 45-миллиметровую пушку на прямую наводку.

Пушку нашли ранее в одном из дзотов. Правда, это был только один ствол, без замка. Его нашли в другом месте, а стреляющий и подъёмный механизмы, станину сделали сами партизаны-умельцы.

На рассвете послышался гудок паровоза. Приближался паровоз на небольшой скорости с пустыми вагонами. Основного поезда долго ждать не пришлось. Военный эшелон буквально полз, двигался очень медленно. Показалось, что гитлеровцы заметят партизан раньше, чем они откроют огонь. Наконец-то взорвалась мина. Ярмаш начал обстреливать эшелон из пушки. Первый снаряд попал в паровоз. Фёдор Дубровский поднял всех в атаку. Однако из паровоза открыли такой плотный огонь, что партизаны вынуждены были залечь. Дубровский сказал: «Нет, атака в лоб ничего не даст. Нужно искать другой путь. Передайте приказ ротному Звонову – штурмовать эшелон. А мы отвлечем внимание фашистов».

Гитлеровцы повернули оружие в сторону роты Звонова. В центре вражеский огонь ослаб. Дубровский уловил этот момент и скомандовал: «Вперёд!» Через две-три минуты партизаны были возле эшелона. Немцы, которые лежали под вагонами между рельс и стреляли по партизанам, бросились бежать. Остальные залезли под лавки вагонов, отстреливались. В один из вагонов забежал Егор Калитуха, дал очередь из автомата. Бросился в другой конец вагона, но ему на голову с верхней полки упал чемодан. Фашист с ножом бросился на него. Но партизана спас его друг Василий Данич, который выстрелил в немца. Борьба шла вдоль всего эшелона. Мало кому из немцев удалось спастись. Партизаны подобрали трофеи и подожгли вагоны.

После того как пушка-сорокопятка себя показала наилучшим способом в боевых действиях, разведчики нашли на опушке леса возле шоссе Лепель-Витебск еще несколько 75-миллиметровых пушек, брошенных нашими войсками во время отступления. Пушки были сильно повреждены, но одну можно было отремонтировать точно.

Неподалёку находился крупный немецкий гарнизон в Боровке. Ночью, выставив заслон в сторону гарнизона, партизаны взялись за работу. Колеса и станина вмерзли в землю и их пришлось высекать. Вскоре пушку вытащили. Подогнали лошадей, запряжённых в двуколку, закрепили пушку и потянули. Так пушка была доставлена в партизанский лагерь. Восстановить пушку было очень сложно, так как отсутствовала схема её конструкции. Но кузнец Федор Передня с помощью деталей от сельскохозяйственной техники, разбитых

машин, танков и самолётов отремонтировал её. Потом доставили еще одну пушку с шоссе Лепель-Бегомль. Она была исправной. Позже в бригаде был создан артиллерийский дивизион. Командиром был назначен Алексей Ярмаш. Тяжело было со снарядами, не хватало, но их искали возле немецких гарнизонов, посещали места боевых действий. Помогали в этом и местные жители.

В деревне Лядно стояла зенитная часть. После передислокации части, местные жители спрятали боеприпасы в лесу, а жительница деревни Любовь Михайловна Хватынец передавала их партизанам. В деревне были люди, которые принимали сторону фашистов. У соседей Любы на стене дома висел портрет Гитлера. Естественно, о связи Любы с партизанами в деревне никто не догадывался. Люба понимала, что в деревне ей оставаться небезопасно и добровольно ушла в партизанский отряд в Сосняговскую пушу. Сначала её на задания не посылали. Время шло быстро. И она привыкла к крови, бомбежкам. Плакала сначала после каждого застреленного немца, потом привыкла. Была связной. Позже отправилась связисткой в штаб.

В декабре 1942 года партизанская бригада Дубова в полном составе снова вышла на железнодорожный перегон Зябки–Прозороки в Глубокском районе. Это было холодной морозной ночью. Командир бригады Федор Дубровский перед началом операции очень долго сидел над картой, обдумывая разные варианты. Подрывники (Василий Витко, Андрей Кузьмичонок, Николай Венжык, Василий Плиговка, Степан Борисенок) направились к железнодорожному полотну. Переждали, когда пройдут патрули и заложили под рельсы мину. Потом отошли на максимально возможное расстояние от железной дороги и залегли. Все ждали. Ждали и пулеметчики, и стрелки. Всю ночь партизаны пролежали в снегу. Однако напрасно. Ни одного эшелона не прошло. Рассвело. И вдруг вдали показался поезд. Двигался на малой скорости, так как немцы боялись партизанских мин. На платформах эшелона стояли танки. «Тут вам и будет конец», – тихо проговорил Дубровский. Прогредел сильный взрыв, паровоз полетел под откос. За ним упали несколько вагонов. Партизаны открыли прицельный огонь по вражескому эшелону. Но неожиданно раздались пушечные выстрелы. Сначала никто не понимал, что случилось. Дубровского оглушило, но когда он пришел в себя, скомандовал отступать. Из-под обстрела вышли организованно. Обошлось без тяжелораненых и убитых. Уже потом мы узнали

от путейцев, что в башнях танков находились немецкие экипажи и открыли огонь из танковых орудий.

Летом 1943 года проводилась акция по сбору средств населения на нужды Красной Армии. Мне было поручено быть казначеем. Партизаны после рейдов и боёв приносили изделия из золота, советские рубли. Часть этого собирали у населения, часть отбирали у немцев. Люди сами приносили в центральный штаб облигации, которые считались ценными бумагами. Этих акций собрали целый мешок, по номиналу миллиона на три, но Лобанок приказал их сжечь, так как самолет был перегружен и учитывался каждый килограмм груза. Собрали около двух килограммов золотых изделий, было много монет царской чеканки и несколько тысяч рублей (их носил с собой в чемоданчике из-под патефона). Когда спал, подкладывал под голову, сейфа не было. Зимой Лобанок опечатал ценный груз и отправил самолётом в Центральный штаб партизанского движения. Потом пришла телеграмма от Сталина с благодарностью.

Партизаны усиленно готовились к боям. Немцам не нравились эти партизанские соединения. Враг, чтобы очистить зону, готовил карательные экспедиции. Одна из них началась 11 апреля 1944 года. Положение приближалось к критическому. В. Е. Лобанок принял решение на прорыв в ночь на 3 мая. Получилось пробить вражеский заслон, вышли в лес возле озера Шо. Немцы, обеспокоенные дерзким ночным прорывом, стали подтягивать дополнительные силы и наглухо перекрывали все проходы. Лобанок скоординировал наступать в противоположном направлении. Партизаны прорвались и заняли деревни Ровбы и Плино. Однако немцы снова подтянули подкрепление и отодвинули партизан в болотистый участок леса. По болотам били безостановочно миномёты. Лобанок крикнул мне: «Передай, Николай, комбригам приказ, чтобы срочно атаковали в сторону леса, где мы находимся». Вскоре послышалось: «Ура!». На помощь пришли партизаны из бригады имени ВЛКСМ.

Во время прорыва блокады Лобанок сильно простудился и заболел. Лечился в деревне Валова Гора. Потом доставили его в госпиталь соседнего партизанского соединения, которым командовал Мачульский. Договорились о самолете. Хорошо помню тот день, 7 июня 1944 года. Посадил я своего командира в самолет и попрощался, как оказалось надолго. Сам я потом примкнул к партизанскому эскадрону, который стоял в деревне Гадивля. Хотя какой там эскадрон: коней поели во время блокады.

В июне война началась, в июне она для меня и закончилась. Я думал, что меня при распределении в Лепеле отправят на фронт, однако оставили служить здесь в милиции, устанавливать порядок, налаживать мирную жизнь».

*Подготовила к публикации
Микуленок Д. Н.*

О ЖИЗНИ И О ВОЙНЕ

Воспоминания Михаила Терентьевича Зайца

Расскажите о своём детстве, о своих родителях.

До войны я родился, по документам, в 1930 году (мать говорила, что в 1927, но после войны документов не осталось, и год рождения ставили примерно, в зависимости от того, на сколько лет выглядел) в деревне Махновичи 15 километров от Ремезов. До войны, как говорится, детство было. До войны в 1933 году был голод, тоже помню. Страшные голодовки, не было чего есть, питались гнилой картошкой или просто очистками. Зимой тоже так. До войны закончил 4 класса.

Вас крестили при рождении?

Крестили, только тогда церкви разрушены были, но в Ремезах действовала ещё. Я православный. Мать, батька, деды – все православные белорусы.

А как Вы попали потом в партию?

В Могилеве школа партийная была, там и приняли в партию.

А как Вы жили во время войны?

Во время войны был здесь же, в лесу. Деревня спалена. Мать убили. Когда немцы окружили деревню, она убегала, и её расстреляли на ходу.

У меня было два брата и сестра. Четверо нас было. Сестра вот недавно умерла. А братья раньше. Один остался.

Случай со мной был. Малой ещё был. Гулял вдоль реки. Июль месяц, вижу как раз около самого болота подозрительно как-то, подвода какая-то, глянул – человек с автоматом, в немецкой форме. Немец увидел меня и сразу стал стрелять, хорошо, что корчи рядом были, я за них.

Потом убежал в болото. Местность неразборчивая: лоза, берёзки, самолёт летает над землёй, что где заметит, с пулемёта строчит. Я бегу, зацепился за что-то, упал. Обернулся посмотреть, за что зацепился, а там детки маленькие. Их положили, сказали лежать тихонько и мхом

приложили. Спросил где их мамы, а они сказали, что им нужно просто ждать здесь. Я прикрыл их и дальше побежал.

В войну Ваш отец пошел в партизаны или на фронте воевал?

Он был инвалид. Участвовал в Первой мировой войне. Был в плену немцев. Во время Великой Отечественной войны он был совсем слабый и к концу умер.

Однажды в деревне я чуть-чуть не попал под расстрел. Собрали около 100 человек стариков и детей. Всех, кто не успел убежать. Отвели километра на два по Мозырьскому шоссе, заставили их вырыть яму, почти в болоте, летнее время было, июль месяц. Пристрелили немного, и, считай, живьем закопали. Деревню сожгли. Один только костёл оставили. И то во время войны ночевали там какие-то войска, курили, наверное, не потушили, ушли, он и загорелся. Сгорел и костёл.

А Ваш район был партизанским?

Да, были тут партизаны даже вот рядом, где-то километров тридцать от Махнович, а последнее время вообще партизанская зона была. Потом объявился мощный партизанский отряд Колпака, потом Соборов со своим соединением, то была вообще целая армия. В Ельском районе было два партизанских отряда. Немцы уничтожали партизан, да и простых людей уничтожали. Палили живьем. Деревню Копань полностью уничтожили.

Расскажите, что с Вами было после войны.

Сразу голод был, нечего было есть. Люди умирали с голода. Особенно в таком возрасте, как я сейчас. А когда немцы отступали, они еще заразили все колодцы тифом, и тогда поголовно все болели. Тогда по лесам все жили. Тиф много забрал людей, причем умирали более сильные, а слабые как-то легче его переносили. Много людей померло от тифа.

По весне ходили по полю и искали картошку. Она перезимовала, мерзлая была, а крахмал-то остался, вот этот крахмал употребляли в пищу. Потом был около Мозыря «прудок», в этом прудку перерабатывали картофель, крахмал делали. А после переработки оставалась брага и отходы. За 40 километров на себе таскали эту брагу, из неё готовили лепёшки. Не хочется и вспоминать...

Позже уже стали хлеб продавать в Мозыре. В деревне о хлебе не слышали, потому что хлеб в деревню принести было невозможно. За ним становились очередь в 6 утра, буханки были большие, по дню и по два стояли в очередях. А если нес в деревню больше двух буханок хлеба, то это приравнялось к спекуляции, за это сажали в тюрьму. Но

как-то проносили, жить-то надо было, детей много, кормить как-то надо.

После войны сразу же пошел трудиться, зарабатывать на хлеб. В четырех километрах от города было предприятие «Смолзавод», там смолу гнали. Вот там работал где-то 2–3 года. Делал бочки под смолу. В летнее время нужен был материал для этого завода, так я «взрывником» работал. Рвали пни сосновые, подкапывали и вытаскивали. С этого сырья добывали уже уголь, смолу, скипидар. Были и другие такие предприятия.

Когда работал на заводе, у нас была временная хатка, на скорую руку её сделали. Метра четыре на пять. Там и жили. А первое время рыли землянки, брёвнами обставляли, дёрном обкладывали, на середину клали солому, её жгли, так и отапливали. Люди, у которых хаты не спалены были, жили лучше, это я знаю. Даже помню после войны, малыши были пацанами, собрались, поехали в западные области Украины. Там мы как-то подзарабатывали, добывали хлеб. И оттуда попутными поездами таскали его, чтобы прожить, не умереть с голода.

Потом люди укреплялись, стали строить хатки. Государство окрепло, появлялась техника. Но от государства был только вред населению, налоги платили, а с колхоза ничего не получали. На трудодень в конце года давали копейки, а толку было от тех копеек. Раньше коробок спичек стоил 1 копейку. Хлеб очень плохо уродился, потому что первые годы в колхозе коровами пахали, на себе люди пахали, лопатами копали. Какой может быть урожай. А что и вырастало, то колхоз всё забирал, людям ничего не оставалось. Если корова была, сдавай молоко, мясо. Деньгами плати. А у кого не было, тот летом ягоды, грибы сдавал – оплачивали эти налоги. Давали землю по 30–40 соток, они облагались налогом. Потом налогом облагалось каждое дерево, каждый улей, если пчёлы были. Платить нужно было вовремя! Если не платили, то и последнюю корову забирали.

После работы на смолзаводе мне захотелось ехать продолжать свою учёбу. Поехал в Минск, 9 месяцев учился, окончил школу киномехаников. Вернулся назад. До ухода в армию (в 1950 году) работал в «кинопредвижке» киномехаником. После работал в РАЙПО страховым инспектором два года.

А Вы помните, как в Вашем районе восприняли смерть Сталина?

Я в армии был тогда. Но все по-разному восприняли его смерть. Кто смеялся, кто плакал. Но смеяться было опасно, сильнейшее НКВД было. Ночью могли приехать, забрать и всё – человек пропал. Очень многих забирали до войны, в 1935–1936 годы. Бывало, что и на месте

расстреливали. Например, в тоннелях, под Мозырем: заводили человека и в затылок стреляли и никому никаких извещений.

А как сложилась Ваша жизнь после армии?

После армии нужно было жениться уже, никого ведь нет, я один. Женился, нужно было строить дом. Работал два года в лесничестве простым рабочим. Нужно было добывать на что жить. Потом в колхоз перешел, там работал на тракторе. В колхозе работал до 1960 года. Построил дом. Из колхоза был отправлен на учёбу в Могилев. Окончил Могилёвскую советско-партийную школу. Обрато вернулся на своё место жительства. Работал в колхозе сначала бригадиром года два, а потом агрономом до выхода на пенсию. Вот такой у меня жизненный путь. На пенсии уже более 20 лет. Путь не из лёгких был.

Вот такой путь. Было тяжело. Сейчас уже можно жить. Пенсию получаю. В семье у меня три дочки и сын. Все взрослые, поженились, имеют свои семьи.

*Подготовил к публикации
Уваров Д. А.*

СТРАНИЦЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Воспоминания Марии Карповны Каружель

Мария Карповна родилась в 1929 году в деревне Городец Кировского района Могилевской области. Ее мама – Михолап Макрина Никитовна всю жизнь работала в колхозе. Отец – Михолап Карп Адамович до войны работал председателем колхоза в своей деревне, погиб в самом конце войны. Кроме Марии в семье было еще четыре сестры: Ольга (1920 г.р.), Анастасия (1922 г.р.), Евдокия (1926 г.р.), Галина (1937 г.р.).

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Марии Карповне было 12 лет. В тот день она с сестрами сажала на огороде чеснок и вдруг в небе увидела самолеты. Сначала летели самолеты с красными звездами, а за ними – самолеты со страшными черными крестами. Ольга объяснила младшим, что первые – это наши, советские, а с крестами – это фашистские. И тут девочки увидели, как советский самолет стал падать. Упал он недалеко от деревни и все дети побежали туда. Летчик с парашютом висел на сосне. Мальчики срубили дерево и сняли его. Нашли две палки и стали перевязывать их платками, рубашками, чтобы получились носилки. На них положили раненого летчика и понесли. Каждые

полчаса дети менялись. Когда пролетали немецкие самолеты, ребята прятали летчика под кусты и ложились на него. А он говорил: «Пчелки, мурашки, бросьте меня». Но дети несли. Так дошли до деревни. Уложили летчика на кровать, показали взрослым. У него было восемь ран. Сообщили в Кировск. Приехали люди и увезли его. Потом из Кировска летчика направили в Могилев.

27 июня Мария пошла в лес за ягодами. Там она увидела партизан. Они сказали, что в Городец идут немцы. Девочка побежала домой и всем сообщила. Молодые и пожилые мужчины пошли в партизаны, а женщины и дети остались. Среди оставшихся были и подростки.

В деревню пришли немцы и стали собирать всех, кто остался в деревне. Мария спряталась в картошке, а ее сестры и мама пошли в школу, где всех собирали. Там их хотели расстрелять, но вдруг к воротам подъехала большая машина. Из нее вышел немец и отдал приказ, чтобы молодых парней взяли в полицаи, тогда все останутся живыми. А если нет, то всех расстреляют. В полицаи выбрали 15 человек. Они не хотели, но люди плакали и упрашивали. Ребята согласились пойти в полицаи, потому что лучше, решили они, пускай погибнет 15 человек, чем расстреляют всю деревню (спустя год 10 из них погибли, а 5 воевали в партизанах). Немцы забрали полицаев, а остальных отпустили. Фашисты выбрали для жилья школу, окружив ее колючей проволокой. Через некоторое время они стали жечь дома в деревне. Люди прятались в лесу, делали там небольшие шалаши (они называли их «курани»), думали, что это ненадолго. Но война продолжалась. Людям нечего есть. Женщины собирали листья конюшины, хвощ, гнилую картошку сушили и пекли коржи.

Часто фашисты ходили по лесу и искали партизан. Сестру Марии, Евдокию, однажды чуть не убили, она не успела спрятаться и стояла посреди леса. Люди так и не поняли, почему немцы ее не тронули, просто прошли мимо.

Однажды Мария с отцом стояли на поляне, как вдруг в небе стали летать вражеские самолеты и бросать бомбы. Девочка так испугалась, что не могла сдвинуться с места. Ее отец побежал, думая, что дочка бежит за ним. Когда оглянулся, то увидел, что она стоит посреди поляны, а рядом рвутся бомбы. Отец подбежал к Марии, схватил ее и понес в лес, подальше от взрывов.

Тяжелой была жизнь в лесу, и многие люди возвращались в деревню. Они жили в полусоженных сараях. Говорили, что хоть и тяжело, зато дома. Недоедание и холод сказывались на здоровье

жителей. Люди долго не мылись, поэтому было много вшей, блох, клопов, тараканов. Появились болезни. Особенно страшным был тиф. Сестра Марии, Евдокия, болела тифом. Мама прятала ее, чтобы не узнали немцы. Они очень боялись этой болезни и могли сжечь оставшиеся дома вместе с жителями.

Фашистам кто-то донес, что Настя (сестра Марии) связана с партизанами. И ее посадили в Кировскую тюрьму. Однажды девушку попросили принести воды. Она давно видела оторванную проволоку. Настя бросила ведро в колодец и убежала. Когда немцы пришли за ней, то увидели, что она сбежала, и поехали разыскивать. Настя побежала к своей тете, которая жила в Кировске. Она дала ей платок, ботинки и дырявую шубу. Девушка побежала в деревню Селица, попросить убежища у своей подруги Кристины. В то время немцы как раз приехали туда. Они ходили по домам и объясняли, что ищут девушку: невысокую худую с черными волосами. Дошла очередь и до дома Кристины. Так как дом был небольшой, то спрятаться было негде. Тогда Насте сказали, чтобы она села возле печки, низко опустила голову и толкла картошку. Фашисты походили по дому, но так никого и не нашли.

В деревню часто приходили партизаны. Люди давали им еду – что у кого было. Мария помнит, как у них убили свинью, ее ела вся деревня. Но еды всегда не хватало.

После войны Мария вышла замуж. Ее муж – Каружель Бронислав Михайлович (1929 г. р.) фронтовик, имел очень много медалей. Работал трактористом в колхозе. Мария Карповна работала сначала в бригаде, затем в столовой поваром и одновременно уборщицей в конторе. В семье Каружелей три сына: Виктор, Анатолий и Станислав. В 2001 году умер Бронислав Михайлович. В настоящее время Мария Карповна живет в деревне Городец. Прошло много лет с тех страшных военных дней, но, вспоминая о них, она плачет...

*Подготовила к публикации
Казакова В.*

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ – НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

Воспоминания Дарьи Ларионовны Кацер

Матери исполнилось 80 лет. Её зовут Дарья Ларионовна. За плечами нелёгкая, но по-своему счастливая жизнь. Мать вырастила двоих детей, дождалась внуков и правнуков. За долгую жизнь она испытала горечь утраты родных и близких в годы войны, на её глазах прошла трудная довоенная жизнь родителей в деревне Ржавцы Шкловского района, извела она и нерадостные пути послевоенной судьбы. Она одна из многих белорусов, на долю которых выпало много неурядиц. Мать помнит до мелочей разные случаи своей биографии и на старости лет любит их вслух проговаривать. Факты живого очевидца XX века, моей матери, хотелось бы запечатлеть в данных воспоминаниях.

Дарья Ларионовна родилась 26 марта 1926 года. До войны закончила 7 классов сельской школы, что по тем временам было на уровне неполного среднего образования. Она вспоминает:

«В школе любила гуманитарные предметы: географию, русский, белорусский, немецкий языки, до сих пор помню отрывки стихов, названия государств, немецкие фразы. Мечтала стать медсестрой.

Родители вступили в колхоз, но корова у нас осталась и я за ней ухаживала, пасла, и доить умела. Школьников часто посылали полоть коксагыз (коксагыз – растение с желтыми цветами и длинным корневищем), который выращивали до войны для резиновой промышленности. Для культурных мероприятий использовали школу или большое гумно, где организовывали концерты. Под занавес очень популярной звучала песня «Если завтра война». Хлопцы подпевали артистам и, к сожалению, они погибли почти все. Перед войной в деревне построили новый клуб, который потом немцы в 1943 году разобрали на блиндажи.

Родители много работали. Отец Ларион Апанасович работал в колхозной строительной бригаде, даже один год строил мост через Днепр. Отец иногда подрабатывал в выходные. Возил товары еврейским торговцам в Оршу или в Могилёв. Мать, как звеньевая по льну, брала меня с собой, поэтому я быстро лён брала, вязала в снопы. У родителей было пятеро детей, однако трое умерло от болезни до войны, а сестра Тоня в конце войны.

До войны в сельсовете на учёте был домашний скот, каждый хозяин животного (особенно свиней) должен был облупить и сдать кожу государству, иначе его могли осудить. Репрессии деревню

миновали, только исчез один мужчина, которого объявили «врагом». Он бросил на бумажной фабрике во время работы папиросу, и что-то там загорелось».

Война всё перечеркнула. О её начале узнали в тот же день, поскольку город был рядом, известия по радио дошли быстро. Время немецкой оккупации оставило неизгладимый след в сознании матери, поэтому она часто возвращается к событиям пережитого в годы войны. Ей было 14 лет, когда началась война. Дарья Ларионовна со своей матерью и младшей сестрой Тоней оставались на оккупационной территории все три года войны. Жили в деревне Ржавцы в пяти километрах от Шклова. Отец Ларион Апанасович был призван на фронт, когда в начале войны погнал пасти коров. Погиб в марте 1943 года в Орловской области, о чём семью известили после войны похоронкой.

Мать помнила, как в начале войны наши части отступали к Оршанскому шоссе. Жертв войны она насмотрелась вдоволь. Уже в первую неделю войны хоронили убитого жителя деревни, который собирал по дорогам на телегу одежду, брошенную красноармейцами. Однажды утром во рву около деревни она слышала выстрел, как оказалось, был убит наш военный из отступающих. Односельчане говорили, что убили его свои, за что – неизвестно. Там же во рву его и похоронили.

В соседней деревне Кучарина находилась немецкая комендатура. На постое в домах жили немцы, свирепствовали полицаи. На собрании сельчан был избран староста Максим, вёл он себя благоразумно, часто предупреждал и выгораживал людей от акций оккупантов. После освобождения, при разборе его действий в Шклове, его защищали сами жители, тем более, что сын Володя был в партизанах в Бельничском районе.

Жизнь текла соразмерно времени и обстоятельствам, которые несли постоянную опасность. Трагический случай произошёл накануне освобождения, весной 1944 года. Дарья с матерью была в поле, а сестра, ей было 13 лет, осталась дома. В это время мужчина, видимо убежав от окопных работ, спрятался к ним в дом. Немец, который его преследовал, нашёл беглеца, сбросил его с чердака, избил до полусмерти, пригрозил, что подожжет дом, так как здесь укрывали бандита. Перепуганная сестра побежала к матери, а затем к старосте, который убедил немца, что беглец чужой человек и в деревне неизвестен. Испуг сильно подействовал на девочку, к испугу

добавился тиф, который был распространённой болезнью в эти годы, Тоня стала болеть и через год умерла.

Мать чудом уцелела от угона в Германию. В 1942–1943 годах немцы периодически организовывали в деревнях «хапуны» (это когда немцы ходили по домам и забирали молодых девушек и парней для отправки на работы в Германию) или рассылали повестки с явкой на пункты сбора. После одного такого вызова мать и её сверстницы, девушки 16–18 лет, собрались в указанном месте, однако транспорта в тот день не было. В дальнейшем мать пряталась во рвах, в шалашах, укрытиях, измазывала тело, лицо, чтобы выглядеть больной. Иногда староста предупреждал жителей о предстоящем «хапуне».

Вместе со всеми жителями мать радовалась освобождению от фашистов, надеялась, что отец вернётся с войны. Между тем трагедии не заканчивались. Ещё три могильных холмика появились на сельском кладбище. Трое мужчин, радуясь свободе, после работы отдыхали на Днепровском пригорке и были скошены пулемётной очередью с другого берега. Осталась загадка, кто были эти убийцы – прятавшиеся от возмездия немцы или доморощенные бандиты? Через год деревня хоронила ещё четыре жертвы войны. На поле, где скирдовали солому, юноша нашёл снаряд. Баловство закончилось тем, что прогремел взрыв, сам виновник, женщина и две девушки, среди которых была подруга матери Поля, погибли. Мать работала в этот день в бригаде на другом поле, где убирали гречиху. Она часто говорит, что Бог решил, чтобы она жила, несмотря на то, что война отняла у неё отца, сестру и других родственников.

Начиная с 1945 года, Дарья Ларионовна долго работала бухгалтером в Шклове, в госучреждениях: райуполминзаге, райфо, райсобесе. Отпустили её из деревни в город с паспортом, так как семья потеряла кормильца. Из своей деревни она одна работала в городе служащей, а остальные ходили работать в Шклов на льнозавод и бумажную фабрику «Спартак». Работая в городе, мать вынуждена была ходить домой и на работу за пять километров, так как автобусов не было. Она вспоминает: «Зимой шли в снегу по колено, мужчины дорожку протапывали, а мы шли вслед». В холод ноги укутывала листами бумаги под чулки. Дома ждала мать. Позднее купила дамский велосипед для работы. После войны вплоть до 1956 года работников промышленности и бюджетной сферы заставляли подписываться на государственный займ. За год работник должен был отдать месячную зарплату или сразу, или по частям. Выдавали займовые облигации, по которым дальше можно было выиграть в

конце года. Матери удавалась несколько раз выиграть небольшие суммы денег и даже патефон. За собранные деньги обычно мать покупала коров. В доме было много пластинок с именами известных певцов Бунчикова, Нечаева, Руслановой, сестер Лисицыан, хора имени Пятницкого, частушек. Летом вечерами песни играли на улице, собирались соседи слушать, видимо, с того времени и нынешняя моя любовь к пению. Как наиболее грамотная в деревне, мать помогала другим людям отыскать своих родных, пропавших без вести на войне. Мать очень дорожила своей работой, выполняла её безукоризненно, на счётах считала быстро. До сих пор память у матери изумительная. Помнит по фамилиям своих бывших клиентов из разных деревень. В связи с тяжелой жизнью в деревне мать вывезла семью на место жительства на Урал в Свердловскую область, где прошло и моё школьное детство. В конце 1960-х вернулись назад в Шклов.

В настоящее время Дарья Ларионовна 11 лет живёт в нашей семье. С нами также живёт участник Великой Отечественной войны, отец моей жены, Лавренков Николай Тимофеевич, 1927 года рождения, уроженец Смоленской области. Долгое время он жил в Орше. Работал токарем на заводе «ЛегМаш». Николай Тимофеевич был призван на фронт в конце 1944 года и дошёл со своими сослуживцами следом за наступающими войсками до Восточной Пруссии. Он имеет медаль «За победу над Германией». Сегодня он по состоянию здоровья не очень много помнит, чтобы воспроизвести фронтовые будни. Всё что удалось у него узнать – это участие в операциях, когда вылавливали остатки немецких войск и власовцев, скрывающихся в тылу. Дедушка гневно об этом говорит: «Побили мы их немало, патронов не жалели». Он говорил, что по поводу власовцев, якобы, было распоряжение от Сталина, чтобы в плен предателей не брать и уничтожать на месте.

Мать и Николай Тимофеевич беседуют о прошлом, но, в основном, вспоминают послевоенную жизнь. Эти свидетельства – яркий слепок жизненных перипетий и трагедий, которые испытала практически каждая белорусская семья.

*Подготовил к публикации
Костеров А. П.*

БЫЛО СТРАШНО

Воспоминания Марии Ефимовны Клыпутенко

Когда фашисты пришли на землю Брянщины, то многие молодые ребята, которых рано было призывать на фронт, убежали из деревни и попрятались в лесах. Партизанских отрядов еще не было.

Нас, молодых девушек (в 1941 году мне было 20 лет), родители, скрипя сердцем, отправляли к ребятам, чтобы мы отнесли им еды. Нам нужно было сделать все возможное и невозможное, чтобы немцы, патрулирующие по селу, не догадались о цели нашего перемещения за околицу. Приходилось совершать «ходки» один раз в день, иногда в два дня. Страшно было, аж жуть.

Мы патрулю объясняли, что идем собирать щавель для супа, щей или борща. Ребята нам его заранее собирали, чтобы можно было показать немцам, когда мы возвращались по домам. Продуктов обычно брали с собой столько, чтобы не вызвать подозрения. Но мы одного не учли – слишком часто ходили за щавелем. Дежурившие немцы, наверное, подозревали нас в том, что мы помогаем своим ребятам. Они очень сильно ругались, устраивали нас, жестами показывали, что убьют за связь с партизанами. Однако нас пропускали. Никто из нас не пострадал.

В то же время нашлись односельчане (самым большим негодяем из них был Гриша Шевцов), которые знали, где формирующийся партизанский отряд спрятал (закопал) припасы. Сначала они сами воровали продукты, затем сообщили немецкому командованию о них. Впоследствии они выдали и активистов партизан. Из-за них были пойманы несколько ребят, пришедших за продуктами. Все ребята были расстреляны. Если бы я могла, то сама бы расстреляла односельчан-предателей. Все они (10–15 человек) потом согласились служить фашистам в полиции. А некоторые в 1944 году (среди них и Шевцов Г.) ушли с отступающими немцами на запад.

Самым странным для меня было то, что никто из наших молодых (на то время) предателей не принадлежал к зажиточным семьям. Одного из них раскрыла МГБ в конце 1950-х годов – он работал на Германию, проживал по чужим документам на Дальнем Востоке.

Сколько живу, столько удивляюсь тому, насколько мы, люди, обладаем неодинаковыми душами.

*Подготовил к публикации
Жуков В. З.*

Я ВИЖУ ЭТО ВО СНЕ

Воспоминания Фаины Павловны Козловской

Война. Страшное слово. До сих пор она мне снится. Снятся немцы, которые гнались за мной, грохоты войны, бомбежки. Я родилась 1 мая 1932 года. До войны окончила два класса.

Вспоминаю 22 июня, день войны. Было воскресенье, мы с бабушкой пошли в лес, чтобы нарвать травы корове. Возвращаясь домой, еще в коридоре, услышали плач в доме. Плакали соседи, собравшиеся в нашем доме. Страх был виден в глазах и моих родителей. А братья и сестры, забравшись на печь, громко голосили. Эта картина до сих пор стоит в моих глазах. Страх охватил и меня. Началась война. А на четвертый день войны родился мой брат Костя.

Первые дни войны жили в ожидании чего-то ужасного. Наш поселок был небольшой, всего 20 домов, в соседнем доме жил председатель колхоза. Однажды к его дому подъехала машина полная малых детишек. Это какой-то детдом, вернее детей какого-то детдома вывозили на Восток. Дети громко плакали, люди выносили им все вкусное, что было в крестьянских домах.

Началась служба в церквях. Мы с бабушкой пошли в церковь, в соседнюю деревню, а возвращаясь назад, увидели, как из леса стали выходить наши красноармейцы. Они шли строем. Я испугалась, бабушка сказала, что это наши, а не немцы. Мы их ещё не видели.

Мы шли к ним навстречу. Они поинтересовались: «Нет ли в деревне немцев?». Бабушка сообщила, что немцев ещё не было. Так ровным строем они шли рядом с нами. Наш дом стоял в конце поселка. В дом они не зашли, а стояли во дворе и по очереди пили хлебный квас, который обычно летом делали мама и бабушка. Родители отдали им хлеб, который был в доме, и сало. Они расспросили у отца дорогу на Восток.

Спустя несколько дней и немцы появились в деревне. Они расположились в большом саду нашего соседа, где зрела рожь. Деревья все вырубили, рожь вытоптали, пчелиные улья залили водой и бегали с рамками меда, роготали. Куриный крик шел по поселку и визг поросят. Откручивали головы курам, лазили по гнездам. В одних трусах носились. Впервые мы увидели голых людей на улице.

В каждом доме детей было много, но их нигде не было видно, замолкли детские голоса, прекратилась детская игра на улице. Скоро немцы оставили поселок и разместились в лесу. Привозили в поселок

большой бак супа, наливали людям в ведра, щелкали фотоаппаратом, мы тогда, конечно, не понимали, для чего они это делают.

Переловив кур и малых поросят, взялись резать овец и бить свиней. Люди начали прятать свою живность. Но куда её спрячешь? По поселку пронесся крик: «Немцы!». Бабушка попросила загнать наших свиней в лес. Я через огород погнала их через колхозную рожь в лес. Рожь была низкорослая. Немцы бежали мне навстречу. Свиньи побежали в лес, а я – домой. На улице я слышала немецкую речь и голоса моей мамы, бабушки и соседей. Я переоделась и выбежала на улицу, думая, что немцы меня не узнают. Немец схватил меня за воротник и начал трясти. Мама начала плакать, просить, чтобы отпустили меня. Обошлось. Скоро всю живность в поселке забрали. У нас еще было три утки, мы их дома не держали, они жили в болоте, которое было рядом. Я им днем носила в миске еду. Однажды я понесла им кушанье и, не доходя до болота, услышала немецкую речь. Немцы шли ко мне. Стало страшно. Утки приплывали ко мне, когда я сидела на корточках и кормила их. Если я стояла, они ко мне не подплывали. Немцы давали мне понять, чтобы я их манила. Долго я стояла и звала уток. Раз они выплыли, немцы выстрелили и поранили утку. Больше утки не показывались. Немцы ушли. Поздно вечером уток выловили и зарезали.

В начале войны немцы открыли школы. Мы пошли в школу, но через неделю-две, явившись в школу, мы узнали, что учительницу схватили немцы. Больше мы её не видели.

Как-то поздно ночью к нам пришел староста деревни и привел раненого советского офицера. Староста был связан с партизанами, его сыновья были уже в партизанах. Недели две офицер у нас был, а потом ушел в партизаны. Но его быстро схватили немцы, долго пытали в Бельничках, а потом увезли в Могилев и там убили.

В соседней деревне Кудин стоял немецкий гарнизон, в Головчине тоже был немецкий гарнизон. Наш поселок был как в кольце. В страхе жили день и ночь. Днем являлись немцы, а ночью – партизаны. Папа был разведчиком у партизан. Они приходили ночью, брали папу и ехали к гарнизону. Папа шел в разведку. Если засады не было, партизаны шли выполнять свое задание. Почти каждую ночь мы тряслись, ожидая отца. Однажды партизаны пришли поздно вечером, а папа лежал больной с высокой температурой. Они заставили его больного идти в разведку. По пути они чуть не попали в засаду немцев. Партизаны умчались, а мы на снегу собирали

каждую соломинку, боясь, что утром явятся немцы и заметят, что около дома стояли сани партизан.

Вечером всегда завешивали окна, чтобы не проникал свет на улицу, а дом освещала маленькая коптилка. Ужас охватывал нас, когда мы слышали сильный гул немецких самолетов, груженных бомбами, казалось, что земля трясется.

Однажды мы с бабушкой пошли в церковь в местечко Головчин, возвращаясь назад, не доходя до леса, мы увидели вооруженного всадника. Это был полицай, он спросил у бабушки, куда мы ходили, бабушка ответила, что были в церкви. Оказалось, что в этот день в нашей деревне забирали молодежь, чтобы отправить в Германию, и многие прятались в лесу.

Вскоре я заболела тифом, а потом и вся наша семья. Болели страшно. Взрослые и дети умирали и в нашем поселке. Однако смерть миновала нашу семью. Люди в гарнизоне ещё держали коров. Я со страхом шла в гарнизон просить молока, чтобы поддержать больных братьев и сестер. В конце деревни стоял часовой немец, он обыскал меня, я, как могла, объяснила ему, что иду просить молока для больных. Пока выздоравливали родные, я ходила в гарнизон за молоком, часовые меня пропускали, глядя на маленькую худенькую девочку с блюдечком в руках. Мне часто снится это во сне.

В конце войны мужчины ночью охраняли свое селение. Папа каждую ночь уходил то в разведку, то охранять поселок.

В войну в нашей деревне стояли беженцы, почти в каждом доме. У нас тоже было шесть человек беженцев: две женщины и четверо детей и нас было десять человек. Жили все одной семьей. Вместе топили печь, варили еду, убирали, занимались стиркой. Десятки лет мы переписывались с этой семьей. Сейчас потерялись.

В конце войны наши самолеты летали, разбрасывали листовки, мы их собирали, узнавали, как продвигается фронт, какие населенные пункты освобождены. Взрослые знали, что скоро освобождение. Ночью партизаны громили гарнизон в деревне Кудин. Мы не спали всю ночь и слышали залпы и крики, хоть это три километра от нас. В местечке Головчин немцы оставляли гарнизон. По боевой дороге Головчин – Бельниччи шли машины за машиной. Немцы удирали.

Люди стали прятаться в окопах. Спряталась и наша семья. Папа попросил меня и сестру отвезти на коляске кадки и бочки и спрятать в болоте. Кое-где вода была выше головы. Только мы стали опускать бочки в воду, как подлетел и низко опустился немецкий самолет и

начал стрелять по нам. Пули около нас динь-динь. Мы в воде, около бочек, до самого рта. Остались живы. А под вечер немецкая машина, груженная фрицами, остановилась недалеко от нашей деревни, и немцы из пулеметов начали строчить по нашему поселку. Люди все сидели в землянках. Беда миновала.

Наш поселок заполнили наши освободители. Им дали несколько минут отдыха. Солдаты как вскочили в дом, так сразу бросились кто на кровати, кто на скамейку, кто на пол. Уснули мертвым сном. Бабушка моя стояла, смотрела на них и плакала. Тут уже приказ: «Подъем!». Все на ногах, только один солдатик на скамейке спит. Товарищи трясли его и за уши и за нос дергали, тумака давали, а он спит. Доложили командиру. Тот вскочил в дом, крикнул: «Подъем!». Солдат как будто и не спал. Мы стояли и дивились.

А утром наши освободители, машина за машиной, пехота за пехотой, весь день шли и шли. Мы, дети, побежали утром на боевую дорогу, по которой драпали немцы. Мы нашли двух убитых коров, целый склад мин в ящиках. Мы стали их выбрасывать из ящиков, а ящики хотели забрать домой. Машина остановилась, солдаты нас отругали.

На следующий день мужчины призывного возраста получили повестки из военкомата. Также и наш отец. Он говорил, что прошагал пешком от Белынич до самого Берлина, сражаясь с врагом. Плохо, что мы его воспоминания не записали. Один факт сильно запечатлился в моей памяти. Бой страшный. Перед Польшей надо было взять высокую железнодорожную насыпь, а за насыпью сидели немцы. Красноармейцы шли плечом к плечу. Немцы атаковали. Шквал огня лился на наших. Солдаты замертво падали на землю. Командир давал приказ брать насыпь, сильно ругаясь. Кто вскакивал на нее, лежал мертвым. Командир приказ за приказом заставлял лезть на насыпь. Сам вскочил и упал мертвым. Заступил новый командир. Он разбил солдат на группы, и каждая группа по его приказу одновременно должна была вскочить на насыпь. Так и сделали. Немцы стали выскакивать из своих укреплений и бежать в лес, а наши – за ними. Немцы в лесу опомнились. Когда наши вбежали в лес, немцы стали окружать их. Связи не было. Пришлось выходить из окружения. Папу в этом бою ранило. После госпиталя он с боями дошел до Берлина, награжден двумя орденами «За Отвагу» и орденом «Участник войны».

*Подготовил к публикации
Хиревич Р. А.*

ФРОНТОВАЯ СЕСТРА

Воспоминания Анны Васильевны Колтович

Я родилась весной 1923 г. в деревне Подкостельцы Россонского района Витебской области. Точную дату рождения не помню, да и не нужно это было: в нашей семье такие празднования, как сейчас, мы не устраивали. Детей в семье было двое: я и мой старший брат Коля. Жили мы бедно, из хозяйства была одна худющая корова. Отец и брат мой болели и умерли до войны. Мать работала медсестрой в местной больнице. Я часто ходила с матерью в больницу, иногда мы там даже ночевали, потому что там было теплее и были хоть какие-то койки. Я пошла в школу в 7 лет. Когда кончила восемь классов, меня вместе с подругой направили в село Боровуха, где мы работали медсестрами. Перед этим нас хорошо обучили на медицинских курсах, также мы обучались и военной подготовке.

Совсем скоро, 22 июня 1941 года, началась война. Сразу после начала войны я стала работать в инфекционном отделении. Только приехала туда, а на столе лежит повестка. Я читаю, а там: «Явитесь в военкомат, чтобы быть там зарегистрированной». В военкомате нас продержали недели две, пока формирование шло, затем нас распределили, я попала в военный госпиталь под Витебском. Немцы у нас бомбили сильно, раненые поступали целыми эшелонами. Моей задачей было обрабатывать раны. Раны обрабатывали в основном йодом. Еще поступали с ожогами, тут надо было смазывать марганцовкой. За войну столько раненых перевидала! По инструкции должна была у них оружие забирать, да только в основном все без оружия поступали.

Работали в госпитале, пока не валились с ног. Кормили нас плохо, в основном кониной. Один раз, когда еды совсем не было, командир собрал бойцов и приказывал им идти на поле боя и вырезать у лошадей мясо. Иногда нам выдавали сухой паек: сухари, чай и сахар. Один раз давали даже консервы из сала. Было так, что от голода шатались зубы. Тогда мы ходили в лес за клюквой на болото. В госпитале я познакомилась с санитаркой Настей, которая тоже по распределению попала в наш госпиталь. Мы с ней подружились, работали часто в паре. По вечерам пели песни.

Один раз мне с Настей было поручено сопровождать раненых солдат, которых везли помыться (в лесу нашли какую-то баньку). Нам надо было продезинфицировать раненых. Только подъехали к бане, как начался обстрел. Все сразу загорелось внутри грузовика, кто в

кузове сидел – выскакивал, мне тоже удалось выскочить, но на меня полетели бензиновые канистры, тут меня ранило сильно в ногу. Но мне тогда удалось выбраться. В ближайшем медсанбате мне продезинфицировали рану, сунули ногу в большой сапог. Я так дней десять пролежала, пока не почувствовала, что можно ступать. Мне тогда разрезали сапог и дали новые сапоги, и я вернулась в госпиталь.

Страшный случай, который я видела на войне, был зимой, после того как меня ранило. Тогда меня отправили сопровождать конницу, нагрузили в сумку больше обычного лекарств и даже выдали две булки хлеба, которыми с нами поделились солдаты. Они тогда раздобыли их у жителей местной деревни. Ехали мы с самого утра, а к вечеру остановились отдохнуть в ближайшем селе. Я и еще одна женщина оказались в хате, в которой жили молодая мать и ее сын, которому на вид было годика четыре. Женщина напоила нас чаем и постелила нам возле печи. Сына положила на уклад, а сама пошла спать на лавку.

Под утро мы услышали перестрелку. Все полезли прятаться в сарай. Солдаты долго отстреливались, но немцы все равно перестреляли их, у них оружие было лучше. Мы сидели в сарае и смотрели в щели. Тут совсем близко мы услышали немецкую речь. Немцы смеялись и кричали. Женщина тогда прижала к себе сына и рукой закрыла ему рот. Но внезапно мальчик вырвался и побежал к двери. Женщина тут же вскочила и побежала за сыном, но было уже поздно. Немцы заметили их. Один из них что-то сказал и направил дуло пистолета на мать. Потом громко засмеялся и перевел дуло на сына. Мать упала на колени и стала кричать и молиться, но немец выстрелил в сына. Мальчик упал, и снег вокруг стал тёмно-красным от крови. Мать закричала, и тут же следующий выстрел был направлен ей в живот. Она упала на бок. К ней подошёл тот же немец и выстрелил ей в голову. Потом другой немец выпустил несколько пуль в сарай, чтобы проверить, есть ли там еще кто. Но мы лежали на земле, по разные стороны сарая. Пули в нас не попали.

Немцы ушли. Они забрали наших лошадей и другую скотину, которая была в селе. Я вернулась в госпиталь, а оттуда меня перераспределили в санбригаду под Поставами, где я встретила окончание войны. Там я сначала брала кровь на анализ и в пробирках носила в лабораторию, а потом меня поставили работать в пункт приема раненых, где я должна была сортировать их по степени ранения. Тут мы со всей нашей санбригадой встретили окончание войны.

Когда война закончилась, я вернулась в родную деревню. Вскоре вышла замуж за односельчанина Алексея, который к тому моменту вернулся с фронта. За войну мне дали медаль «За победу над Германией».

*Подготовила к публикации
Карпеченкова В.*

ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ МЕНЯ ПОХОРОНИЛИ **Воспоминания Адама Яковлевича Корытко**

О том, что началась война, никто не знал. Я жил в деревне Дашковка Пропойского района, работал в колхозе. В тот день все были на полях. Вдруг услышали непрерывающийся тяжелый гул – летели самолеты. По ним и определили, что началась война. Радио не было, сообщений мы никаких не получали.

В сентябре 1943 года нашу деревню освободили. Фронт продвинулся на 9 километров и остановился на реке. Меня и еще пять ребят, таких же, как и я, направили в военкомат. Так как Пропойск (ныне Славгород) был занят еще немцами, мы пошли пешком в Хотимский военкомат. Мне тогда было 17 лет.

Обучали нас в Марийской ССР два месяца. В декабре 1943 года я попал на Украинский фронт. Бой за боем, километр за километром мы освобождали нашу землю от фашистской навалы.

7 июля 1944 года я впервые был ранен. В это время мы наступали на город Ковель, оборонялись на станции Кошары. Все произошло на закате дня. За железной дорогой находился лес, откуда и стрелял немецкий снайпер. В перестрелке меня ранило осколком в правую сторону груди. От неожиданности я остановился. С левой стороны от железной дороги находилась насыпь около 50–70 см. Туда я и спрятался. Снайпер стрелял, видимо, в голову, так как пули летели всего в 1,5–2 сантиметрах от головы. Я старался двигаться вдоль самих рельс, потому что пули от них отскакивали и летели выше моей головы. В своем спасении мне помог опыт ведения боя. Когда стемнело, пошел к своим. Иду, а впереди виднеется огонь. Это двигалась машина, и солдаты собирали раненых и убитых. Я был ранен не тяжело, поэтому стал им помогать. Это было страшное и чудовищно жуткое зрелище: кто без ноги, у кого рука висит только на коже... Меня отправили в госпиталь, автомат забрали. Прооперировав, вынули осколок, перевязали.

Госпиталя как такового не было. Все раненые были размещены по домам. В доме, куда меня направили, находились уже полковник, капитан, офицеры (точно не помню сколько) и один рядовой украинец. На следующий день начальник госпиталя обратился ко всем раненым: «Товарищи! Сегодня бандеровцы разгромили два наших дома. Нам необходимо в каждом доме организовать охрану из легкораненых солдат». Я и украинец заступили на вахту. Мне выдали мой автомат и диски к нему. Все было тихо. Нас больше никто не беспокоил.

Фронт медленно шел на Запад, и госпиталь двигался за ним. Мне дали 9–12 человек и указали пункт, где будет размещаться госпиталь в дальнейшем. Мы своим ходом отправились туда: где на попутке, где пешком.

Запомнился мне такой эпизод. Ехали мы на попутной машине. Остановились на перекрестке. Нам надо было ехать налево, а шоферу – направо. Высадились и отошли к придорожному дереву. Решили ждать следующую машину, которая следовала бы в нашу сторону. Через некоторое время на дороге показалась женщина. Она остановилась и стали разговаривать. Поговору я определил, что женщина из Могилевской области. Подошел к ней, разговорились. Оказалось, что она из деревни Хацковичи Чаусского района, откуда родом моя мать. Вот так на Украине я встретил свою землячку. Вскоре подъехала машина, и мы опять двинулись в путь.

Еще некоторое время я находился в госпитале. После выздоровления меня направили в другую часть. Был рядовым. В одном из боев в Польше меня контузило. Снаряд разорвался совсем недалеко от меня, и я весь оказался под землей. Видны были только одни сапоги. Мои товарищи меня откопали. Слух и речь были потеряны. От госпитализации я отказался, решил свои силы восстанавливать сам. Через несколько дней все прошло.

Во время войны меня и похоронили. Домой выслали похоронку. А все произошло так...

Это было в Польше. Мы вели наступательные бои в августе 1944 года. Завязался большой бой: стрельба, громыхание орудий, стоны раненых... Наши части вынуждены были отступить. Об этом я и еще несколько человек не знали (мы находились на переднем краю боя в самом центре). Поняли это тогда, когда увидели, что нас окружают немцы. Вчетвером решили покинуть этот безнадежный для нас бой. Недалеко от того места, где вели бой, находилось озеро, заросшее тростником. Туда мы и направились. Вырезали из

тростника трубки, залезали в воду и так дышали до отхода фашистов. Когда мы вышли на берег, то увидели ужасную картину: все, кто с нами находился, были расстреляны.

Выяснилось, что наши войска отступили очень далеко. Приблизительно на 20 километров назад. Нам пришлось передвигаться по немецкому тылу к своим. Были стычки, мы отстреливались. В основном старались идти тихо. К своим пришли на четвертый день. Все обрадовались, что мы живы. Но нашу радость прервали – срочно вызвали в штаб полка. Это была 47 армия, 260 дивизия, 1026 полк. Всех четверых допрашивал капитан в отдельности. Где были? С кем встречались? И так далее. Я отвечал последним. В конце «беседы» я сказал: «Товарищ капитан, я вижу, что вы хороший человек». Он ответил: «Довольно. Возьмите карандаш и пишите домой письмо. Скажите, что жив, здоров, гоню немцев. А то мы на вас послали похоронку».

Похоронка дошла до матери, но она её не получила. У нас в деревне была почтальонкой девочка Соня. Приходит она к нам домой и видит, что моя мать довольная, веселая, ждет письмо от меня, только поговорила и ушла. Соня не знала, как отдать матери похоронку. Ведь это такая трагедия в семье. Вот так она еще заходила к маме 2–3 раза, пока не отдала то письмо, которое я написал. До сих пор я не знаю, куда же эта похоронка делась.

Дошел я до Берлина. Не доходя до города километров двадцать пять, меня ранило. Это ранение было самым тяжелым. В госпитале я пролежал 7 месяцев и 20 дней. Все произошло в марте 1945 года. Главные силы противника находились напротив нашей части. Пулемет строчил без остановок. Разрывная пуля противника попала в плечо, прошла по ребрам и вышла из ягодицы (в это время я полз, и пуля как бы проехала по мне). Сгоряча я повернулся, и вторая пуля вошла в пятку, задела кость и вышла сзади пятки. Вскочил и побежал, упал в первый попавшийся окопчик. Дышать становилось труднее, так как было задето легкое. Потом я потерял сознание.

Очнулся от небольшого удара. Слышу голос: «Он живой». Как оказалось, это искали раненых. Меня привезли в госпиталь. Сделали операцию, вырезали пять ребер. Три ребра у меня срослись, а два остались так. Без сознания я находился около 12 дней. Все это время меня «кормили» уколами, возили на перевязки. Когда я очнулся, повезли на очередную перевязку, я не смог потушить даже свечку. На каждой перевязке я терял сознание. За мной все время ухаживала одна молоденькая сестричка. Как мне казалось, она была очень

красивая. «Что будем кушать?» – спрашивала она. Есть я совершенно не хотел. «А много и не надо. Мы чуть-чуть. Это лекарство. Чтобы жить, надо кушать. (Я съем одну ложку). Вот молодец! Еще одну». И так через каждые полчаса. Только она меня и выходила. К сожалению, имени я её не знаю. Но ей я очень благодарен.

*Подготовил к публикации
Голдовский А. А.*

МОРСКАЯ ПЕХОТА

Воспоминания Ивана Павловича Кравцова

Кравцов Иван Павлович родился в 1917 году в деревне Кледневичи Дрибинского района Могилёвской области. В 1932 году окончил Дрибинскую восьмилетку и поступил в Ленинградское военно-морское училище имени М. В. Фрунзе, которое окончил в июне 1937 года в звании лейтенанта.

Иван Павлович участвовал в Финской войне 1939–1940 гг. в боевых действиях в Карелии и Заполярье, за что и получил звание капитана. Иван Павлович вспоминает:

«Помню, как в Заполярье использовали оленей в качестве транспортного средства в целях заброса разведчиков в тыл врага для доставки сломанных самолётов.

На Карельском перешейке была линия Маннергейма, состоящая из нескольких укрепленных оборонительных полос с бетонными и деревоземляными огневыми точками. Было очень много сигнальных ракет над советско-финляндской границей в первый месяц войны. Неожиданно было применение врагом бутылок с зажигательной смесью против советских танков.

С 1941 по 1944 годы участвовал в обороне Ленинграда. Как нам говорили в училище: «Морская пехота – это всегда стремление к победе, если она идёт в атаку, то непременно опрокинет врага, если она в обороне, то держится до последнего, изумляя врага своим бесстрашием и отвагой». Я командовал миномётной ротой морской пехоты. У нас в роте были батальонные миномёты марки БМ-37. Масса его была около 56 килограммов длина ствола около 1220 мм, калибр 82, скорострельность до 30 выстрелов в минуту, начальная скорость снаряда около 210 метров в секунду. Что было хорошо – мы могли использовать при стрельбе немецкие мины 81-мм. в то время как немцы не могли использовать наши мины 82-мм. Боеприпасы

применялись осколочно-фугасные, осколочные шестипёрые и десятипёрые мины, дымовые шестепёрые мины, а также агитационная мина.

Было трудное время. Голод, смерть, кровь... Все проклинали проклятого немца. В 1944 году я был тяжело ранен. Мы вели огонь по врагу из миномётных орудий. На нас всё время сыпался град вражеских пуль, и мы не могли вести постоянный огонь, да и боеприпасов было не так уж и много. Вот здесь всё и произошло. Я услышал знакомый свист, свист миномётных мин. В ход пошли вражеские миномёты, всё вокруг рвалось, гремело, и у меня в голове мелькнула мысль, что глупо как-то будет умереть от своего же оружия. Вот мина взорвалась недалеко от нас, и я почувствовал резкую боль по всему телу, услышал крик: «Товарищ капитан!» Не мог вдохнуть воздуха и понял: вот и всё. Потемнело в глазах, я упал. Очнулся я уже в госпитале, рядом со мной лежало много раненых, и опять мысль: «я живой». Кто-то крикнул: «Доктор, он очнулся!» Сразу же пришёл доктор и сказал: «Вы, товарищ капитан, в рубашке родились, к счастью, все осколки извлечены, кроме одного». Я хотел произнести «спасибо», но не мог сказать ни слова. Доктор ушёл, я уснул. Проснулся уже утром, мне принесли попить воды – это было лучшее, что я хотел в тот момент. Шли дни, каждый день привозили новых раненых: кого-то выписывали, кто-то умирал... А я всё лежал, и мне становилось лучше. Прошло три месяца, меня выписали и отправили домой.

Вернулся домой в звании капитана. Вернулся я в родную деревню. Стал председателем колхоза деревни Кледневичи, после чего председателем сельского совета деревни Тёмный Лес.

Был награждён: орденом Отечественной войны 1 степени (получил за уничтожение нашим орудийным расчётом 5 легких танков (бронемашин) противника, 3 из которых мы подорвали из миномёта и 2 гранатой); медалью «За оборону Ленинграда» (получил за участие в обороне Ленинграда); орденом Красного Знамени (получил за особую храбрость); орденом Красной Звезды; медалью «За Победу над Германией». А также имел юбилейные медали».

Прожил Иван Павлович 73 года, но не мог прожить больше, так как ранения давали о себе знать. В последнее время он говорил: «Когда я умру, сильно не плачьте, я ведь прожил жизнь, а мог ведь и остаться навсегда лежать под Ленинградом, как и другие солдаты Красной Армии, но я жил и завещаю своим детям и внукам быть совестными».

Был женат. Имел 4 детей: Иван (умер), Маруся (умерла), Витя (проживает в городе Горки Могилёвской области), Леонид (проживает в доме отца в деревне Тёмный Лес).

Умер Иван Павлович в 1990 году. Похоронен в деревне Тёмный Лес.

*Подготовил к публикации
Кравцов А. С.*

КОГДА НАЧАЛАСЬ ВОЙНА ...

Воспоминания Александра Михайловича Крупенкова

Мой отец, Крупенков Михаил Яковлевич (1893 г.р.), уроженец деревни Проскурни Жлобинского района Гомельской области. Он был призван на Первую мировую войну в 1915 году в царскую армию. Участвовал в боях под Петроградом.

Когда началась Великая Отечественная война, мы ничего не знали. 22 июня в 12 часов дня по радио выступил Молотов с объявлением, что началась война. Это в райцентре радио было, у нас в деревне никакого радио не было. Вечером в клубе все пришли на собрание, а в это время немецкие самолёты уже летели, наверное, на Гомель, но ещё не бомбили. Кто хотел тогда уехать, все уехали на Восток. Евреев много было, они остались почему-то, их потом забрали в гетто. В школе учились со мной несколько евреев. Одного помню по фамилии Кацман, он жив остался.

А на следующее утро, 23 июня 1941 года, стали забирать всех мужчин в армию. Плач стоял невероятный: у каждого семья, дети по двое, по трое. Моему отцу было уже 48 лет. Мужчин его возраста брали в так называемую трудовую армию: они рыли окопы и противотанковые рвы. А потом их немцы окружили, и они попали в плен. Так я остался хозяином в доме.

До войны я окончил семь классов. Во время немецкой оккупации в школу не ходили, а хотелось. Тайком достанешь физику и читаешь (другие книги по истории, литературе мы сожгли от страха перед немцами). Позже стали появляться газеты. Немцы выпускали их в Бобруйске, Барановичах и в Белостоке.

Нашу деревню освободили в конце ноября 1943 года. Когда Красная Армия отступала в 1941 году, вооружение было очень слабое, винтовки только. Шли группами, часто попадали в плен. А

теперь это была настоящая Советская Армия. Все в погонах, техника очень хорошая была, машины американские.

Меня тоже забрали в армию. Попал я в 377 запасной полк в город Козельск Калужской области. Там пробыл июль и август. Нас обучали обращаться с автоматом, пулемётом, противотанковыми ружьями. Готовили пополнение для пехоты под Варшаву. В 20-х числах сентября нас повезли на станцию Колодищи Минской области. Там формировался 6-й артиллерийский корпус. Брали много местных из окрестностей Минска, Могилёвской области, Барановичей, Слуцка. Я попал в учебку. Через два месяца получил две «лычки» – младший сержант 172-й противотанковой артиллерийской бригады.

Первый город, который мы освободили, – Радом. Это недалеко от Варшавы. Когда мы вслед за танками вошли в город, то в котлах варились мясо, и ещё шёл пар. Это так немцы отступали, с такой поспешностью. Следующим мы освобождали Лодзь. Нашей бригаде, где я служил, 172-й противотанковой, было присвоено почётное звание. В нашей бригаде было два артполка 91-й и 54-й. Наш 54-й полк вторгся в Лодзь так стремительно, что немцы выскакивали в одном нижнем белье. В Лодзи я впервые увидел трамвай. Следующим городом был Познань. Там шли страшные уличные бои. Я чудом остался жив. Благодаря нашему командиру, начальнику разведки полка капитану Махаеву (или Михаеву), который нас, юнцов, держал в ежовых рукавицах.

В Берлин наша часть вступила 21 апреля. Когда мы вошли в город, точнее в его юго-западную часть, пригород Берлина, увидели очень красивые места, большинство коттеджей, и всё благоухало в цветах. В 1945 году была очень ранняя и тёплая весна. Было жарко, лица бойцов, которые сидели на танках, были чёрные от пыли и копоти. Гражданское население, в основном женщины, девушки и дети, встретили нас очень дружелюбно, предлагали выпить холодной воды. А буквально за полкилометра горел Берлин, шел бой. Примерно через полчаса приехал мотоциклист, вручил пакет нашему командиру, мы развернулись и ушли в направлении Австрии. Оттуда на помощь Берлину шёл генерал Венк, но мы его не пустили. В боях за Берлин наша часть не участвовала. Когда Берлин взяли, нашу часть оттуда сняли и вывели из боя. Было это 1 или 2 мая. Больше я в боях не участвовал. А 8 мая вечером мы узнали, что окончилась война.

*Подготовил к публикации
Барановский Я. Ю.*

ЧУДОМ ОСТАЛСЯ ЖИВ

Воспоминания Алексея Петровича Кудрявцева

Алексей Петрович Кудрявцев родился 2 февраля 1919 года. Жил в деревне Новосёлки Кобринского района до начала войны. В 1917 году мать Алексея была в России со своими родителями (в Россию отправляли беженцев). Там познакомилась с молодым человеком, вышла замуж. Вскоре семья вернулась в Беларусь.

Алексей Петрович узнал о начале войны по радио из сообщения Молотова. В сообщении говорилось, что Гитлер напал на Советский Союз. В деревне все насторожились, ведь война есть война. Немец, когда напал на СССР, быстро захватил территорию, на которой находилась родная деревня Алексея Петровича, и пошёл дальше. Алексей вместе со своей семьёй остался в оккупации. При оккупационном режиме все работали как работали раньше – на хозяйстве. Как сказал Алексей Петрович: «Нас, молодых парней, которым уже за двадцать, немец не брал с собой дальше идти на Россию, потому что знал, что мы не будем воевать против своей страны. И также не расстреливал нас и не брал в плен. Жизнь шла обычным чередом...».

Так всё продолжалось до 1942 года. В этом году уже начали организовываться партизанские отряды. Партизаны хотели, чтоб такие молодые, как Алексей, помогали им. И Алексей стал связным, а брат был партизаном. Задачей Алексея Петровича было собирать информацию о деятельности немецких войск в их деревне и передавать эту информацию партизанам.

В 1943 году немцы приехали в деревню и застали там партизан. По воспоминаниям Алексея Петровича, их приехало человек пять на машине. Началась стрельба. Немцы не могли сопротивляться партизанам, так как партизан было намного больше. Одного немца убили, двоих взяли в плен. Остальные двое успели уехать, видимо, докладывая в штаб о том, что в этой деревне есть партизаны. В эту же ночь немцы окружили деревню. Они думали, что в деревне ещё есть партизаны, но их уже не застали. Собрали всех, но некоторые люди успели убежать в лес, которые помоложе – к партизанам. А старики остались. Также схватили мать, дедушку и бабушку Алексея, жену и сынишку (ему уже был третий год) брата, и всех завезли в Кобрин в тюрьму. Подержали их всех там сутки, потом вывезли к мосту, где пересекается дорога из Кобрина на Пинск, и расстреляли их там всех. Сейчас на этом месте братская могила, где похоронена

вся семья Алексея. В это время Алексей Петрович был в деревне Кустовичи Кобринского района, где была его жена. Эта деревня находилась на расстоянии восьми километров от родной деревни Алексея Петровича.

Тогда он жил у тестя с женой, и поэтому остался в живых. Алексею партизаны сказали жить в Кустовичах и продолжать быть связным. Деревню Новосёлки сожгли через пару дней. Дневная жизнь была обычной: работали на земле. А ночью Алексей с партизанами ходил на железную и шоссейную дороги и закладывал мины. Партизанский отряд разбивался на две группы: одна шла на шоссейную дорогу и там делала засаду, а другая группа шла на железную дорогу и также делала засаду. Ждали, где раньше появится эшелон, там и взрывали. После подрыва начиналась перестрелка, так как в составах тоже были немецкие солдаты, ехавшие с грузом. Для немцев эти партизанские рейды были очень неожиданны, и наши брали их врасплох. Немец был в панике, не знал что делать. После подавления немецкого сопротивления Алексей Петрович с партизанами собирал оставшиеся боеприпасы, оружие. Кто из немцев был живой, того забирали в отряд и выпытывали всю нужную информацию. Некоторые из немцев могли разговаривать по-русски. Они говорили: «Мы не виноваты, нас забрали в армию по призыву. Нам тоже не нужна эта война».

Когда напал немец на Кобринский район, взято было много советских пленных. И было создано два лагеря. Эти лагеря были в деревнях Запрудок и Лука. В Луке было 150 человек военнопленных, а в Запрудках – 200 человек. И Алексея, как и всех жителей его деревни, немцы заставляли ходить на шоссейную дорогу восстанавливать её, так как её разбили уже танками, бомбёжками. Её также восстанавливали и заключённые этих лагерей. И Алексей Петрович общался с этими заключёнными. Сопровождали военнопленных всегда два-три солдата с винтовками. Партизанский командир сказал Алексею, чтобы тот ходил туда на работу и разузнавал всё про тех немцев, которые конвоировали заключённых. Партизаны хотели этих людей освободить, чтобы отряд пополнился новыми силами. И в один день Алексей работал прямо возле этих заключённых, и разговаривали об этом. Хотя немцы не разрешали разговаривать, но всё же у Алексея получилось передать сообщение о том, что в скором времени планируется их освобождение. Сообщил им дату, время и место, но, к сожалению, сейчас уже не помнит, где именно. Рядом с этой дорогой был молодой густой сосновый лес, и

партизаны в заданное время спрятались там. А что могли противопоставить два охранника большому числу партизан? Конечно, ничего! И в нужный час партизаны открыли стрельбу, но в воздух. Немцы от испуга сразу же сдались. И всех военнопленных, и этих двух немцев повели в отряд в лес. Те немцы, которых захватили в плен, оставались в отряде и помогали партизанам. Когда брали «языка», эти немцы очень помогали добыть больше информации с «языка», так как знание немецкого языка очень было на руку партизанам. А иногда их посылали в разведку, чтобы подслушали разговор немцев. Отряд стал больше, крепче.

В 1944 году, когда освобождали Беларусь, отряд Алексея соединился с армией, и они вместе освобождали Кобринский район, а также участвовали в освобождении Бреста. Но солдаты регулярной армии пошли дальше, а они остались. Неделю их обучали ведению боя. Одели в военную форму, так как все партизаны были одеты в гражданское. Вскоре отправили на передовую. Ему сказали: «Вас обучать нечему, с оружием вы знакомы, вас нужно только одеть». И стояли они на обороне под Варшавой в конце августа 1944 года. И как всегда при обороне: солдаты не спят ни ночью, ни днём. Вот Алексея там и сделали снайпером. Дали ему снайперскую винтовку с оптическим прицелом. У Алексея был свой блиндаж. Он выкопал такую траншейку от основного окопа вперёд на метров десять. Там и находилось стрелковое «гнездо». Замаскировал его ветками и вот в этом «гнезде» Алексей следил за обороной, чтоб немец просто так не бегал. Сделал из веток две рамочки, похожие на рогатки, чтобы винтовку удобнее держать. И если немец шёл по окопу вдаль, то была видна голова, а Алексей уже навёл прицел. Жал на курок и убивал. Конечно же, убивать человека ему было как-то не по себе, но что поделать, ведь и немцы наших не щадили. И было видно, как падает человек. Если падает назад, то точно убит, а если вперёд, то ещё живой. Было на счету у него 8 немцев, которых Алексей точно знал, что убил.

И вот 14 января 1945 года сделали артподготовку, и был приказ прорывать оборону. И без этого приказа нельзя было никуда идти. Сперва пошли танки, орудия стреляли. А уже когда начиналась паника в немецкой обороне, командиры командовали: «Выскакивайте из траншеи и с криком УРА бегите в нападение!» И танки идут, и солдаты бегут. Непонятно, кто куда стреляет, и, естественно, Алексей Петрович тоже отстреливался. Так Варшаву и взяли. При взятии Варшавы ранило его в ногу, а задело только мягкие ткани. Санитары

подобрали раненого Алексея, остановили кровотечение, забинтовали ногу и сразу же в бой!

После Алексей с войсками отправился на Германию, подошли к реке Одер. Это река на границе Польши и Германии. Речка была широкая, а лёд на реке был уже тонкий, ломался. А форсировать реку всё равно нужно. А немец был умный. Сидит в укрытиях, наблюдает, подпустит нас на середину реки и начинает бить на поражение. Все и погибали. И всё не получалось в этом месте пройти. Так войска прошли дальше по реке, нашли место, где был меньше отпор. Форсировали и зашли немцам сзади. А они ж не ожидали и сразу же кинулись в отступление. Отступить удалось немногим. И те немцы, которые остались, разбились на маленькие группы и всё равно продолжали отстреливаться. А у наших войск был приказ вперёд и только вперёд. Ну и по дороге уничтожили остатки немецкой армии. На Одере тоже был ранен в ногу, пуля насквозь. Ранение не тяжёлое, также забинтовали и дальше вперёд.

Не дошёл Алексей Петрович до Берлина 150 километров, как ранило его в третий раз. Ранение серьёзное. Упал без сознания. Уже ничего не помнил. Помнил только, что перед боем с командиром отделения Остапенко он спел песню про то, что он идёт далеко от русской земли. Очнулся в госпитале, сделали операции. Живот был разрезан, нет третьей части печени, а вражеская пуля осталась в нём возле сердца. Трогать не хотели, так как опасались, что пуля рядом с сердцем. Врач сказал, что поедет он дальше в тыл и там сделают операцию и достанут пулю. Проснулся он в санчасти и не понимает, где он, что он. Ничего не болит. Пришёл врач и спрашивает:

– Ну, как здоровье, боец, товарищ Кудрявцев?

– А вы кто? – отвечает Алексей.

– Я хирург, который вас оперировал.

– А что вы мне делали? У меня ничего не болит, – усмехнулся Алексей Петрович.

– Пока не болит, но потом может заболеть. Операцию сделали вам, пуля всё равно у сердца осталась.

Полежал в госпитале он неделю, потом перевезли в город Шверен, оттуда в Польшу, Брест, Саратов, а там, в госпитале, и сообщили о том, что Советский Союз победил. Кто мог, те повставали, танцевали. Все были очень рады. В этом госпитале брестских было человек двадцать, и назначили медсестру, которая и отвезла Алексея в Брест. Привезли его в Брест под конец мая. А дальше домой. Приехал он домой, а дома-то уже нет. Дали ему сорок

кубов леса бесплатно, а пилюрам не было, и приходилось пилить все вручную. На этот лес построил свой дом в Запрудах. Родились сын и дочь у него. Нележкой была послевоенная судьба ветерана, но это уже другая история.

*Подготовил к публикации
Ноздрин А. И.*

ВОЙНА УНЕСЛА ВСЕ

Воспоминания Ядвиги Ефимовны Лазаревич

Родилась я в 1939 году, в небольшой деревушке на Узденщине Минской области, в 54 километрах от Минска. Деревня наша, Сеножатки, как и ряд других деревень Узденского района, со всех сторон была окружена лесом и болотом. В 3 километрах от деревни проходит автотрасса Минск – Узда.

Я не помню войну в лицах, фамилиях, но о том, что пролито много немецкой крови и что в этом большая заслуга партизан, говорили не один раз мои односельчане.

Были потери и со стороны партизан. Так, на краю моей деревни убит и похоронен был неизвестный партизан. Позже нашлись его родственники. У могилы выросла большая береза.

Говорили о том, что немцы планировали сжечь нашу деревню (33 дома), но, якобы учитывая просьбу переводчицы (она была родом из нашей деревни), этого не сделали. Женщина эта была осуждена уже после освобождения на 25 лет тюремного заключения.

Мои лично воспоминания связаны со страхом, голодом, холодом и нищетой, а также с рассказами моих родных.

Моя мама часто пекла хлеб и передавала партизанам. В один из дней она тоже пекла хлеб по просьбе партизан. Партизаны находились в доме. Дом наш состоял из двух половин, разделенных коридором, с выходами во двор и в огород. Он находился на краю деревни. Мама хотела в огород вынести помои, и, открыв дверь, увидела немцев.

Всего лишь несколько минут осталось для ухода партизанам. Они успели добраться до леса и засесть в ранее выкопанную ими траншею. Был бой.

Мама говорила, что, скорее всего, это была наводка, а не стечение обстоятельств. После войны маму вызывали на допрос, так как поступил донос, что она долго пекла хлеб. Два партизана,

которые находились при допросе, сказали, что этой женщине они обязаны жизнью, и маму отпустили. Нет в живых уже ни мамы, ни этих партизан.

В один из дней мама отправила мою сестру за щавелем (он растет на болотистых местах). Собирая щавель, она услышала стон. Это лежал раненый летчик сбитого немцами советского самолета, он просил воды. Вода в болоте грязная. Сестра прибежала домой, набрала воды и отнесла ему. Собрав кое-какие пожитки, она повторно побежала на то место, но раненого уже не было. На месте его лежал сверточек, в котором находилось несколько кусочков сахара. Скорее всего, его спасли партизаны.

Помню, как моя тетя Стефания (она жила в нашей семье) очень редко приходила домой. Она в лесу досматривала за колхозным стадом коров.

Моя двоюродная сестра Настя (на 2 года старше меня) жила через пару домов. Я частенько бывала у них в доме, так как у них была корова, которую прятали в лесу (мне иногда перепало полстаканчика молока).

В один из дней в деревню приехали немцы. В дом зашел немец и потребовал у тети Шуры яиц. Яиц не оказалось, и тогда немец отправился в курятник за курами. Куры сидели на жердочке, и мне было доверено тетей их разогнать. Это мне удалось. Немец разозлился и выстрелил из оружия в моем направлении в воздух. Тетя Шура бросилась в ноги к этому немцу и умоляла его не стрелять (почему-то называла его паночком). Потом она сама наловила ему кур.

Я помню голод, как нечего было есть, когда мать отварила три последних картошки и отдала их детям, а сама ушла из дому. Старшие дети оставили маме кусочек, а я съела всю, за что была наказана моими сестрами.

Война унесла все. Вышла наша семья голодной и раздетой. Да разве только наша семья!

Я помню эпидемию брюшного тифа (карантин был на наш дом). Когда мама за ночь из своего венчального платья сшила нам с сестрой платьишки на смерть, а наутро пошла искать по деревне свечи.

После войны в лесу осталось много разных укрытий, сделанных партизанами, покрытых мхом, например, землянка, траншея, окопы.

Закончилась война, и в нашем доме была организована школа. Учительница Марья Ивановна, деревенская девушка Маруся, учила всех учеников одна с первого по десятый класс. Общими были уроки

пения, на которых исполнялись в основном две песни: «На позицию девушка провожала бойца» и «Бьется в тесной печурке огонь».

Возможно, мои воспоминания не столь существенны, но я благодарна за поднятую тему.

Мира и здоровья всем людям на Земле.

*Подготовил к публикации
Яханов С. Ю.*

ЭТОГО НИКТО ПОНЯТЬ НЕ МОГ Воспоминания Любви Павловны и Равиля Нагимовича Латыповых

Латыпов Равиль Нагимович родился 26 июля 1924 года, по национальности татарин, а его жена, Латыпова (Смориго) Любовь Павловна – 25 июля 1923 года. Вместе они живут уже на протяжении 63 лет. Это хороший пример настоящей любви, верности, заботы друг о друге, взаимопонимания. Но до этого им пришлось пережить очень страшный период в своей жизни. Любовь Павловна вспоминает:

«Время было тяжелое, дети учиться ходили пешком за километры, одежды не было, ходили в лаптях и черных оборочках. Мы жили в деревне Будище Могилевского района. Учиться ходила за пять километров от дома. Война застала меня прямо по пути домой. По дороге, навстречу, ехали немцы, уверенные в себе. Они пели, смеялись, веселились, а впереди них шли два молодых обезоруженных парня, в которых стреляли. Без слез этого вспомнить нельзя! Я решила прятаться, иначе застрелили бы и меня.

Всех детей, студентов, руководителей отправили копать противотанковые рвы. Рвы не помогали, но нужно было слушать команду. Немцы поделили землю по душам, они опасались, что партизаны уже здесь. Немцы не могли обеспечить себе безопасный тыл, они все время двигались вперед.

Позже партизаны пришли под руководством Османа Касаева. Всю молодёжь партизаны брали с собой в леса. Еды не было. Варили воду с мукой, да какая там мука, соль и вода, хлеба-то не было. Не было чего одеть и обуть. Приходилось плохо...

Могилевский район объявили партизанской зоной, все смоленские партизаны присоединились сюда. Из Могилева начали летать самолёты. Однажды самолёт так спустился над моей головой, что я подумала, что всё, конец. Страшно было!

Уж очень не любили немцы евреев. Совсем недавно я встретила одного парня, но теперь уже, конечно, взрослого мужчину, который вернулся сюда. По национальности он еврей. Он, так же как и все, копал противотанковые рвы. Он до сих пор ищет своих родителей. Я узнала у него, как ему удалось спастись. «Как?! Секрет открою. Мне один знакомый еврей сказал, чтобы я не искал родителей и что у меня самого есть шанс спастись. Он сказал мне идти на железную дорогу и садиться на любой поезд, даже на открытый. Там будет видно, может, кто даст кусок хлеба», – сказал он.

Евреев расстреливали, они знали, что их преследуют. Я знала одну женщину, её звали Гиндина, она была директором школы. Как только она узнала, что евреев преследуют, она за двадцать дней собралась, сдала свою работу и уехала в Среднюю Азию. Евреев в Могилеве вывозили за Пашково, убивали и закапывали в ров. А они так хотели жить...».

Также Любовь Павловна вспоминала о жестоком обращении с маленькими детьми, можно сказать, с младенцами: «Меня отправили помогать в ясли. Детей там было много. Они лежали на кроватках. Это же одни косточки! Их ничем не снабжали, варили манную кашу на воде, они бедные чуть дышали. А что я, чем я могу им помочь, сама голодаю. Немцы запретили высылать что-либо, чтобы дети умирали. Но зачем с детьми так, что они им сделали бы?! Этого никто понять не мог».

Напоследок Любовь Павловна сказала: «На войне предательства было много, да и сейчас немало его. Надо чтобы человек пережил тяжелое, легкое он и так переживет, а вот тяжелое... Только тогда он станет сильным».

Также своими воспоминаниями с нами поделился Равиль Нагимович – командир штурмовой роты, старший лейтенант Красной Армии. Равиль Нагимович вспоминает:

«Не успел я насладиться прелестями молодости, как началась война. Меня сразу забрали, я хорошо владел боевой техникой. Я мог быстро адаптироваться в любой сложившейся ситуации, что и помогло мне выжить. Шли мы болотами, по пояс стояла вода. В рюкзаке не было ничего особенного, может, завалился кусок хлеба, да и всякое по мелочи. Туго нам приходилось. Зашли в деревню, она была большая, около четырех улиц. Там был один очень высокий дом. Зашли мы туда и ужаснулись... перед домом была построена площадка, на площадке были повешены партизаны, мужчины, женщины и даже дети. Душераздирающим зрелищем было увидеть

повешенную девочку, лет пяти, в одной рубахе... а рубаха-то задралась и все на виду, можно сказать, она была голой, как и все остальные...нам стало дико. В тот момент мы все возненавидели немцев. За эту девочку немцы заплатили, много их пострадало.

Я дошел до Буга, мне там оторвало ногу, благодаря партизанам я живой. Когда убили командира роты, нужно было похоронить его. Нам это удалось не сразу, мы копали яму, но повсюду летали самолеты, и нам приходилось обратно убежать в лес. Когда самолеты пролетали, мы обратно возвращались к яме и продолжали копать, так повторялось снова и снова. Через два дня мы смогли его похоронить. На табличке писали механическим карандашом, смачивая его языком, написали его имя и дату жизни.

Уже месяцев пять не мылись, завшивелись, все чесались. На два дня нас загнали в лес, мы ждали санобработку. Нас проверяли от кончиков пальцев до кончиков волос, нас всех помазали чем-то, дали воды помыться, забрали вещи и покидали в бочку. На другой день утром сказали, что прилетит майор на «кукурузнике» и будет нас награждать».

На войне Равиль Нагимович потерял своих братьев, одного убило под Ржевском, а другого под Ленинградом. Для него это было большой потерей. В конце разговора он проронил такую фразу, которая относится ко всему будущему поколению: «Изучайте и поддерживайте свой народ, старайтесь быть достойным его».

Долгие годы жизни вместе только скрепили их союз. Знаете, в этих людях столько теплоты, доброты, что на душе сразу становится как-то легко и светло. Они до сих пор шутят и смеются, как и 60 лет назад. Они шли по жизни рука об руку и все трудности делили на двоих. Может быть, поэтому их семейная жизнь прошла этот долгий путь в любви и согласии, как и сказал Равиль Нагимович: «У нас все действительно по любви».

*Подготовили к публикации
Кузьменкова В. Д. и Паркалова Е. М.*

НАГОРЕВАЛИСЬ, НЕ ДАЙ БОГ НИКОМУ
Воспоминания Валентины Яковлевны Логвиновой
и Галины Яковлевны Пантелеевой

Что дети могут помнить о войне? Яркие картинки, как разрывы снарядов и бомб ночью. Всполох, гром, свет и темнота – это и остается в памяти. Яркие картинки детства, изувеченного войной. Моя мать, Логвинова Валентина Яковлевна, не любила вспоминать и рассказывать о том времени, как ни проси. Она и не рассказывала – так, вспоминала эпизодами свое детство, в одночасье закончившееся летом 1941 года. Им, двум сестрам-погодкам, одной почти десять, другой девять и брату пяток годков – повезло, они выжили, хотя смерть не один раз проходила рядом.

Эпизод 1. Эвакуация

Вспоминает моя тетка Пантелеева Галина Яковлевна: «Наш отец работал на номерном заводе в Брянске. Завод срочно эвакуировали, рабочие, мастера поехали в вагонах с оборудованием, а семьи работников посадили в другие вагоны. Народу на станции пропасть, все бегают, крик, паровозы гудят. Собрала нас мамка, меня, Вальку, сестру старшую, и Славика, младшего братика, сели в вагон, поехали. Доехали до станции Ключовники, нам сказали, чтоб из вагонов выходили, что они нужны для раненых. Мы вышли, поезд поехал дальше, и наш отец тоже поехал, он тогда в вагонах с оборудованием ехал».

Моя мать, Логвинова Валентина Яковлевна, рассказывала мне, что домой в Брянск из «эвакуации» возвращались больше месяца. Приходилось прятаться по лесам и лесом идти домой, дороги были заняты немцами. Брянск тоже был полон немцев, особенно много их было на станции. Мать рассказывала, что дом, где они жили, стоял на окраине города, поэтому возвращение прошло незаметным. В городе просидели до осени, усиленно готовясь к зиме. «Мамка сказала собирать хлеб, вот мы с ней и ходили в поля, обирали колоски,

картошки где нароем – все в дом тащим. Зиму пережили, к весне голодать стали, и мамка повела нас к бабушкиной родне в деревню».

Эпизод 2. Деревня Бутрѐ

Вспоминает моя тетка, Пантелеева Галина Яковлевна: «Потом мы из города ушли. В городе совсем голодно стало. Пошли мы к родственникам нашего отца в деревню Бутрѐ. Там мы прожили долго. Лес был кругом и болото, если что, мы в болото убегали прятаться.

Я запомнила одну девочку, лет четырнадцать ей было, она пришла в Бутрѐ, как и мы, в начале весны. Родителей у нее не было, и она ходила по дворам, помогала по хозяйству, а люди ее кормили. Я тогда узнала, что значит «вши заели». У этой девочки были очень длинные, до пяток, волосы. Наша мама и увидела, что вся голова и кое-где лицо девочки покрыто язвочками. А вши прямо по волосам ползают, по одежде, по лицу. Мамка отвела девочку к озерцу за деревней и в воде срезала девочке волосы, помыла ее мылом вперемешку с золой».

Практически год, который моя мать, моя тетка, их младший брат (мой дядька) и моя бабушка Елена Петровна Фокина прожили в деревне Бутрѐ, что в Брянской области, прошел относительно спокойно. Иногда убегали прятаться на болото. А весной 1943 года война вломилась в деревню Бутрѐ карательным отрядом, и никто из жителей убежать не успел.

Об этом эпизоде своего детства моя мать Логвинова Валентина Яковлевна обмолвилась только один раз: «Немцы понаехали на машинах и нас чуть не спалили. Партизаны не дали».

Тетка моя, Галина Яковлевна, вот так обо всем этом рассказывала: «Мы ничего не ожидали. Было утро. Вдруг немцы везде. Говорят, чтобы выходили на улицу и шли к почте. Все пошли, и мы пошли, от почты немцы повели нас дальше за деревню к коровникам. Загнали в коровник, двери закрыли, дымом запахло. Мамка нас всех к себе прижала. Стоим, молчим, ждем... Тут взрывы, стрельба, немцы закричали. Люди, кто был, попадали на пол. Партизаны нас выпустили из сарая. Мы вышли, деревня горит...».

Эпизод 3. Лагерь «Восточный берег Днепра»

«Деревня сгорела, мамка нас опять собрала, и мы пошли в Брянск. Опять поселились в своем доме на окраине города. Но долго в Брянске мы не прожили. Мы втроем играли на улице с другими детьми. Приехала машина, нас всех немцы похватили, посадили в машину и повезли на вокзал. Люди закричали, родители побежали за детьми. Мамка нас нашла, и в вагоне мы были все вместе. Потом нас

повезли, везли долго. Выходить не разрешали, но давали воду и еду – кашу. Нас привезли в Могилев на станцию Луполово, но там не высадили из вагонов, а повезли прямо на завод. На заводе повели в баню. Я смотрю, мамка плачет, держит нас и плачет, потом говорит: «Вот и все, детки».

Потом привели в лагерь¹. В нем, говорили, до нас много людей было, их куда-то угнали или побили, а на их место пригнали нас. Сначала нас охраняли немцы. Один немец очень хорошо к нам относился. У него было трое детей, этот немец нам, детям, давал печенье, конфеты. Потом немцев убрали и нас стали охранять уже наши, полицаи, украинцы. Эти были, как собаки. Потом из лагеря мы убежали, один охранник сказал мамке, чтоб мы уходили отсюда. Он нам помог уйти и еще одной семье».

Эпизод 4. А жить как-то надо

Мне моя мать, Логвинова Валентина Яковлевна, рассказывала, что из лагеря они ушли под утро, и пошли на Холмы, там и спрятались. Сидели под полом в пустом доме недели две. Моя тетка, Галина Яковлевна, вот так обо всем этом рассказывала: «Наша мама болела и никуда не ходила. Мы прятались, но нужно было что-то есть, вот и ходили побираться. В городе ничего не найдешь, только у немцев просить. Один даст хлеба, другой тычка. Вот как Вальке досталось. Она подошла к немцу попросить хлеба, а тот как даст ей, она полетела, упала на стекло, всю ладонь разрезала. А еще мы ходили красть. Вот где сейчас 7-й дом, там у немцев бойня была и склад. Валька лезет, а я и еще дети стоим, стережем. Один раз Валька даже целую свиную ногу вытащила. Потом немцы стали совсем злые, мы от них только и прятались. А еще очень боялись черной машины, которая ездила по городу. Говорили, что в ней людей убивают, а потом в лес увозят, закапывают².

Зимой ходили через Днепр в Половинный Лог, просили там у людей. Наши люди тоже разные попадались, один раз даже на нас собак спустили. Славку сильно покусали, шрамы ниже спины на всю жизнь остались. А вот уже зимой, под вечер, я и еще одна девочка

¹ Этот лагерь был в районе современного завода им. С. М. Кирова. На территории микрорайона еще до сих пор сохранились дома, в которых немцы держали узников: дом № 5 и дом № 6. Об этом лагере мало что известно, иногда даже путают лагерь военнопленных № 341 и этот лагерь для гражданских, в котором было уничтожено до 80000 человек.

² Примерно в километре от спортивного комплекса и стадиона «Торпедо», если идти в сторону Малой Боровки, есть братская могила. Массовое захоронение лиц еврейской национальности.

возвращаемся из деревни, а тут волки. Мы в снег сели, сидим, волки пробежали мимо.

Мамка нам говорила: «Дети, а жить как-то надо». Вот так и жили, голодали, терпели. Нагоревались, не дай Бог никому».

Подготовил к публикации

Юдин В. В.

НИКТО НЕ ЖАЛОВАЛСЯ, ХОТЬ БЫЛО ТЯЖЕЛО **Воспоминания Анны Герасимовны Максимовой**

Максимова Анна Герасимовна, моя прабабушка. Когда началась война, ей было 14 лет. Бабушка вспоминает:

«Я была единственным ребенком в семье. Отец мой умер очень рано, мне было только четыре года. Мы остались с матерью одни. Потом, через несколько лет, моя мать вышла замуж. У нового мужа моей матери была семья, и мы переехали жить к ним, они жили в деревне Прибережье. А мы жили в Перекладовичах. У моего отчима было уже пять детей, я была шестой, потом еще родилось две сестры. На фронт отца (так я звала потом отчима) не забрали, так как он был болен. Забрали моего сводного брата, который был летчиком. Нас осталось семь сестер и мать.

Мы выполняли все мужскую работу. Мы ходили в лес по ягоды и грибы. Кололи дрова, сажали картошку, чтобы зимой было что есть. Мы землю копали вручную, все становились и копали. Никто не жаловался, что ему тяжело. Мы знали, что это нужно нам, хотя и было тяжело. В деревне была всего одна корова, у нас, мы меняли ведро картошки на литровую банку молока. Через два года корова умерла. Было время, когда и есть нечего было, особенно зимой. Летом мы сушили яблоки и груши, а зимой, когда не было чего есть, ели их. Бывало, что вообще не было еды.

В нашей деревне таких семей было много, где мужья и сыновья ушли на фронт, в деревне оставались только женщины, дети и старики. Но и старики не собирались сидеть в деревне, они уходили в лес партизанить. Поэтому, наверное, немцы и не решились пройти рядом с нашей деревней, а прошли в двух километрах от нее. Немцы шли через лес, «рябинник», там и были партизаны из нашей деревни и из соседской – Грудиновки. Когда вечером я выходила на улицу, я слышала в стороне леса стрельбу и взрывы. Было страшно, и

самолеты летали над головой. Поднимешь голову, а там летит большой черный самолёт. Очень страшно.

Болели часто. Тогда не было никаких лекарств. У кого сильный организм, тот выживал, кто слабее – умирали. У меня все, кроме отца, остались живы. Брат вернулся с войны, только получил ранение. Не все, кто ушел на фронт из нашей деревни, вернулись домой. Уходили и некоторые женщины, потому что их сыновей и мужей забрали на фронт. У нашей соседки сын пошел воевать, так и она пошла санитаркой, чтобы быть рядом с сыном. После войны мы тоже голодали, пока не восстановилось все в стране».

*Подготовил к публикации
Бакланов Д. А.*

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

Воспоминания Иосифа Ивановича Матюшевского

Иосиф Иванович Матюшевский родился 16 августа 1916 года в Воронеже в семье белорусов. Его отец в годы революции и гражданской войны работал токарем в депо Юго-Восточной железной дороги и был участником красноармейской обороны. В 1922 году семья вернулась в родной хутор Сырицы, находившийся в Толочинском районе Сенненского уезда Могилевской губернии. С этого момента судьба Иосифа Ивановича уже навсегда была неразрывно связана с Беларусью.

Родина высоко оценила вклад Иосифа Ивановича Матюшевского в победу в Великой Отечественной войне. В своем личном архиве он хранит благодарность от Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища И. Сталина, благодарственное письмо от центрального военного комиссариата Минска по случаю своего 90-летия. Он награжден орденом Отечественной войны I степени, нагрудным знаком «Отличный артиллерист», двумя медалями «За боевые заслуги», медалями «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией», юбилейными медалями.

После окончания Великой Отечественной войны с октября 1945 по сентябрь 1977 года Иосиф Иванович Матюшевский работал на оршанской железной дороге. Его трудовой стаж составил 44 года.

На пенсии Иосиф Иванович занялся возрождением в Орше костела св. Иосифа. В 1991–1993 годах он избирался председателем Оршанского общества римско-католической церкви. Сегодня Иосиф Иванович является членом Оршанской городской организации ветеранов и принимает активное участие в военно-патриотическом воспитании молодежи. За эту работу в июне 2011 года он был награжден почетной грамотой Витебского областного исполнительного комитета.

Иосиф Иванович вспоминает: «После окончания 7-летней школы и витебского ФЗУ по профессии слесарь-машинист я работал в вагонном депо на оршанской железной дороге. В 1937 году меня призвали в Красную Армию и я служил сержантом в Ярославском железнодорожном особо опытном войсковом полку. Был командиром 45-тонного подъемного крана.

В 1939 году из ярославского полка сформировали четыре полка, и в составе одного из них я отправился в Западную Украину. В Новоград-Волыньске на станции Ракитно наш полк строил деревянный мост. По воскресеньям посмотреть, как мы работаем, приходила польская молодежь. Интересовалась: «Правда ли, что у вас в колхозах все жены коллективные? Сегодня ты с одной можешь пожить, а завтра к другой прийти пообедать?».

Потом нас отправили на советско-финскую войну. Полк был переброшен на вторую станцию территории Финляндии, занятую советскими войсками, – Петиярве. Она находилась недалеко от реки Воксивирта, что в переводе на русский язык означает «Злой волк». Эта река действительно была очень шумная и быстрая.

Я должен был все время держать в рабочем состоянии порученный мне паровой железнодорожный 45-тонный кран. Для снабжения его водой я приспособил пожарный сарай, оставленный финнами. В нем я растапливал снег. Мимо этого сарая по железной дороге со станции Раута, находившейся под Ленинградом, шли на фронт эшелоны. При задержке на станции Петиярве красноармейцы заходили ко мне погреться и попить чаю. Все они были людьми среднего возраста – 35–40 лет. Они понимали, что их ждет. Молча заходили, присаживались, пили чай и так же, молча, уходили.

С передовой днем и ночью доносились выстрелы. В обратную сторону, на Ленинград, таким же нескончаемым потоком шли эшелоны. Иногда ветер срывал брезент, и тогда становились видны штабеля замерзших человеческих тел. Раненые ехали в специальных вагонах.

На Карельском перешейке наш полк воевал на знаменитой «линии Маннергейма». Морозы стояли жестокие, воды и дров взять было негде, а одежда красноармейцев не позволяла согреться. Самым уязвимым местом солдатского обмундирования были штаны. Они были сшиты так, что снег засыпался внутрь, и у мужчин отмерзали половые органы. Солдат спасали ленинградские швеи. Они присылали на фронт посылки со специальными байковыми мешочками и подписью к ним: «Мальчики, берегите ваши пальчики!». Мешочки действительно помогали. Выручали также и химпакеты. В них мы мочились, а потом прикладывали к груди. Через полчаса эти пакеты начинали источать сильную вонь, но хотя бы ненадолго можно было согреться.

Полк работал днем и ночью: разгружали танки, тяжелые орудия. Когда советско-финская война закончилась, полк остался строить мост. Я толкал краном платформу, на которой находились детали моста, и выгружал их.

Потом наш полк был переброшен в Бессарабию. Ее территория накануне вошла в СССР. В Бендерах на станции Рыбница мы строили мост через реку Днестр. Затем наступила долгожданная демобилизация.

Меня хотели оставить для дальнейшей службы – послать на курсы младших офицеров-техников. Говорили, что если бы я был членом партии, то приказали бы остаться. Но я был комсомольцем. Приказать мне не могли, и когда на мою должность прибыла замена, я демобилизовался.

Осенью 1940 года я вернулся в Оршу. Приступил к работе в вагонном депо. Перезимовал, и началась Великая Отечественная война. Я был обязан без повестки явиться в военкомат. Когда я выполнил это предписание, то получил бронь: железнодорожники требуются для проведения эвакуации. Попытка оставить работу расценивалась как дезертирство и измена Родине. Меня перевели в паровозное депо, и я с товарищами по семь суток дежурил без замены. Мы эвакуировали поезда в Россию. Последний поезд я эвакуировал из Лепеля.

Фашисты уже находились на подступах к Орше, и мы ждали, что советское командование пришлет за нами поезд. Однако этого не случилось. Город пал, и новые власти переписали население. Железнодорожники под угрозой расстрела обязаны были явиться на работу в депо. Каждый работник получил свой документ – Ausweis. Ежедневно все обязаны были отмечаться в полиции. Дом, где это

происходило, до наших дней сохранился на Садовой улице – это местное почтовое отделение. В случае саботажа и неявки человека всю его семью отвозили в район льнокомбината и без суда и следствия расстреливали.

Фашисты запрещали любые собрания. Окна в домах не должны были быть занавешенными. Патрульные по вечерам фонариками светили в окна в поисках «бандитов».

Я был лично знаком с начальником депо Орши К. Заслоновым, разговаривал с ним, но ничего не знал о его подпольной деятельности. Больше всего меня поразило то, что тот при немцах ходил в буденовке со споротой звездой и шишаком. О борьбе Заслонова я узнал только после его гибели. А вместе с ним в бою погиб и муж моей старшей сестры Яди – Юзик Семашук. Он был беженец от немцев, из Западной Беларуси. Ребенком потерялся: отстал от родителей. Подобрали его красноармейцы. Отдали в Орше в детский приют, где он и воспитывался. Получил профессию машиниста, женился. О его связях с Заслоновым я также ничего не знал.

Попасть в партизанский отряд из города было практически невозможно. Нужны были связи с партизанами и убедительные для немцев причины отсутствия. Я же никак не мог смириться с тем, что работаю на немцев. Все искал повод уйти от них.

Примеры того, как немцы обращались с родственниками людей, ушедших в партизаны, были на моих глазах. Племянник моей тещи Вацек Васьковский служил в Бендерах в том же полку, что и я, только призывался позже, так как был младше. Когда началась война, он попал в плен. Бежал. Пришел к родственникам в Шклов весь завшивленный. Потом при немцах стал работать в Орше кондуктором. Ушел в партизаны и с собой увел мужа своей сестры – Кати, по мужу Яковлевой. Это была очень красивая женщина, а муж ее до войны работал начальником политотдела. После их ухода в партизаны Катю схватило гестапо. Ее расстреляли, а муж после войны работал начальником в Смоленске. У него появилась новая семья. К родственникам бывшей жены он приехал только один раз. Ничем им не помогал. А фотография Кати есть в нашем музее.

Возможность уйти от немцев для меня представилась лишь в ночь с 3 на 4 мая 1943 года. Оршу постоянно бомбила советская авиация, а в эту ночь бомбардировка была особенно мощной. Дом, в котором жила наша семья, полностью сгорел. Меня объявили погибшим, а связь с партизанами помогла наладить моя жена, в

девичество Станислава Фадеевна Хаецкая. Со Стасей я познакомился еще до призыва в армию благодаря стараниям моей матери. Она хотела устроить мою судьбу, так как жилось нам трудно. Я был младшим в семье, а всего детей было пятеро – Ядя, Мечик, Зося, Маня и я. Моя родная мать, Нимфа Иосифовна, умерла в 1924 году от тифа. Она заразилась, ухаживая за больным братом Адамом Акшевским. Брат выжил, а она нет. Второй матерью для меня стала другая жена отца – Мария Дементьевна Новодворская. Своих детей у нее не было, но мы относились к ней очень хорошо, младшие дети называли ее мамой.

Отец мой умер в 1934 году, в Богусевске, и после его смерти мы с мамой перебрались в Оршу. Сначала жили у знакомых, а потом мать купила полдома на улице Садовой. Стася Хаецкая с родителями жила в Шклове. Она была паненка, из состоятельной семьи. Ее дедушка был управляющим одного из имений панов Славинских в Толочинском районе, но был очень честным и порядочным человеком. Во время революции красноармейцы хотели его расстрелять как классового врага, но за него вступилось местное население. Отец Стаси до революции работал на Путиловском заводе в Петербурге. Вместе с женой они слушали выступления Ленина, а когда во время революции начался голод, то перебрались в Шклов, где после замужества жили сестры матери Стаси.

Стася была единственным ребенком в семье. Она получила хорошее образование: сначала училась на польском отделении Института национальных меньшинств в Ленинграде, а после его расформирования закончила в Минске пединститут. До начала Великой Отечественной войны она работала в Шклове учителем истории.

Мама знала родителей Стаси с молодости: Мария Дементьевна работала у панов Славинских экономкой, а мать Стаси – Мария Юлиановна – в том же имении была «пакаеўкай» (горничной), ее очень любила старая пани, на зиму забирала с собой в Варшаву. Мария Дементьевна очень хотела, чтобы Стася стала моей женой. Но мне эта девушка сначала не понравилась. Показалась слишком высокой и худой. Мама убеждала: «Подожди, Зюник, все у нее будет!». Она продолжала меня убеждать в письмах, которые писала мне во время моей службы в армии. И своего добилась. Да и сам я после советско-финской войны уже смотрел на жизнь по-другому.

После моей демобилизации из армии мы стали со Стасей встречаться. Летом 1941 года я поехал к ней свататься. Мне очень

понравился прием ее родителей, дом, в котором она жила. А самой ее не было – поехала в Могилев за покупками.

Во время оккупации я приезжал к Стасе в Шклов. Немецкие поезда ходили часто. Раненых почему-то всегда отправляли в Украину и в Борисов. Немцы уже меня знали. Отдашь яиц и все, что требуется – пропустят. Однажды вслед за мной в Оршу приехала мать Стаси. Она долго о чем-то шепталась с Марией Дементьевной, после чего сказала мне: «Вы должны со Стасей пожениться, а то ее угонят в Германию».

Что ж, война войной, а жизнь продолжается. Так в январе 1942 года, в понедельник, у нас со Стасей появилось свидетельство о заключении брака с немецкой свастикой.

Стася стала жить с нами в Орше, но у нее оставалась связь с партизанами через своих бывших учеников. Сама она не могла, в случае ухода к партизанам, бросить на произвол судьбы своих родителей. А вот мне помогла. Я теперь всем рассказываю, что попал в партизаны «по благу».

Ночная майская бомбежка Орши 1943 года так напугала немцев, что они несколько дней не могли опомниться. Мы со Стасей беспрепятственно дошли из Орши пешком почти до самого Шклова. Нас остановили только в Александрии. На крыльцо крайнего дома выскочила русская переводчица и закричала: «Вы куда? В Шклов нельзя! Там партизанская зона! Ганс!». Появился Ганс. Я показал ему Ausweis и объяснил, что город бомбили. Я отведу беременную жену к ее родителям и вернусь назад на работу. Ганс пропустил.

В шкловском доме также были немцы. Две недели мне пришлось прятаться на сеновале. К жене приходили девочки-связные, расспрашивали, уходили куда-то, а я ждал. Затем пришлось пожить в деревне Тросна: шла партизанская проверка. Наконец, с декабря 1943 года, я стал числиться рядовым бойцом 10-го отряда партизанской бригады «Чекист». Командиром моего отделения был Григорий Иванович Вербицкий, командиром бригады – Герасим Алексеевич Кирпич. Вместе со мной в этой партизанской бригаде служил еще один Иосиф Иванович Матюшевский, 1922 года рождения. Наши отцы были троюродные братья.

Дисциплина в бригаде «Чекист» поддерживалась строго. Партизаны в лесах были разные. Мы с чужими отрядами старались дела не иметь.

Когда я узнал, что у меня родился сын, которого в честь отца называли Иосифом, то очень захотел его увидеть. Через связного мы

договорились со Стасей о встрече. Она благополучно проехала все немецкие посты. Чтобы ее поскорей пропустили, незаметно щипала ребенка. Сын кричал, а Стася объясняла немцам: «Kinder krank!». Те понимающе пропускали: «Matka – gut!». Однако наша встреча так и не состоялась. Меня отправили на задание. Стасе с сыном пришлось вернуться домой.

То задание я выполнил успешно, но не всегда было так. В ночь с 27 на 28 мая 1944 года, накануне наступательной операции «Багратион», наш партизанский отряд организовал засаду возле железной дороги Могилев – Орша на станции Лотва. Подрывники заложили мину. Взорвали поезд, в котором находилась артиллерия на тягловой лошадиной силе. В конце поезда был штабной вагон. Нам было приказано стрелять по его окнам, а затем взять немецкое боепитание. Пока фашисты не опомнились, мы ориентировались на фонарики, с которыми они бегали. Затем немцы открыли ответный огонь. У нас были проблемы с патронами, и фашисты сумели отбиться. Трех человек ранило, в том числе и меня.

Ранения были серьезные: одному бойцу перебили ноги, другому прострелили мочевой пузырь, у меня пуля прошла насквозь через легкие и вышла под лопатки, через диафрагму. Я не мог ни сидеть, ни лежать, ни стоять. Сразу отвезти в партизанский лагерь нас не могли. Трое суток нас прятали в болоте, пока работала разведка. Затем переправили через Друть. Боль была невыносимой. Во время движения я стоял на коленях, подбородком упираясь в телегу.

В лагере меня лечила военврач, капитан медицинской службы Кокина, еврейка по национальности. Для простоты мы называли ее Марией Ивановной. Она была очень хорошим врачом и сделала все, чтобы меня спасти. Верила, что я поправлюсь. Когда прибыл самолет с Большой земли, меня отправили в госпиталь. Сначала обработали смоленские врачи, потом на поезде перевезли в Москву и положили в госпиталь № 5006 (бывшая глазная больница им. Филатова).

Мои партизанские товарищи уже не надеялись увидеть меня в живых. Об этом они признались, когда много лет спустя после войны увидели меня на встрече бывших партизан. А врачи сказали, что я выжил благодаря тому, что никогда не курил. В нашей семье вообще никто не курил: ни мой отец, ни его родственники, ни мой брат, сын мой не закурил. Когда мне бойцы предлагали, я всегда отшучивался: «Бросил! Как родился, так сразу и бросил!». Все смеялись и оставляли меня в покое.

Однажды в московском госпитале я заметил, что по утрам на тумбочке возле моей кровати стали появляться цветы. Оказалось, что их приносила медсестра, красивая казачка Полина. У нее муж-танкист погиб на фронте. Она стала давать мне небольшие поручения, например, настругать тонких деревянных палочек. С их помощью раненые избавлялись от вшей под гипсовыми лангетами.

Мне нравилась Полина, запала в душу. Когда я выздоровел, она сделала мне предложение остаться вместе с ней в Москве. Обещала устроить на работу в госпитале: «Ты уже достаточно повоевал, а не согласишься – отправишься на передовую». Я не смог бросить семью и ребенка. «Передовой я не боюсь», – ответил Полине.

Десять дней я провел в Москве в Чернышевских казармах, а когда приехал «покупатель» с фронта, то назвался артиллеристом. Азбуку Морзе я выучил еще юношей. После школы, перед учебой в витебском ФЗУ, я обучался на телеграфиста в ФЗУ станции Орша. Остальную артиллерийскую науку я постиг без особого труда. Быстро изучил все принадлежности, которые помогают артиллеристам вести стрельбу по целям, и попал в артиллерийскую разведку. Воевал в составе 3-го Белорусского фронта. Победу я встретил в Кенигсберге. Бои на прусской земле шли кровопролитные. Убитых и раненых было много. Однако на этот раз судьба пощадила меня.

Как-то под Кенигсбергом наша артиллерийская батарея устраивалась на ночлег. Один молодой солдат (единственный сын у родителей, не так давно после школы призванный на фронт) предложил мне как старшему более удобное место. Мне оно почему-то не понравилось. «Ты выбрал, где спать, ты здесь – и ночуй», – ответил я ему. Когда проснулись утром, оказалось, что ночью во время немецкого обстрела на этого солдата упал неразорвавшийся снаряд и убил его. Все остальные бойцы крепко спали и не пострадали, я в том числе.

На фронте в очередной раз мне довелось столкнуться с недоверием к себе со стороны спецслужб. Мой отец до революции имел в собственности хутор Сырицы с хозяйственными постройками, а потому рассматривался советской властью как «социально неблагонадежный элемент», хотя он и трудился всю свою жизнь механиком. Он самостоятельно изучил паровую машину, слесарное и токарное дело. В 1929 году мой отец, Иван Антонович, и старший брат, Мечислав, были арестованы по подозрению в «польском шпионаже». Они полтора месяца просидели в толочинской тюрьме. Их выпустили только после того, как Мария Дементьевна разыскала

Красновского – воронежского товарища отца, и тот прислал справку об участии Ивана Антоновича в красноармейской обороне в годы революции.

В 1930 году мой отец бросил хозяйство, взял только одну корову и на двух подводах перевез свою семью в Стайки. Семья его родной сестры, с которой он поделил землю на хуторе Сырицы, – Соколовской, этого не сделала. Вскоре их раскулачили, сослали в Сибирь, и связь с ними была потеряна навсегда. В доме и хозяйственных постройках хутора Сырицы расположилась МТС колхоза.

В 1930 году была репрессирована семья еще одной родной сестры Ивана Антоновича – Бокщаниной. У нее было двое сыновей. Один служил ксендзом в оршанском костеле, другой еще при царе окончил московский железнодорожный институт имени Жуковского, получил инженерное образование и работал в Орше начальником железнодорожной станции. В 1929 году ксендз уехал жить в Польшу и вызвал к себе мать. После ее отъезда всю семью ее второго сына – Станислава Бокщанина, забрал «черный воронок». Больше о них мы ничего не знали. В те времена о тех, кого забрали, не принято было говорить. Все только молчали и боялись.

В 1920–30-е годы знакомые Ивана Антоновича, приезжавшие из Сибири, рассказывали, что его родной брат – Михаил Антонович Матюшевский, многого добился в жизни: заслужил орден Ленина, занимается чугунолитейным делом в Новосибирске. А в конце 1930-х годов нам стало известно, что Михаила и всю его семью расстреляли.

В 1938 году, когда я служил в армии, мать в письме рассказывала, что ночью в наш оршанский дом постучались чекисты и спрашивали Ивана Антоновича. Когда она ответила, что он умер, чей-то голос в темноте злобно прошипел: «Эх, опоздали!».

Вскоре я стал замечать, что кто-то интересуется содержимым моих личных вещей, а через некоторое время меня самого вызвали на допрос. Особист задавал вопросы о родственниках, о моей биографии. Помню, что в голове у меня зашумело и все поплыло перед глазами. Однако на этом расспросы закончились.

Теперь же, когда на фронте меня вызвали на допрос, особист интересовался: «А не родственник ли ты того Матушевского, который в составе польского правительства бежал в эмиграцию в Англию?». Я уже повоевал, посмелел. Ответил, что устал от подозрений, что меня уже проверяли партизаны, у которых я служил честно, фамилия у меня пишется по-другому, и покойный отец ничего о родственниках в

Польше мне не рассказывал. Однако особист не унимался. Как только начинался обстрел, он куда-то исчезал, а в затишье появлялся и следил за каждым моим шагом.

В один из таких затишных дней особист позвал меня пройти с ним на соседнюю высоту. Я шел впереди, особист – сзади. «Куда и зачем он меня ведет?» – думал я и уже начал готовиться к самому худшему для себя исходу. И вдруг я услышал хлопок и крики особиста. У того оказалась раненой нога. Я помог раненому добраться до медицинской части, объяснил, что человек подорвался на mine. Но потом, вспоминая это происшествие, я догадался: все было иначе. Характер раны говорил о том, что мина здесь не виновата. Особист просто хотел уехать с передовой.

Еще до начала штурма Кенигсберга вышел указ Сталина о трофеях. Солдаты имели право брать до 10 килограммов, офицеры – до 20 килограммов. Нам почему-то вовремя о трофеях объявлено не было. Вопросом трофеев занимался штаб и лично Маргулис, Герой Советского Союза, командир истребительной противотанковой бригады, которая освобождала Оршу. На памятной стеле в центре города об этом есть запись, сверху пятая. Так вот, этот Маргулис заспорил с комиссаром, которому стало известно, что он снял с фронта 7 боевых машин и отправил их в тыл с трофеями для жены и любовницы. Комиссар доложил в Ставку в Москву. Маргулиса проверили, но звездочку Героя сначала не отняли. Нас выстроили в шеренгу, и Маргулиса публично разжаловали до майора, лишили должности командира. Дальше мы воевали без него.

Уже после войны, когда я работал бригадиром поезда на кавказском направлении железной дороги, мне довелось помочь с билетом одному офицеру. Он просил перевести его семью из общего вагона в купейный. Я выписал нужный документ. Офицер спросил, где я воевал, и рассказал мне про Маргулиса. Звания Героя его лишили уже после войны. Потом звание опять вернули, Маргулис уехал жить в Израиль.

В 1947 году мне дали путевку в санаторий, в Кисловодск. Я пошел там смотреть музей войны и среди портретов Героев Советского Союза увидел Маргулиса. Думаю: «О! Привет, дорогой!». Но о том, что произошло с Маргулисом в Кенигсберге, в музее, конечно, не рассказывали.

Не обходилось на фронте и без курьезов. Когда шли бои за Кенигсберг, был разрушен зоопарк Геринга. Животные разбежались по городу. Среди солдат поползли слухи, что Геринг держал

невиданных по величине крыс – с густой шерстью, длинными хвостами и огромными желтыми зубами – таких же выродков, как и сами фашисты. Нас успокоили офицеры: «Славяне, не позорьтесь! Это не крысы, а нутрии». Мы их никогда не видели, а потому приняли за крыс-мутантов.

В июне 1945 года мы возвращались из Кенигсберга. Нам сказали, что нас везут отдохнуть после боев вглубь России. Проезжали рядом с Оршей. Я отпросился повидать родных и впервые после долгой разлуки увидел мать, сестру и жену с сыном. Я попытался обнять мальчика, а тот оттолкнул меня от себя: «Уйди, дядя!» Сердце сжалось болью: «Сынок, я же твой отец!». Женщины плакали, говорили, что нас везут на войну с Японией. Откуда они узнали про это? Мы, солдаты, не догадывались, а женщины знали. Все оказалось правдой. Во время этой встречи в Орше Стася случайно увидела у меня нашу совместную с Полиной фотографию. Разобиделась. Перестала писать мне письма на фронт. Потом пришло письмо: «Давай проверим наши чувства!». А что тут проверять? Я свой выбор сделал. После войны помирились.

Когда я вернулся к своему поезду, то не обнаружил его на прежнем месте. Бросился к начальнику станции с расспросами, а тот чуть не арестовал меня за шпионаж. Выручили родственники и довоенные знакомые. Подтвердили, что я фронтовик, а не шпион. Показали, куда был отогнан поезд. Командир, отпустивший меня, также переволновался. Если бы я не нашел свой поезд, то оказался бы дезертиром.

Полк, в котором я служил, отправился на Забайкальский фронт. Поезд, в котором мы ехали, был в пути 32 дня. Затем на машинах через Чуйский перевал мы отправились в Монголию – в пункт назначения Баян-Тюмень. Для меня эта война длилась только две недели. А вот мой старший брат Мечислав повоевал на японском фронте дольше. В годы Великой Отечественной войны он служил шофером 38-го автополка Ставки Верховного главнокомандования. Еще во время армейской службы в Старых Дорогах он попал в автополк, и с 1934 года его жизненный путь оказался связан с НКВД. До войны Мечик работал в Минске шофером гаража НКВД, а потом – шофером гаража ЦК ВКП(б)Б.

Всю войну брат провел на передовой: подвозил снаряды и ни разу не был ранен. Уже после войны мы выяснили, что служили рядом, но так за эти годы и не встретились. Закончил войну Мечик в тех местах, где когда-то побывал наш отец. Иван Антонович после

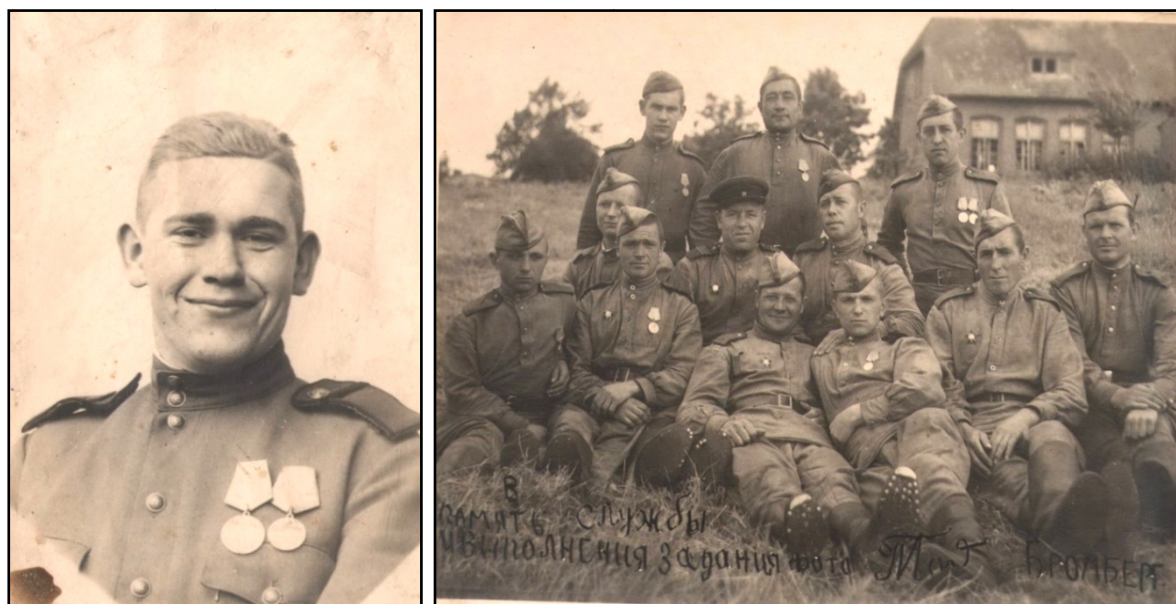
призыва в царскую армию попал на флот, в составе Тихоокеанской эскадры на броненосце «Севастополь» принимал участие в русско-японской войне. Его специальность была минный машинист. Отец сражался при Цусиме, защищал Порт-Артур. По этому поводу мы в семье шутили: «Отец сдал Порт-Артур, а старший сын его освободил». Для нас с братом война окончилась, когда Япония объявила о капитуляции. Меня уволили в запас 20 сентября 1945 года».

*Подготовила к публикации
Матюшевская М. И.*

ЛЁС І ВАЙНА САПЁРА І БАТАЛЬЁННАГА ФАТОГРАФА РЫГОРА МАЦЮШЭЎСКАГА НА СТАРОНКАХ ЯГО ДЗЁННИКА

Успаміны Рыгора Фаміча Мацюшэўскага

У 2003 годзе ў горадзе Шклове памёр ветэран працы і Вялікай Айчыннай вайны Мацюшэўскі Рыгор Фаміч. Сын Пётр Рыгоравіч, згодна тэстаменту бацькі, перадаў у Музей гісторыі Магілёва яго дакументальны і фотаархівы, баявыя ўзнагароды і дзённік за 1945 г.

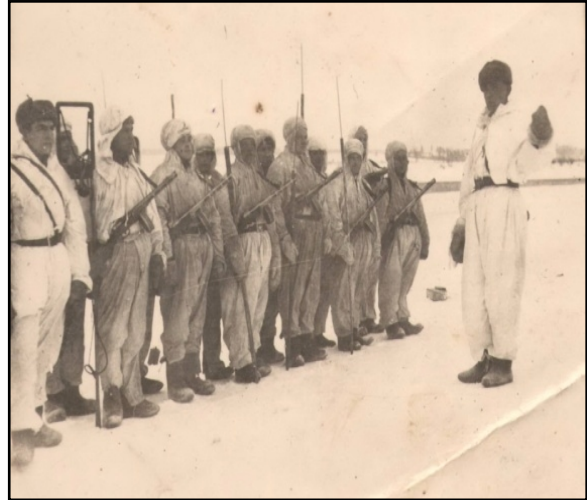
Рыгор Фаміч Мацюшэўскі нарадзіўся 1 жніўня 1920 года ў вёсцы Любатынь Жукнеўскага сельсавета Талачынскага раёну Віцебскай вобласці (Беларусь). Паходзіў з заможнай і шматдзетнай сям'і. У 1932 г. яго бацьку – Фаму Фадзеевіча Мацюшэўскага, за

антысавецкую дзейнасць асудзілі на 10 гадоў, пакаранне адбываў у Сібіры («Сіблагу»). Маці з чатырма дзяцьмі засталася ў БССР. У шаснаццацігадовага падлетка Рыгора атрымалася збегчы з вёскі ў горад – Магілёў, дзе са жніўня 1936 г. па жнівень 1937 г. вучыўся ў школе «Стройуч». Затым ён на працягу двух год працаваў у Харкаве (Украіна) цесляром-сталяром трэста «Южстройпуть». Як пачалася Другая сусветная вайна (восень 1939 г.), вярнуўся на радзіму, працаваў у калгасе імя Калініна Талачынскага раёна. Са студзеня 1940 па чэрвень 1941 гг. – курсант, а затым трактарыст Талачынскай МТС. Верагодна з-за таго, што бацька быў сасланы, не трапіў у Чырвоную Армію. У перыяд гітлераўскай акупацыі Беларусі жыў і займаўся земляробствам у в. Любатынь (меў самаробны млын).

8 чэрвеня 1944 года быў мабілізаваны ў Чырвоную Армію. Да 9 мая 1945 года спачатку радавы, а затым яфрэйтар (сапёр) 142-га асобнага мотаінжынернага ордэна Аляксандра Неўскага батальёна 33-й асобнай мотаінжынернай Магілёўскай брыгады. Удзельнічаў у вызваленні Магілёўшчыны, Мінска, Гродна, Беластока, Варшавы, Усходне-Памеранскай і Берлінскай аперацыях. У баях за вызваленне Польшчы быў паранены ў абедзве нагі. Дэмабілізаваны ў маі 1946 г. сяржантам, камандзірам аддзялення.

Ён быў не проста салдатам, удзельнікам Вялікай Айчыннай вайны. Звернемся да цікавага дакумента (захоўваецца ў Музеі гісторыі Магілёва, фонды МГМ КП 4000): *«Войсковая часть. Полевая почта 41703. Справка. Дана младшему сержанту Матюшевскому Григорию Фомичу в том, что он действительно выполнял обязанности фотографа по совместительству с несением воинской службы при В/ч п.п. 41703. Что и удостоверяется. Командир В/ч п.п. 41703 подполковник Малыгин. Подпись, печать»*.

Рыгор Фаміч быў у батальёне фатографам і зафіксаваў шмат эпизодаў з ваеннага жыцця аднапалчан. Багаты і цікавы ваенны фотаархіў Р. Ф. Мацюшэўскага дэманстраваўся Музеем гісторыі Магілёва ў 2005 г. на яго персанальнай выставе «Вайна вачыма аднаго салдата». У гэтым выданні ўпершыню публікуюцца некалькі фотаздымкаў Рыгора Фаміча, зробленых зімой-вяскою 1945 года і якія захоўваюцца ў фондах Музея гісторыі Магілёва.

Вялікую цікавасць даследчыка выклікае дзённік Р. Мацюшэўскага, які ён вёў на працягу 1945 года. Гэта невялічкая кніжка-блакнот (штодзённік), памерам 10,5×7 см, выдадзеная на нямецкай мове: «Kalender für 1945» (МГМ КП 3856). Гэта, хутчэй за ўсё, трафейны здабытак Р. Мацюшэўскага. Першы запіс у ім зроблены напрыканцы студзеня. Раней не мог, бо ўдзельнічаў у баях за вызваленне ад гітлераўцаў г. Варшавы (вызвалена 17.01.1945).

Салдатам на вайне было катэгарычна забаронена весці нейкія запісы. Калі іх знаходзілі – маглі аддаць пад трыбунал і жорстка пакараць. Таму, захаваўшыся франтавы дзённік Р.Ф. Мацюшэўскага, – унікальная гістарычная крыніца.

Вашай ўвазе прапануюцца запісы салдата-франтавіка. У пэўныя дні іх няма. Таму што з-за ўдзелу ў баявых дзеяннях не хапала часу. Нават у маленькіх нататках салдата бачна спалучэнне гераізму (удзел у баях, раненне), трагічнага (гібель аднапалчан) і штодзённага клопату аб родных (захаваны аўтарскі правапіс і стыль):

«29.01.1945 г. Ночью прибыли в мястечка Герцегсвальдэ³ в районе городав райхоу, и любштадт⁴ и ночью уходили из этого населен. пункта в Райхау.

30.01. С утра прибыли к передавой в мястечко вечером в 5 часов. Ранен и отравлен в сан. часть.

6.02. Прибыли в сан. взвод отправил посылочку.

19.02. Сняли повязку с ран⁵.

1.03. Отправил посылочку с сапожн. материалом и ещё кой чего.

8.03. Выписали с санвзвода и направили в свое подразделение для нясення дальнейшей службы и сегодня же прибыл в свой взвод.

20.03. Выслав посылочку с места где стояли рядом с колбасной мастерской стирка гимнастерки.

28.03. Данциг⁶ отправил посылочку мамаше».

Тут трэба дабавіць тое, чаго няма ў дзённіку – 13.04.1945 Р. Ф. Мацюшэўскі быў узнагароджаны медалём «За боевые заслуги». З прадстаўлення да ўзнагароджання: *«В боевых операциях батальона в Восточной Пруссии красноармеец Матюшевский проявил образцовую смелость и отвагу, обладая этими высокими качествами, он увлекал за собой остальных бойцов своего отделения при отражении контратак противника в районе г. Толькемит и Фрауэнбург. В боях за советскую Родину был легко ранен 30.01.45 г. под г. Либиштадт».*

Працягваем:

«22.04. Переданы кавалерийскому соединению.

27.04. Пошли в наступление с кав. дивизией⁷.

28.04. Марш и постройка мостов двух.

29.04. Марш и постройка моста.

30.04. Марш.

1.05. Марш.

2.05. С утра марш и соединились с союзными войсками на реке Эльба⁸.

3.05. Постройка пристани ночью.

³ У гэтым мястэчку знаходзіцца масавае пахаванне савецкіх салдат, якія загінулі пры вызваленні Польшчы (Усходняй Прусіі).

⁴ Сучасны польскі горад – Мілакава.

⁵ Лёгкае раненне ў абедзье нагі.

⁶ Сучасны польскі горад – Гданьск.

⁷ 6 гвардзейская кавалерыйская дывізія 3 гвардзейскага кавалерыйскага корпуса 2 Беларускага фронту (камандзір дывізіі генерал-маёр П.П. Брыкель).

⁸ Крыху паўночней ад нямецкага г. Вітэнберга (Германія).

5.05. Постройка пристани на стороне союзников.

6.05. Выехали с мястечка где соединились с союзниками и марш на Штэтин⁹.

8.05. Прибыли в Штетин и расположились в разборных фрицевских бараках.

9.05. Обед в честь праздника победы и смерть мл. л. Веровкина.

12.05. Проверка на мины улиц г. Штетина и после обеда за 2 растегнутых пуговицы 3 суток».

Адбыўшы трое суток за знешні выгляд «не па уставу», 16.05.1945 г. Р.Ф. Мацюшэўскі атрымаў узнагароду – медаль «За отвагу». З прадстаўлення да ўзнагароджання: «В ночь с 28 на 29 апреля 1945 г. красноармеец Матюшевский с двумя бойцами произвёл инженер-ную разведку реки Хайель в месте проведения переправы возле хутора Лансеваль. Отважно переправившись на западный берег на плотике из бревён под огнём противника, красноармеец Матюшевский детально обследовал берег и выбрал наиболее подходящее место для постройки переправы и устройства подъездов к ней, чем обеспечил своевременное развёртывание работ по постройке переправы 2-й ротой».

Пасля вайны савецкі ўрад выплочваў грошы за кожную ўзнагароду. Штомесяц за медаль «За отвагу» – 10 руб., «За боевые заслуги» – 5 руб. (МГМ КП 4012). Быццам няшмат. Але ў вёсцы, дзе калгаснікі працавалі за «галочку» і нічога не атрымлівалі, гэта была значная сума. Акрамя таго, узнагароджаныя гэтымі медалямі, мелі права бясплатнага праезду на ... трамвай! Толькі дзе той трамвай у Любатыні...

«22.05. Выслав посылочку с шелком.

1.06. Прибыли в польский город Бромберг¹⁰ в пригород в лесную чащу разбитые воздушной волной бараки.

2.06. Стоим на месте.

3.06. Троица. Поездка в город на поиски квартир празднество в городе и переезд на новое место стоянки в ляску Яхчица.

25.07. Отправил посылочку из Лигница¹¹. 6 м шелку простынь и др.

30.07. Видел сон здаецца вытацил зуб плохой и он на подобие какойто чашки.

⁹ Шчэцін – горад на паўночным захадзе сучаснай Польшчы (раней галоўны горад прускай правінцыі Памеранія).

¹⁰ Сучасны польскі горад – Быдгаш.

¹¹ Сучасны польскі горад – Легніца.

18.08. Работы очень много с отъезжающими снимками в том числе и Иванченка. в 9 часов вечер посвящение отправке демобилизуемых присутствовал на вечере и я.

19.08. Утром провожал Иванченку днем спортивн. соревн. по бригаде и моя фотосъемка их. Вечером кино.

1.09. День рождения Антонины Григорьевны Матюшевской моей дочери.

11.09. Отправил письмо Казанцаву».

22 кастрычніка 1945 года ў жыцці Р. Мацюшэўскага адбылася яшчэ адна значная падзея. Працытуем дакумент (МГМ КП 3998): «Выписка из приказа 142 Отдельного Мото-Инженерного ордена Александра Невского Батальона № 168 от 22 октября 1945 года г. Гольдберг¹². За отличное выполнение заданий в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками награждается подарком от командования 142 Отдельного Мото-Инженерного ордена Александра Невского Батальона ефрейтор Матюшевский Григорий Фомич ФОТО-АППОРАТОМ и увеличительным прибором. Начальник штаба 142 ОМИо АН Бат. Капитан Сысоев». Подпис. Печатка.

Апошнія запісы ў дзённіку датуюцца лістападам 1945 года:

«3.11. Вечером прибыли в гор. Франфуркт – на Одере¹³ и ночлег в гостиницы.

4.11. Выехали с Франфуркта и прибыли вечером в гор. Штаргард¹⁴.

17.11. Адрес Лебедева Леонида Ивановича в Московской области».

Узгаданая ў дзённіку сустрэча з саюзнікамі адбылася крыху паўночнай ад нямецкага г. Вітэнберга. 28-й гвардзейскі кавалерыйскі полк пад камандаваннем падпалкоўніка М. А. Вісаітава падчас наступлення ў авангардзе 6 гвардзейскай кавалерыйскай дывізіі ва ўзаемадзеянні з танкавымі і артылерыйскімі палкамі прарваў абарону ворага ў раёне горада Шведт (Германія). Напрыканцы дня 2 мая 1945 г. полк выйшаў на раку Эльба ў раёне паўночнай горада Вітэнберг і ў ліку першых сустрэўся з англа-амерыканскімі войскамі.

Пасля заканчэння баявых дзеянняў Рыгор Фаміч разам з байцамі свайго падраздзялення займаўся размініраваннем гарадоў Германіі і Польшчы.

¹² Горад у ФРГ, федэральная зямля Макленбург – Пярэдняя Памеранія (Пруская Сілезія).

¹³ Франкфурт-на-Одары – горад у сучаснай ФРГ, федэральная зямля Брандэнбург.

¹⁴ Сучасны польскі горад – Старгард-Шчэцінскі.

Аналіз дакументаў Р. Ф. Мацюшэўскага ў фондах Музея гісторыі Магілёва дазваляе асвятліць тыповыя факты з асабістага і працоўнага жыцця любога салдата-франтавіка, удзельніка Вялікай Айчыннай вайны. Беларус, быў жанаты, меў сына і дзве дачкі. У камсамоле не састаяў, але ў 1963 г. уступіў у КПСС. Салёт-фатограф на вайне, затым меў грамадзянскія спецыяльнасці: трактарыст, фатограф, шафёр 3 кл. У паваенны час: трактарыст Коханаўскай МТС (1946–1950 гг.), курсант школы механізацыі сельскай гаспадаркі ў Магілёўскім раёне (1950–1952 гг.), загадчык майстэрні Коханаўскай МТС (1952–1953 гг.), слесар-зборшчык Мінскага трактарнага завода (1953–1954 гг.), механік Рыдомльскай, Можайскай МТС, саўгаса «Искра», калгаса «Рассвет» у Талачынскім раёне (1954–1956 гг.), загадчык майстэрні саўгаса «Рыдомльскі» (1965–1973 гг.). Затым пераехаў з Беларусі ў Эстонію: слесар Локсаскага сударамонтнага завода (1973–1978 гг.), слесар па рамонту абсталявання калгаса «Куусалу» Харьюскага раёна (1978–1982 гг.). У маі 1982 г. выйшаў на пенсію і ў лістападзе вярнуўся на радзіму. Пабудаваў двухпавярховы дом з цэглы ў г. Шклове, дзе і жыве да сваёй смерці ў 2003 годзе.

Рыгор Фаміч быў узнагароджаны медалямі: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией», «Ветеран труда» (1980 г.); ордэнам «Отечественной войны II степени»; юбілейнымі медалямі: «50 лет Вооружённых Сил СССР», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина»; «60 лет Вооружённых Сил СССР», «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «70 лет Вооружённых Сил СССР», «50 год Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг.», медалём Жукава, знакам «Ветеран войны 1941–1945 гг.».

Напрыканцы засталася з гонарам адзначыць, што ён быў стрыечным братам нашай бабушкі і прабабушкі па бацькоўскай лініі – Таццяны Мікалаеўны Мацюшэўскай.

Падрыхтавалі да публікацыі

Пушкін І. А.

і вучань гімназіі № 1 г. Магілёва Пушкін Я. І.

ВЕРИЛИ, ЧТО ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ

Воспоминания Марии Ануфриевны Могдаловой

До войны наша семья жила в деревне Заболотье (Слободско-Заводской сельский совет). Отец работал учителем начальных классов, мать работала на ферме. У меня есть старшие сестра (1924 г.р.) и брат (1926 г.р.). В школу в те времена принимали только с восьми лет, к началу войны я закончила 4 класса. Сестра 7 классов. Брат уехал в Ленинград учиться в ФЗУ (фабрично-заводском училище). Отец умер ещё до войны, в 1935 году.

Началась война. Брат не приехал, так он и остался в блокаде. А мы втроём остались в нашей деревне. Ещё в начале войны мы с соседями вырыли окоп. Он был небольшим, но спрятаться можно было.

По деревням ездили командиры (офицерский состав) и они нас настолько убедили, что мы каждый день войны верили, что победа будет за нами.

Я уже не помню как, но мы попали к маминому дяде, они переехали с хуторов, большие деревни сносили. У них был новый дом, но веранда не была достроена, там у них был окоп, где мы и прятались. Мама с сестрой домой вернулись, а я с соседской девочкой там осталась. Вот мы выскочили, а самолёты летают прямо над головой, видно как пилоты смотрят, улыбаются. Солдат мне кричит: «Девочка, ложись!» – я кинулась в траву, легла и лежу. Потом самолёты прошли, я поползла по огородам, зашла к дяде во двор, а там никого нет. Я иду по деревне и плачу: где мама, где Паша. Тогда одна женщина мне подсказала, что они, наверное, в окопе сидят, там я их и нашла.

По улицам танки идут, вокруг огонь. Дядя сказал спрятать детей. Мы по огородам сбежали в соседнюю деревню, а уже когда поутихло всё, шли и думали, остался ли наш дом или нет. Дом уцелел.

Через несколько дней пришли немцы. Выставили палатки, а руководящий состав у нас дома поселили. Нас они не выгнали, мы жили в комнате возле кухни, а они уже заняли другие комнаты, поставили там раскладушки. Побыли несколько дней, дома ничего не тронули. У других хватили курей, яйца, а на наше кричали: «Не рушь! Не рушь!».

Печь у нас была обычная русская, а им же нужно жарить. Они угольки вытянут сюда. На улице жарко, чуть искра и всё – дом загорится. Потом уже мама меня научила, так они только высунут угольки, а я их обратно. Тогда немец меня как за щёку ущипнёт, но не бил меня. Спустя несколько дней двое уехали, а двое остались. Один ходил, фотографии показывал, маму свою, каким он был в детстве, было

видно, что он хочет поговорить, но язык особо никто не знал, старались жестами объяснять, потом у соседского мальчика был словарь, с его помощью общались.

Как-то раз соседка пришла и говорит: «Саша, в Батуни уже партизаны». Страшно нам стало, потому что с ними и мы могли погибнуть. Стали объяснять немцам, что в следующей деревне партизаны, что им нужно уезжать. Поговорили, они с улыбкой встретили это известие, собрались и уехали. А для какой цели они оставались, было непонятно. Никто нам не объяснял.

Первую зиму жили нормально, потому что была еда, запасы продуктов. Было много зерна (потому что рядом был спиртзавод): просо, ячмень, гречка. Потом началась партизанщина, закончились запасы, землю поделили на полоски, а скота нет, что там может вырасти. Соли не стало. Брели удобрения на станции и варили, и этой водой хоть немножко картошку солили, а вода эта горькая была. Но и это приходили и отбирали. Не только партизаны, а ещё много банд стало под видом партизан приходить.

Когда немцы пришли, стали героями те, кто до этого ими не были. Они и доносы писали... Был таким и наш староста (он в тюрьме сидел за воровство), он составил список (весь актив, который был в колхозе) и подал, что это партизаны. Хорошо, что список попался уряднику. Он посмотрел и говорит: «Кого убивать? Какие партизаны?». Повезло, просто человек отнёсся по-человечески. И после этого случая, как появлялись немцы, мы уже бежали, кто куда, боялись.

В 1943 году к нам приехала тётя с дочками, одна из девочек болела. Моя сестра с другой дочкой тёти на саночки эту больную девочку посадили и поехали к врачу, в соседнюю деревню. А перед этим прошёл обоз, они за ним и шли, санки ведь след оставляют. Потом они спрятались и ждали, пока этот обоз обратно пройдёт, чтобы дальше эти саночки везти. А его нет и нет, решили, что они поехали через Батунь в Могилёв и назад возвращаться не будут. Пошли через лес, а там немцы. Они забрали мою сестру, а вторую девочку нет, она и помладше была, и невысокая. Она вернулась домой и рассказала, что они только из-за леса вышли и попались. Соседи сказали, что завтра уже немцы будут ехать назад. Мама собралась и пошла встречать Пашу. А на перекрёстке немец стоял, мама рассказала ему, что забрали дочку. Не прошло и пару минут, едет повозка. Мама со слезами, а Паша сказала, чтобы мама шла на мост. Как только подъехали к мосту, сестра прыгнула с повозки. Когда всё утихло, они шли с мамой

домой. На перекрестке стоял тот же немец, ничего не сказал, только улыбнулся и пропустил.

Как-то раз летом 1944 года староста собрал всех и сказал, чтобы собирали необходимые вещи, взяли что-нибудь покушать и всё. Мама пришла с собрания и плачет, не знает что делать. А сестра болела тифом. Я легла на соседнюю кровать, хоть ещё и маленькая, но понимала, что мы боеем, болезнь страшная. Немцы боялись тифа, они даже не подходили, могли и застрелить. Дядька мамин сказал, чтобы никуда не ходили, потому что немцы только молодёжь выберут, а старики им не нужны. А мы уже наготове, а вдруг подожгут, уже чей-то дом так горел. Откуда же мы могли знать их мысли. Уже открыли окно, чтобы убежать если что. Приходят немцы, мама: «Паночек, что делать? Дочка болеет тифом, куда нам идти!?» Он зашёл, издалека посмотрел на Пашу, а на меня не обратил внимания, махнул рукой и пошёл. Вторая партия идёт проверять, все ли ушли, опять повторяется и один из немцев у меня спросил: «Сколько тебе лет?». А я честная была, сказала что двенадцать, а он мне: «Nein! (нет)», – и показывает – десять. На следующий день, как нахлынули немцы, расставили палатки, стирают, готовят. Беженцев было много.

Мы спрятались в окопе, но уже чувствовали, что они отступают, сидим, тут слышим, кто-то идёт по деревне и кричит: «Чего вы сидите? Наши пришли!» И тут все выскочили из этого окопа счастливые, обнимаются, целуются, не передать просто того чувства. Возле нас остановилась кухня. Добыли соли. Какая радость была, наварили супа и посолили. Какой вкус был! А возле нас ещё казах какой-то лежал, мы и ему супа солёного налили, принесли, а он швырнул эту миску. Он не знал, как нам приходилось жить... Ведь во время войны ходили, собирали картошку по полю, где осталась, и в рот эту картошечку, рот не закрываешь, а то песок на зубах трещит, что ж, были вынуждены и это есть.

Освободили нас. Нужно что-то сеять. Кто как мог где-то доставал, а поля на себе пахали, берут длинную палку четыре человека с одной стороны, четыре с другой, а один за плугом. После запретили на себе пахать.

Ходили в колхоз работать, а сил-то нет. Все тифом только переболели, поправляться нечем. Работать тяжело, а нужно было. Мама очень больная была, ей тяжело, а трудодни нужно было отрабатывать.

Как только нас освободили, сестру взяли на лесозаготовки, там работала, потом оттуда она пришла, её на железную дорогу в Кричев послали. А мама со мной больная и кормить нечем. Это вообще страх,

а не жизнь, слюной питались. И мама уже совсем слабая, мы сидим, а она мне говорит: «Доченька, тебе будет очень трудно, но ты учись».

Стали пригонять из Германии коров, коней, вот у нас в колхозе появилось несколько коров, ходили по очереди этих коров пасти. Сестра стала ездить в Украину, поедет, семечек купит, масла. Это было как бы спекуляция, но тогда это было выживание. Купила козу, уже маме было что кушать, яйцо курица снесёт, мы уже с сестрой не ели, главное – чтобы маме было. Но она не выдержала, умерла (1945). Остались мы с сестрой. А брат, когда вышел из окружения, попал в Казань, на авиационный завод работать, но и там, конечно, было не сладко, а организм истощённый, и он стал проситься в армию добровольцем. Он долго ходил, не брали его, ещё восемнадцать лет не исполнилось, а потом он как-то прибавил себе годы и его взяли в армию. Призвали в пограничные войска, попал в пограничные войска по борьбе с бандеровцами. Это хуже, чем на фронт попасть. Я очень боялась, эти бандеровцы ужасно расправлялись, они просто живых солдат в кипящую смолу бросали. Потом уже в отпуск он приехал, поехали мы с ним за дровами, взяли саночки и поехали в лес. Где-то там хруст, я уже подскакиваю, а Володя: «Ты чего?». К тому времени он каждый шорох и звук знал, по звуку мог определить, что происходит. Отслужил он 7 лет, так как был срок службы повышенный у моряков и пограничников, поскольку после войны рождаемость была низкой, призывать некого было.

Начали открываться школы, пошла в школу. Одеть нечего было. Делали из одной подкладки шинели кофту, из другой – юбку, так и ходили. Тогда была директором семилетней школы Ксения Павловна, я ей очень благодарна, она мне очень помогала, дала мне несколько платьев, юбку, кофту, было хоть во что одеться, чтобы в школу ходить. Из Америки присылали помощь, так она еще давала мне соевую муку, консервы – очень помогала.

Вот в школе была такая история. Ксения Павловна принимала в комсомол. А мы отказывались все. После войны все боялись, так как активы все уничтожали. А у нас из Заболотья больше всего ходило в школу, человек десять, а из остальных деревень – по 2–3. Вот Ксения Павловна ведёт с нами беседу в комсомол вступать. Тот нет, тот нет, потом она подходит ко мне и говорит: «Могдалова, ну а тебе что надо? Ну, пусть Барсукова нет. А тебе что надо?» (у Барсуковой дядя был полицаем). Вот я и согласилась вступить, а у нас стоило было одному сказать, и все как один записались в комсомольцы.

Было очень трудно учиться, подготовка очень слабая, летом шли работать в колхоз, а книги не читали. Мама очень хотела, чтобы я шла в медицину. Когда я закончила семь классов, я решила поступать в могилёвское медицинское училище. Зачислили меня. А моя подруга не поступила, пришли забирать документы. Мне завуч не отдаёт, ведь я зачислена. А я так расплакалась, отдайте документы, он меня долго уговаривал, а потом сказал секретарю: «Отдайте документы». Отдали, а куда идти? Пошли с подругой в культпросветучилище, а уже был последний день подачи документов, а мы идём поступать, а везде закрыто, закрыто, приём закончен.

Стоим мы втроем, там ещё одна девочка. И они мне говорят, чтобы я шла, потому что смелее. Ну, пошла, там директор Конев сидит в гимнастерке, и начали с ним говорить. Он: «Ну что, идите в восьмой класс». А я ему: «Я сейчас в семилетнюю ходила за восемь километров, а в восьмой мне нужно в Дашковку, а там жильё нужно снимать, а кто мне его будет оплачивать, кто меня будет кормить. У меня только сестра, а она одна». Мы долго-долго беседовали, и он когда узнал, что комсомолка, решил зачислить.

После учебы работала комсоргом в школе. Потом переехала в Могилёв, работала секретарём райкома комсомола; инструктором в горкоме партии, начальником отдела кадров на комбинате Лавсан. После выхода на пенсию началась дача, земля, цветы. На данный момент состою в совете ветеранов труда.

*Подготовила к публикации
Корней А. А.*

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Воспоминания Анны Лаврентьевны Мозовко

Семья Чеснокова Лаврентия Петровича и Чесноковой Ольги Иосифовны проживала перед войной в деревне Кургановка Пропойского, ныне Слагородского, района Могилёвской области. В семье было четверо детей: Зоя 1929 года рождения, Николай – 1931, Лида – 1933 и я – 1935. Отец работал строителем, а мать работала в колхозе. Деревня наша, с длинной и широкой улицей, располагалась в живописном месте, между двумя дорогами – шоссе и шлях, как тогда их называли. Недалеко протекает река Сож и простираются большие заливные луга, а за ними лес. Накануне войны родители купили дом в Пропойске, и мы всей семьёй переехали туда. Жили мы счастливо.

Однако вскоре началась война, а вместе с ней и наша беспокойная, мучительная жизнь. Отца мобилизовали на фронт, а нас с матерью и другие семьи забрали в лес партизаны. Жили в землянках, испытывая холод и голод. Очень страшно было слышать гул пролетающих над лесом гружёных немецких бомбардировщиков и звук разрывающихся вдали снарядов. Эти звуки войны на всю жизнь остались в моей памяти.

Вместе с нами в землянке жила мамина сестра из Украины с грудным сынишкой и трёхлетней дочерью Аллой. Жители близлежащих деревень помогали нам продуктами питания, одеждой, обувью, так как впопыхах уезжая из дому на телегах, мы с собой практически ничего не взяли. Благодаря им мы, собственно говоря, и выжили. Когда немцы пошли на восток, мы вернулись в оккупированный город и обнаружили, что дом наш разбомбило. Семья осталась ни с чем. Поселили нас обратно в Кургановке, в крохотном домике, где раньше проживала еврейская семья, в первые дни войны расстрелянная немцами. Жизнь в деревне была очень беспокойной. Ночью партизаны минировали дорогу, которая вела на Москву. Немцы же использовали местных жителей для обнаружения мин. Помню мамины переживания, когда брата и старшую сестру Зою забирали для боронования этой дороги. Однажды мина взорвалась, и Зою сильно ранило, она чудом осталась жива.

Наша семья, как и многие жители деревни, оказывала помощь партизанам. Мама стирала бельё, пекла хлеб. Сельский староста неоднократно предупреждал сельчан, что за связь с партизанами наказание одно – расстрел. И вот кто-то донёс, что отец наш на фронте, а мать помогает партизанам. Помню, пришёл вечером к нам отец сельского старосты и предупредил маму, что семье нашей грозит расправа. В эту же ночь в деревню пришли партизаны, забрали нас и ещё несколько семей. Запомнилась долгая переправа на лодках через Сож. Переправлялись долго, так как людей было довольно много. Остаток ночи провели в доме, где находился медпункт. Утром на телегах нас повезли дальше. Вновь стали жить в лесу, в землянке. Партизаны помогли приобрести корову, поэтому с пропитанием немного наладилось. Летом спасали дары леса. Зимовать вернулись в Кургановку. Хатёнку нашу, по-другому её и не назовёшь, так как была она где-то 5×7 м со всеми пристройками, к этому времени разобрали на окопы. В очередной раз мы остались без крыши над головой. Зимовали в землянке, кто её соорудил, не знаю. Запомнилось лишь, что в ту суровую зиму мы зачастую не могли из неё выбраться самостоятельно, сильно

заносило снегом, и нас откапывали соседи. С горем пополам переживали. За лето приспособили к проживанию полуразрушенный дом папиного брата Гавриила. В этом домике, семьёй в 11 человек, провели следующую зиму. Отапливались печкой-буржуйкой, на ней же пекли мороженую картошку. У мамы даже получались из неё оладьи, было очень вкусно. Сейчас, конечно, такое есть бы не стали! Мы, дети, помогали восстанавливать дом, занимались заготовкой дров. Однажды мама, возвращаясь с плетёнкой дров через Сож, провалилась в ледяную воду. Домой пришла в смёрзшейся одежде. Однако серьёзно она не заболела, по-видимому, тяжёлая жизнь закалила её. Даже мы, бегая зимой в лёгкой одежде, сильно не болели.

Очень страшная картина открылась перед нашими глазами весной 1944 года после освобождения района. Сож разлился, и к берегу прибило много трупов. Поле было изрыто окопами и траншеями, в которых также лежали человеческие останки. Наши солдаты занимались захоронением павших бойцов, разминированием, убрали разбитую военную технику. Жителям разрешили разбирать окопы, чтобы использовать брёвна для строительства домов. В это время как раз вернулся отец. Мы его даже сразу и не узнали. Худой, небритый, изболевшийся весь, с язвой желудка.

Потихоньку жизнь стала налаживаться. Мы с сестрой Лидой переростками пошли в первый класс Михайловской школы. Учебников и тетрадей не было, писать было нечем. Парт не было, дети сидели на скамейках. Вместо доски висел лист ржавого железа, и мы на нём писали. Учителей своих мы очень любили и уважали, ценили их труд.

В 1951 году я поступила в техникум сельскохозяйственного строительства в Могилёве. После окончания техникума меня направили работать по распределению в Гродно. Там вышла замуж. Совмещала работу и учёбу. Позже переехали на постоянное место жительства в Минск.

*Подготовил к публикации
Кузьмин А. Д.*

НЕМЦЫ БЫЛИ РАЗНЫЕ

Воспоминания Владимира Ильича Мяделя

Владимир Ильич Мядель живет в Язно. Он ветеран Великой Отечественной войны. Был партизаном отряда имени Кутузова первой Дриссенской бригады, воевал на фронте. Награжден медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орденом Отечественной войны второй степени.

В послевоенное время работал в совхозе «Дисненский», руководил Язненским Советом.

О войне услышал в тот же день – 22 июня 1941 года. Пас коров у реки Дрисса. В деревне поднялась суматоха. Военкомат в спешном порядке проводил мобилизацию. Чуть позже увидел самолеты. До слуха доносился грохот в районе Дисны. Владимир Ильич вспоминает:

«7 июля в нашу деревню Ульяново приехали немцы. А перед этим советский самолет разбрасывал листовки, которые я читал своим землякам.

Когда появились немцы, то они забрали меня в Громоши в комендатуру. Видимо, каким-то образом узнали о чтении листовок. Однако в этом я не сознался. Отпустили.

С первых дней оккупации немцы забирали молодежь на принудительные работы, обещали живность, землю. Помню, что летом 1942 года немцы окружили нашу деревню. Мужчин построили в шеренгу, навели на них автоматы. Потребовали, чтобы люди добровольно сдали оружие. Если его найдут у кого-то дома, то дом сожгут, а людей расстреляют. Агитировали, чтобы мужчины шли служить в полицию. Зачитали сводку о военных событиях. Сообщалось о взятии Севастополя, военных трофеях. Когда отец вернулся домой, велел мне сходить за сарай и отыскать винтовку. Вскоре он ушел в партизаны. Замечу, что отец мой был партийцем, матросом Балтийского флота.

Немцы были разные. Однажды какое-то подразделение остановилось в деревне. Немец зашел в дом. Мать подготовила обед, поставила водки. Немец сидел рядом с отцом, рассказал, что он коммунист. Отец признался ему, что и он коммунист. Они обнялись и у обоих из глаз потекли слезы.

В конце сентября 1942 года вместе с матерью копали картошку. К нам подошел человек и дал записку. В ней сообщалось о том, что немцы готовят карательные меры, планируют расстрелы. И назывались фамилии. Чтобы спастись, надо было идти в партизаны.

Мать заохала, быстренько начала собирать одежду и еду. 28 сентября вместе с двумя парнями вброд перешли речку. На берегу стояла повозка. Приехали в партизанский лагерь. Быстро освоился. В бригаде было около 700 человек. Запомнился один эпизод. Вызвал к себе командир отряда и сказал, что я буду извозчиком, а два других партизана переоденутся в женскую одежду, возьмут кур и мы, якобы, поедем на рынок. Задачей было захватить живым немца. Сразу скажу, что задание мы успешно выполнили. Невероятно, но я встретил во второй раз того же самого немца после войны в Москве. Там я служил в войсках НКВД, охранял пленных. Будучи начальником конвоя, водил их на работу. С первого взгляда узнал его. Он тоже. Кратко пересказал случившееся другим пленникам. Они заговорили. А потом он обратился ко мне с просьбой отпустить за сигаретами в ларек. «Давай, – говорю ему, – только быстро». Вернулся, поблагодарил. Закурили. В дальнейшем часто с ним встречался, говорили на разные темы.

В ноябре 1942 года ходил за линию фронта за оружием. Перешли железную дорогу Полоцк – Невель, пошли дальше. Однако пришлось возвращаться, так как немцы начали карательную операцию против партизан.

Проходили дни. Выполнял различные задания. В памяти всплывают эпизоды рельсовой войны, засады.

Очень сложно пришлось партизанам в декабре 1943 года, когда немцы организовали блокаду. Мы держали оборону за деревней Дерновичи по берегу реки Дрисса. Потом был прорыв, выход за линию фронта. После этого две недели карантина. Затем из молодых партизан был сформирован пятый отдельный лыжный батальон, который входил в состав первого Прибалтийского фронта.

Сильные бои разгорелись под Витебском. Батальон был в резерве. Была поставлена задача: занять два очень укрепленных пункта и перерезать железную дорогу Витебск – Орша. Атака началась 8 февраля 1944 года. К вечеру нас из 450 человек осталось 90. Ночью опять наступление. Сначала шли тихо, а потом снаряд попал под ноги. Один осколок выбил зубы, засел в затылке, второй попал в руку. Сумел как-то перевязать себя. Иду в тыл, вдруг слышу: «Стой! Кто идет?». А я ответить не могу, так как рот забинтованный. Слышу, как часовой отводит автоматный затвор. Срываю повязку и кричу, что я Мядель. Узнали.

После выздоровления – снова фронтовые будни. Долго на передовой не задержался: ранило. На машине отвезли в Полоцк, а дальше переправили в госпиталь в город Иваново. Лечился более полугода.

Далее служба в запасном полку. Только в 1948 году отпустили в отпуск. Приехал к станции Громоши, отсюда надо на Дисну. Спрашиваю у местных, ходят ли по льду через Двину. Ответили, что сегодня были на рынке в Дисне. Подхожу к реке и вижу, что лед собрался напротив городка. Ничего не оставалось делать, как ступить на льдины. Было страшновато, но все внимание на лед, чтобы поставить ногу на твердую его часть и не упасть в воду. Переправа удалась. Вышел на берег, поставил чемодан, закурил. Слышу за спиной шорох, обернулся, а это лед тронулся с места. Переправы не стало.

Демобилизовался из армии в марте 1950 года».

Владимир Ильич с женой Глафирой Васильевной вырастили сына и дочь. У них семь внуков и восемь правнуков. Дом их в живописном месте, на берегу озера. Уже много лет ветеран на пенсии.

*Подготовил к публикации
Юршевич В. В.*

ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ

Доспоминания Петра Андреевича Науменко

Науменко Пётр Андреевич родился 25 января 1923 года в деревне Костинка Маховского сельского совета. Окончил 9 классов Минской авиационной спецшколы. Война застала его и других курсантов (100 человек) на стадионе «Спартак» в Минске, где они готовились к физкультурному параду. Остальные их товарищи (400 человек) уехали в лагерь в город Борисов. На третий день войны бомбили Минск. После этого и Петра Андреевича с товарищами отправили в Борисов. Когда приехали в Борисов, лагеря на месте не оказалось, и всех прибывших курсантов отправили домой. Когда Петр Андреевич приехал домой, немцы были уже под Могилёвом. Петр Андреевич вспоминает:

«В 1943 году Костинка была окружена немецко-фашистскими войсками. Все 85 мужчин, в том числе и я, были согнаны на место, где раньше находилась церковь. Подогнали 5 машин, посадили в них и завезли в Быхов. Через две недели нас погрузили в эшелон и отправили в Германию, в город Найденбург. Это был пересыльный пункт. Немецкие женщины выбирали тех, кто подходит им для работы. Я в их число не попал. Меня выбрал немец, посадил в машину и увез к себе домой. Это было в конце ноября 1943 года. У немца была своя ферма, он держал коров и лошадей. Я ухаживал за лошадьми. Хозяин

относился ко мне хорошо, но строго следил за тем, как выполняется работа.

Однажды я и мой товарищ решили бежать. Пробирались к границе в основном ночью, днем была большая вероятность попасться. Когда дошли до границы, неожиданно послышался звук машин, яркий свет фар резал нам глаза. Нас схватили, завезли в деревню и посадили в подвал. Утром отвезли в Белосток, в тюрьму. Наши войска были на подходе к городу, и нас повезли в тюрьму в Варшаве. Неожиданно в тюрьме по тревоге подняли всех военнопленных и приказали снять одежду и оставить в камерах. Всех завели в баню и облили ледяной водой, после держали в подвале 4 часа. Утром погнали в поезд, завязали руки проволокой, загнали в вагоны и отвезли в концлагерь «Гросрозон». В лагере переодели в костюмы в полоску (одна полоска белая, вторая серая). На ноги дали башмаки на деревянной подошве.

Позже перевели в другой концлагерь «Бухенвальд». В лагере работали на заводах. Кормили неочищенной картошкой и кольраби, давали всего 20 грамм хлеба на день, пили обычную воду. В лагере было 4 крематория, где каждый день сжигали людей. Оттуда доносились жуткие крики и плач. Называлась эта часть лагеря «интернациональной».

Последний концлагерь, в который я попал – «Аллах», в четырех километрах от Мюнхена. 30 апреля 1945 года я был освобожден американскими войсками. Получив документы о том, что я находился в концлагере, меня отправили в запасной полк Красной Армии».

Отсюда Пётр Андреевич был призван в Венгрию в 755 сапёрный батальон, прослужил 8 месяцев. После расформирования был снова направлен в столицу Австрии Вену, где и служил до демобилизации в апреле 1947 года.

Вернулся домой в Костинку. Работал техником по взрывам на смолзаводе. После сокращения этой должности работал и учётчиком тракторной бригады, и воспитателем в Недашевском детдоме, и 18 лет учителем труда в Костинской школе. После закрытия школы работал в совхозе Махово на пилораме. На пенсию ушёл в 1985 году. За многолетний труд в совхозе награжден медалью «Ветеран труда».

*Подготовили к публикации
Баркова О. А. и Ерофеева Ю. А.*

ТЯЖЕЛЫЕ ГОДЫ

Воспоминания Лидии Семеновны Носиковой

Я всегда с большим уважением отношусь к пожилым людям и старикам, а особенно к людям, которые пережили годы Великой Отечественной войны. Моей бабушке уже 80 лет, жизненный опыт за плечами богатый, поэтому всегда есть чем поделиться и что рассказать.

Моя бабушка, Носикова Лидия Семеновна, родилась 6 января 1933 года в деревне Сидоровичи Могилевского района. Девичья фамилия у бабушки Фролова. Ее отец Фролов Семен Викторович родился в 1906 году. Он защищал свою Родину в годы войны, умер в 1944 году в госпитале от ран, похоронен на кладбище в городе Белостоке (Польша). Бабушкина мать, Фролова Лукерья Павловна родилась в 1912 году. Умерла после войны в 1951 году.

Июнь 1941 года. Было раннее утро. Все еще спали. Внезапно над деревней начали летать самолеты, а потом посыпались бомбы. После бомб образовывались огромные воронки. Бабушка слышала, как отец кричал: «Война! Война!». Следом за бомбежкой появились немцы, началась стрельба. Все люди бежали в сторону школы. Школа от двора находилась где-то в 400-х метрах. Потом было слышно, как там шел бой, в результате которого погибло несколько местных жителей. Семья осталась около своей хаты и укрылась от стрельбы в сарае. В сарай стали сбегаться соседи. Все вокруг дрожало от бомбежек и стрельбы. Чудо, что все остались живы! Когда все затихло, семья и еще пару человек поехали на лошади по Грудиновской дороге через лес в деревню Старая Милеевка, так как там еще немцев не было. Пробыли они там одни сутки, а когда вернулись обратно, то увидели, что от всего скота осталась только одна корова, весь скот забрали немцы. Корова уцелела чудом: когда весь собранный скот немцы гнали в сторону Быхова, то корова выскочила из стада и забежала в сарай. Но вскоре корову пришлось зарезать, чтобы не досталась немцам, да и кормиться чем-то надо было.

Вся деревня провожала своих мужчин на фронт. Отец бабушки повестку не получал, так как он был непригоден к военной службе из-за плоскостопия. Каждый день провожали на фронт по несколько человек.

Через некоторое время в деревне появилось много немцев, они стали выгонять из хат людей, а сами в них располагаться. За год до освобождения немцы вообще выгнали всю деревню в беженцы. При-

шлось жить в немецкой оккупации. В один из дней наехало еще больше немцев в деревню, шум и гул стоял долго. Потом уже жители узнали, что немцы перепутали название деревни Сидоровка с деревней Сидоровичи, и если бы не староста деревни, то ее могли бы сжечь.

Когда немцы выгоняли семью бабушки, то все, что можно было забрать из хаты, хозяева погрузили на лошадь и поехали к дядьке Андрею (родной брат отца), который жил с семьей за речкой Лазневкой. Как-то раз нужно было бабушке прокрасться на свой двор, но ее заметил немец, который жил в родительской хате. Подозвал пальцем. Он спокойно расспросил у бабушки, кто она такая, а потом разрешил бабушке заходить в хату и даже давал еду. А от дядьки Андрея можно было незаметно пробираться к своей хате, вот бабушка и бегала.

Через две недели семья перебралась в маленькую заброшенную хатку Шахновой Устины, потому что семья дядьки Андрея заболела тифом. За время войны в деревне много кто переболел тифом, не была исключением и семья бабушки.

Страшно было смотреть, как заболевшие люди, находясь в бреду, на свой риск просто ходили по улицам днем и ночью. Днем выходить на улицу было нельзя, поэтому сидели дома. Однажды немцы ехали на машине и застряли возле хатки. Когда немцы шли за палками, то обнаружили бабушкину семью. Они сказали, чтобы все отсюда уходило, а не то их заберут на работы за Днепр. Тогда семья поехала в деревню Ново-Милеевку. Здесь они жили у деда Павла (отец мамы). В хате было 16 детей и 10 взрослых. Есть было нечего, поэтому выдумывали все. Живя у деда Павла, часто пекли «колобки»: льняное семя толкли, толченую массу смешивали с соломенной мукой и получалось тесто.

Но в скором времени из хаты деда Павла тоже всех выгнали немцы, пришлось жить в бане. Спать взрослые ложились попеременно, так как не было мест. Целый месяц все ели один только хлеб. А чтобы разнообразить еду, хлеб крошили, размачивали в воде и посыпали солью или смачивали кусок хлеба водой и посыпали сахаром. Вскоре немцы ушли из хаты деда Павла.

Немцы отступали ночью, но не стреляли, а просто шли. Машины и мотоциклы гудели целую ночь. Рано утром в деревню въехали наши солдаты на двух танках, с гармошками в руках. Все жители деревни со слезами на глазах бежали встречать своих воинов-освободителей. Потом все больше и больше стало съезжаться танков

и машин с советскими солдатами. Никто уже не стрелял, потому что немцы бежали без оглядки. Все люди возвращались в свои дома.

В 1943 году по осени забрали отца бабушки на войну. Тогда забирали на фронт всех, потому что не хватало солдат. Через год в семью пришла повестка о гибели отца.

О победе Советской Армии узнали по радио, которое берег во время войны дед Павел.

Послевоенное время было очень тяжелым. После немцев все хаты были пустые, потому что немцы всё уничтожили. Но надо было как-то жить и восстанавливать хозяйство, кормить чем-то свою семью. А в деревне в основном остались одни женщины, дети и старики. Первым делом взялись за обработку земли, которая была в ужасном состоянии: все заросло бурьяном. Всю землю при хатах поделили на участки (на души). Чтобы приусадебный участок не пустовал, сажали все что можно. На приусадебных участках в основном пахали на себе: четыре женщины впрягались в плуг, а одна шла за плугом. В колхозе тоже было мало лошадей, поэтому привлекались частные, а там, где не могла пройти лошадь, женщины лопатами вскапывали.

Бабушка пошла учиться в школу почти в 12 лет. Первое время писали на газетах, а писали куриным пером или заточенными деревянными палочками. Учительница под строгим контролем раздавала каждому ученику чернила.

Приходилось учиться и работать. Бабушка уже ходила вместе с сестрой Сашей в колхоз помогать своей маме.

Когда бабушке шел 19-й год, умерла ее мама. Сестру Зину и брата Василия пришлось отдать в детский дом, а бабушка и ее сестра Саша остались за хозяйек. Детдом был недалеко от деревни, поэтому бабушка часто ходила навещать сестру и брата, а когда наступали каникулы, то вообще их забирала к себе на это время. Чтобы как-то жить и выживать, бабушке и ее сестре, кто как мог, помогали соседи, но очень сильно старался дядька Андрей. Всю основную мужскую работу делал он.

После окончания 10-ти классов в 1954 году бабушка пошла работать счетоводом в колхоз. В 1956 году бабушка вышла замуж. Ее мужа, а моего деда, звали Евгений. Он в 1963 году умер. У бабушки осталось на руках четверо детей. Самым младшим было 2 месяца и 1 год. Как говорит бабушка: «Тогда вставала, еще было темно, и спать ложилась, уже было темно».

В 1966 году бабушка поступила в Бобруйский техникум по специальности – бухгалтер. Все трудовое время бабушка проработала в

конторе бухгалтером, а последние 2 года до пенсии – инспектором в отделе кадров.

Бабушка ушла на пенсию в 1988 году. Но она еще долго состояла в ревизионной комиссии колхоза, которая в конце года проводила свои проверки в хозяйстве. Но не забывают о колхозниках, которые сейчас на заслуженном отдыхе, каждый год приглашают на мероприятия, посвященные Дню пожилого человека и Дню матери.

*Подготовила к публикации
Носикова К. В.*

ВЫЖИЛ, ПОТОМУ ЧТО СЛУЖИЛ В АРТИЛЛЕРИИ **Воспоминания Петра Викторовича Осмоловского**

Родился я в деревне Осмоловичи Климовичского района. Мой отец, Виктор Григорьевич Осмоловский, окончил три класса церковно-приходской школы, до революции работал на строительстве железной дороги Орша – Унеча. В войне папа не участвовал по состоянию здоровья, а в послевоенные годы работал почтовым служащим. Мать, Серафима Селиверстовна Осмоловская, была неграмотной. Работала в колхозе. Но и дома ей хватало хлопот, так как наша семья была многодетной – 7 сыновей и одна дочь Валентина. За воспитание детей Серафима Селиверстовна Осмоловская от советской власти получила орден «Материнская слава» II степени.

В 8-летнем возрасте я пошел в школу, где уже с шестого класса был лидером, старшиной ученического комитета. В мае 1939 года меня приняли кандидатом в члены партии. После получения диплома был направлен на учебу в Ленинградское артиллерийское училище, только проучился там недолго. Из-за обострения болезни суставов был отчислен из списка курсантов. Вернувшись в Климовичи, работал сначала учителем в Автуховской семилетней школе, а потом политруком райсовета Осовиахима. В октябре 1940 года был призван в армию, служил в Прибалтийском военном округе заместителем политрука роты. В январе 1941 года получил направление в Смоленское военно-политическое училище, где и застала меня Великая Отечественная война. В октябре 1941 года я был направлен в распоряжение начальника Политуправления Приволжской военной округи. Там получил назначение на должность комиссара батареи 137-го Краснознаменного артиллерийского полка Резерва Главного Командования. И пошли одна за другой военные дороги...

С января 1942 года по май 1943 года воевал с врагом на Волховском фронте. В это время я был комиссаром 1-й батареи 1196-го артиллерийского полка ВМ РКК 137-го особого Краснознаменного полка. На Волховском фронте мы обороняли подступы к Ленинграду. В нашем дивизионе были 203-миллиметровые гаубицы. Мы находились в другом эшелоне фронта. Наша батарея ударами тяжелых снарядов разрубала железобетонные сооружения противника. Все время приходилось быть в движении: нанесем удар по данной нам цели и переезжаем на новое место, занимаем позиции и маскируем их так, чтобы враг не накрыл нас огнем. Вспоминаю бой на реке Волхов под городом Кириши. Через Волхов был мост, по которому проходили железнодорожные составы. Немцы на том берегу реки, а мы на этом. Мост захвачен фашистами. Через него они пускали мощный бронепоезд, который, проезжая по железной дороге, вел огонь из пушек разных калибров по советским войсковым позициям, нанося им непоправимый урон. Командование поставило задачу: уничтожить мост. Ночью мы установили наши орудия, произвели несколько выстрелов. Мост наклонился и был выведен из строя. После этого вражеский бронепоезд никогда не выезжал с запасного пути. На Волховском фронте я выжил потому, что служил в артиллерии. Потери в пехоте были огромными.

В конце мая 1943 года 1196-й артиллерийский полк ВМ РКК передислоцировали на Брянский фронт. Меня назначили парторгом 2-го дивизиона артполка 336-й стрелковой дивизии. С 11 июля по 9 августа 1943 года части дивизии принимают участие в операции «Кутузов». На Курской дуге мы попали в самое пекло: горела земля, плавилась сталь. Не было эшелонов: всюду был фронт на десятки километров вглубь. А перед битвой, когда шли на запад и занимали населенные пункты, агитировать солдат не нужно было: воины своими глазами видели сожженные деревни, убитых гитлеровцами женщин, детей, стариков. И росла ненависть к фашистам...

336-я стрелковая дивизия по приказу командующего 1-м Украинским фронтом Конева 10 октября 1943 года была отдана в распоряжение 13-й армии и участвовала в наступлении на Народици, Овруч. За 8 дней боев части дивизии прошли 100 километров, освободили 110 населенных пунктов Киевской и Житомирской областей, в том числе и город Житомир. Немецкому командованию удалось на западе от Житомира собрать крупную танковую группировку (более 4 танковых дивизий), которая 18 октября 1943 года нанесла мощный контрудар, ворвалась в Житомир и начала наступление в направлении го-

родов Малин и Киев. Главной задачей 336-й дивизии было любой ценой не допустить прорыв немецких танков в город Малин. И только 14 января 1943 года удалось остановить продвижение неприятеля в районе железнодорожной станции Искра, которую обороняла 5-я батарея 909-го артиллерийского полка. Артиллеристы сражались до последнего снаряда, поскольку они прикрывали отход батареи на новые рубежи. При отступлении от Житомира уцелеть можно было только при плановом отходе, без паники. Полк ставил заслон, отходил. Ставил другой заслон. А воины из первого заслона, которые выжили, догоняли. Я в том бою был помощником командира полка подполковника Кирпы. «Парторг, иди туда, а потом туда, передай то, а потом узнай это, а если надо, то покажи на местности». И мне приходилось не ходить, а бегать, так как судьба той или иной батареи зависела от нескольких минут, решение принимать приходилось мгновенно. На 4-й батарее одно орудие вышло из строя, осталось только три. Командир батареи капитан Погонин в разгар боя запаниковал и побежал на командный пункт за помощью. Однако обратно пробиться не смог. Пришлось взять командование на себя. Из офицеров здесь был только командир взвода младший лейтенант Тимофеев. Он хоть и молодой, но опытный артиллерист, сумевший выбрать такие позиции для орудий, что они все три уцелели до конца боя. Тимофеев разместил их перед высоткой в болотистой ложине, которая оказалась мертвой зоной для вражеских снарядов: был то недолет, то перелет. Немцы начали атаку с высоты, которая находилась в 400–500 метрах от батареи. У них имелось большое количество танков, бронемашин, минометов. Снега практически не было. Когда вновь начался бой, то все кругом гремело, горело и дымилось. Однако на фоне светлого неба, на горизонте вражеская техника была хорошей мишенью. Командиры Попов и Кривов организовали согласованную работу своих расчетов. На поле боя дымились уже около десяти единиц бронетехники. В разгар сражения на батарею пришел заместитель командира полка по политчасти майор Зудин, который помогал артиллеристам как мог. Мы вместе с ним даже приносили снаряды к орудиям. А вскоре мне пришлось самому стать наводчиком. Прибор был разбит, и я наводил орудие по стволу. Видел, как загорелись сначала один, а потом и другой бронетранспортеры. Вместе с Зудиным я ездил за боеприпасами, так как они были на исходе. Когда боеприпасы привезли на батарею, то на автомашине «студебеккер» загорелась бочка с горючим. Шофер моментально открыл борт, скинул бочку на землю, и артиллеристы откатили ее на безопасное расстояние. Снаряды выгрузили. Ко-

гда мы с Зудиным несли последний снаряд, то случилось невероятное: вражеская мина глубоко врезалась в мягкую болотистую почву практически возле ног и рванула. Нас обоих отбросило в разные стороны, густо облепив грязью с ног до головы. Зудин был ранен в щеку, а я в правую ногу и контужен. Потом солдаты говорили, что мы оба родились в рубашке. В эту ночь наши войска успешно отбили все атаки немцев на ближних подступах к городу Малин. За подвиг в этом бою весь особый состав 4-й батареи был награжден орденом Славы III степени. А я был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Воинам 33-й стрелковой дивизии после участия в битве на Курской дуге командование дало долгожданную передышку: проводились занятия по боевой подготовке, разминирование населенных пунктов, дорог, местности. А потом снова в бой: нашу дивизию задействовали во Львовско-Бродской операции, которая началась 14 июля 1944 года. Бои были жестокие, затяжные и кровопролитные...

Согласно приказу 3-я батарея 1-го дивизиона заняла огневые позиции между Бродами и Золочевом. Наша армия там окружила вражескую группировку. Командование поставило перед нами задачу уничтожить как можно больше фашистов, но они сомкнули кольцо вокруг нас. Получилось двойное окружение: мы окружили немцев, а они нас. Поступил приказ держать оборону и спереди, и с тыла, чтобы гитлеровцы не смогли отойти на Львов. Поставленную задачу мы полностью выполнить не сумели: значительной части особого состава дивизии СС «Галичина» удалось вырваться из окружения. Командир полка Кирпа позвал своего заместителя майора Тупикова и меня, как парторга полка, и поставил задачу: пробраться на 3-ю батарею 1-го дивизиона, поддержать боевой дух воинов и удерживать позиции до последнего снаряда. С шоссейной дороги мы перешли на железную дорогу, потом взяли направление на позиции 3-й батареи. Не дошли мы, может, метров двести, как начался артобстрел немецкой артиллерии. Огонь ураганный. Майор Тупиков шел за мной. Я побежал, а Тупиков, более старший по возрасту и более грузный, не успевает, кричит мне вслед: «Осмоловский! Подожди, не беги!». А как тут не бежать, когда окопы рядом, и снаряды рвутся. Я добежал до позиции и кинулся в окоп. А Тупиков упал на землю, его ранило в живот. Мы вылезли из окопов, подбежали к нему. Он просит: «Помоги, Осмоловский!». А у него весь живот осколками разворочен. В это время рядом проезжала подвода, на которой везли в госпиталь раненого командира 1130-го стрелкового полка полковника Куропаткина. Я попросил возницу

взять майора Тупикова. Получив согласие, мы погрузили нашего раненого, однако до госпиталя его не довезли – он умер по дороге. Только я вернулся из госпиталя, как со стороны 3-й батареи выскочила большая группа немцев, человек 500–600 солдат и офицеров с автоматами. Мы сделали несколько выстрелов из орудий, больше стрелять не стали, так как необходимо было беречь боеприпасы. Немцы шарахнулись влево и начали убегать к мосту через железную дорогу, рядом с которой проходило шоссе на Львов. А его уже заняло подразделение пехоты 1128-го стрелкового полка, которым командовал начальник штаба майор Беляк. На железнодорожной насыпи стоял станковой пулемет этого подразделения. Пулеметчик заметил немцев, которые бежали прямо на него, снял с пулемета замок и бросился убегать. В это время мимо шел капитан Казанский и крикнул ему: «Бросай замок, а то застрелю!». Солдат бросил замок на землю и побежал. Казанский поднял замок, вставил его на место и стал прицельно стрелять по немцам. Враги, не выдержав шквального огня, повернули назад и побежали в лес.

Нам было приказано перебраться на новые позиции в сторону Золочева. У нас было четыре гаубицы и три машины «студбеккер». Три орудия мы прицепили к автомашинам, а четвертую оставили, забрав с собой замок. Поехали под железнодорожный мост, а потом стали выбираться на шоссе. Почва вязкая, болотистая. Две машины прошли, а третья забуксовала и никак не может выбраться, а шоссе совсем рядом. По ней движется колонна наших танков. Но один танк вдруг остановился. Я быстрее к танкисту: «Выручай, браток! Помоги вытащить «студбеккер» с орудием!». Танкист ни в какую, ему нельзя, но все же он смилостивился, подъехал и одним рывком мощного танкового мотора вытащил машину с орудием. А тут подъехал его командир и давай муштровать нашего спасителя. Так и не удалось мне спросить ни его имени, ни откуда он родом.

В ходе Бродской операции 336-я стрелковая дивизия уничтожила более 5000 гитлеровцев и около 200 взяла в плен, захватила большие трофеи. Многие воины получили правительственные награды. Я за эту операцию получил орден Великой Отечественной войны I степени.

После войны я продолжил военную службу в Северной группе войск в должности заместителя командира по политчасти 560-го особого самоходно-артиллерийского дивизиона 15-й стрелковой дивизии. В январе 1946 года эту дивизию передислоцировали в Закавказский военный округ, где я служил до октября 1961 года на должности

заместителя командира дивизиона «Катюша». В 1950 году мне было присвоено воинское звание подполковника. В 1957 году успешно закончил в Москве военно-политическую академию имени В. И. Ленина. В июле 1961 года новая должность – заместитель начальника политотдела 15-го корпуса противовоздушной обороны Бакинского военного округа. 25 июля 1977 года я, согласно приказу Министерства обороны Союза ССР, получил звание полковника. В 1965 года был уволен из армии в запас. Сразу переехал в Могилев. Работал учителем истории и географии в школах № 25 и 40.

Удачно все складывалось и в семейной жизни. Со своей будущей женой я познакомился в 1946 году по дороге домой. В Орше, на перроне, увидел девушку и влюбился в нее с первого взгляда. Я подошел к ней и сказал: «Девушка, я вас полюбил с первого взгляда и теперь не представляю без вас своей жизни. Будьте моей женой». А она ответила: «С вами хоть на край света!». Спустя три месяца сыграли свадьбу. Мы прожили долгую семейную жизнь в мире и согласии. Вырастили трех сыновей, двух внуков и одного правнука.

Уже несколько лет я возглавляю комиссию городского Совета ветеранов по работе с ветеранами Великой Отечественной войны и Вооруженных Сил, а также являюсь членом президиума Совета ветеранов города Могилева и членом областного Совета ветеранов.

Мой сын Владимир – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Минского экономического университета. Дочь Тамара – сурдопедагог-реабилитатор. Внук Андрей Осмоловский – историк и журналист, корреспондент газеты «Комсомольская правда». Внучка Екатерина Гриханова – главный экономист отдела управления Министерства статистики и анализа».

Нас заинтересовало: в чем секрет долголетия и оптимизма ветерана? «А нет никакого секрета: армейская выучка. Однако признаюсь, здоровье нужно беречь смолоду. На фронте я ни разу не употребил наркомовских сто грамм. Отдавал их другим. И махорку отдавал. И теперь не курю, а вино только изредка пригублю. Зато каждый день я занят каким-нибудь конкретным делом, и всегда с людьми. По выходным хожу на танцы. Часто посещаю учебные заведения, школы и библиотеки, а там молодежь. Встретишься с ними, поговоришь – и сам помолодеешь».

*Подготовила к печати
Массалкова И. И.*

Я ГОРЖУСЬ СВОИМ ОТЦОМ

Воспоминания Зинаиды Федоровны Панушкиной

Минуло более 70 лет, как началась Великая Отечественная война, но моя детская память сохранила отдельные события и факты как довоенных, так и военных дней.

Я, Панушкина Зинаида Фёдоровна (в девичестве Маханёк), родилась в крестьянской семье в деревне Озерцы в 1930 году.

Мои родители, Маханёк Фёдор Прокопьевич и Маханёк Анна Захаровна, работали в колхозе. Семья была дружная, примерная. Отец был одним из организаторов колхоза в деревне Дроздова. Но после того как в его адрес стали поступать угрозы о физической расправе со стороны местных жителей, наша семья была вынуждена переехать в деревню Озерцы, где он поступил на работу на лесопильный завод. Но его тянула земля, желание выращивать хлеб. Он оставил завод и вступил в колхоз «Набат», переименованный потом в «18-й партсъезд».

Отец был человеком кристальной честности, любил трудиться, верил в добро и справедливость, верил в коммунизм. В семье были доброжелательные отношения друг к другу, уважение к старшим. В таком духе воспитывали и нас, детей, на своём личном примере.

Даже в тяжёлые 1930-е годы семья не голодала, у нас всегда был хлеб.

Считаю своё довоенное детство счастливым. Кроме того, что мы помогали родителям в труде, мы, как и все дети, играли. Особенно любили и девочки, и мальчики играть в белых и красных. Но никто из нас не хотел быть белыми, все хотели быть красными и побеждать. Играли в лапту, в школу.

В 1941 году мне было 11 лет. 22 июня я с папой была на базаре в Толочине. День был солнечный. Ничто не предвещало беды. Люди вели торг: одни продавали что-то, другие покупали. Все были по-своему счастливы. И вдруг разнеслась страшнейшая новость – война! Пропал интерес к рыночным делам. Все собирались у репродуктора, повешенного на столбе. Велись сообщения, что на нашу страну вероломно напала фашистская Германия. Женщины плакали, а мужчины говорили, что наша доблестная Красная Армия не допустит фашистов на нашу землю. Нам, детям, казалось, что наша армия самая сильная, она защитит нас от врага. Мы верили, надеялись.

Наша деревня Озерцы расположена вдоль магистрали Брест–Москва. Мы видели, с каким триумфом наступали фашисты и как по-

том панически бежали назад. По ней шли и ехали беженцы, отступала наша армия. Настроение было тревожное, но не паническое, была вера в победу.

Уже летом немецкие самолёты бомбили и обстреливали наши села и города. Слышалась канонада, фашистские самолёты сбрасывали листовки, призывали сдаваться, обещали создать нам земной рай. Но не верили люди этой брехне. Фронт уже был где-то в районе Орши, но люди были настолько преданы своей Родине, что мужчины решили «догнать фронт», перейти его и влиться в ряды нашей армии, чтобы вместе бить заклятого врага.

Мой отец на второй день войны был мобилизован вместе с молодёжью копать оборонительные окопы, а мы, дети, с мамой ушли в деревню Дроздова, что в пяти километрах от магистрали. Нам казалось, что там безопаснее. Через пару дней к нам пришёл папа, попрощался и вместе с другими мужчинами ушёл догонять своих, чтобы сражаться с фашистами. У них всё получилось.

Ушёл отец, но назад не вернулся живым, только через 70 лет мы узнали о его гибели и где он похоронен. Он очень любил свою Родину и честно выполнил свой долг перед ней. Я горжусь своим отцом, Маханьком Фёдором Прокопьевичем!!!

Итак, мы оказались на оккупированной территории. Оккупация длилась долгих 3 года. Мы познали голод, холод и страх. Помнится, что это было зимой. Стояли сильные морозы. Улицы, где был хороший подъезд к домам, заняли немцы, а жильцов выбросили из домов. Но люди с других улиц приютили их у себя. В нашем небольшом доме жило три семьи. Это более 15 человек. Но жили дружно, помогали друг другу, делились всем, что было. По вечерам, сидя без света, мечтали о том времени, когда вернутся наши, когда будем освобождены. Мы с радостью слушали звуки наших самолётов, а утром тайком собирали листовки, которые помогали пережить это трудное время, вселяли веру в победу.

Первый месяц день и ночь шла немецкая техника на фронт. Казалось, что ей не будет конца. Немцы ликовали, предвкушая лёгкую победу: пели и играли на губных гармошках. А на оккупированной территории стали наводить свой порядок. Они жестоко расправлялись с коммунистами, комсомольцами, евреями. Да, вообще, все настрадались!

Запомнился такой момент. Мама отвезла зерно в какую-то деревню молоть. На второй день возвращалась домой через лес, оттуда слышались пулемётные и автоматные очереди. Мама была очень рас-

строена, вся дрожала и плакала. «Дети, сегодня немцы расстреливают евреев. За что? А что ждёт нас?» – говорила она. Мы плакали вместе с мамой. Среди убитых были наши ровесники, друзья. Никого не пощадили: ни детей, ни стариков. Мы поняли, что несёт людям фашизм.

Это было в первые дни войны. Мы возвращались из Дроздова домой, в Озерцы. Проходя мимо парка, увидели более десятка подбитых и сожженных немецких танков. Здесь проходил бой. Кто уничтожил эти танки? Неизвестно. Ясно одно, что это были герои, настоящие советские люди.

Люди уходили в партизаны, подрывали железнодорожные составы с боевой техникой и живой силой. Молодёжь уходила в партизаны. Фашисты лютовали, расстреливали партизанские семьи. Потом стали уходить в партизаны целыми семьями.

Помню, как в доме немецкий офицер застрелил 17-летнюю Вертиховскую Люсю, кто-то донёс, что она встречалась с партизаном.

Очень запомнилось не отступление, а паническое бегство фашистов на запад, откуда пришли. Паника!!! Магистраль была запружена солдатами, повозками, лошадьми, техникой. Бежали не только по шоссе, но и по обочине, кюветам, полю. Теперь им было не до песен и губной гармошки. Настал час расплаты. Советские лётчики «проводжали» их пулемётным свинцовым дождём. Сотни фашистов остались лежать на наших полях, особенно у небольшой речки Хвощевка, в деревне Голынка. Две недели население, в том числе моя мама и старшая сестра, закапывали трупы немецких солдат.

О моём отце с момента его ухода на фронт до освобождения Беларуси не было никаких сведений. В 1944 году в наш адрес пришёл документ, что мой отец пропал без вести. Сразу же после освобождения мой старший брат Стас был призван в ряды Красной Армии. При переправе через реку Висла был тяжело ранен в голову, отправлен домой, где вскоре умер от ран.

Не забыть радости, с которой были встречены первые танкисты-освободители. Люди вылезли из погребов и других укрытий и побежали к танкистам. Их обнимали, плакали, рассказывали о том, что им пришлось пережить. Что в деревне осталось мало людей. А в 1943 году прошли карательные отряды и угнали кого в Германию, а кого в концентрационный лагерь «Тростенец». Немногим удалось спастись. Такой молниеносный митинг продолжался несколько минут. Танкисты сказали: «Нам надо вперёд, добивать фашистов. Мы отомстим за вас!»

После освобождения восстанавливался колхоз. Всю работу выполняли женщины, подростки и несколько мужчин, искалеченных войной, но государство помогало. Было прислано несколько лошадей, кое-какой сельскохозяйственный инвентарь. Для пошива одежды дали народу несколько рулонов тканей и льняное масло, которое было на то время большим деликатесом. Хотя и тяжело жилось людям, но вечером, управившись с работой, народ выходил на улицу и над деревней разносились песни и звуки гармонии. Деревня жила!!!

В 1947 году я закончила 7 классов и поступила в Толочинскую среднюю школу №1. Я одна из всей деревни ходила в эту школу за пять километров от дома.

В 1950 году поступила в Оршанский учительский институт и закончила его в 1952 году. За учёбу надо было платить 150 рублей за год, но я была освобождена от уплаты как дочь погибшего солдата.

Проработала учительницей русского языка и литературы 39 лет. Сейчас на пенсии.

*Подготовила к публикации
Зотова А. Д.*

МНОГО НАШИХ ПОГИБЛО

Воспоминания Степана Ивановича Петроченко

Петроченко Степан Иванович родился 1 августа 1917 года в деревне Вендорож Могилёвского района Могилёвской области. В деревне была церковно-приходская школа. В ней Степан Иванович закончил четыре класса. В пятый класс пошёл в новую школу. Во время каникул работал в колхозе, пас свиней, лошадей. Вырос Степан Иванович в большой семье. В семье было 12 детей, он был самым младшим.

В 1934 году окончил семилетку. Была у него мечта – стать учителем, но поступил в культпросвет техникум. Окончил два курса, а потом пошёл на курсы по подготовке учителей при республиканском институте усовершенствования учителей в городе Минске на историческое отделение. После его окончания послали работать в Гомельскую область. Заочно, без экзаменов, Степан Иванович был зачислен на второй курс Минского пединститута им. М. Горького.

В 1939 году забрали в армию. Пробовал поступать в военное училище, не прошёл по зрению. Вернулся в часть, а её нет, отправили на войну. Призыв 1939 года отправили в запасной полк в Башкирию

на станцию Перн. Из Башкирии в мае перебросили в Ленинград в 90-ю стрелковую дивизию. Позже 66-й отдельный противотанковый дивизион, где Степан Иванович служил наводчиком орудия, отправили в сторону границы с Прибалтикой. В мае 1941 года на поезде отправились в Литву. Приехали и расположились в лесу, разбили палатки, устроили склад боеприпасов. В печати было сообщение, что немцы стягивают войска к границе СССР. Наши тоже начали перебрасывать военные части к границе. Медсанчасть и 66-й отдельный противотанковый дивизион оставили в лесу.

22 июня 1941 года дивизион, в котором был Степан Иванович, поднялся на рассвете от взрывов снарядов. Так началась война. Двое суток стоял дивизион, но с наступлением немцев пришлось отступить на новые огневые позиции. Ночью перебросили на охрану штаба дивизии. Несколько раз отходили. В результате оказались в окружении. Пришлось уходить группами на восток к Белоруссии. Степан Иванович с группой из 7 человек продвигался к своим. Но их поймали на хуторе, посадили в еврейскую синагогу. Втроём совершили побег. Зашли на хутор и опять их поймали немцы. Посадили в тюрьму. Там пробыли две недели. Приходило местное население и бросало за проволоку сухари. Кто успеет схватить, тот что-то и съест. А так голодали.

С июня 1941 года по апрель 1945 года Степан Иванович находился в Восточной Пруссии, в Германии, в лагере для военнопленных. «Что такое лагерь? Это кошмар!» – вспоминает Степан Иванович. «Согнали людей к болоту, территория обнесена колючей проволокой. Спали люди на земле под открытым небом. В лагере был ещё один лагерь. В центре стояла виселица и за любую провинность – на виселицу. Кормили так: приезжала кухня, всех мимо гнали строем, и кому успели что-нибудь плеснуть в миску, тот и съест. А больше голодали. Много наших людей погибло».

В апреле 1945 года освободили военнопленных американские войска. На реке Эльбе пленных передали нашим и отправили в Донбасс на восстановление шахт. В конце августа 1945 года Степан Иванович приехал в Беларусь. Работал учителем в деревне Недашево, потом в деревне Голени завучем до закрытия школы.

*Подготовили к публикации
Баркова О. А., Ерофеева Ю. А.*

ПАМЯТЬ НЕ ПОДВЛАСТНА ВРЕМЕНИ

Воспоминания Виктора Петровича Пилюто

С того дня, когда окончилась Великая Отечественная война, прошло 70 лет. Многих из тех, кто спас мир от фашизма, как ни горько, уже нет среди нас. Наш земляк Виктор Петрович Пилюто, к сожалению, не дожил до этой даты. Он был одним из тех, кто прошел всю войну от первого до последнего дня.

Родился в деревне Вышово Мстиславского района Могилевщины. После окончания 7 классов школы Виктор Петрович поступил на рабфак при Белорусской сельскохозяйственной академии. Закончил его с отличием, что давало право зачисления в любое высшее учебное заведение. Выбрал Витебский пединститут, исторический факультет. Но проучился недолго, 20-летним пареньком в 1939 году был призван на военную службу в Красную Армию. Попал в 86-й кавалерийский полк 32-й дивизии. В апреле 1941 года всех красноармейцев, что имели среднее образование, перевели в 216-ю механизированную дивизию. Виктора Петровича зачислили в 66-й полк. Ветеран вспоминает:

«Я не уехал из своей части буквально за день до начала войны – отпуск дали на целых 10 дней, в связи с тяжелым состоянием родителей. Надо было выезжать вечером в субботу, последним шепетовским поездом на Киев. А тут как раз приходит заместитель командира полка и интересуется, был ли я когда-нибудь в Киеве. Я сказал, что был, когда везли нас, призывников, в часть, пару часов безвылазно просидели на вокзале... «О, – говорит, – так ты Киев знаешь, а я вот не был ни разу, а надо технику там получить. Так что вместе поедем, в понедельник утречком». Кто знал, что завтра будет война... Отправься я раньше – в свою часть уже не попал бы. А ведь когда в бою чувствуешь локоть друга, товарища – это совсем другое.

Это случилось в ночь с 22 на 23 июня 1941 года. 9-я армия, в составе которой находилась и наша 32-я кавалерийская дивизия, вступила в сражение с немецкими войсками в районе Дубно. Силы были неравные. У тех – танки, авиация... Куда супротив такой громады, кавалерии да пограничникам? Ночь продержались, а наутро получили приказ отходить. Кавалерийские умения пригодились разве что на первых порах. На стороне немцев участие в бою принимал уланский корпус, состоявший из поляков». Вот тогда и получил молодой помощник командира Виктор Пилюто свое первое ранение – клинок польского улана прошил щеку насквозь.

Первую неделю отходили, а потом даже удалось перейти в контрнаступление и опять дошли чуть ли не до Львова. Но тут враг получил подкрепление, и опять пришлось с боями отходить. Виктор Пилюто оказался в числе счастливых – только те, кто был ранен поначалу и кого успели переправить в Кировоград, и уцелели. Возвращаясь к тем суровым дням, ветеран рассказал об одном из военных эпизодов, когда нужно было возводить переправу на реке, находясь под ураганным огнем противника. «На войне мало построить переправу, – нужно еще и удержать ее. Мост, по которому шли машины, многократно разрушала вражеская авиация, его чинили и снова продолжали переправляться». Виктор Петрович помнит этот день, 23 июля. Под давлением вражеских сил дивизия вынуждена была отступать к новым оборонительным рубежам.

В августе 1942-го года при форсировании реки Виктор Петрович чуть не утонул, получив тяжелое ранение и контузию. Ветеран не знает, сколько дней без сознания был тогда и как вообще на берегу оказался. Немцы пленных не брали, раненых пристреливали, а на него, видно, и пулю было жалко тратить. Уже после боя жители соседней деревеньки захоронили убитых, а немногих уцелевших спрятали в погребках в лесу. Виктор Петрович пролежал в таком погребке 21 день. Выжила его женщина – Ольгой Ивановной звали (до самой ее смерти он не терял связи с человеком, спасшим ему жизнь). Потом горстка уцелевших солдат долго пробивалась по оккупированной территории к своим.

После выздоровления группа командиров и красноармейцев решила перейти линию фронта в направлении Москвы, но не удалось. Дошли до Брянских лесов, примкнули к партизанской бригаде «За Родину». Там Виктора Петровича назначили командиром кавалерийского взвода партизанской разведки.

С регулярными частями армии партизаны соединились только спустя 11 месяцев. Лейтенант В. П. Пилюто направлен для продолжения службы на 3-й Белорусский фронт в 86-й полк связи. В его составе участвовал в операции «Багратион», освобождал от врага Витебскую, Минскую области, Минск, Гродно. Штурмовал Кенигсберг. Уже там ветеран получил от войны прощальный «подарок» – последнее свое боевое ранение, месяц на госпитальной койке. А оттуда – напрямик на Дальний Восток. Правда, в боях с японцами не довелось поучаствовать, их часть держали в резерве на станции Даурия. Пройдя всю войну, Виктор Петрович закончил ее в звании старшего лейтенанта, заместителя командира особой роты.

Наступило мирное время, он вернулся на родную землю. Вспоминая тот период жизни, подчеркивает: «Хоть жизнь была намного хуже, чем сейчас, на гнилой картошке сидели, но и люди были другие, и настроение у них было другое, созидательное». В мирное время он продолжил учебу на историческом факультете Могилевского пединститута. Окончив его, в 1949 г. был направлен учителем в г. п. Краснополье. Затем 10 лет работал директором школы в Климовичах. Переехав в Буйничи, устроился в профессионально-техническое училище. А после открытия очно-заочной школы возглавил ее коллектив. 43 года педагогической деятельности, из которых 37 – на должности директора! В 1978 году Виктору Петровичу было присвоено почетное звание «Заслуженный учитель». Есть у него медали «Отличник просвещения БССР», «Отличник просвещения СССР». Всего же наш ветеран имеет 19 наград, среди которых – 9 боевых (два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны 1 степени; медали: «За боевые заслуги», «За отвагу», «За оборону Киева», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией»).

С 1992 года – на заслуженном отдыхе. Но на домашних работах не замкнулся, а принимал активное участие в общественной работе. Был заместителем председателя, затем в 1998 году Виктор Петрович избран председателем Могилевской районной организации ветеранов.

Все эти годы он стремился делать все возможное, чтобы старшее поколение, которое пережило войну и завоевало ратным и мирным трудом Победу, не чувствовало себя забытым. Не утихает боль душевная. Приходят на память друзья, с которыми вместе сражался, и которых уже нет. Память не подвластна времени. Она остается навечно!

*Подготовила к публикации
Базылева В. С.*

ДНЕВНИК ВОЙНЫ

Воспоминания Олега Назаровича Плиндова

Как я встретил войну? Об этом я рассказал на страницах «Комсомольской правды», в номере за 20 июня 2003 года. Вот этот текст:

«Это утро было очень солнечным. Я, студент 1 курса Могилевского пединститута, вместе с подружкой корпел над учебником психологии. Вдруг кто-то отчаянно забарабанил в окно нашего одно-

этажного домика. Мы распахнули окно и увидели ее брата. «Включите радио! Война!» Мы побежали на Первомайскую улицу – центральную улицу Могилева, где обычно собиралась молодежь. Какие тогда мы были глупые. Мои товарищи и я тогда были убеждены, что незамедлительно будет нанесен ответный удар, война закончится быстро и притом на территории врага. В этот день город не бомбили, полеты немцев были разведывательными. А потом начались бомбежки, и появились первые жертвы, пришли первые беженцы. А потом было много страшного, но это уже другой рассказ. Из моих ровесников большинство погибло на войне».

Мой год поначалу не призывался, и я вступил в партийно-комсомольский истребительный батальон, сформированный из непризывной молодежи и белобилетников, для борьбы с немецкими диверсантами, а затем ушёл на Восток с отходящими частями Красной Армии. Воевал на Западном, Калининском, Прибалтийском, 3-ем Белорусском фронте. Награжден двумя орденами Отечественной войны (1-й и 2-й степеней), двумя медалями «За отвагу», другими медалями. Перенес контузию и тяжелое ранение в боях под Витебском.

Я во время войны вел дневник. В семи блокнотах записал фрагменты из своей жизни.

12 июля 1941 г. Пришел с ночлега и под утро слышу плач. Понял – мне идти в армию. Итак, начинается, может быть, последний период в моей жизни. Увязывают дорожный узелок. Последнее прости вольному миру! Фортуна, вывози!

14 июля 1941 г. Возле копны сена, замаскировавшись от самолетов, записываю в дневник.

Из деревни выехали на призывной пункт вчетвером. Я, Николай и два Ивана. Трое последних из нашей деревни, из Курвич. По нас выла деревня. Трехлетняя Нина со слезами спросила: «Что, воевать идешь? А ведь папа уже пошел, теперь ты уходишь... Остайся!...».

В дороге я пел песни, парни больше молчали. Прощались с каждым человеком, с каждым предметом. Вспоминали девчат.

Два дня пролежали в лесу под Мстиславлем.

16 июля 1941 г. Бестолково движемся по Смоленской области. Шли, ехали проселочными дорогами. Затем панически побежали: начальникам всюду мерещились диверсанты с кровожадными повадками.

По слухам, Беларусь уже почти оккупирована. А по старым сводкам, которые я сегодня случайно прочел, наши части отбили Рогачев и Жлобин.

В воздухе – только немецкие самолеты. На глазах у нас, чуть в стороне, беспрерывная бомбежка. В густых березках, где отдыхаем, не думается ни о чем. За все время ни разу не всплыл в памяти образ Г. Пустота, надорванная пустота.

17 июля 1941 г. В Екимовичах приняли людской вид: поскоблились, как говорится, и запаслись провизией. Узнали, что бои идут уже на смоленском направлении, а мы находимся в прифронтовой полосе.

26 июля 1941 г. В Козельском военном лагере нас накормили похлебкой, и она показалась нам райским кушаньем.

Я теперь командир IV отделения II взвода.

31 августа 1941 г. Воскресенье. Чистили двор и канавы от помоев. Читал. Боюсь слушать о легких смертях человека: «в кресле от разрыва сердца», «от шальной пули»...

А может, и правда, лучше уйти незаметно. В этом тоже прелесть. Поднялся навстречу свинцу и... тебя постараются забыть. Останется жить только цифра в статистике.

6 сентября 1941 г. В томике Гете «Из моей жизни. Поэзия и правда» я нашел разъяснение смысла моей теперешней жизни. Здесь все и вся. Будь у меня время, время осмыслить и подумать, возможно, эти слова были бы моими: «Во время войны мы переносим грубое насилие, как умеем, мы чувствуем нанесенный вред в физическом и экономическом, но не в моральном отношении; принуждение не унижает никого, и вовсе не позорно служить времени; мы привыкаем страдать и от врагов, и от друзей; мы имеем желание, но не имеем взглядов».

11 сентября 1941 г. Четверг. Комиссар наконец-то объявил, что мы посылаемся (мобилизуемся! – и никаких отказов!) в Воронежское училище связи.

Занятие Ельни все истолковывают как «историческую победу» в своих патриотических фантазиях. В тот «день сообщения» было столько восторга! Ждали маршевого похода на Смоленск. Шелестели карты!

Начинаем свыкаться с тем, что на любой абсурд командира нужно отвечать мертвым словом: «Есть!»

Гете нельзя читать в такой обстановке. За читку книг, когда политрук преподносит на политграмоту Нагульнова, полагаются в наказание наряды.

26 сентября 1941 г. На баррикадный помрачневший Крещатик вступили вражьи войска. И застыл Киев, оскорбленный, былинный, святой...

В эти дни я читал Толстого, пролог его к «Дон Жуану» объяснил мне лермонтовского «Демона». Под толстовскую эту скорбь «потерянного блаженства», которое было когда-то...

10 октября 1941 г. Радио сообщило: Орел оставлен... Из Ельца бегут, на вокзале истеричные лобзания, давка у составов. Город пустеет.

17 октября 1941 г. Пятница. После лихого обхода Брянска танками Гудериана и занятия Орла прошло несколько дней кровавого наступления на западном направлении и боев за Мариуполь. Началось объявленное Гитлером великое окончательное (говорят немцы) сражение.

На станциях – составы. А в одном напротив наших казарм спирт. Часовой не в силах ничего сделать, стреляет в воздух.

У Добролюбова я нашел стихи, уверовав в смысл которых, сделав их катехизесом своей жизни, не устрашишься, по-видимому, умереть:

*Пускай умру – печали мало.
Одно страшит мой ум больной –
Чтобы и смерть не разыграла
Обидной шутки надо мной.
Чтоб всем, чего желал так жадно
И так напрасно я – живой,
Не улыбнулось мне отрадно
Над гробовой моей доской.*

Прошли медкомиссию. Кажется, будем парашютистами, да еще десантниками!

4 января 1942 г. Мало нового. Только год новый.

Условия жизни невозможные, как наше огненно-вшивое белье. В Ишинбае – эпидемия сыпняка. Нас боятся водить туда в бани.

9 февраля 1942 г. Кто-то сказал: «После фронта в академию махну!» А наш сержант пожаловался: «Опять после войны все полезут в вузы и академии, а я, гаротный, снова буду за всех пахать от зари до зари...»

9 марта 1942 г. Начался фронтовой путь: Ишинбай – Стерлитамак – Уфа – Куйбышев – Сызрань – Рузаевка – Рязань – Москва – Клин – Калинин. Конец, кажется, в Бологом.

Окончательно свыкся с жизнью, как в польке-трясухе: незаметный бильярдный шар, легко отскакивающий от бортов.

Едут украинцы и белорусы. Видел побитую Рязань. Клин в развалинах. Впереди – разбитое бомбежкой Бологое. От четырех составов – одни обломки. Я подъезжаю к фронту девятнадцатилетним...

2 апреля 1942 г. Лопнула зимняя галиматья – надоедливая, долгая, постылая. Весна опять запоздала. Первый день после Пасхи ознаменовался артобстрелом соседнего села.

Выдали винтовки, «женили». Императорские, выпуск 1905 г.

11 мая 1942 г. Зябну в мае. Каково? Застоялись под Луками. Все опостылело и надоело. Скрытно штудирую книгу за книгой. Открыто нельзя – погонят рыть землю... Командиры наши не представляют, как можно не копать в земле, не долбать ломом?! Им все мало. Овес сеяли ради маскировки. На высоте наше сооружение само лезет в немецкие стереотрубы. Мы зовем блиндаж своей могилой. И правильно зовем.

15 мая 1942 г. Приняли в комсомол. А билет вручил полковой человек. Таких я не видывал с прошлогоднего июня. На моих глазах принимали в кандидаты партии, из 25 человек ни один не назвал всех постов Сталина. Пожурят и примут: «после выучишь»...

8 июня 1942 г.

... Идут дожди, струясь слезами муки,

И дни весенние в небытие унеслись.

Гляжу в бинокль. Белеют строго Луки,

К которым мы отчаянно рвались.

27 июня 1942 г. На рассвете двенадцатого числа полтораста вражеских автоматчиков ринулись на передний край нашей обороны. По окраине деревни, где лежали наши пехотинцы, стала бить немецкая артиллерия и ротные минометы. Атака с трех сторон была отбита. Под прикрытием дымовой завесы немцы унесли до двух десятков раненых.

Пришлось увидеть мощный налет нашей артиллерии. Сотрясала земля.

16 августа 1942 г. Я вступил кандидатом в партию. Вызывали работать к парторгу. В полк прибыли женщины. Ими заменяют мужчин – интендантов штаба, хозяйственной и санитарной части. Ревут, домой просятся.

Есть время, есть книги. Пишу сухие ведомости, донесения, рапорты. Бегаю по штабам.

Наивные люди ожидали, что последним приказом наркома можно ошарашить немца и остановить. А черные языки фронтов дотянулись до Краснодара и Майкопа, спустились до Минеральных Вод. Сталинград под ударом.

Люди ложатся и встают со словами: «второй фронт». Все мысли о нем.

21 ноября 1942 г. Штабы отъехали подальше «от беды», и это у нас называется «удачной рекогносцировкой».

Ползут резервы...

28 ноября 1942 г. Идут бои за город. Содрогаются от канонады стены землянок. Шум в воздухе приободряет тех, кто на земле. Пехотинцы лезут на Сергиеву Слободу. Три дня топчется здесь батальон. Убитых и раненых волоком перетаскивают по льду реки в тыл. Высокие обрывистые берега защищают от смерти надежно, и этим путем идет все: боеприпасы, люди, продукты. Минометно-пулеметный огонь немцев не дает поднять голову. Мы зарылись по щелям и болотным кустарникам.

Батарея выпускает сотни снарядов. Как-то солидно-подтянуто действуют 76-миллиметровые «дрыгалки». Пьем за победу граммы спецпайка, и дело с концом.

8 декабря 1942 г. Грохот наступления пошел на убыль. Части 88-й немецкой пехотной дивизии окружены в Великих Луках. Остался узкий коридор, простреливаемый нашими войсками. С обеих сторон активно действует авиация, а так – удивительно тихо.

С нашей стороны применяются только штурмовики, которым трудно тягаться с «мессершмитами». Пять-шесть подбитых «Яков» село в нашем районе, а один опустился прямо на батарею.

Слева, где-то совсем близко, успешно действует одна гвардейская часть, которая среди многочисленных трофеев захватила и бронепоезд, тревоживший нас все лето.

21 декабря 1942 г. Лужи воды. Одежда и валенки намокли. Окопы брошены: валяются винтовки, противогазы, вещмешки, боеприпасы. Все исковеркано, изломано снарядами. Грязно, черно, мертво. Из ям слышны стоны раненых.

...У немецкого дзота земля устлана трупами. В грязных маскхалатах валяются убитые немцы.

Во всем следы хаоса, разгрома, уничтожения. Что-то рвется, трещит, свищет. Кто-то издали в дикой боли просит: «Пристрелите!»...

«Юнкерсы» шли в пике. Затем вой летящих бомб, и ожидание... Непередаваемое...

Пехота (уже который раз!) неудачно пытается наступать. Много потерь. Лежат тела людей, отдавших самое дорогое – жизнь – за город Великие Луки. Мне бы хотелось, чтобы в таких же развалинах, в такой же крови был какой-нибудь прусский Тильзит.

В наступательном порыве наша батарея отличалась необыкновенной дерзостью...

8 января 1943 г. Раз залетел к нам снаряд 120-миллиметрового орудия. На счастье, не разорвался, а медленно, угрожающе дымился. Подступы к военному городку Р. устланы телами нашей пехоты. Скорчившись, они лежали на льду реки, на дорогах и улочках; немцы лежали под кирпичами... Они держались цепко, упорно, уходили только тогда, когда ничего не оставалось...

13 января 1943 г. Бились за хлебозавод, от которого остались груды кирпича и жести. Еще с утра, как затарахтела кухня, начался минометный огонь редкой точности. Одна «кухонная» мина, упавшая чуть ли не в суп, помешала допить водку, ранив двух человек, и так целый день. Соседний блиндаж разметало снарядами. Бои в воздухе как-то не ладятся. Только немцы сделают свое дело – появляются наши. На земле скрежещут зубами.

3 февраля 1943 г. Теснота. Низкий потолок землянки. Ждем наступления. У Сталинграда началось. Рвутся к Ростову, Харькову, Ворошиловграду наши войска. Сотни тысяч пленных немцев.

Все в азарте патриотизма, всем мерещится конец войны.

9 февраля 1943 г. Наступление опять отложили. А тем временем потери от артиллерийских налетов растут: пехота видна немцам как на ладони.

16 февраля 1943 г. Попытка наступать на нашем участке и соседних закончилась провалом. В землянках споры: лучше бы не начинали! Стоит оттепель.

8 марта 1943 г. Брату исполнилось четырнадцать лет. Уже юноша. Просто не верится. Сидим в яме, глядим в перископ, ждем немца.

15 марта 1943 г. Опять ползаем на высотах. Трупная гниль. Генерала сменили.

В районе Донбасс–Харьков немцы начали мощное наступление. Оно удручающе действует на каждого. Отчасти от того, что газеты заронили яд уверенности – немцы никогда не будут наступать. Так поняли простаки...

4 мая 1943 г. Вполне благоустроились. Нас теперь десять. Частенько широко растягиваются меха гармони. Музыка – тот же напиток, дает забвение. Комбат говорит: «Давай нашу украинскую!» А украинцы, как никто, любят свою музыку, свои песни, свой язык – замечательная черта народного характера! Вновь появившиеся – командир разведки, гармонист, удалец-расстрига заводят из любого жанра: «утесовское», «солдатское», «старинное», «украинское».

8 мая 1943 г. Началась кампания за доброкачественность артиллерийского наблюдения и разведки. Занялся сам нарком. Мы пользуемся и ценим, как редко встречающееся время на войне, нынешние дни отдыха. Их больше не будет: успевай наслаждаться, хватить!

27 мая 1943 г. Наша авиация разносит в щепки железнодорожные узлы, станции, вокзалы, перегоны на оккупированной территории. На Гомель, на Оршу, на Минск. Срывается концентрация немецких резервов. Большими массами самолетов делаются ответные бомбовизиты: кипят бои в небе.

17 июля 1943 г. Праздники в армии всегда превращаются в истязание души и тела. Митинги, читки приказов, бахвальство в речах; настоишься, накричишься «ура», устанешь, проголодаешься... Здесь же плавает генерал, окруженный золотопогонниками.

Два дня находились на штабных занятиях. Провели ночь у костра на месте бывшего совхоза, окруженного рощицей.

11 октября 1943 г. Первая белорусская деревня называлась Новой Белью, и ее помянули в оперсводке Совинформбюро. И еще одна из первых деревушек мне запомнилась, Засичино: здесь я пересидел налет тяжелых немецких орудий. Деревня выглядела сиротливо, и лица домов ее были исцарапаны и плаксивы. Предыдущую запись делал в д. Пнево. Жителей там не было, а противник сидел в километре на опушке леса и методично долбил по деревушке.

22 ноября 1943 г. Я раньше писал про оборонительную полосу противника по р. Лучесе. Конечно, это неточно, потому что до водного рубежа еще километров пятнадцать. Когда дописывал дневник, началась артподготовка, возникшая из пристрелок батареи. Все завозились, уже тронулись поближе к передовой обозы. Ночь прошла на старых квартирах. Успех был невелик: прорвали от силы три километра по фронту. К вечеру следующих суток все дороги были забиты войсками, которые из кожи вон лезли в эту горловину. Мы стали на левом фланге ее. Огромная равнина, вздыбленная артиллерией. К лесу в деревеньке – немец. Бьют пушки, на виду ползут тягачи, суетятся

броневики; вправо, в прорыв, ползут и ползут обозы. Ночью мерзнем, к утру сбегаясь к костру. С наступлением начинаю приобретать вещевое добро.

13 февраля 1944 г. Нашу деревню немец периодически обстреливает. Сегодня обсадил нашу землянку воронками, а рядом убило командира стрелкового полка. Но самое существенное, что я упустил в предыдущих записках, – это появление больших групп авиации у немцев. От нее мы отвыкли, и она нам протрезвляет мозги. Идут схватки в небе.

11 марта 1944 г. Наши корректировщики вызвали огонь 76-миллиметровой батареи, у которой все же имелось до 150 снарядов. Остальные молчали – не было чем стрелять. Противотанкисты поработали. Вспыхнули гранатные бои. Ночью оттуда пришли наши раненые. Молодой радист, контуженный и оглохший, кричал, когда говорил, и было жалко его. Несколько оставили навечно. Отражение организовал какой-то офицер. Командира батальона убило сразу. Траншеи завалены трупами.

15 марта 1944 г. Все тех же десять километров шоссе до Витебска. Миной убило капитана Федорова, 22-летнего красивого парня, прежнего моего начальника.

В память погибшего дивизион дал семь залпов; фрицы приняли их, очевидно, за артподготовку, один даже побежал не в ту сторону и поднял руки!...

3 июля 1944 г. Более полумесяца я здесь лечусь. Дикая тоска здорового тела гонит слоняться по окрестным рощицам, перелескам, деревням. Зачастую читаю ребятам нравившиеся мне рассказы и стихи. Мне жадно хочется заставить их затаить дыхание, заставить при-молкнуть многоголосую толпу, которая гудит пчелиным роем даже в столовой за омлетом. Я читаю со страстью, стараясь бережно донести до слушателей идеи, юмор, чувства автора.

Идут эшелоны на запад с техникой – с людьми прошли раньше. Сейчас не видим газет, нет радио, но доходят радостные вести с наступающих Белорусских фронтов о взятии Витебска, Орши, Жлобина, о боях у стен Могилева и Бобруйска. Прошло это электрическим током в наши сердца, заставив измученного в ожидании солдата вновь уверовать в близкую развязку трагической бойни!

7 июля 1944 г. Все время находился в госпитале. Сейчас все госпитали передислоцируются в сторону фронта. Нас усиленно выпи-сывают в запасные полки и дальше на эвакуацию.

ВОЕННЫЙ ДНЕВНИК

*Когда я Быкова читаю
И вновь войны я вижу пик,
То до полуночи листаю
Военный выцветший дневник.
А он такой, что с ним расстаться,
Поверьте мне, никак нельзя.
Прошли года, они все снятся,
Военных лет мои друзья!
Потертый листик пожелтелый,
И еле видный след строки,
Я не забыл рывок их смелый
На ту высотку у реки.
Край дневника уже надломан,
Но все же можно прочитать,
Как у калитки, возле дома,
Меня встречала мать...*

*Подготовила к публикации
Данильчик В. М.*

ВТОРОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ Воспоминания Юрия Петровича Полухина

Родился 24 октября 1925 года в поселке Стеклянная Радица Брянского района в семье служащего. Семья вскоре переехала в город Дятьково (35 километров севернее Брянска), по месту работы отца. Здесь и прошло детство. В январе 1938 года отец был репрессирован, впоследствии реабилитирован. В 7 лет пошел учиться в школу. В 1941 году окончил 9 классов. В июле-августе 1941 года участвовал в строительстве оборонительного рубежа вдоль реки Десна (фронт здесь задержался на два месяца). В ночь на 7 октября 1941 года части Красной Армии оставили город Дятьково, но наступающие немецкие войска обошли его стороной, так что достаточно долго немцев мы не видели.

В январе 1942 года на территории почти всего Дятьковского района партизаны восстановили советскую власть. В городе работала баня для населения, врачебный пункт, издавалась районная газета. Работала даже узкоколейная железная дорога, связывавшая промышленные поселки Старь, Ивот, Бытош с райцентром. Партизанами была

проведена в две очереди мобилизация военнообязанных мужчин, которые через «окно на фронте» были направлены в Красную Армию. На каждой улице города были созданы отряды самообороны, и молодежь моего возраста и постарше патрулировала днем и ночью улицы города с целью выявления незнакомых лиц, появившихся в городе. 7 мая 1942 года по рекомендации вот такого отряда самообороны я стал партизаном. Ядром нашего партизанского формирования, получившего позже название Рогнединская партизанская бригада, стала часть разведроты 330-й стрелковой дивизии Западного фронта (в 1944 году отличилась при освобождении Могилева) во главе с начальником разведки дивизии и другими командирами. Бригада наша в большей части состояла из выходивших из окружения и бежавших из фашистского плена военнослужащих. Видимо, поэтому у нас были сильны армейские порядки. Командному составу (начиная с сержантских) присваивались воинские звания, командиры всех степеней носили знаки отличия. Бригада действовала на стыке нынешних Брянской, Смоленской и Калужской областей и постоянно имела связь с Большой землей (радио, самолеты). 19 декабря 1942 года при нападении на вражеский гарнизон я был ранен и 25 декабря эвакуирован на самолете в тыл. После излечения учился на краткосрочных курсах младших лейтенантов Западного фронта, а затем участвовал в боях по освобождению Смоленщины (район Рославля), Беларуси (в декабрь 1943 года под Витебском, а в 1944 году в период операции «Багратион» – под Оршей и Борисовом), Литвы и Польши осенью 1944 года, Восточной Пруссии в 1945 году.

В 1946 г. при расформировании дивизии был уволен в запас (с учетом 5 ранений). Жил и работал в Гомеле, а в 1951 году вновь был призван в Советскую Армию и служил до марта 1974 года. Служил все время в Беларуси (8,5 лет – Брестская крепость, а с организацией Ракетных войск стратегического назначения – Сморгонь, Постава).

В 1945 г. участвовал в единственных в СССР войсковых учениях на Тоцком полигоне Оренбургской области, в ходе которых была реально использована атомная бомба мощностью 40 килотонн. В период службы много учился, хотя тогда это было очень не просто. В 1954 году успешно окончил среднюю школу, в 1955 году экстерном сдал экзамен за курс Ленинградского военно-инженерного училища, а в 1967 году получил и высшее образование.

В период боев я был награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны 2-й степени. В связи с 40-летием Победы награжден орденом Отечественной войны 1 степени.

Первый орден Красной Звезды я получил за участие в боях по освобождению Беларуси летом 1944 года. Наша 174-я стрелковая дивизия держала оборону на левом фланге Белорусского фронта, после боев 1943 года, в ходе которых была очищена от врага Смоленщина. Эти два обстоятельства (фланг фронта и наша малочисленность) определили ту роль, которая могла быть назначена нам в наступлении. В ночь на 22 июня нас на переднем крае сменила полнокровная 220-я дивизия, а мы с рассветом должны были несколько левее провести разведку боем обороны противника. Цель: атакуя передний край вражеской обороны, заставить его максимально больше ввести в дело огневых средств, более полно раскрыть систему своей обороны. Пока мы атаковали, наши наблюдатели засекали расположение позиций вражеской артиллерии, пулеметные точки, чтобы максимально поразить их на рассвете 23 июня. Тогда и началась операция по освобождению Беларуси (операция «Багратион»). 23 июня мы (наш батальон) не участвовали в бою, находились примерно в километре от переднего края и только наблюдали за нашей мощной артиллерийской и авиационной подготовкой. А 24 июня и нам определили задачу: атаковать позиции противника левее того места, где разворачивались основные события, привлечь его внимание к себе, заставить часть огневых средств обратить против нас, а не на основном направлении.

Ранним утром мы начали нашу атаку. Человек 8–10 добрались до проволочного заграждения и там собрались в вырытом немцами котловане для блиндажа. Артиллерия противника вела против нас непрерывный огонь. Один из снарядов угодил в край котлована и обрушил большую массу земли. Я оказался засыпанным этой землей. Я не слышал взрыва снаряда, не слышал, как обрушилась стена котлована, потому что ударом взрывной волны был контужен и потерял сознание. Очнулся под землей. Голова лежала на скрещенных руках, и между руками сохранилось очень маленькое пространство, не заполненное землей. Попытки пошевелиться оказались безуспешными. Похоронен я был заживо и основательно. И только благодаря тому, что в котловане остались несколько человек невредимыми, меня откопали. Когда вытащили из-под земли, я задыхался от удушья, рванул ворот гимнастерки так, что отлетели все пуговицы. Голова гудела, спина разламывалась. Находившийся вместе с нами заместитель командира батальона предложил мне уйти в тыл. Но я не получил ни одной царапины, внешне был здоров и не мог покинуть товарищей. Мы отошли метров 30 назад и оказались на склоне неглубокого оврага. Весь долгий июньский день вражеская артиллерия нещадно молотила нас.

Мы задачу выполнили, в какой-то мере облегчили действия тех, кто прорывал вражескую оборону правее нас. Так этот день 24 июня 1944 года стал как бы вторым днем моего рождения. Только благодаря товарищам я не остался навсегда в земле на подступах к Орше.

Вечером мы вернулись на исходные позиции, то есть в свою траншею. Чувствовал себя очень скверно. Страшно болела голова и поясница. Заместитель командира батальона принес мне стакан легкого вина (откуда оно?) и заставил меня выпить. Я тут же свалился в нишу траншеи и отключился, словно получил наркоз. Спал мертвецки. Не слышал ни грохота разрывов, ничего. На рассвете меня подняли на ноги. Немцы перед нами оставили позиции и отходили, а мы двинулись их преследовать. Чувствовал себя по-прежнему очень плохо. Меня освободили от командования взводом (правда, делить нас на взводы и роты было бессмысленно, нас осталось мало). На третий день мы пересекли шоссе Орша – Могилев у километрового столба 4, то есть в 4 километрах от Орши. Впереди за кустами и деревьями в километре от нас виднелись крыши деревенских хат. Командир полка остановил всех и сказал, что деревня эта на берегу Днепра. Есть мост, но он подготовлен немцами к взрыву. В деревне только небольшой заслон. Вызвал добровольцев, чтобы сесть на машины артиллерийской батареи, проскочить деревню и захватить мост. Добровольцами стали все, кто стоял перед машинами. В деревню мы проскочили на большой скорости, но когда до моста оставалось метров 50–70, немцы взорвали его. Осколки сыпались на наши головы. Мост был деревянный, и обрушившиеся его конструкции держались на плаву. Мы, человек 25, успели по ним перебраться на правый берег и залечь под обрывом у реки. Остатки моста стало разносить течением, и кто-то на левом берегу начал как-то закреплять эти остатки. Потихоньку мы накапливали силы на правом берегу. Командир батальона приказал мне вернуться на левый берег, найти радистов артбатареи и переправить их на правый берег, чтобы наладить огонь батареи и помочь нашей атаке. Так мне пришлось еще дважды под огнем преодолеть этот мост. Мы сбили немцев у берега, началось стремительное преследование, короткие стычки и снова вперед. Под Борисовом нас посадили на машины и срочно бросили закрыть брешь – преградить путь отступающим фашистам. Прямо с машин развернулись в цепь все, включая и командира полка, и атаковали занятую немцами деревню, через которую проходила дорога, единственно возможная для отхода немцев на этом участке. В этом бою 1 июля 1944 года я получил свое четвер-

тое ранение. Вот по итогам этих боев я и был награжден орденом Красной Звезды.

Вторым орденом Красной Звезды я был награжден в декабре 1944 года. Мы занимали оборону на территории Польши. Всего в 7 километрах впереди была Германия (Восточная Пруссия). 14 декабря 1944 года утром, еще затемно немцы обрушили на наших соседей справа (другая дивизия) огонь артиллерии и бросили в атаку разведку боем. Соседи накануне получили пополнение из молдаван, солдат необстрелянных и слабо подготовленных. Молдаване под огнем легли в траншею и не оказали сопротивления. Немцы ворвались в траншею, захватили пятерых молдаван и увели их в плен. Пройдя траншею соседей, немцы вышли на правом фланге в тыл нашей роты. Одновременно с фронта нашу роту также атаковали. С трудом мы отстояли свои позиции и с фронта, и с тыла. Мы потеряли троих убитыми и одного раненого (боюсь, что ранение в живот было смертельным). Так как это случилось на стыке двух дивизий, и в одной из них увели 5 пленных, то, как я полагаю, в штабе корпуса состоялся неприятный разбор случившегося. Из соседней дивизии под суд отдали двух офицеров. А на их несчастье я получил орден (я исполнял обязанности командира роты). Просто, я думаю, что произошло противопоставление беды соседей и нашего относительного успеха.

Орденом Отечественной войны 2 степени я был награжден в феврале 1945 года за бои в Восточной Пруссии, но получил его только в августе 1998 года, то есть спустя 54 года. Наибольшее впечатление от боев в Восточной Пруссии оставило взятие города Растенбурга, того самого, в лесу около которого находилась знаменитая Ставка Гитлера «Вольфшанце» (Волчье логово). Правда, мы никогда не знали о ней; лес, в котором располагалась Ставка, видели с расстояния 3–4 километров, но в него не заходили. Растенбург мы увидели с прилегающих холмов. Увидели, что из города вытянулась длинная колонна отступающих немцев. Наши артиллеристы развернули орудия и открыли огонь по уходящей колонне. Подошли четыре СУ-76 (самоходно-артиллерийские установки) и, как заправские тачки, ринулись в город, давя на его улицах вражеские обозы.

Мы, пехота, быстро достигли первых домов. Сопротивления здесь не было, но мы бегло осматривали каждый дом. В одном трехэтажном доме в подвале вдруг обнаружили много мирных жителей. До сих пор немцы оставляли совершенно пустые города и деревни (в домах даже сесть не на что было). И вот эта первая встреча с немецким населением оставила сильное впечатление. Мужчин в подвале не

было. Два-три солдата спустились в подвал. На лицах людей ужас. Геббельсовская пропаганда так запугала их, что наше появление они восприняли как конец света. Стоя у входа в подвал, я полез в карман за носовым платком. Но при этом сначала из кармана надо было вынуть гранату. И тут подвал огласил дикий нечеловеческий вой, рев, леденящий душу. Ничего подобного никогда не приходилось ни видеть, ни слышать. Я пробкой выскочил за дверь, а за мной и солдаты. Это было что-то жуткое. Улицы были труднопроходимыми. В центре на чердаке трехэтажного дома засели немецкие солдаты и обстреливали улицы. Прижимаясь к стенам домов, мы подбирались к дому, где засели фашисты. И тут из какой-то двери вынырнул старик лет 60-ти, схватился за мою шинель и с угодливостью начал расхваливать сначала шинельное сукно, а потом вообще русских. Вот эта угодливость была неприятна.

От командира батальона я получил приказ выйти с ротой на западную окраину города и там закрепиться. К вечеру нас разыскал посыльный от комбата и сообщил, что батальон остается в городе, и я с ротой должен вернуться в центр. Но там из командования не нашел никого, хотя посылал искать в разные стороны. Тогда я выбрал дом на перекрестке улиц и решил расположиться в нем. Из этого дома хорошо просматривались улицы на четыре стороны. Солдатам сказал, чтобы всех, кого встретят из нашего батальона, собирали в этот дом. На втором этаже сразу при входе обнаружил группу дрожащих немецких женщин с сумками, узлами. Я только рукой показал, что им надо уйти отсюда, как они, бросая свои вещи, в паническом страхе бросились вниз по лестнице. Вот опять мы столкнулись с запуганными до животного состояния людьми.

Два дня я оставался «хозяином» этого дома и фактически города. Ко мне обратились две польские семьи с детьми за помощью, и я их разместил в этом же доме, снабдив продуктами, которые здесь обнаружили. Привели троих немецких солдат, которые наперебой старались рассказать, что они французы из Эльзаса, что в германскую армию зачислены насильно, показывали фотографии периода службы во французской армии. Одним словом, понадобились мои скудные знания немецкого. Я должен был решать их судьбы. На их солдатских книжках я написал, что это французы, что их надо направлять на сборный пункт для пленных. Другого решения не было. В Растенбурге впервые увидел богадельню (так называли в свое время заведения для стариков). Брошенные всеми, они бродили, словно тени. Но помочь им я был бессилён. На третий день, наконец, отыскался штаб ба-

тальяна. Нас, оказывается, оставили в городе, чтобы поддерживать какой-то порядок и очистить улицы от всего, что «накрошили» самоходки. Привлекли для этого и жителей. И снова вперед.

Четвертый орден Отечественной войны 1 степени я получил в дни празднования 40-летия Победы.

После увольнения в запас мне была выделена (в порядке отселения из закрытого военного городка) квартира в Могилеве. Так я оказался в единственном областном центре Беларуси, в котором до того не приходилось бывать. Некоторое время работал в Могилевском облсобесе, а затем семейные обстоятельства вынудили оставить работу.

Сейчас живем вдвоем с женой, тоже участницей Великой Отечественной войны, прошедшей в качестве медсестры фронтового эвакогоспиталя путь от Сталинграда через Донбасс, Крым, Западную Украину до Южной Польши. В настоящее время она инвалид первой группы с нарушением психики (следствие тяжелого инсульта). Сын умер, есть две внучки: старшая живет и работает в Мурманске, младшая – в Минске.

*Подготовила к публикации
Захарова Ю. М.*

«МАТКА, ВОЙНА – ПЛОХО!»

Воспоминания Веры Даниловны Поляковой

Я, Вера Даниловна Полякова, в девичестве Сазурова. Сейчас мне 83 года, войну помню обрывками. Помню, что постоянно боялась и хотела кушать.

Когда началась война, мне было 11 лет. Папа ушел на фронт, а мы остались с мамой. В нашей семье было много детей, но не все выживали: кто умирал при рождении, кто-то не доживал до 5 лет. Шестеро детей умерло до войны, а пятеро – Нина, Маруся, Лена, я и Василь дожили до 1941 года. Самая старшая, Нина, уже была замужем за военным и проживала в д. Дубовка (название не точное, т.к. уже и не помню) Быховского района. Сестра со своим мужем были в партизанском отряде. Их двое детей погибли. Девочку убило пулей на руках у Нины (пуля пробила руку сестры и попала в ребенка), а мальчик погиб под бомбежкой.

Маруся попала в концлагерь в Германию. Когда мы убежали, она с подругой побежала в другую сторону, в д. Вишневка (в сторону Журавич, Бобруйский район), там проживала семья подруги. Их схва-

тили немцы и угнали в концлагерь. Остальные дети остались с мамой, в деревне Обидовичи Быховского района.

Трижды мы убегали как беженцы. Первый раз в деревню Селец. Там мы жили в хате у чужих людей, много нас там было. Спали, где придется, ели суп из лебеды, щавеля, иногда мама ходила через лес домой, там она пыталась добыть чего-нибудь поесть. В огородах мы зарывали еду и одежду, клали все в сундуки и зарывали в землю, если деревню сожгут, то в земле ничего не сгорит. Оставалось и хозяйство – корову, свиней забирали немцы, но иногда куры или гуси бродили по деревни, вот их и приносила мама. Потом немцы ушли из деревни, и мы вернулись домой.

Второй раз мы ушли к Днепру. Во время бомбежки мы бежали к реке, и мама потерялась, мы с Леной и Васей бежали за людьми. В лесу было очень много убитых и раненых. Один солдат стонал: «Убейте меня! Убейте...». А другой: «Помогите...», – но что мы, дети, могли сделать. В панике и страхе мы выбежали из леса, в горе около Днепра вырыли землянку, там и сидели всю ночь. Было холодно и сыро, Вася плакал, просил есть. Мы прижались друг к другу, чтобы согреться. Я думала о маме, боялась, что она погибла, но утром мама вместе с соседкой нас нашла.

Я не помню, сколько времени мы там прожили, но не долго. А потом опять вернулись домой. Немцы были в деревне, но не были уже такими злыми. Приходили к нам и иногда просили маму подоить корову, за это давали немного еды. Немец говорил: «Матка, война – плохо».

Где-то, наверное, в 1944 году немцы стояли на берегу Днепра, а наши наступали. Мы убежали в деревню Искань Быховского района – это рядом с нашей деревней. Мама ушла в деревню, а мы сутки просидели на узлах в хате. Василь все время просил есть, мы дали ему хлеба, а когда он поел, я спросила: «Будешь еще просить есть?». «Нет», – ответил он. Но через час опять стал плакать и просить кушать. А немецкий самолет все кружил и кружил над деревней и вдруг стал бомбить. То ли он увидел дым из трубы, то ли еще что, но бомбил долго и все ближе к нам. Я схватила Васю, спряталась с ним под кровать, легла на него, прикрыла и думаю: «Пусть лучше я умру, чем он...».

Через сутки вернулась мама, и мы ушли домой. Там было все разрушено, но наша хата уцелела, и мы опять стали обживать. У нас жили соседи, пока немного не обжили свой дом. Больше немцев мы не видели, наши войска погнали их дальше, освобождая все больше

деревень. Есть было нечего, немцы съели всю скотину, мы ходили в поле собирать гнилую картошку, потом мыли ее, сушили, толкли в муку и пекли лепешки (сырцы). Сторож нас гонял, так как мы топтали пашню.

К концу войны в нашей хате жили военные командиры с адъютантом. Им готовили еду, вот тогда мы, конечно, голодать перестали, а мама потихоньку подкармливала соседских детей. Потом с войны вернулся папа, он не мог работать физически, все делали мы – и пахали, и сеяли. В конце 1945 года из концлагеря вернулась и Маруся.

Мы работали всегда. Была война – мы работали в колхозе, война закончилась – мы работали в колхозе. Сколько себя помню, я всегда работала – и дома, и в колхозе. Все так, не я одна.

Папа после войны прожил недолго. Мама умерла в 1995 году, зная всех своих правнуков, на пороге рождения праправнука. Нина вышла замуж, поднимала целину, но детей у нее не было, умерла в 80 лет. Маруся тоже вышла замуж, двое деток у нее, живет в Столпнянском районе. Лена замужем, двое детей, живет в Калининграде. У Василя трое детей, он умер в 73 года. Я тоже вышла замуж, у меня трое детей, шестеро внуков и трое правнуков.

Жизнь была тяжелая, но я радуюсь, видя какие красивые, умные и здоровые у меня дети.

*Подготовил к публикации
Ромачков В. Г.*

ЛЕНИНГРАД И ЛЕНИНГРАДЦЫ **Воспоминания Олега Георгиевича Поляченка** **и Лидии Дмитриевны Поляченко**

Взятие Ленинграда было для фашистской Германии очень важно, так как это был крупнейший промышленный, научный и культурный центр СССР, это был как бы политический символ Советского государства. Захват Ленинграда, если бы он состоялся, мог бы явиться переломным моментом в ходе войны, так как освободившиеся войска планировалось перебросить на юг и направить на взятие Москвы. Несмотря на упорное сопротивление войск Ленинградского фронта, 8-го сентября 1941 года гитлеровцам удалось окружить Ленинград, полностью отрезать его от Большой земли. С этого дня началась беспримерная, героическая, длившаяся около 900 дней блокада города Ленинграда.

После того как немцам не удалось сразу захватить Ленинград, Гитлером было принято решение об уничтожении города и его населения. В его директиве № 1601 от 22 сентября 1941 года говорится: «...окружить город тесным кольцом и путём обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбежки с воздуха сровнять Ленинград с землёй. Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты, так как проблемы, связанные с пребыванием в городе населения и его продовольственным снабжением, не могут и не должны нами решаться. В этой войне, ведущейся за право на существование, мы не заинтересованы в сохранении хотя бы части населения».

Немецкие войска приступили к систематическому разрушению города массированными артиллерийскими обстрелами и бомбёжками. Особенно сильными были бомбовые и артиллерийские удары в октябре – ноябре 1941 года. Немцы сбросили на Ленинград несколько тысяч зажигательных бомб с целью вызвать массовые пожары. Особое внимание уделялось ими уничтожению складов с продовольствием, и им это удавалось. 10 сентября они разбомбили знаменитые Бадаевские продуктовые склады. Поэтому в городе, после окружения, сразу же остро встал продовольственный вопрос, ведь снабжать продовольствием необходимо было и войска, и население. Город был лишен воды, света, канализации, тепла.

В середине сентября 1941 года командование Ленинградским фронтом было возложено на Г. К. Жукова. Он не останавливался перед самыми жестокими мерами, чтобы остановить отступление частей Красной Армии. В частности, в конце месяца он подписал шифрограмму № 4976, в которой говорилось: «Разъяснить всему личному составу, что все семьи сдавшихся врагу будут расстреляны, и по возвращении из плена они также будут все расстреляны». Он издал приказ о том, что за самовольное отступление и оставление рубежа обороны вокруг города все командиры и солдаты подлежали немедленному расстрелу. И отступление прекратилось. Советские солдаты, оборонявшие Ленинград в эти дни, стояли насмерть.

Враг остановился всего в 4–7 км от города, фактически в пригороде. Линия фронта, т.е. окопы, где сидели солдаты, проходила всего в 4 км от Кировского завода и в 16 км от Зимнего дворца. Несмотря на близость фронта, Кировский завод не прекращал работу на протяжении всего периода блокады. В частности, им было выпущено свыше 800 новейших танков КВ, которые остались в Ленинграде.

Продовольственные карточки были введены в Ленинграде 17 июля 1941 года, т.е. ещё до блокады, однако это было сделано лишь для того, чтобы навести порядок в снабжении. Город вступил в войну, имея обычный запас продуктов. Нормы отпуска продуктов по карточкам были высокие, и никакой нехватки продовольствия до начала блокады не было. Снижение норм выдачи продуктов впервые произошло 15 сентября.

В октябре 1941 года жители города почувствовали на себе явную нехватку продовольствия, а в ноябре в Ленинграде начался настоящий голод. Были отмечены первые случаи потери сознания от голода на улицах и на работе, первые случаи смерти от истощения, а затем и первые случаи каннибализма.

Размер продовольственного пайка составлял: рабочим – 250 г хлеба в сутки, служащим, иждивенцам и детям до 12 лет – по 125 г, личному составу военизированной охраны, пожарных команд, истребительных отрядов, ремесленных училищ и школ ФЗО, находившемуся на котловом довольствии – 300 г, войскам первой линии – 500 г. При этом до 50 % хлеба составляли практически несъедобные примеси, добавлявшиеся вместо муки. Все остальные продукты почти перестали выдаваться.

В декабре 1941 года ситуация резко ухудшилась. Смертность от голода стала массовой. Стала обычной скоропостижная смерть прохожих на улицах – люди шли куда-то по своим делам, падали и мгновенно умирали. Специальные похоронные службы ежедневно подбирали на улицах сотни трупов.

Зимой 1941 года в Ленинграде стояли необычно сильные морозы. Главным отопительным средством населения стали железные мини-печки (буржуйки). В них жгли всё, что могло гореть, в том числе мебель, книги. Деревянные дома разбирали на дрова. Собирали деревянные части мебели и книги на развалинах разрушенных бомбами домов. Добыча топлива и воды стала важнейшей частью быта ленинградцев. Из-за нехватки электроэнергии и массовых разрушений контактной сети прекратилось движение городского электротранспорта, в первую очередь трамваев. Это событие явилось важным фактором, способствовавшим росту смертности. Январь и начало февраля 1942 года стали самыми страшными, критическими месяцами блокады. Некоторое время продукты по карточкам вообще прекратили выдавать. К декабрю 1941 года город оказался в ледяном плену. Улицы и площади занесло снегом, закрывшим первые этажи домов. Остановившиеся на улицах трамваи и троллейбусы были похожи на огром-

ные сугробы. Но город жил и боролся, заводы продолжали выпускать военную продукцию.

Единственной ниточкой, связывающей Ленинград с Большой землёй, было Ладожское озеро, но и оно постоянно простреливалось и с берега, и с воздуха. В ноябре 1941 года сначала по воде, потом по льду в осаждённый город начали подвозить боеприпасы и продукты, а также эвакуировать население. Эта «Дорога жизни» действовала до апреля 1942 года. Всего из Ленинграда было эвакуировано около 1,8 млн человек.

Положение в осаждённом Ленинграде начало меняться в лучшую сторону со второй половины февраля 1942 года – были введены новые нормы снабжения: 500 г хлеба для рабочих, 400 г – для служащих, 300 г – для детей и неработающих. Из хлеба почти исчезли примеси. И главное – снабжение стало регулярным, продукты по карточкам стали выдавать своевременно и почти полностью.

За годы блокады в Ленинграде погибло 1–1,5 млн человек (на Нюрнбергском процессе фигурировала цифра 632 тысячи человек). Только 3 % из них погибли от бомбёжек и артобстрелов; остальные 97 % умерли от голода. За время битвы за Ленинград погибло больше людей, чем потеряли Англия и США за всё время войны.

На подступах к Ленинграду постоянно шли тяжелейшие, упорные бои с немецко-фашистскими захватчиками, и 18 января 1943 года блокада была прорвана на небольшом участке фронта. В рекордно короткое время была построена 33-километровая железная дорога, и снабжение города и войск заметно улучшилось. Полностью блокада Ленинграда была снята лишь 27 января 1944 года.

Знак «Жителю блокадного Ленинграда» был учреждён решением Ленгорисполкома № 5 от 23 января 1989 года. Согласно Положению этот знак вручался прожившим в Ленинграде в период блокады не менее четырех месяцев.

Вспоминает Лидия Дмитриевна:

«Когда началась война, мы с семьёй жили в Ленинграде, мне было всего полтора года, и я мало что помню о том времени. Поэтому я расскажу о людях, которые пережили блокаду Ленинграда, расскажу о моих родных и самых близких мне людях. Мой отец – Холкин Дмитрий Иванович, кадровый офицер, воевал на Ленинградском фронте, принимал участие в битве за Кенигсберг, закончил войну в Берлине. Был контужен. После войны служил в армии, демобилизовался в 1954 году и вернулся в Ленинград.

Моему старшему брату Николаю в начале войны было 14 лет, и сразу же в сентябре 1941 года он пошел работать на Адмиралтейский завод токарем. Часто ночевал на заводе, а когда приходил домой, то в маленькой кружечке приносил мне немножко супа, который им выдавали на заводе. Наверное, этот суп и спас меня от голодной смерти. Потом, в 1944 году, он ушел воевать, был ранен в голову и ногу, но смог выздороветь и всю свою жизнь после войны проработал на том же заводе бригадиром. У него, как все говорили, были золотые руки, он мог всё сделать и починить.

Моей сестре Нине было 16 лет. Она окончила семилетнюю школу, собиралась учиться дальше, но не получилось. Весной 1942 года мы вместе с мамой и Ниной были эвакуированы по Ладоге. Жили у папиного однополчанина в Мордовии. Эти люди стали нам как родные, всю жизнь мы с ними переписывались, они приезжали к нам, сначала в Ленинград, потом в Павловск под Ленинградом, где мы жили после папиной отставки. В эвакуации Нина работала в колхозе счетоводом, а сын наших хозяев, четырнадцатилетний Паша, в это время работал главным бригадиром, потому что в деревне больше не было мужчин.

Моя мама, которая всю жизнь прожила в городе, в эвакуации обучилась всему, что необходимо для жизни в деревне. Кроме того, она умела и шить, и вязать, и даже была скорняком. Такие люди везде ценятся. Из эвакуации мы вернулись в апреле 1945 года. Вскоре Нина вышла замуж и уехала жить в Украину.

В Ленинграде жила мамина родная сестра с семьёй. Её муж и сын погибли на Ленинградском фронте. В 1944 году на улице во время бомбардировки она была убита и дома осталась только одна Аля, дочь. Ей было всего 12 лет. Она осталась без продовольственных карточек, в холодной квартире, все соседи уже умерли от голода. Её во время обхода квартир нашли работники ЖЭК, отправили в приёмник-распределитель, затем по Ладоге переправили на Большую землю. Там она окончила ремесленное училище, а после возвращения всю жизнь, до пенсии, проработала на заводе «Светлана», а потом ещё 11 лет бригадиром смотрителей в Эрмитаже».

Вспоминает Олег Георгиевич:

«В начале войны мне было 4,5 года, поэтому в памяти остались только некоторые, не всегда самые яркие воспоминания о буднях и быте в блокадном Ленинграде, об эвакуации по «Дороге жизни».

Мой отец, Поляченков Георгий Игнатьевич (1895 г. рождения), белорус, почти всю блокаду проработал на заводе резиновых техни-

ческих изделий, некоторое время он был секретарем парткома завода. В декабре 1944 года, уже будучи главным инженером фарфорового завода им. Ломоносова, он, работая в ледяной воде при ликвидации крупной аварии в системе водоснабжения завода, сильно простудился и умер от двухстороннего воспаления легких.

Моя мать, Поляченко Мария Евграфовна (1910 г. рождения), украинка, в блокадные дни, в эвакуации и после войны работала счетоводом в системе общественного питания. Ее девичья фамилия – Тупота, от слова «тупотать», т.е. топтать ногами. В 1948 г. она трагически погибла и опеку над мной приняла ее сестра, Тупота Анна Евграфовна (1908 г. рождения).

До войны она жила у себя на родине, в г. Енакиеве Донецкой области, оказалась на оккупированной территории и вместе со многими другими была угнана на работы в Германию. Там она сполна вкусила все «прелести» рабского труда на своих немецких хозяев. После освобождения советскими войсками из фашистской неволи она жила вместе с нами в Ленинграде. Своей семьи и своих детей у нее никогда не было. Жили мы с ней бедно. Тетя Аня могла дать мне немного денег, 20–30 рублей в месяц (стипендия студента была 40 рублей), из своей скудной зарплаты подсобной рабочей или уборщицы; кроме того, я получал пенсию за отца в размере 17 руб. 25 коп. (из них 6 руб. – так называемые «хлебные», чтобы каждый день можно было купить буханку хлеба). Во всём остальном я, по договоренности с тетей Аней, был предоставлен сам себе, поэтому уже с 12 лет сам определял свою жизнь – что мне делать, где и как учиться, что кушать, что покупать на свои 1,2–1,5 рублей в день и т. д. Горько сознавать, что я не успел отплатить ей сыновней любовью и заботой, она умерла в Ленинграде в конце 1967 г., а мы с Лидией Дмитриевной переехали в начале 1966 г. на работу в Минск вместе с моим и впоследствии ее научным руководителем Новиковым Георгием Ивановичем. Тете Ане помогали растить меня ее братья – Тупота Петр Евграфович и Тупота Леонид Евграфович (у их родителей было 14 детей), поэтому лето я проводил либо в деревне в Украине (Полтавская область Диканьский район), либо на Валдае.

Помню, как в первые месяцы войны мы с мальчишками собирали во дворе после отбоя воздушной тревоги ещё теплые осколки снарядов зенитной артиллерии и оплавившиеся легкие шарики металла от горевших самолетов. В этот период война была еще далеко, и мы во дворе играли в обычные детские игры.

Жителей постепенно эвакуировали на восток вместе с предприятиями, но скоро враг уже перерезал все железные дороги. Последний эшелон с детьми отправился из Ленинграда 27 августа – меня тоже должны были, по настоянию отца, отправить одного на Большую землю. Но мама очень не хотела этого делать, у нее, видимо, были плохие предчувствия, она так затянула сборы, что приехавший для поездки на вокзал отец понял, что нам уже не успеть. Это спасло мне жизнь – эшелон был разбомблен немцами, и почти все дети погибли. Так вся наша семья осталась в блокадном Ленинграде – отец, мать, сестра Тамара 14-ти лет и я. В Ленинграде была еще старшая сестра Люба – она была медицинской сестрой и была призвана в армию. Ее муж Анатолий был летчиком и погиб, защищая Ленинград, в воздушном бою. Люба до 1946 года ждала его возвращения, такие случаи бывали не так уже редко, и только потом во второй раз вышла замуж за прекрасного человека и врача Юрия Васильевича Чуприну. Мой старший брат Борис до войны окончил военное училище и служил на Севере, вскоре после окончания войны он погиб.

Хорошо помню заклеенные крест-накрест полосками газетной бумаги стекла ленинградских домов – для защиты людей от осколков стекла при близких взрывах бомб и снарядов. Вечером все окна плотно завешивались так, чтобы ни малейший лучик света не был виден на улице – соблюдение правил светомаскировки ежедневно жёстко проверялось. За их нарушение, так же как и за опоздание на работу хотя бы на 10 минут, наказание было одно – расстрел. Вечером Ленинград погружался в полную темноту, чтобы затруднить немецким летчикам ориентацию над городом и прицельное бомбометание. Люди могли ходить по улицам в полной темноте и не сталкиваться только благодаря маленьким кружочкам со светящимся составом, их надо было «накачать» светом от керосиновой лампы (электричества не было).

С началом голода детей перестали выпускать на улицу – ходили жуткие слухи о людоедстве. Поэтому всю блокаду маленькие дети проводили в промерзших квартирах, кутаясь во все теплое. Лишь при воздушной тревоге нас выводили во двор в бомбоубежище или прятаться под лестницу. Старшие дети, и моя сестра Тамара в том числе, продолжали заниматься в школах. Во время эвакуации Тамара уже не могла учиться, она работала на военном заводе подсобной рабочей. Ей, хрупкой девочке, пришлось таскать по цеху тяжеленные детали, и она потом всю жизнь страдала от болей в спине. Она смогла закон-

чить школу и получить специальность только после возвращения в Ленинград.

Отец работал на заводе по несколько суток подряд, там же спал – было очень трудно ходить пешком через весь город на работу и с работы. Иногда отец приносил нам с работы в бидончике немного так называемого супа – в мутноватой жидкости плавало несколько серых макарон. Но и такая еда, по-видимому, спасла всем нам жизнь.

В апреле 1942 года, когда самые голодные месяцы уже миновали, мы были эвакуированы в город Уфу по «Дороге жизни». Ехали ночью, т.к. ледовая дорога простреливалась немецкой артиллерией. Снег уже начал подтаивать и был пропитан водой. Мне страшно хотелось спать, но нас постоянно будили, т.к. в случае, если машина проваливалась под лед, спящие люди не могли спастись. Фары не могли включаться, и за этим строго следили дежурившие на дороге энкавэдэшники. Горели только специальные, защищенные сверху, подфарники синего цвета и задние огни синего цвета. Помню, что эти огоньки впереди идущей машины вдруг пропали – она ушла под лед, и никто не спасся. Образовавшуюся большую полынью мы обходили пешком, а водитель объезжал ее один, стоя на подножке машины и крутя руль одной рукой.

Дальше была дорога на восток – в поезде, в промерзших теплушках. В Ярославле мама отстала от поезда, без денег, без документов, ее чуть не расстреляли как фашистскую лазутчицу. Приехала она к нам в Уфу только через пару недель, после пришедшего из Ленинграда подтверждения ее личности. Поэтому до Уфы мы с сестрой (14 и 5 лет) ехали одни. В дороге у меня были сильно обморожены ноги, об этом мы узнали только в Уфе. Врач (я не знаю ни ее имени, ни фамилии, и осталась ли она в живых после скорой отправки на фронт) чудом спасла мне ноги от начинавшейся гангрены, применив новейшее средство – новокаиновую блокаду.

Вся семья вернулась из эвакуации вместе с приехавшим за нами отцом в апреле 1944 года, через пару месяцев после снятия блокады, как только разрешили, в порядке исключения, возвращение эвакуированных семей. Днем город был совершенно безлюдным, еще не работали водопровод и канализация. За водой мы с сестрой ходили за пол километра на лёд Фонтанки, она была желтоватая, ее обязательно было необходимо кипятить. В комнате у нас стояла всё та же блокадная буржуйка, на которой готовили еду и кипятили воду. Но электричество уже было. На улицах часто встречались ещё не разобранные

оползни мусора от разрушенных домов. А дворы были заставлены поленницами дров.

Постепенно город начинал приходить в себя после страшной блокады. До Победы ещё оставался целый год, и за эту Победу ещё предстояло заплатить миллионами жизней наших людей».

*Подготовил к публикации
Поляченко О. Г.*

ВАЕННАЕ ЛІХАЛЕЦЦЕ **Успаміны Аляксандра Барысавіча Пушкіна** **і Алёны Дзмітрыеўны Пушкінай**

Ветэран працы Аляксандр Барысавіч Пушкін, які жыве ў горадзе Оршы Віцебскай вобласці (Беларусь), ўзгадвае:

«Мае продкі з XIX ст. жылі ў вёсцы Лісуны Аршанскага раёна Віцебскай вобласці (раней Аршанскі павет Магілёўскай губерніі). У ёй нарадзіўся мой бацька і я. Там мы сустрэлі вайну і пражылі ўвесь час нямецкай акупацыі.

Вёска Лісуны напярэдадні вайны складалася з некалькіх частак (кожная на высокім узгорку). Бліжэй да чыгункі (Орша – Мінск) – Шкуры, у ёй меў дом бацькаў брат – Марцін Рыгоровіч Пушкін. Другая частка – Пазнякі, там у будынку пачатковай школы мы жылі падчас акупацыі. Трэцяя – Карпілава, у ёй знаходзіліся хата майго бацькі Барыса Рыгоровіча і дамы яго родных братоў Свірыда і Рыгора.

Побач з Лісунамі ў бок вёскі Дзятлава стаяла славутая і вядомая капліца, пабудаваная над «Рагвалодавым камянем» (XII ст.). Гэтая капліца, як і камень, былі знішчаны камсамольцамі ў 1920-я гг. Частка камяню, пабітая на друз, была выкарыстана на пабудову шашы Орша – Коханава, большыя кавалкі забраў селянін са Шкуроў і выкарыстаў на падмурак пад хату. У вёсцы Лісуны на старых могілках (Шкуры), дзе да рэвалюцыі стаяла капліца і да нашых дзён яшчэ захоўваліся каменныя надмагільныя крыжы (зробленыя з цэльнага камяню), пахавана частка роду Пушкіных.

У майго дзёда Рыгора Рыгоровіча было некалькі сыноў: Свірыд (1882–1936), Марцін (1890–1937), Барыс (1902–1944), Рыгор (1906–1967) і дачкі: Настасся (1883–1919), Фёкла (1896–1991), Хадосся (1906–1980). Бацька быў жанаты на Таццяне з роду Мацюшэўскіх (1908–1990). У іх нарадзіліся дзеці: я – Аляксандр (1937 г.н.) і мае

браты Рыгор (1931–1939), Міхаіл (1934–1967), Сяргей (1939–1996), сястра Галіна (1942 г.н.).

Мой бацька перад вайной 1941–1945 гг. быў кіраўніком дапрызыўнай падрыхтоўкі моладзі. Вучыў лісуноўскіх хлапцоў вайсковым навыкам. На жаль згубіўся фотаздымак, на якім ён у чырвонаармейскай форме. У бацькі была язва страўніка, таму ён не трапіў на фронт у 1941 годзе. У 1942 г. яму зрабіў аперацыю хірург Ліхачоў у нямецкім шпіталі, які знаходзіўся ў Оршы. Там, дзе пасля вайны ў савецкі час размяшчалася сухотная бальніца (раён Оршы пад назвай – Заходняя). У тым жа раёне ў 1965 годзе я пабудаваў дом і жыву цяпер разам з жонкаю Алёнай Дзмітрыеўнай, дачкой Людмілай і дзвюма ўнучкамі – Марыяй і Вольгай.

Перад вайною мы жылі ў хаце на бугры ў Карпілава праз роў ад Шкуроў. Яна згарэла летам 1941 г. Было так. У пачатку ліпеня пачалася бамбёжка Лісуноў. Я гэта добра памятаю, бо перад гэтым чырвонаармейцы падаравалі мне 2 алоўка і пілотку. Усе – салдаты, сяляне бегалі па вуліцы. Недзе недалёка выбухнула. Вакол нашай хаты хадзіў нехта ў чырвонаармейскім адзенні. Мая маці зацягнула мяне ў акуп, дзе мы разам з іншымі ратаваліся ад бомб. Знаходзіліся там 2–3 гадзіны. Потым убачылі, што ў кірунку да нас едзе гітлераўская танкетка. Каб не падавілі, вырашылі выкінуць белую тканіну. Танкетка не даехала да нас метр ці два і прыпынілася. Калі мы вылезлі дык пабачылі, што наша хата ўжо згарэла. Засталася адно папялішча. Хто яе спаліў? Адступаючыя чырвонаармейцы ці наступаючыя немцы – не ведаю. Хаты не стала. І наша сям’я разам з сваячніцай Ганнай Пушкінай і яе дзецьмі (іх хата таксама згарэла) жылі ў пакоях пачатковай школы.

У час акупацыі гітлераўцы размясціліся ў памяшканнях сельскага савета і сярэдняй школы. У Лісунах знаходзілася вайсковая частка. Камендатура была ў вёсцы Пагост, якая была недалёка.

Пасля акупацыі Лісуноў гітлераўцамі калгас у вёсцы быў ліквідаваны. Наша сям’я атрымала 3 гектары зямлі. У хуткім часе займелі каня. Невядома адкуль ён з’явіўся. Конь быў паранены, але прыдатны да працы. З-за ранення немцы яго не канфіскавалі.

Акупанты папярэдзілі, што растрэляюць усіх родных таго, хто пойдзе ў партызаны. Мой бацька меў вялікую сям’ю, таму не пайшоў у партызаны. Неяк да яго прыйшоў сваяк Іван Пятровіч Шутаў (жанаты на сястры маёй маці) і агітаваў пайсці ў партызаны, але бацька застаўся дома ў Лісунах. Дарэчы, з Лісуноў у партызаны пайшло ўсяго некалькі чалавек, астатнія ціха, мірна жылі пад

немцамі. Некалькі маладых хлапцоў добраахвотна паехалі працаваць у нямецчыну. Мала было з вёскі і паліцаяў.

Іван Пятровіч Шутаў у вайну стаў партызанам – падрыўніком. Ён падарваў некалькі варожых эшалонаў. Быў цяжка перанены. Яму ампутавалі нагу ў партызанскім шпіталі. Лекаў практычна не было. Далі перад аперацыяй 2 стаканы самагону (первачу) і адрэзалі нагу звычайнай нажоўкай. Пасля вайны Іван Пятровіч быў настаўнікам у школе вёскі Жукнева.

Пад час акупацыі бацька працаваў па гаспадарцы, будаваў новую хату. Так як меў каня, вясною і восенню дапамагаў сваякам з іншых навакольных вёсак апрацоўваць гаспадарку. У 1942 г. наша сям'я займела карову, авечак. Але неяк летам 1943 г. здарылася жахлівае. Статак кароў захапілі партызаны. Яны забралі не ўсіх кароў, частку кінулі ў лесе. Бацькі не было ў вёсцы, маці казалі: «Бяжы ў лес, там нейкія каровы ходзяць, бяры сабе любую». Але ў яе на руках была маленькая дачка, мая сятрычка Галіна, і маці не пайшла. Так сям'я згубіла карову.

Летам 1943 года бацька распачаў будаваць новую хату ў Лісунах недалёка ад таго месца, дзе была згарэўшая. Лес для пабудовы браў з высекі – немцы высякалі лес на 50 м уздоўж чыгункі. Паспеў пабудаваць хату да вакон. Скончылі будаваць яе ўжо без яго ў 1944 г.

Гады акупацыі мне асабліва запомніліся выпадкам, калі аднойчы гітлераўцы на мяне натравілі сабак. Я ад іх пабег і праваліўся ў снег па горла. Выратавала мяне маці, якая лямантавала да немцаў: «Аж паночкі, што вы робіця!» Памятаецца, што напрыканцы вайны пад час бою ў вясковым рове загінулі «народнікі» (жаўнеры Рускай народнай вызваленчай арміі Б. Камінскага). Нейк аднойчы я скраў у акупантаў і схваў лыжы, якімі потым доўга карыстаўся. Пасля вайны мне сябрукі моцна зайздросцілі, бо лыжы былі найлепшымі ў вёсцы.

У 1944 г. пасля вызвалення ад гітлераўцаў савецкімі войскамі ў вёску прыйшлі прадстаўнікі ваенных («СМЕРШа»). Яны забралі ўсіх мужчын, якія былі ў вёсцы ў час акупацыі, у Чырвоную Армію. Нягледзячы на існаванне ў некаторых з іх хвароб. Пазней у вёсцы казалі, што хітрэйшыя ў пачатку лета 1944 г. пайшлі ў лес, нібыта ў партызаны, і выйшлі адтуль ужо пасля вызвалення, пераседзеўшы ў лесе «хапун». Такім чынам, не трапілі адразу ў войска, калі навабранцамі затыкалі «дзіркі» на фронце. Затым некаторыя атрымалі пасады, сталі лічыцца ўдзельнікамі Вялікай Айчыннай вайны – партызанамі.

Ад бацькі з фронту быў толькі адзін ліст, адкульсці на мяжы з Польшчаю. Сусед з вёскі, які ваяваў разам з бацькам і застаўся жывы, калі вярнуўся з вайны, распавядаў, што яны разам перад боем памыліся, пераапрунуліся. У пачатку бою пайшлі ў атаку і бацька загінуў, пахаваны ў брацкай магіле недзе ў Польшчы. Сям'я атрымала даведку, што ён прапаў бяз вестак у снежні 1944 г. (Дакументы, удакладняючыя страты – данясенні Талачынскага РВК № 0257 ад 23.05.1947 г.).

У маёй маці Таццяны Мікалаеўны было па тры браты і сястры: Алёна (1901–1994), Іван (1903–1959), Фёдар (1910–1943), Франя (1918–1980), Рыгор (1921–1941), Марыя (1925–24.12.2009). Брат – Фёдар Мікалаевіч Мацюшэўскі, чырвонаармеец 110 стралковай дывізіі, загінуў на фронце 28.11.1943 г. Пахаваны ў вёсцы Смоліца Быхаўскага раёна (Таксама пазначаны ў спісе воінскага пахавання ў вёсцы Янава Быхаўскага раёна, магчыма, пасля вайны было перазахаванне. Згодна спісу бязваротных згуб 110 с.д. за лістапад 1943 г. Кніга Памяць. Быхаўскі раён). Другі брат – Рыгор, чырвонаармеец, стралок, прапаў бяз вестак 22.06.1941 г. (Данясенне Талачынскага РВК Віцебскай вобласці ад 19.05.1947 г.).

Стрыечны брат маёй маці – Рыгор Фаміч Мацюшэўскі (1920–2003) быў у гады вайны палкавым фатографам. Яго ваенныя, франтавыя і пасляваенныя фотаздымкі Магілёва захоўваюцца ў фондах Музея гісторыі горада Магілёва. Іх, згодна запавета бацькі, перадаў у музей сын – Пётр Рыгоровіч Мацюшэўскі, які жыве ў Горацкім раёне (Багаты і цікавы ваенны фотаархіў Рыгора Фаміча быў прадстаўлены музеем гісторыі Магілёва ў 2005 г. на выставе «Вайна вачыма аднаго салдата»).

Пасля вайны наша сям'я без бацькі жыла вельмі цяжка. Працавалі ў калгасе за нізашто. У калгасе давалі на сям'ю па 50 сотак зямлі, якую апрацоўвалі ў вольны ад калгаснай працы час. Тым хто жыў у Лісунах, але працаваў не ў калгасе, давалі па 25 сотак. Я вельмі рана распачаў працаваць, навучыўся араць ва ўзросце 11–12 год (на прысядзібнай гаспадарцы). Пасля заканчэння школы ў Лісунах, пры дапамозе дзеда Мікалая Мацюшэўскага, я з'ехаў працаваць на шахты Крыварожжа ў Украіну, дзе і пазнаёміўся з будучай жонкай – Алёнай Дзмітрыеўнай Краснаслабодцавай. У 1957 г. мы пабраліся шлюбам. У нас нарадзілася трое дзяцей: Таццяна (1957 г.н.), Ігар (1964 г.н.), Людміла (1972 г.н.)».

З успамінаў ветэрана працы Алёны Дзмітрыеўны Пушкінай:

«Ваенны час застаўся ў маёй памяці дзякуючы некалькім здарэнням. Жылі мы ў вёсцы Каменны Брод (тады Дзегцяцкі, цяпер Сасноўскі раён) Тамбоўскай вобласці (Расія). У маіх бацькоў Дзмітрыя Цімафеевіча (1906–1943) і Ганны Пятроўны (1901–1962) Краснаслабодцавых, акрамя мяне (1933 г.н.), былі дзеці: сын Кранід (1930–1937) і тры дачкі: Марыя (1926–2005), Ганна (1941–1944), Антаніна (1939–1940).

Маці мая была пабожнай і катэгарычна адмаўлялася ўступаць у калгас. Мне забаранялі ўступаць у піянеры і насіць піянерскі гальштук – «пятлю анціхрыста». Бацька працаваў у горадзе і нас лічылі сям’ёю служачага. Так як наша сям’я не была ў калгасе, я вельмі моцна прыцягнулі ўлады і абцяжарвалі падаткамі. Напрыклад, не давалі нават кветкі каля хаты пасадзіць – кожную вясну калгас абворваў зямлю вакол хаты па самы ганак, але нічога там не садзіў. Самі не сеялі і нам не давалі. Моцна дакучалі зборшчыкі падаткаў. Мы не вялі гаспадаркі, нічога не мелі, але падаткі трэба было плаціць і грашыма і натурай: мясам, яйкамі, маслам, малаком і г.д. Нас маці палохала: «Хавайцеся пад печ чляны ідуць», гэта значыцца ідуць члены кампартыі, сельсавету збіраць падаткі. Прычым прыходзілі са зброяй. Адночы не было чым плаціць падатак па мясу, дык зборшчык выхапіў наган і стаў палохаць маю маці, а тая ў распачы закрычала: «Бярыце мяне на мяса!»

Напярэдадні вайны – вясною ці ў самым пачатку лета 1941 года, аднойчы ўвечары, я ўбачыла на небе «прывіды». Ужо заходзіла сонейка, неба было ружовае-ружовае. Раптам на небе ўбачыла дрэва, пад ім стаяла лаўка, на ёй сядзела дзяўчына, да якой падыйшоў малады хлапец без абутку. На ім былі нагавіцы, кашуля падпярэзаная пасам з кутасамі. Маладыя людзі абняліся. Гэта было як карціна на небе. Але нядоўга. Я стала клікаць людзей. Пакуль мяне пачулі і сталі глядзець на неба, фігуры сталі расплывацца і зніклі. Старыя людзі ў той жа час у нашай вёсцы бачылі на небе чырвоныя слупы і казалі, што хутка будзе вайна, гэта і адбылося.

Мой бацька быў прызваны ў войска ў 1941 годзе і адпраўлены на фронт. У 1942 г. яго цяжка паранілі, а затым камісавалі. Прыехаў да сям’і ў Каменны Брод. Нават меў намер уступіць у калгас. Але сітуацыя на франтах запатрабавала павялічэння войска. Таму сталі зноў прызываць тых, хто раней быў прызнаны нягодным да службы. Так, бацька другі раз пайшоў на вайну ў 1943 г. У апошнім лісце з фронта ён напісаў: «Снілася, што згубіў шапку, хутчэй, за ўсё не вярнуся». Нам паведамілі, што Краснаслабодцаў Дзмітры Цімафеевіч,

радавы, прапаў бяз вестак у верасні 1943 года (Книга Памяти. Тамбовская обл. – Т. 8. – С. 238).

У хуткім часе, як пачалася вайна, у Каменным Бродзе на адпачынак або на перафарміраванне прыпынілася нейкая вайсковая частка. У нашу невялікую хату размеркавалі ажно чацвёрта салдат. Іх знаходжанне запомнілася мне тым, што яны заразілі ўсіх каростай, а калі ад'ехалі, скралі лыжку і нож.

У снежні 1941 года маю маці забралі на «трудавы фронт». Яна да сакавіка 1942 года рыла акопы – рыхтаваліся да таго, што фронт дойдзе да Тамбова. Дома засталіся дзеці – я і сястра Марыя. Зіма 1941 – 1942 гг. была вельмі халодная. У печы тапілі саломаю, хата ў нас вымерзла, адпаведна памерзла бульба – і вясною не было чаго сеяць.

Пасля вайны маці працавала прыбіральшчыцай у сельсавеце і вясковай лякарні. Тым, хто ўступіў у калгас, давалі па 40 сотак прысядзібнай зямлі, аднаасобнікам – 20. Наша сям'я атрымала 15 сотак. Увесь час зямлю пад агарод давалі ў розных месцах. Толькі прывядзем агарод да ладу, як на наступны год яго забяруць і адвядуць зямлю ў іншым месцы, часцей за ўсё – цаліну.

Мяне рана аддалі ў нянькі глядзець чужых дзяцей. Спачатку ў сям'і дырэктаркі мясцовай школы, затым міліцыянера. Але ўлады папярэдзілі, што пенсію за бацьку будуць плаціць толькі тады, калі я буду вучыцца ў школе. Усё вырашыла тое, што нянькай атрымоўвала 10 рублёў, а пенсія – 11. На цэлы рубель больш! Так я працягнула вучобу ў школе.

У першыя пасляваенныя гады не было чаго есці. Не хапала нават бульбы, харчаваліся ў асноўным буракамі. Памятую аднойчы ў мяне ад голаду так папухалі ногі, што не магла нават хадзіць. Каб не памерці, на калгасным полі кралі гарох, збіралі «каласкі». Калі вартавыя лавілі нас, дзяцей, за гэтым заняткам, дык лупцавалі і прымушалі выкідаць набранае на дарогу, якое потым усё роўна гінула.

Памятаю, як пасля вайны нам дасталася пасылка ад амерыканцаў з гуманітарнай дапамогаю. У пасылцы былі махеравы швэдар з трохі апаленым бокам (яго доўга потым насіла маці); шаўковая камбінацыя, якую мы прынялі за сарафан, і нават аднойчы я апранула яго на вячоркі, дзе з мяне добра пасмяяліся; сукенка і капялюшык. Сукенку адразу забрала сястра Марыя. У мяне не было чаго апрануць, але быў шыкоўны капялюшык.

Калі нам прыносілі мізэрную пенсію за загінуўшага на вайне бацьку, так адразу прымушалі набываць мастацкія кнігі: зборнікі

вершаў Пушкіна, Лермантава, Някрасава. Менавіта таму я да сёння ведаю шмат вершаў славытых паэтаў.

Пасля вайны была грашовая рэформа. У нас на той час было ўсяго 5 рублёў. Пайшлі ў краму набыць нешта карыснае. Але там ужо нічога не было, усё расхапілі іншыя. Каб не страціць і гэтыя грошы, набылі – невядома для чаго – вяроўку!

Я з'ехала з Каменнага Брода ў 1952 годзе, паступіла ў медыцынскае вучылішча, але не скончыла і па вярбоўцы паехала працаваць. Трапіла ў Крыварожжа (Украіна) на абагаціцельную фабрыку. У 1957 годзе выйшла замуж за шахцёра Аляксандра Барысавіча Пушкіна. Пераехалі ў Оршу, Беларусь. Вырасцілі трох дзяцей: сына і двух дачок. Працавала на ільнокамбінаце, чыгунцы. За добрасумленную працу ўзнагароджана медалём «Ветэран працы». Жыву ва ўласным доме ў Оршы разам з дачкою і двума ўнучкамі.

*Падрыхтаваў да публікацыі
Пушкін І. А.*

НЕ ДАЙ ВАМ БОГ ПРОЙТИ АД И ПЕКЛО ВОЙНЫ **Воспоминания Николая Герасимовича Рыжковича**

Участник Великой Отечественной войны Рыжкович Николай Герасимович родился 12 февраля 1926 года в деревне Тачанка Могилёвской области Кличевского района.

Я узнала о его участии в Великой Отечественной войне из рассказов его внучки – моей мамы – Грудино Ирины Николаевны:

«На начало Великой Отечественной войны ему исполнилось 16 лет. Он жил в д. Тачанка вместе с родителями. На фронт сразу не взяли, сказали подрасти. Слушая по радио сводки о прохождении боевых действий Советской Армии, он не мог сидеть на месте, не предпринимая никаких действий. Он с друзьями узнал, что в деревне Усакино на Кличевщине был организован партизанс-

кий отряд. Недолго думая, ничего не говоря родителям, они ночью ушли искать расположение отряда. Шли долго по лесам, болотам.

Грязные и голодные, наконец-таки дошли до расположения лагеря. Сразу в отряд брать не хотели, но на этот момент начался бой. Этот лагерь стали обстреливать с воздуха. Деваться было некуда, так он и остался в отряде. Был принят в качестве разведчика. Когда партизаны узнавали, что враг где-то близко, он вместе с товарищами ходил в разведку в близлежащие деревни Малиновая и Переколь, собирал данные о том, сколько у врага оружия, боевой техники, где расположены штабы. Потом докладывали в отряд, где решалось, когда и в какое время будет нанесён удар по врагу. В одной из деревень Николай Герасимович встретил свою любовь. Её звали Сазановец Анна Ивановна, на момент встречи ей было 18 лет. Они полюбили друг друга (время от времени партизаны отдыхали, устраивая танцы, где Николай Герасимович играл на гармошке). Вскоре они поженились, но по воле судьбы им пришлось жить вдалеке друг от друга, по-прежнему бегая тайком на свидание. У них родился сын Коля (прожил он недолго, умер от тифа). Будучи партизаном, Николай Герасимович участвовал в рельсовой войне, взрывал вражеские эшелоны с боевой техникой. Несмотря на многочисленные потери, партизанские отряды крепки и находили в себе новые силы бить врага. Прочёсывая леса в поисках местонахождения партизан, фашистские оккупанты сожгли деревню Вязень и Селец, но сломить партизан они так и не смогли. Партизаны, наоборот, с ещё большей злобой и силой начали бить врага. Выполняя своё очередное задание, Николай Герасимович получил ранение и был отправлен в госпиталь. Не дожидаясь полного выздоровления, он попросился на фронт. Впоследствии он участвовал в битве на реке Одер, в боях за взятие Кенигсберга».

После войны Николай Герасимович возвратился к своей жене, и они вместе поехали в деревню Осовок. Там в 1949 году родилась дочь Галина. Вскоре они переезжают в деревню Гродянка. Николай Герасимович пошёл работать в леспромхоз на эстакаду, потом вместе с бригадой валил лес и работал в качестве сучкоруба. Анна Ивановна вела домашнее хозяйство и работала на ферме. Так они, не меняя своих профессий, проработали до пенсии. Умер Николай Герасимович 6 августа 1998 года.

За героизм и мужество в военные годы был награждён: орденом Отечественной войны 1 степени, орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», многочисленными юбилейными медалями.

Не так давно мы узнали, что была выпущена книга в честь партизан Кличевщины, в которой есть фамилия и моего прадеда.

Мой прадедущка, когда вспоминал и рассказывал о войне, курил, плакал и говорил: «Не дай Бог вам, дети и внуки, пройти ад и пекло этой войны». Память о нём навсегда останется в наших сердцах.

*Подготовила к печати
Грудино Т. В.*

БОЛЬШЕ ВОЕВАТЬ НЕ ХОТЕЛОСЬ **Воспоминания Алексея Андреевича Свиридова**

Родительский дом был на Палянке (частный сектор в Могилеве на левом берегу Днепра в районе лентоткацкой фабрики).

Отец работал на заводе 511 (завод искусственного волокна имени Куйбышева). Он был членом ВКП (б). По праздникам (1 мая и 7 ноября) к нему приходили товарищи (тоже коммунисты), и они отмечали праздники за столом, пели революционные песни. Все это было похоже на конспиративную сходку: приходили в сумерках по одному, застолье проходило при закрытых ставнях и задернутых занавесках. И пели негромко.

Десять классов закончил в 1940 году. После чего выучился в Осоавиахиме (ДОСААФ) на шофера и работал на мелькомбинате. Осенью 1941 года меня должны были призвать в Красную Армию (в те годы призывным возрастом были 19 лет).

Когда объявили о начале войны, я был уверен, как и многие, что это ненадолго, но уже через месяц немцы были под Могилевом. Впрочем, никто толком ничего не знал.

Где-то числа 20-го июля, когда я приехал на работу (мне разрешали машину-полуторку держать дома), то не нашел никого из начальства. Это потом стали рассказывать о героизме, а тогда многие просто спасали себя и свои семьи. Я поездил по Могилеву (тогда это были две улицы: Первомайская и Ленинская, а Пионерская была Терешковой), но ничего не узнал. Я был в полной растерянности. Сидел в кабине своей полуторки, думая, что же мне делать в сложившейся ситуации. Это теперь многим кажется, что каждый мог принимать решения самостоятельно. Но всю жизнь мной руководил кто-то из старших: родители, учителя, комсомол, начальник гаража – а самостоятельность в принятии решений, мягко говоря, не поощрялась, и, в лучшем случае, считалась нескромностью, а расспросы могли закончиться очень плохо. Ко мне подошел какой-то военный, по-моему,

сержант, узнав о моих проблемах, он сказал, что он будет «старшим машины», и что мы должны ехать в Чаусы, чтобы догнать начальство. Для меня сразу все стало легко и просто, и мы поехали в Чаусы.

Дорога на Чаусы была вся забита людьми, шедшими на Восток. Мы объезжали груженные повозки, иногда машины, но больше люди шли пешком. Было много военных с оружием и без, поодиночке и группами. Очень скоро весь кузов моей полуторки был забит солдатами. Рядом со мной сидел «старший машины».

В Чаусах мы узнали не больше, чем в Могилеве, и поехали проселками в сторону Смоленска.

Я не знаю, что произошло, но во время одной из остановок все военные и «старший машины» куда-то пропали. Я остался один на какой-то дороге. Въехал в лес, и тут кончился бензин. Оставив машину, я решил пойти вперед. Вокруг ни души. Иду и плачу от растерянности и обиды.

Вдруг навстречу идет какой-то мужик в пилотке и замасленной телогрейке. Он спросил, кто я. Я ему все рассказал, показал машину. Оказалось, что это зампотех воинской части. Так я попал в армию, и вечером того же дня уже принял присягу в штабной палатке.

Но в этой части я пробыл совсем недолго. Как имеющего образование 10 классов, меня направили в артиллерийское училище.

Уже в феврале 1942 года я, младший лейтенант Свиридов, был направлен в действующую армию. Я рвался в бой! Меня назначили командиром расчета сорокапятки – была такая маленькая противотанковая пушка, и уже через несколько дней было первое боевое задание.

Взводу разведчиков было приказано подкрасться к немецкому бронепоезду, обстреливающему наши позиции, и взорвать железнодорожное полотно спереди и сзади него. Задачей моего расчета было огнем из пушки подбить паровоз.

Где-то ночью (часы ведь тогда были редкость) мы заняли боевую позицию в открытом поле, метрах в восьмистах от бронепоезда. Я не знаю почему, но разведчики выполнить свою задачу не смогли. Я со своей пушкой в заснеженном поле, как грязный кусок рафинада на чистой скатерти, а уже на востоке небо светлеет.

Командир (командовал командир разведчиков) говорит: «Нужно отходить, пока не засветало». А я: «Как отходить? Был приказ подбить паровоз!». А все мужики и в разведке, и мои, были взрослые, из запасников. Ну, командир и говорит: «Ну тебя! Стреляй! Только после того, как мы отбежим!»

Все отбежали от орудия, и мой расчет тоже. Я навел пушку и выстрелил. Один раз. Второй выстрел я сделать не успел, потому что бронепоезд ответил всем, что у него было, сразу.

Спасибо мужикам, не бросили меня. Очнулся в госпитале недели через две. Лечился где-то полгода. И скажу правду: больше воевать не хотелось.

По выписке из госпиталя меня назначили командиром автороты батальона обеспечения артполка. Мы в основном подвозили боеприпасы к батареям полка. Было разное. Обстрелы, бомбежки. Но это не была передовая, и это была не пехота.

Однажды наша колонна попала под бомбежку. Народ разбежался кто куда. Мои товарищи спрятались под большой грузовик, а мне места не хватило, и я забился в какую-то ямку. Это в кино взрыв похож на красивый земляной букет, вырастающий из земли. А в натуре каждый взрыв – это как будто удар огромным мешком, наполненным песком, по тебе, распластанному на плоской столешнице.

После налета я подошел к товарищам. Машина цела, и все они без единой царапины. И все мертвые. Их убило взрывной волной. Всех. Сразу.

Но самый страшный бой был 10 мая 1945 года. Это был даже не бой, а война. Нам было приказано развернуться на юг и идти на Прагу. Все ликовали! Уже Победа! Войне конец! Помню прямое, как линейка, шоссе, ведущее из долины в предгорья Татр. Я уже старший лейтенант и зампотех батальона. Наше место где-то в середине колонны дивизии. Рельеф такой, что из кузова грузовика видно километров на пять и вперед и назад. И вот мы, победители, катили напролом, а наверху в горах эсесовцы, и они еще недовоевали. И так они ахнули по нам, счастливым, неожиданно и прицельно, что разнесли нас в пух и прах. Такого разгрома я еще не видел никогда и нигде за всю войну...

Я демобилизовался командиром автобата, капитаном, в 1946 году. А молодым ребятам 1926 и 1927 годов рождения пришлось служить до 1949–1950 годов.

*Подготовила к публикации
Зимянина Л. В.*

ВОЙНА – ГРЯЗНОЕ ДЕЛО

Воспоминания Захара Савельевича Серикова

Мне пришлось совершить такое преступление, вспоминая о котором меня бросает в дрожь. Я все пытался избавиться от этих воспоминаний, однако они сильнее меня и периодически напоминают о себе.

Осенью 1941 года в Смоленске я (машинист-тракторист широкого профиля) ожидал полковника на автомобиле. Полковник получил направление на дальнейшее прохождение службы, и я должен был его туда отвезти. Вдруг подбегает ко мне молодой лейтенант с обезумевшим видом и приказывает быстро грузить на «полуторку» ослабевших, больных и раненых солдат. Я пытался объяснить, что автомобиль занят полковником, которого я обязан отвезти на новое место службы. Но он меня даже слушать не хотел.

И когда он меня взял под прицел пистолета и отдал команду погрузить на машину несчастных молодых ребят, я понял, что он прикажет отвезти их в тыл. Так и произошло.

Но это была бы беда. Я же мог сорвать полковнику выполнение задания. Меня бы в НКВД расстреляли без следствия и без суда. Время-то было военное, тяжелое.

Мой мозг заработал, словно трансформатор. Голова разболелась. Вертелась одна мысль: как выжить и как обеспечить полковнику выполнение задания.

Решение пришло само собой, мгновенно. Я попросил разрешения завести мотор (в то время аккумуляторы были в большом дефиците, и заводить нужно было рукояткой). Лейтенанта попросил легонько нажимать на «газ». После того как я завел машину и пошел к кабине, он отвлекся. Я ударил его рукояткой по голове...

Меня задержали, допросили и отпустили. Я доставил полковника к новому месту службы.

Иногда я думаю о том, что, может, было бы лучше, если я бы погиб, а лейтенант остался жить... Война – это грязное дело.

*Подготовил к публикации
Жуков В. З.*

ДАЎНІЯ СПОЛАХІ ВАЕННЫХ ГАДОЎ Успаміны Аркадзя Арсенцьевіча Смаляка

Мінулая вайна прышлася на маё ранняе дзяцінства. Таму мае ўласныя успаміны пра той час эпізадычныя. Значна больш успамінаецца вайна праз тое, што гаварылі і як успаміналі пра яе дарослыя. На што я пазней часта звяртаў увагу, дык гэта на тое, што гэтыя размовы і ўспаміны вельмі рознастайныя і не такія адназначныя, як гэта падавалася афіцыйна і як вучылі ў школе.

Асаблівасці ўспрымання ваеннага ліхалецця звязаны з тым, што мая малая радзіма знаходзіцца ў Заходняй Беларусі. Гэта невялікая вёска Вуглы, што ў 15 км на поўнач ад Наваградка. На нашых тэрыторыях з часоў Першай сусветнай вайны шмат разоў мянялася ўлада. Нават адлік часу вяскоўцамі доўга вёўся па той уладзе, якая ў той ці іншы час была. Гаварылі «за царом», «пры немцах» або «за немцамі» (акупацыя 1941–1944 гг.), «пры Польшчы», або «за палякамі», «за тымі Саветамі» (1939–1941 гг.), «за гэтымі Саветамі» (з 1944 г.), «за тымі немцамі» (акупацыя ў Першую сусветную вайну).

Хуткія змены перад вайной ў грамадска-палітычным жыцці прывялі да таго, што вайна прайшлася праз лёсы людзей з розных бакоў, часам дзіўна праціглых для адной і той жа сям'і. Гэта адбілася і на маёй радні. Адзін з маіх дзядзькаў, брат маці, які жыў у суседняй вёсцы, у верасні 1939 года сустрэкаў Чырвоную Армію, потым агітаваў за стварэнне калгасаў. У першыя дні акупацыі яго выдалі (быццам нехта з аднавяскоўцаў). Немцы яго растралілі як савецкага актывіста. Жонка асталася ўдавой з трыма дзядзькамі, маімі стрыечнымі братам і сёстрамі.

Другі мой дзядзька, старэйшы брат бацькі, пры польскім часе быў солтысам (вясковым старастам). Была такая пасада мясцовага самакіравання. У 1939 годзе вяскоўцы вылучылі яго ўжо прадстаўніком у савецкую уладу. У 1941 г. прыехалі немцы і прапанавалі назначыць старасту. Вяскоўцы зноў вылучылі дзядзьку. «Ён ужо быў, ён ведае». Так ён стаў старастам пры немцах. Паспрабуй адкажыся прылюдна. А ў яго таксама было ўжо двое дзяцей. Пасля вайны зноў вылучалі. Здаецца, быў нават спачатку старшынёй калгаса. А крыху пазней яго арыштавалі і засудзілі на 25 гадоў за супрацоўніцтва з фашыстамі. Праз некаторы час пасля смерці Сталіна ён вярнуўся дамоў і стараўся паводзіць сябе ціха і незаўважна. Памёр не вельмі старым. Пасля смерці дзядзькі мая маці прапаноўвала дзядзькавым дзецям дабіцца яго рэабілітацыі. Падчас

вайны былі выпадкі, калі дзядзька («нямецкі стараста») хаваў партызан ад немцаў у нашым склепе (мы жылі дзвюма сем'ямі ў адной хаце). Трэба было шукаць тых партызан, як сведак, што было вельмі праблематычна. Так дзядзька і застаўся нерэабілітаваным. Такім чынам, усякая ўлада пры жаданні магла зрабіць нашу сям'ю радней сваіх ворагаў.

Нашым мясцінам пашанцавала. Фронту і вялікіх баёў там не было. У 1941 годзе немцы абыйшлі нас з поўначы і з поўдня. А ў 1944 годзе ўжо пад канец аперацыі «Баграціён», калі немцы адступалі, каля нас не спынялася і Чырвоная Армія. У першыя дні вайны маладыя хлопцы і мужчыны па мабілізацыі атрымалі позову ў армію. Як у нас гаварылі, «ісці на вайну». Мой бацька аказаўся на зборным пункце пад Стаўбцамі. Але немцы хутка наступалі. Як расказваў бацька, малодшыя камандзіры, што былі з прызыўнікамі, не атрымліваючы ніякай каманды, не ведалі, што з імі рабіць без зброі і рыштунку. І хутка адпусцілі ўсіх. Калі памяць не падводзіць, бацька пераначаваў там адну ноч і сумеў вярнуцца дадому. Так бацька аказаўся пад акупацыяй разам з намі.

Вайну вяскоўцы ўспаміналі, як навалу, як вялікую бяду. Адначасова гэта была і чарговая змена ўлады. А ўсякую ўладу трэба карміць. І ад вайны, і ад новай улады нічога добрага не чакалі. І галоўная трывога была, як выжыць. Савецкую ўладу ўжо не вельмі любілі таму, што яна хацела ўсіх «сагнаць у калхоз». Так і называлі калгас рускім словам крыху на беларускі манер. Але немцы былі чужынцамі, яны былі захопнікамі. А «Саветы» былі свае, нашыя, рускія. Пасля вайны так часам і ўспаміналі: «Калі нашыя прагналі немцаў». Гаварылі і так: «Калі вярнуліся Саветы». Пасля перамогі спадзяваліся, што Сталін «адменіць калхозы», як узнагароду за перамогу. Калгасы ўспрымаліся большасцю сялян таксама як бяда. А гаворачы пра час акупацыі, маглі ўспомніць, што пры немцах пажылі без «калхозаў».

У чэрвені 1941 года мне ішоў толькі другі год. Маёй маме, Антаніне Лук'янаўне, было каля 22 гадоў, а бацьку, Арсеню Сямёнавічу – 27 гадоў. Хаця я сам вельмі мала памятаю пра ваенны час, забыліся дэталі, але ў маім асабістым успрыманні – гэта час трывожны і неспакойны, поўны небяспекі. Памятаю, як увечары гудзе ў небе самалёт і мама здымае лампу, што вісіць пад столлю, і хавае яе пад стол. Тлумачыць мне, што калі самалёт убачыць святло, то будзе нас бамбіць. А я ўжо ведаю, што гэта страшна і што бомбы забіваюць. Лампы тады былі газавыя. Газ у нас называлі «карасіна» і лампы

называлі «карасінавыя». Не заўсёды і ў вайну, і пасля вайны можна было здабыць газу. Тады вечарам запальвалі лучыну. Каля печы было прымацавана спецыяльная прыстасаванне, у якое гарызантальна ўстаўлялася лучына і падпальвалася з канца. Калі лучына дагарала, падпальвалі і ўстаўлялі новую.

Памятаю, як мы з мамай вядзем хаваць у лес карову, каб яе не забралі немцы. У немцаў таксама была свая «харчразверстка». Дзядзька, будучы старастам, папярэдзваў каго мог з вяскоўцаў, калі даведваўся, што немцы прыедуць. А прыезджалі яны ў нашую веску, далекую ад адміністрацыйных цэнтраў і ад дарог, толькі за харчам. Дарэчы як і партызаны. Бацька таксама ўцякае ў лес. Немцы могуць куды-небудзь забраць. Мы з мамаю вядзем карову у нашую хваёнку. Нашую, таму што каля нашага поля. Гэта дзялянка маладога сасонніку (хвойніку). Прывязваем яе і вяртаемся дамоў. А мама ўсё трывожыцца, каб карова не зарыкала. Бо немцы пачуюць і забяруць. І я таксама трывожуся. Бо ўжо ведаю, што без каровы не будзе малака і не будзе чаго есці, а іншая ўся ежа будзе нясмачная.

Памятаю, як ужо пры адступленні каля нашай хаты спыніліся на перапынак немцы. Хата нашая стаяла на пагорку, пад якім была развілка дарог. Тут было месца, дзе можна было, як сёння кажуць, «прыпаркаваць» падводы ці машыны. Немцы былі не вельмі маладыя і нейкія неваенныя, хоць і ў вайскавай форме. Можа гэта былі мабілізаваныя пад канец вайны мужчыны старэйшага ўзросту, можа нейкія тылавыя падраздзяленні. Мама адразу завяла нас з малодшым брацікам у сені, пасадзіла на куфар і глядзела, каб мы не выходзілі на двор. Адзін з немцаў падняўся да хаты, зайшоў у сені, нешта прагергятаў, а потым даў нам з брацікам па цукерцы. Яны былі падобныя на сённяшнія шакаладныя цукеркі. Такіх цукерак мы датуль ніколі не бачылі, як і доўга яшчэ пасля вайны.

Пад канец вайны ў нямецкай арміі сустрэкаліся ўжо і зусім маладыя салдаты, што падраслі за час вайны. Мая хросная маці, цётка Стася, аднойчы ўспамінала пра немцаў, якія заходзілі ў хату. Запалі ў памяць словы з яе аповяду «такія маладзенькія немчыкі». Гэта не зусім стасавалася з нашым непрыязным стаўленнем да немцаў. Пазней я зразумеў, што па-сялянскі, па-жаночаму, па-мацярынску яна бачыла спачатку дзяцей, а ўжо потым ворагаў. Можа, у гэтым таксама ёсць свая вялікая праўда. І для большасці вяскоўцаў Гітлер быў злачынцам не толькі таму, што напаў на нас, але і таму, што «пагнаў народ на вайну», загубіў шмат людзей. Вясковыя людзі атаясамлівалі

краіны з іх лідарамі. У іх размовах часта можна было пачуць, што «Сталін ваяваў з Гітлерам».

У часы СССР пасля вайны на афіцыйным узроўні насцярожана ставіліся да тых, хто быў пад акупацыяй. А інфармацыя пра часы вайны на акупаваных тэрыторыях зводзілася да баявых дзеянняў партызан. Але маё сялянскае паходжанне ўсе прымушала мяне задумвацца, хто ж карміў і нямецкую армію і партызан на працягу трох гадоў, як выжывалі людзі ў такі няпросты час. З Германіі немцам харчоў не прывозілі. Партызанам на парашутах харчаванне не скідвалі. Аднайчы, будучы ўжо ў сталым узросце, я спытаў у хрышчонай маці: «Як тут жылі пад акупацыяй?». «Ой, сыноч, – адказала яна, – Як жылі? Усе «грабілі». Немцы прыедуць – «грабляць», партызаны прыедуць – «грабляць», паліцаі прыедуць – «грабляць». Усім трэба было карміцца. Так было заўсёды ў гісторыі. Таму вяскоўцы, якім пашчасціла ўцалець, сеялі, жалі, гадавалі свіней і кароў, каб пракарміць сябе і дзяцей, жаніліся і нараджалі. І кармілі тых, хто ваяваў».

Пра партызан таксама гаварылі па-рознаму. Бацька расказваў, што каля нас вялікай партызанкі не было. Былі невялікія атрады, у якіх былі тыя, што «хаваліся ад немцаў». Аднак успамінаў, калі праходзілі вялікія атрады «чужых» (у сэнсе не мясцовых) партызан, не забіралі кароў і свіней. А як у Наваельні адбілі ў немцаў кароў (мабыць былі падрыхтаваныя для вывазу ў Германію), то раздавалі іх людзям. І хваліў: «Вось гэта былі сапраўдныя партызаны». Што гэта былі за партызаны, ён не мог сказаць. Мяркую, што гэта мог быць адзін з паўночных атрадаў злучэння Каўпака, падчас яго рэйдаў, галоўныя сілы якога, як паказваецца на картах, ішлі паўднёвей.

Мясцовыя партызаны таксама ўчынялі нейкія баявыя дзеянні і дыверсіі. Мой цесць Фурса Іосіф Яфімавіч, які жыў каля лесу ў іншай весцы пад Наваградкам, расказваў, як у 1944 годзе партызаны ўзялі яго з сабой ноччу, каб паказаць дарогу праз лес на Наваградак. Там яны ўзарвалі тартак (лесасілку). Выказваў, праўда, сумненне, ці патрэбна было ўзрываць ўжо перад адступленнем немцаў. Цесць быў таго ўзросту, які падростаў у гады вайны. Калі прыйшлі нашыя, яго, як і усіх нестарых мужчын і хлопцаў, мабілізавалі. Ён быў на фронце, дайшоў да Одэра, дзе быў паранены і адпраўлены ў шпіталь.

Вельмі часта лёс людзей у гады вайны складваўся не па іх жаданню, а па збегу абставін. Не ўсе дабравольна ішлі ў паліцаі ці ў партызаны. Іх мабілізоўвалі. Добра помню, як у размовах пра лёсы людзей у вайну, вяскоўцы гаварылі, што яго злавілі і «забралі ў

паліцаі», гэтага засталі дома і «забралі ў партызаны». Вельмі часта гучала слова «забралі». А паспрабуй адкажыся, калі галоўны суддзя вінтоўка ці аўтамат. А ад аднаго з родзічаў чуў аповед, як зусім маладыя хлопцы ўцякалі ў лес, каб немцы не вывезлі ў Германію (таксама «забіралі»). Адзін з іх папаў у атрад «да палякаў», другі – «да чырвоных партызан». Першы ўцёк «з палякамі» на захад, другі выжыў і застаўся дома. Зразумела, што першы стаў ворагам, а другі – героем вайны. Не мог зразумець, хто такія «палякі». Толькі пазней даведаўся, што на Гродзеншчыне дзейнічалі партызанскія атрады польскай «Арміі краёвай», якая падпарадкоўвалася эмігранцкаму польскаму ўраду ў Лондане. Цяпер ужо не магу ўспомніць дакладна, ад каго чуў гэтую гісторыю. Мяркую, што гэта быў родзіч з вескі Вялікія Канюшаны з-пад Ліды, дзе было шмат атрадаў «Арміі краёвай».

Перад тым як прагналі немцаў, падобную сітуацыю перажыў і мой бацька. Яго «забралі ў рагуляўцы». Мабілізавалі траіх мужчын і хлопцаў з нашай вескі і завезлі ў Наваградак. Двое, адзін з іх мой бацька, у першую ноч, пакуль іх яшчэ «не перапісалі», уцяклі. Трэці таксама нядоўга там праслужыў. Перад адходам немцаў вярнуўся дамоў. Пражыўшы 50 гадоў пасля вайны, я не мог даведацца, хто такія рагуляўцы. Не мог гэтага ўцяміць і з размоў са старэйшымі. «Рагуляўцы, яны былі з немцамі». «Гэта паліцаі? Не, гэта нашыя, яны паліцай не любілі». «Гэта з немцамі, але не паліцаі». Здаецца, аднойчы праскочыла слова «беларускія», на якое я не звярнуў увагі і забыўся. Дакладна толькі было вядома, што рагуляўцамі іх называлі таму, што камандзір іхні меў прозвішча Рагуля.

І толькі ў 1990-я гады, калі стала даступнай больш шырокая гістарычная літаратура, я даведаўся, што гэта быў беларускі нацыянальны эскадрон, які дыслакаваўся у Наваградку, і якім камандаваў Барыс Рагуля. Немцы ў акупаваных краінах дазвалялі ствараць нацыянальныя вайсковыя часткі. Але яны знаходзіліся ў структурах ахоўнай паліцыі СС, і афіцэры павінны былі насіць эсэсаўскую форму. Таму іх і лічаць эсэсаўцамі. Не толькі ў Эстоніі былі такія эсэсаўцы. Неяк прачытаў, што такім нарвежскім эсэсаўцам помнік паставілі яшчэ ў пасляваенныя гады. Некалькі такіх батальёнаў беларусы-калабаранты разглядалі як зародак будучага беларускага войска. Я магу быць толькі ўдзячны лёсу і свайму бацьку, што ён адтуль уцёк. Невядома, як бы склалася наша жыццё ў пасляваенныя гады, застанься ён службыць у тым эскадроне, ці не дай бог, адступі на захад разам з немцамі.

І яшчэ адзін сумны ўспамін ажывае ў сувязі з вайной. Каля дарогі ў лес, праз паўкіламетра ад нашай хаты, была магілка з невялікім крыжом, зробленым з бярозавых палак. Расказвалі, што там быў пахаваны ўласавец. Быццам партызаны злавілі яго і растралілі за вёскай. Злавілі яго ўжо на вызваленай тэрыторыі. Магчыма, ён ужо не збіраўся ваяваць супраць сваіх. Як вядома, армія Уласава фарміравалася з палонных савецкіх салдат. Магчыма, ён ужо спрабаваў вярнуцца дамоў. Ніхто ўжо не можа сказаць, што было на самай справе. Хтосьці з вяскоўцаў выказваў меркаванне, навошта было страляць, калі немцы ўжо адышлі. Хай бы арыштавалі.

Магілку тую ніхто не даглядаў. Праз колькі гадоў прыезджала маладая жонка. Казалі, што здалёк, недзе з Усходняй Украіны. Відаць, нейкая інфармацыя ці дакументы засталіся, што змаглі знайсці. Пасядзела на магілцы, паплакала і паехала. Нейкі час магілка была мясцовым арыенцірам. З цягам часу згніў і паваліўся крыж, а пазней знік і грудок. І цяпер праз дзесяцігоддзі, калі ўсё памянлася, нават цяжка здагадацца, дзе ён быў. Так і знікае след чалавека, адарванага ад сваіх каранёў і ад сваёй глебы.

Пра гэта мне заўсёды ўспамінаецца, калі чую або чытаю пра тое, як шмат людзей не ведаюць, дзе пахаваны іх продкі, ці геройскі загінуўшыя, ці памерлыя ад ран і хвароб, ці проста невядома дзе і як знікшыя ў той гіганцкай ваеннай віхуры. І як часам мала каштуе жыццё чалавека ў такіх віхурах, калі сутыкаюцца, крыжуюцца і ламаюцца лёсы не толькі асобных людзей, але і цэлых краін і народаў.

*Падрыхтаваў да публікацыі
Смаляк А. А.*

НАЧАЛО ГРЯДУЩИХ ПОБЕД

Воспоминания Семена Антоновича Снытко

Вторая мировая война – это война, каких не знало человечество. И победа над силами фашизма была величайшей из всех побед, какие когда-либо одерживало человечество.

Имена простых солдат Великой Отечественной войны не так часто звучат в повседневной жизни. А ведь именно он – простой солдат -совершал каждый день героический поступок, ценой своей жизни спасая не только свое Отечество, но и весь мир, будущее от самой страшной опасности, которая когда-либо угрожала человечеству!

Родился Семен Антонович Снытко 24 февраля 1925 года в деревне Большая Мощаница Бельничского района, в крестьянской семье. С младенчества воспитывался в семье дедушки Хмелькова Александра Трифионовича, так как мать страдала тяжелой болезнью.

Когда ему исполнилось 6 лет, пошел в первый класс Мощаницкой семилетки, а среднее образование получил в Бельничской СШ.

«Три года, – вспоминает он, – ходил пешком в райцентр. К учебе у меня была большая тяга. Примером для подражания для меня был мой дядя, капитан Красной Армии Хмельков Михаил Александрович, который потом погиб в 1941 году, защищая Москву. Именно он убедил дедушку в том, что я должен продолжать учебу».

Семен Антонович окончил Бельничскую СШ в июне 1941 года, перед самым началом войны. Война перечеркнула все дальнейшие планы. Он оказался на оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории. Сначала работал с дедушкой в сельском хозяйстве, а потом, весной 1944 года, ушел в партизанский отряд № 8 (Круглянская военно-оперативная группа, командир ст. л-т Соколов), который действовал в Круглянском, Бельничском и Крупском районах.

После соединения с частями Красной Армии в конце июня 1944 года вначале попал в запасной полк, а 15 августа 1944 – на фронт, в составе 459 полка 42-й Смоленской орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии. Дивизия входила в 49-ю армию в составе II Белорусского фронта. Это та самая дивизия, которая освободила Бельничичи и нашу родную Мощаницу. Это тот самый полк, в котором служил старший лейтенант Сергей Григорьевич Терешкевич, героически погибший при освобождении нашего района.

Первый бой Семен Антонович принял 22 августа 1944 года на территории Польши, в качестве наводчика в расчете противотанкового ружья. А потом в полковой батарее 45-миллиметровых противотанковых пушек заряжающим, а позже – наводчиком. Батарея этих пушек всегда находилась во время боя в боевых порядках пехоты для борьбы с танками противника. Это орудие было грозным для немецких танков и очень уязвимым для наших оружейных расчетов. Чтобы прямой наводкой уничтожить вражеский танк, нужно расчету быть не только слаженным в стрельбе, но и обладать особой стойкостью, презрением к опасности в критические минуты боя.

«В ноябре 1944 года, – рассказывает Семен Антонович, – наш полк получил задание провести разведку боем на возможном направлении главного удара 49-й армии, после продолжительной обороны на реке Нарев между польскими городами Ломжа и Остроленка. Ночью, тихо форсировав реку Нарев, мы пошли в атаку и с боем взяли три линии глубокоэшелонированной обороны противника. Но и враг не дремал. Более двух суток мы сдерживали его контратаки. К тому же фашисты сумели подтянуть сюда крупные резервы из тыла. Как потом выяснилось, тем самым мы оттянули их на себя, позволив остальным советским войскам перейти в генеральное наступление. А на то время испытания на долю бойцов полка выпали невероятные. Немцы, направляя весь огонь на наши позиции, начали постепенно оттеснять нас к реке, тем более что силы были далеко не равные. Понтонные лодки почти все были уничтожены, отступающих бойцов фашисты расстреливали в упор. Многие утонули в ледяных водах Нарева. Мне повезло в этом бою. Успев сбросить бушлат, я ухватился за проплывающее рядом бревно, которое, на счастье, притянуло меня на другой берег. В тот день мы не досчитались многих своих товарищей. Погибло и трое моих друзей – Михаил Солонович из Могилева, Антон Тумор и Антон Шлык из Круглянщины. Полк свою задачу выполнил, но мы остались без своего командира полка, полковника Козлова, которого тяжело ранило. Вскоре ему было присвоено звание Героя Советского Союза, а еще через некоторое время он вернулся в родной полк. Не забыли и о нас, простых солдатах. Я, в частности, был отмечен медалью «За отвагу». Это самая дорогая из всех моих наград. Я ценю ее даже выше, чем орден Красной Звезды, которым был награжден позже, за взятие Данцига».

Потом Семен Антонович прошел фронтовыми дорогами по Германии, форсировал Одер, встречался с союзниками на Эльбе.

«В одном из боев смертельно ранило нашего командира взвода лейтенанта Суворова, – говорит ветеран. – Это был пятый из сыновей у родителей, который погиб за нашу Родину (после войны я долго с ними переписывался). Не миновала беда и меня. Под Данцигом наш орудейный расчет наскочил на противотанковую мину. Все бойцы погибли, а меня сильно контузило. Отправиться в госпиталь отказался, так как боялся, что после выздоровления могут отправить в другую часть, где нет моих земляков, боевых товарищей. Со своим полком дошел до немецкого города Пархим, что в 100 километрах к востоку от Гамбурга. Вскоре мы вышли к Эльбе, где и встретились с союзниками. Эта встреча стала самой счастливой и радостной в моей

жизни. Американские и английские солдаты дарили нам часы, зажигалки, а мы – звездочки от пилоток, так как ничего другого не было».

После окончания войны Семен Антонович еще долгих пять лет не мог вернуться в самый дорогой для его сердца уголок – деревню Большая Мощаница. До 1947 года он оставался служить на территории Германии, а потом в Северо-Кавказском военном округе. И только в апреле 1950-го вернулся в родные края. Перед ним встала проблема: что делать, где применить свои способности и талант. И бывший солдат поступил на литфак Могилевского педагогического института. После его окончания вернулся в свою деревню и более 30 лет преподавал русский язык и литературу в местной школе.

Родина высоко оценила и трудовые заслуги Семена Антоновича. К боевым наградам добавился орден Трудового Красного Знамени. Сегодня он на заслуженном отдыхе. Ему идет 89-й год.

Все меньше и меньше остается в живых участников Великой Отечественной войны. Неумолимо и быстро идет время, седеют и стареют наши ветераны. И наша задача, и задача будущих поколений – не забыть тех ужасных дней, сохранить и сберечь память о тех, кто прошел дорогами войны!

*Подготовила к публикации
Горелик А. А.*

БАРКОЛАБОВСКИЙ ГЕРОЙ **Воспоминания Антона Ануфриевича Стаменкова**

Антон Ануфриевич родился 31 января 1921 года в деревне Косичи в крестьянской семье. Учился в Барколабовской школе. Окончил 7 классов. После окончания школы уехал в город Чернигов работать на шахте. До наших дней сохранились воспоминания участника Великой Отечественной войны Антона Ануфриевича Стаменкова (белоруса, беспартийного), записанные в деревне Косичи Барколабовского сельсовета учителем Алесем Николаевичем Соколовым в октябре 2010 года:

«25 марта 1941 года я был призван в

армию на кадровую службу. Служил в городе Чернигове на Украине в роте ПВО 236-го стрелкового полка 187-й стрелковой дивизии.

Когда началась Великая Отечественная война, наша часть была выдвинута в Приднепровье, мы занимали оборону у Нового Быхова. Я был заряжающим зенитного орудия, а наводчиком орудия был старший сержант Школьный. Во время боев мы сбили вражеский самолет.

Во время немецкого артобстрела старший сержант Школьный был убит. Осколком снаряда был разбит радиатор нашей машины.

13-го июля 1941 года немцы переправились через Днепр возле Нового Быхова. Мы попали в окружение в районе деревни Обидовичи в количестве 48 человек. Командир нашей роты, лейтенант (фамилию не помню), попытался прорваться из окружения в танке. Однако танк был подбит, а командир получил ранение в обе ноги. Я ухаживал за раненым командиром, мы жили в местной школе. Я сумел переодеться в гражданскую одежду, чтобы ходить за продуктами к местной жительнице Солохиной Дуне и ухаживать за нашими ранеными. Через несколько дней в школе появились немцы. Они забрали моего командира, лейтенанта и подполковника-танкиста. Дальнейшая их судьба мне неизвестна.

Переодевшись в гражданскую одежду, я решил пойти домой – в деревню Косичи. Переправился через Днепр возле деревни Тресна. Шел с комсомольским билетом в кармане. Хорошо помню, как у Днепра наши девчата шутили и заигрывали с немцами. Наблюдать это было горько и невыносимо. В это время город Быхов был разрушен войной и лежал весь в развалинах.

Побыв дома несколько дней, я отправился в Барколабово к своей замужней сестре Климовой Евдокии. Ее муж состоял на службе в полиции. Полицейский гарнизон насчитывал 70 человек.

Мой отец дома пас коров, у отца было 6 детей (всего было 9, но трое из них умерли при рождении), из них один брат Федор, 1911 года рождения, прошел всю войну, к тому времени уже воевал на фронте. Я стал помогать семье и занялся крестьянским трудом.

В 1942 году я был арестован для отправки в Германию во время облавы (со мной было еще 16 человек). Я отпросился сходить поест и убежал в Барколабово. Там я поселился у своей двоюродной сестры. Ее мужем был начальник барколабовской полиции Александр Никитин, военнопленный, офицер Красной Армии. Позже он ушел к партизанам, но ему не простили службу в полиции и расстреляли.

С 1942 года я стал связным партизанского отряда. Я был в отряде Сухова. Доставал у знакомых оружие: винтовки, патроны и все это передавал в лес. Мне удалось привести к партизанам 11 военнопленных.

А 26-го августа 1943 года я сам пошел в партизаны, в знакомый отряд Сухова. Месяц находился в хозяйственном взводе. Колол дрова, пригонял в отряд коров, взятых у населения; резали их, сдирали шкуры, готовили для партизан сухие пайки.

Немцы, узнав о том, что я пошел в партизаны, отобрали у моих родителей корову и телку и арестовали мою 18-летнюю сестру.

Позже я стал ходить на боевые задания. Я был пулеметчиком, моим боевым спутником стал чешский пулемет. Приходилось постоянно менять русские патроны на чешские.

В феврале 1944 года наши партизаны соединились с частями Красной Армии у деревни Дедово. 25-го марта 1944 года меня ранили в бою у деревни Красница. Тогда я уже служил в 1023-м стрелковом полку. В том жестоком бою я получил 8 ран в ноги и голову. После эвакуации с поля боя я лежал 3,5 месяца в госпитале в Ульяновске. В госпитале мне удалили один глаз.

Мне предлагали остаться и работать военруком в Ульяновской области, но я вернулся в родные Косичи, где работал в колхозе бригадиром, бухгалтером и заместителем бухгалтера. У меня 58 лет трудового стажа. Имею боевые награды: два ордена Отечественной войны 1-й и 2-й степени, медали. События Великой Отечественной войны свежи в моей памяти, они приходят в мои сны. До сих пор болят и напоминают о себе раны, полученные на этой кровопролитной войне».

После окончания войны (в 1945 году) вернулся в родную деревню Косичи. Женился. Работал в местном колхозе бригадиром и в бухгалтерии, а потом – учетчиком до 2002 года. Жена очень сильно болела, и он ухаживал за нею много лет. После смерти жены он остался один, детей у них не было. После того как Антон Ануфриевич потерял единственного близкого человека (свою жену), он стал проживать у сестры Елены, которая ухаживала за ним до последних дней его жизни. 07.09.2013 – дата смерти ветерана Антона Ануфриевича Стаменкова.

За участие в Великой Отечественной войне был награжден боевыми наградами: двумя орденами Отечественной войны I степени (№ 2432024) и II степени (№ 1878229), медалями «За победу над Германией», Жукова, «30 лет Победы в Великой Отечественной

войне 1941–1945 гг.» (1977), «50 лет Вооруженных Сил СССР» (1977), «40 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «70 лет Вооруженных Сил СССР» (1988), «50 гадоў Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг.» (1995), «60 год вызвалення Рэспублікі Беларусь ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў» (2004), «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «65 год вызвалення Рэспублікі Беларусь ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў» (2009), «65 лет Победы в Великой Отечественной войне» (2010), «25 лет Победы в Великой Отечественной войне», знаком «Ветеран войны 1941–1945 гг.».

*Подготовила к публикации
Климовцова И. Г.*

В ОЖИДАНИИ ПОБЕДЫ

Воспоминания Надежды Кузьминичны Старун

Я родилась 14 октября 1926 года в деревне Хитёвщина Пружанского района Брестской области. В семье нас было пятеро: отец – Кузьма, мать – Александра, два брата и я. У отца от первого брака сын Степа и у матери тоже от первого брака сын Федор. Жили бедно, работали на своей земле, но земли было мало. Прокормиться было сложно. В то время многие уезжали в Америку на заработки, и мой отец решил ехать. Когда вернулся из Америки, на заработанные деньги купил 8 гектар пашни и 4 гектара пастбища. Купил хутор в Кобринском районе и обзавелся хозяйством. Купил коня, 4 коровы, а также свиней, кур. Но так как хозяйство было большое, работы было много, рабочей силы не хватало. Отец пользовался наемным трудом и платил так, что люди не жаловались. В 1939 году перед приходом советов помещики уезжали в Польшу, не забрав все свое добро, даже бросали на дорогах. Стали образовывать колхозы, и почти все хозяйство забрали в колхоз, осталась одна корова и конь. Отца посчитали кулаком и выслали в Витебскую область, он там пробыл целый год, вернулся перед началом войны.

В 1937 году, когда мы переехали на хутор, я пошла в польскую школу. Летом было не трудно ходить, а зимой тяжело, снега много было. Окончила 4 класса, а когда началась война, школу закрыли. После войны открыли русскую школу в деревне Рынки Кобринского района, но так как некому было меня возить, а ходить далеко, я в старшие классы не ходила.

22 июня 1941 года услышали гул самолета. Мы со Степкой вышли на улицу и увидели, как в небе кружат два самолета. Они покружили-покружили и полетели обратно. А под вечер уже был в некоторых местах виден дым, со стороны Бреста, были слышны взрывы. В последующие дни самолеты летели со стороны Польши на Восток. Немцы быстро прошли нашу деревню.

В нашей деревне постоянно немцев не было, они иногда приезжали. Был введен комендантский час. Вечером нельзя было выходить на улицу и нельзя было, чтобы в окнах горел свет. Если немцы встречали кого вечером или ночью, то сразу расстреливали.

Когда немцы наступали, на дорогах оставались трофеи, самые бедные односельчане, которые не имели ничего, даже одежды, ходили собирать трофеи. Немцы если видели это, то сразу расстреливали. Так и два брата из нашей деревни поплатились своей жизнью.

Была уже зима. В нашей деревне остановились немцы. Немцам надо было добраться в Городечно, у них не было транспорта. Моему отцу сказали, чтобы он отвез их на санях. Дорога была плохая, было много снега. Они проехали где-то полдороги и попали в яму, сани перевернулись. Немцы и отец вылетели в снег, конь испугался и убежал. Немцы остались, а отец пошел за конем по следу. Конь оббежал круг и вернулся домой. Дома все испугались, конь прибежал, а отца нет. Что-то случилось! Степа сел в сани и поехал искать отца. Когда он приехал на место, где произошла «авария», там не было ни отца, ни немцев и Степа вернулся домой, а отец был уже дома. Немцев, наверное, кто-то подобрал и отвез куда надо.

Недалеко от Завершья проходила железная дорога. С целью обороны железной дороги от партизан немцы установили границу, по которой патрулировали. Если кто-то подходил к границе, то немцы не рассматривали и сразу стреляли, без предупреждения.

Были настоящие партизаны, которые подрывали эшелоны с техникой, боеприпасами и горючим. Они действительно помогали сражаться с немцами. Но были и под видом партизан мародёры, которые приходили в деревню, чтобы забрать у людей что можно – и еду, и одежду. Немцы проводили проверки: сами переодевались в партизан и ходили по домам, если люди помогали, то немцы потом приходили и убивали их.

Судьба моих братьев трагическая. Когда пришли немцы, то они агитировали идти к ним в полицию. Обещали, что когда завоюют Россию, жизнь их будет лучше и некоторые, в том числе Федор, пошли служить к немцам. В скором времени партизаны его подстрелили,

лежал в Каменце в больнице. А когда Красная Армия наступала, то вместе с немцами отступал и Федор с семьей. С немцами дошел до Польши и там остался, думал, что будет жить, никто не будет знать, что он был полицаем. Но в Польше узнали и его убили. Степана в 1943 году забрали на работы в Германию. На родине у него осталась девушка, которую он очень любил. Степан думал, что ее тоже заберут в Германию и там они встретятся. Он написал письмо домой, в котором спрашивал об этой девушке, забрали ее или нет. Я сделала очень большую ошибку, что написала ему правду о том, что ее не забрали, так как в скором времени ее тоже увезли в Германию. А вот брат решил бежать, подговорив несколько поляков. Они сбежали, но на прусско-польской границе их поймали. Поляков отпустили, а Степу посадили в концлагерь. В концлагере было очень тяжело, он не выдержал, умер.

В мае 1944 года пришла и моя очередь. Тех, кто родился в 1926 году, забирали на работы в Германию. Были такие, что шли на хитрость, меняли год рождения, так как не было точных документов. Это еще зависело от полицаев, если они умалчивали об этой подмене, то можно было остаться. Были такие полицаи, которые сами подсказывали, что делать, чтобы не попасть в Германию. Нам было сказано собраться в Пружанах. Добирались кто как, но в основном свозили на телегах. Когда все собрались, была перекличка. Ночевали в побеленной тюрьме и вышли оттуда все белые. Нас повели в баню, потом снова перекличка и повезли в Оранчицы на поезд. Поезд был товарный, без окон и без дверей. Девушек и парней помещали в отдельные вагоны. Завезли в Брест и снова перекличка, а из Бреста напрямиком в Восточную Пруссию и высадили в районном центре Проижголенд. Там построили нас в две шеренги, и немцы-хозяева выбирали.

Я и Настя (моя знакомая) попали к одной хозяйке. Мы работали в огороде, пололи грядки. Когда время подходило к сбору урожая, мы рвали и связывали в пучки, а хозяйка возила на рынок продавать. Нам повезло, хозяйка попалась неплохая. Она жила с матерью, детей не было, муж был на фронте. Работа закончилась, и нас разлучили, я попала к одной хозяйке, а Настя – к другой. У новой хозяйки семья была большая. У нее было четыре ребенка, сестра и мужчина-работник из Украины. Муж ее был на фронте. Хозяйка была строгая. Однажды я сходила в гости к соседке, у которой тоже была работница, меня хозяйка ударила по лицу.

Мы втроем (я, хозяйка и сестра хозяйки) доили коров. Также надо было кормить свиней и убирать в доме. С утра нас мало кормили – кусочек батона и кружку чая; в обед – тарелка супа; вечером – жареная картошка и каша молочная. Целый день жили впроголодь, а вечером уже наедались. Так мы прожили до весны.

Весной 1945 года наши войска наступали в Германии и уже подходили к той местности, где мы жили. Моя хозяйка убегала от фронта дальше в Германию, и я шла за ними, потому что я не знала, что мне делать, куда идти. По дороге встретила свою землячку. Когда мы шли, чуть не попали под бомбёжку. Два немецких самолета бомбили русские танки. Рядом был небольшой лесок, и мы побежали туда, легли на землю и прикрыли голову руками. Потом самолеты подбили танки и улетели, а мы пошли дальше. По дороге нам встретились два белорусских парня, и они нам сказали: «Куда вы идете? Вам надо идти в другую сторону». Эти парни нашли повозку, и мы поехали в сторону дома. Кони были слабые, и мы в основном шли пешком за повозкой. Нас останавливали и заставляли работать, потому что надо было кормить и доить коров. И так мы продвигались к дому. Когда встретили наших солдат, ребят забрали в армию. По дороге домой к нам присоединялись только девушки, потому что всех парней забирали в армию.

В это время нам было тяжело только потому, что не было еды. Приходилось заходить в пустые дома и искать что-то съедобное, чтобы хоть немножко перекусить, а если не находили, то шли дальше голодными. Прошли половину Польши, дошли до железной дороги и, сидя на обочине, стали ожидать поезд. Добрались до Бреста. Из Бреста товарным поездом мы ехали домой. Я легче вздохнула, дом уже был близко.

Когда я подходила к деревне, встретила одну женщину, она, увидев меня, с радостью прокричала: «Надя идет!». Я остановилась, мы с ней немного побеседовали. За это короткое время кто-то сообщил родителям обо мне. Подходя к хутору, они меня уже встречали. В деревне ко мне относились доброжелательно. Может, кто и смотрел искоса, но в основном относились хорошо.

Родители рассказывали, что было очень страшно, когда немцы отступали. Передовая линия нашей армии стояла в лесу, за деревней. Односельчане собирались у нас на хуторе в погребе. Погреб был глубокий и зацементированный. Люди боялись снарядов. В нашем доме расположилось несколько немцев, которые наблюдали за нашими войсками. Один житель, так называемый «зайчик», ползком

из погреба добрался к нашим и сообщил, что на хуторе находятся немцы-наблюдатели. Армия начала стрелять, чтобы уничтожить немцев. Два снаряда попали в дом и разбили стенку, а два снаряда попали в сарай. Жителям повезло, что снаряды не попали в погреб. Погреб был за домом и снаряды к нему не долетели. Но при наступлении наших солдат несколько снарядов попали в дома и полдеревни сгорело.

В первые годы после войны жизнь была тяжелая. Надо было восстанавливать деревню и колхоз. Много полей было не засеяно. А которые были засеяны, надо было убирать. Убирали вручную: жали серпами, обмолачивали цепами. Зерна было мало и то почти все забирало государство, так как надо было кормить солдат. Нам оставались крохи, только чтобы не умерли с голоду и еще оставляли на семена, чтобы засеять на следующий год.

С моим мужем мы жили в деревнях по соседству. Мой муж, Старун Иван Игнатьевич, родился в 1923 году в деревне Чабахи Пружанского района. Осенью 1941 года забрали в Германию. Он три года отработал на разных работах: на фабриках, на заводах, на лесоповалах. А в 1944 году после освобождения его взяли на фронт. После окончания войны Ивана забрали в Мурманскую область служить, и только в 1946 году он вернулся домой. Его родители меня знали хорошо. Как-то в воскресенье приехали познакомиться, а в следующее воскресенье приехали «в дружки». И через несколько недель была свадьба, так как подходил Великий пост. В то время много людей женилось. Я вышла замуж и переехала в деревню Чабахи. Но там семья была большая: мать с отцом, брат женатый. Нам надо было строить свой дом. Были нелегкие времена...

*Подготовила к публикации
Линник Н. В.*

ОН ПРИБЛИЖАЛ ПОБЕДЫ ЧАС **Воспоминания Ивана Петровича Тимашкова**

Вот и минуло уже 70 лет с тех пор, когда в июне 1941 года фашистские войска вторглись на белорусскую землю. Известие о войне страшной вестью входило в семьи, стучалось в окна, собирало у радиоприемников массы людей. Не обходило оно стороной ни большие города, ни маленькие деревушки. Подчиняясь чувству патриотизма, зачастую не дожидаясь повесток, становились в строй

молодые парни и девушки, чтобы защищать свою Родину от непрошенных гостей. Одним из таких парней был Иван Петрович Тимашков. Родился он на Мстиславщине, в деревне Колтово Селецкого сельского совета.

Отца своего он не помнит, потому что он умер, когда мальчику исполнилось всего четыре года. На руках у матери осталось пятеро детей. Труд крестьянский никогда не был легок, и в то время люди начали понимать необходимость и важность образования. Поэтому Тимашковы старались в школе учиться и матери помогать. Старший из братьев, Михаил, получил диплом учителя и уехал работать в Полесскую область. В 1939 году его призвали на службу в армию. Когда началась война, Михаил Петрович был командиром роты в звании майора. Воевал в составе 301-го стрелкового полка 48-й стрелковой дивизии, погиб под Ленинградом еще в начале 1942 года, где и похоронен.

В 1941 году Иван Петрович вместе с матерью и младшим братом проводили на фронт еще одного брата, Тимофея. Забота о семье легла на шестнадцатилетнего Ивана.

В сентябре 1943 года, когда войска Красной Армии освободили родную Мстиславскую землю, его вместе с ровесниками, ребятами 1925 года рождения, призвали в армию. Иван Петрович попал в стрелковую часть, обучался минометному делу. Иван Петрович вспоминает:

«Сначала молодую необстрелянную молодежь учили военному ремеслу в своеобразной «учебке» в Сапрыновичах, затем отправили в Темный Лес, где стоял 309 запасной стрелковый полк. Советские войска медленно, с большими потерями, но все же гнали прочь фашистских изуверов, освобождая пядь за пядью родную землю. Отвоевывать приходилось каждую деревеньку, каждый лесок, ведь враг цеплялся за любую возможность, чтобы закрепиться, чтобы остановить наступление. Для многих наших земляков первым и последним сражением стали бои на реке Проня, где фашисты, заняв более выгодные оборонительные позиции, вели огонь на поражение».

Боевое крещение Ивана Петровича также произошло на реке Проня весной 1944 года, когда фашисты отступали. Ему повезло, он остался жив. Немцы отступали, линия фронта подходила к Могилеву. Здесь бои вели войска 2-го Белорусского фронта, командующим которого был генерал-полковник Г. Ф. Захаров.

С боями форсировали Днепр по понтонной переправе, город был фактически взят, но в спину стреляли вражеские снайперы,

засевшие в руинах домов. За взятие Могилева Иван Петрович был награжден орденом Славы III степени.

Летом уже шли на Минск, здесь бои были особенно жестокие, здесь впервые солдаты встретились с белофиннами, союзниками фашистской Германии, которые своей жестокостью превосходили гитлеровцев. После предпринятой врагами контратаки в одном из боев финны шли по полю боя, не оставляя никого в живых, докалывая тяжело раненых бойцов, еще подающих признаки жизни, штыками.

Военные дороги повели Ивана Петровича на Данциг, Кенигсберг. Здесь 23 марта 1945 года он получил тяжелое ранение и был направлен в госпиталь в город Слободской Кировской области. Там же встретил и долгожданную весть о Победе. Ликовал госпиталь, все жители города. Но вскоре Иван Петрович узнал от младшего брата о смерти самого дорогого для каждого из нас человека – матери, которая не дожила до Дня Победы всего четыре дня. Невеселое было возвращение на Родину.

Но жизнь продолжалась, и Иван Петрович, несмотря на тяжелое ранение и вторую группу инвалидности, не пал духом. Уцелела от вражеских поджогов хата, устроился в комитет по заготовкам на должность агента. Вскоре женился на колтовской девчонке – совсем юной (ей тогда еще не исполнилось восемнадцати), Тонечке, Антонине. В 1947 году возглавил колхоз «Красная звезда», состоящий из одного села Колтова. В 1950 году стал заведовать фермой в колхозе «Красный боевик», после объединения мелких колхозов. До образования в 1955 году колхоза им. Чапаева был председателем колхоза «Красный боевик». А потом 30 лет работал в колхозе им. Чапаева. Иван Петрович был бригадиром комплексной бригады, заведующим комплексного участка, бригадиром полеводческой бригады.

Кроме его первого ордена, полученного за храбрость и мужество при освобождении Могилева, у Ивана Петровича есть орден Красной Звезды, медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», юбилейная медаль «За доблестный труд», орден Отечественной войны I степени и множество почетных грамот.

*Подготовила к публикации
Сальникова Е.*

БАБУШКА ПОМНИТ ВОЙНУ...

Воспоминания Нины Ивановны Титовой

Моя бабушка, Титова Нина Ивановна, родилась в Могилевском районе деревне Голынец I, что в 11 километрах от Могилева. О войне она рассказала мне следующее:

«22 июня 1941 года началась война. Мне тогда было 11 лет. Сразу же была объявлена общая мобилизация. Мой отец, Титов Иван Адамович, ушел на фронт. В самом конце июня под Бобруйском попал в плен. Из плена отцу удалось бежать, добрался до Могилева. В 4-й школе Могилева сформировался отряд, который отправился в направлении Чаус. В боях под Чаусами отца тяжело ранило. Молоденькая санитарка перевязала и вытащила с поля боя. Санитарным эшелонном отца отправили в тыл вместе с другими ранеными. Через неделю пути эшелон прибыл в Ташкент, там отец находился в госпитале 7 месяцев. После выписки из госпиталя к воинской службе был признан непригодным, но Беларусь была оккупирована немецко-фашистскими захватчиками – возвращаться было некуда. Отец остался в Ташкенте, служил в милиции до 1943 года. Когда начали освобождать Белоруссию, отец пошел в местный военкомат и потребовал вернуть его в войска. К строевой службе он был не годен, его определили в летную часть обслуживать самолеты. С этой частью он дошел до Германии. Во время бомбежки аэродрома был контужен. Остался в строю и дошел до Берлина. В армии служил до 12 сентября 1946 года, потом вернулся на родину. Несмотря на все ранения, активно участвовал в восстановлении разрушенного сельского хозяйства, был бригадиром в колхозе. Вырастил и воспитал 5 детей. Умер в 73 года».

О своей жизни во время войны бабушка рассказывает: «Отец ушел на фронт. Мы остались с мамой, Титовой (в девичестве Копейченко) Анастасией Даниловной. У мамы нас было трое. Мне было 11 лет, брату – 9, сестре – 4 годика. С нами жила бабушка Матруна (мать моего отца).

Могилев сильно бомбили. Рядом с деревней был военный городок Ямница, где стояла танковая часть. Ямницу тоже бомбили, сильно доставалось и деревне. В саду за домом вырыли блиндаж, рыли все, даже старик-сосед. Там и прятались от бомбежки вместе с соседями. В конце июня – начале июля немцы начали приближаться к Могилеву.

Перед приходом немцев в деревню все ее жители убежали в лес по направлению к реке Лахва. Маму, бабушку и нас троих забрал к

себе на телегу наш сосед Михайло Соболюков и увез в лес вместе со своей семьей (жена Матруна и четверо детей). Все хозяйство осталось в деревне.

Немцы свирепствовали. Молодых девчат и женщин насиловали, парней избивали. Все старались маскироваться под стариков: мукой присыпали волосы, вымазывались сажей, плохо одевались, мужчины отпускали бороды. Кур, свиней, коров фашисты резали и ели без меры. В основном все немцы были на мотоциклах и машинах. Пехоты в деревне не было. В лесу прожили около двух недель. Когда большинство немцев пошло дальше на Восток, жители вернулись в деревню. В деревне все было разбито, расколочено, живности значительно уменьшилось. Немцы назначили старосту деревни – инвалида, бывшего бухгалтера колхоза Конюхова Василия. Был беспартийный, но помогал партизанам. Несколько деревень организовали волость во главе с бургомистром. Им был бывший преподаватель пединститута, коммунист, работал по заданию партии.

Отец до войны купил дом кулака Зайцева. Зайцев вернулся в деревню с приходом немцев, стал выгонять нас из дому. Но у нас был договор купли-продажи, и с ним мама была на приеме у бургомистра, он помог оставить дом у семьи.

В январе 1942 года сформировался партизанский отряд в районе р. Друть в лесах Могилевского района (20–30 км от Голынца). Из деревни несколько человек ушли туда.

Начали увозить молодежь в Германию. Сначала жителей вербовали на работу в Германию, отбирали только неженатых. На эту агитацию поддался муж маминой сестры Татьяны. Звали его Иваном, он был выходцем из кулацкой семьи из Казимировки. Вся его семья была сослана на Донбасс, как кулаки, он уцелел чудом. Иван был очень хорошим хозяином, у него всегда был образцовый огород, любил он это дело. В армию Ивана не призвали, по возрасту не подходил. Поддавшись на агитацию немцев, Иван решил, что сможет стать хозяином на неметчине и, забрав старшего сына с невесткой, уехал работать в Германию. Там они были определены в арбайтеры к какому-то немецкому фермеру. Им выделили для жилья сарай, они там проработали всю войну, вернулись на родину уже после победы. На неметчине у сына с невесткой родилась девочка. Жена Ивана, моя тетя Татьяна, оставалась с четырьмя дочерьми в Могилеве. Чтобы не умереть с голоду, тетя Татьяна с дочерью Верой приходила в Голынец к нам, помогала на огороде и набирала какой-никакой еды в город своим девчонкам. Другая мамина сестра, Анна, тоже приходила к нам, но

гораздо реже. Ее муж был хорошим портным, и у них дома было много отрезков тканей довоенных. Тетка меняла их на еду. Обе тети имели небольшой огородик около дома, сад. Работать они умели. Тем и выживали с детьми в годы войны.

Очень скоро люди поняли, что никакой рай их не ждет на неметчине, фашисты стали угонять силой всю молодежь и детей среднего возраста. Этому очень боялись, мне было 12 лет, и я подходила под эту категорию. Мама и бабушка меня прятали. Спать ложились одетыми, боялись ночных налетов.

Хотя жили впроголодь, все время гнали самогон. Мама откупалась им от фашистов и полицаев. Когда немцы или полицаи стучали в дверь, мама брала бутылку самогона и с ней открывала дверь. «Тифус! Тифус!» – говорила она и совала бутылку непрошеным гостям. Тифа немцы очень боялись, в дом не совались. А может, и понимали хитрость женщины, но содержимое бутылки их устраивало.

В 1942 году умерла бабушка Матруна. Мама осталась с нами одна. Она болела полиартритом, и не знаю, как бы мы выжили, если бы нам не помогали наши соседи Михайло и Матруна Соболюковы. Их дом стоял напротив нашего. Двое их старших сыновей ушли на фронт, оба погибли. Один из них сгорел в танке. Михайло в армию не забрали – годами не подходил. У них оставалось еще четверо детей. Старший из оставшихся детей – Ленька – был на год старше меня. Нас с ним частенько прятали от угона в Германию.

Отряд Османа Касаева быстро рос за счет сельчан и сбежавших из плена красноармейцев. В городке Ямница стояла теперь немецкая танковая часть. Его стали бомбить русские. Доставалось и окраине деревни. В 1943 году наши самолеты должны были его вовсе уничтожить, но предатель дал условный сигнал (выпустил ракету) в деревне Добросневичи, и удар пришелся туда.

Жить было очень трудно. В деревне немцы заставляли работать. Налоги были очень большие. Люди голодали, ели траву, мороженую картошку, грибы собирали, коренья. До войны у нас на квартире жил учитель, он был белобилетник (в армию сразу не забрали). Когда отец ушел на фронт, он еще несколько времени оставался с нами, потом и сам пошел в военкомат и ушел воевать. Так вот он помог нам в саду зарыть несколько больших бочек с зерном в землю. Как нам пригодилось это зерно потом...

Дорога из Ямницы в Могилев лежала через Голынец. Партизаны начали ее минировать. Немцы объявили приказ: перед чьим домом взорвется мина – ту семью расстрелять. Тогда стали минировать за

деревней – танки взрывались. Чтобы очистить дорогу от мин, немцы рано утром со всей деревни (домов 200) выгоняли людей и, обмотав проволокой, гнали в направлении Могилева до Тишовки (2–3 км). Там стояли немцы. Так продолжалось недели две. Партизаны перестали минировать.

В конце 1943 года дом Михайло и Матруны Соболевых спалили партизаны. Сожгли по ошибке. На другой стороне улицы жили тоже Соболевы, их дочь – учительница, жена милиционера, слюбилась с немцем и уехала с ним. За это партизаны решили наказать их и спалить дом. Да перепутали дома. Так Михайло и Матруна со своими четырьмя детьми перебрались жить к нам в дом. Только после войны, году в 1946, они смогли поставить небольшую хатинку и стали жить отдельно.

В декабре 1943 года немцы оставили городок Ямница и ушли в направлении Мостков (точно не знаю). На следующий день в деревню приехал карательный отряд. За день до этого группа партизан напала на немцев, приехали на санях с пулеметом, устроили перестрелку. Погибло 7 парней и девушек, сколько немцев – не знаю. Немцы собрали всех жителей деревни, выстроили в колонну и погнали в сторону Голынца-2. Там зажгли два сарая и людей направили к сараям, все знали о спаленных деревнях и шли на смерть, никто не надеялся выжить. Но немцы нас прогнали между горящими сараями, погнали к Добросневичам (партизанская зона) и людям сказали: «Идите к своим партизанам». Чудом избежав смерти, бежали через Лохву, что было мочи. Пулеметы стреляли сзади, но в сторону леса. Немец в конце 1943 года был уже не тот.

Ночью за нами приехал комиссар партизанского отряда, он ухаживал за нашей двоюродной теткой. Увез в д. Вендорож, вглубь партизанской зоны. Возвращаться в деревню было опасно, карательные операции немцы проводили повсеместно. Через две недели тот же наш спаситель перевез нас в д. Новобелица.

Бомбили фашисты день и ночь. Зима стояла теплая. Шла блокада партизанской зоны. Трое суток прятались в болоте. Сидели под маленькими елочками на кочках, боялись даже пошевелиться. У нас было немного хлеба и кусок говяжьего жира, тем и питались. Промерзли до костей, простуженные ноги давали о себе знать всю жизнь.

В апреле вернулись в Голынец. Запомнился бабушке июнь 1944 года. Ранним утром тетка Матруна встала готовить завтрак на всю нашу огромную теперь семью. Мама тоже поднялась, стала возиться у печи. Вдруг послышался шум, гвалт, немцы на машинах, мотоциклах

ворвались в деревню. Меня и Леньку уложили на кровати и застелили перинами и подушками. После всего пережитого от немцев ждали чего угодно. По домам сельчан стали нести раненых немцев, немцы не утихали. После обеда все фашисты резко поднялись, сгрузили всех раненых в машины и спешно покинули деревню. Наступила тишина.

Мы вылезли из своего убежища. Через деревню на телеге проехал молодой парень с девушкой, затормозил у нашего дома и у дядьки Михайло спросил дорогу на Минск. Он и сказал, что скоро придут наши войска. Мы отнеслись с недоверием к словам незнакомца и, пользуясь наступившей тишиной, пошли заниматься хозяйскими делами. Вышли все на участок за домом полоть картошку, вдруг видим, от леса отделяется цепочка военных. Первое, о чем подумали: каратели. Спрятались за деревьями в саду, стали наблюдать, что же будет дальше. Те из соседей, кто был ближе к лесу, побежали навстречу военным. Стало ясно – это действительно наши.

Первыми к деревне прорвалась советская разведка. Их обнимали, целовали, приглашали в дом как самых дорогих гостей.

Через несколько часов в деревню пришли регулярные войска. Что тут в деревне началось! Не передать словами! После стольких лет страха, горя и слез не было предела радости и счастья. Нашлись и гармошки. Танцы, песни. Вся деревня праздновала победу. Солдат принимали в каждом доме, угощали лучшим, что имели.

У нас в доме тоже были солдаты. Один из них был пожилой. Вдруг открывается дверь и заходит еще молоденький солдат. И оказалось, что это родной сын этого старого солдата. Они всю войну не знали ничего друг о друге, а встретились в нашем доме на наших глазах. Какая была радость!

Вот так освободили нашу деревню на несколько дней раньше, чем Могилев.

Вернулся с войны наш квартирант – учитель, опять поселился у нас, к нам же привел и свою молодую жену, потом вернулся отец. Вот такой семьей и жили, пока Соболюковы и наш учитель не обзавелись своим жильем.

Гуртом выжили в войну, гуртом спасли детей от неметчины и голода, гуртом восстанавливали разрушенное войной».

После войны бабушка окончила педагогическое училище, стала учителем математики. В 1954 году вышла замуж. Родила и вырастила трех дочерей. У бабушки четыре внука и две внучки, четверо правнуков. Сейчас бабушке 84 года, она по-прежнему очень энергична, ма-

ленький «моторчик» нашей семьи. Меня мама назвала в честь бабушки, и я очень горжусь этим.

*Подготовила к публикации
Коршунова Н. С.*

ПРЕДПРИИМЧИВЫЙ БУРГОМИСТР **Воспоминания Павла Никитовича Ткачева**

Десятки лет отделяют нас от того дня, когда растаял дым Второй мировой и четырехлетней Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков за свободу и независимость нашей Великой Родины. Выросло третье поколение тех, кто был очевидцем тяжелейших испытаний и по мере сил участвовал в приближении Великой Победы.

Вероломное бандитское нападение фашистской Германии на нашу Родину – СССР – буквально перечеркнуло все планы советских людей. На повестке дня стал один вопрос: всеми доступными и недоступными методами и средствами мешать захватчикам наводить «новый порядок». Организовывались подпольные патриотические группы и партизанское освободительное движение в тылу врага.

На всю жизнь в памяти бывшего директора Краснобережского вареньеварочного завода Жлобинского района Виктора Михайловича Васильчика остался день 24 июня 1941 года. В этот день на расширенном совещании партийно-комсомольского актива и интеллигенции Жлобинского района рассматривались мероприятия по борьбе с врагом на временно оккупированной территории. Никакого принуждения идти на верную смерть со стороны партийных, советских органов и НКВД не было. Вопрос «где быть?» и «что делать?» решал каждый сам за себя и как подсказывала совесть. И Виктор Михайлович Васильчик стал одним из активнейших антифашистов.

С первых дней оккупации фашисты показали свой звериный оскал. Был обнародован целый каталог «преступлений», за которые следовала смертельная казнь: тут и хранение оружия и радиоприемников, укрывательство евреев, комиссаров, большевиков, а тем более покушение на оккупантов. Тяжело было найти деяние, не подпадающее под статью «расстрел».

В этот период Васильчик ходил как по лезвию ножа. Не сегодня-завтра явятся с автоматом, и все пропало. Надо было действовать, но «на ловца и зверь бежит», говорит народная поговорка. В этот же пе-

риод встал вопрос выборов бургомистра Краснобережской волости. Фашисты сделали выборы демократичными: пускай, мол, сам народ выберет себе шефа. И народ выбрал. Кандидатура честного труженика, всеми уважаемого бывшего руководителя Васильчика Виктора Михайловича прошла «на ура». Комендант гер-оберст пожал руку новому «слуге фюрера» и дал напутствие служить Германии верой и правдой, на что патриот ответил согласием. Как потом вспоминал Виктор Михайлович, было бы легче принять смерть, нежели дать это «согласие». Но обстановка требовала именно этого и, кстати, складывалась в его пользу как нельзя лучше. Получив у народа доверие (к всеобщему счастью, не нашлось предателя), Васильчику пришлось сильно постараться, чтобы войти в доверие к «хозяевам». В круг его обязанностей вдаваться не стану, но по его делам можно ярко увидеть лицо истинного патриота своего народа, своей Родины. Он всячески старался по мере сил и высокого поста облегчить страдания людей. Например, «хозяевам» для кухни надо утром привести корову на убой. Кого обидеть до смерти, взять грех на душу? И Виктор Михайлович делает единственно верный шаг. Он идет к женщине, которая живет одна. Убеждать ее в том, что одной легче обойтись без коровы, нежели соседке, у которой трое «маленьких ротиков», требующих молоко, Виктору Михайловичу долго не приходится. А мужья обеих сражаются на фронте, бьют врага. Подобного рода эпизодов было очень много. Это была его работа.

Хотелось решительных действий, но не все сразу. Надо было выждать время. Приближение осени принесло идею осуществления, как потом выяснилось, грандиозного плана.

В очередной приезд коменданта гер-оберста (комендатура была в Бобруйске) «господин бургомистр» тут как тут с поклоном. На очередном приеме у высокого шефа Васильчик решил действовать ва-банк, чуть-чуть в душе надеясь на успех задуманного плана. Так как фашист полностью ему доверял и был доволен «службой», Виктор Михайлович поведал коменданту, что до войны он работал директором местного вареньеварочного завода. Кое-что из оборудования сохранилось, что-то можно сделать. Технологию производства он знал хорошо и предложил организовать производство варенья, повидла, соков, чтоб побаловать войско фюрера сладкой продукцией. У гер-оберста аж глаза на лоб полезли от неожиданности, а на губах он явно ощутил сладость варенья. Он тут же сообщил о плане господина бургомистра своему высшему шефу – генералу Конради. Замысел был утвержден, а в скором времени и осуществлен. Во все концы полете-

ли Васильчиковы гонцы агитировать народ нести на завод яблоки, груши, сливы и другие фрукты и ягоды. Народ неодобрительно встретил «провокацию» Васильчика. Но когда тот добился разрешения на частичный расчет за сданную продукцию сахаром, поток сдатчиков стал нарастать с каждым днем. Через своих людей он старался внушить населению не нести сразу много. Лучше еще одну ходку сделать и получить еще один кулек сахара. Впоследствии и опыт пришел. Стали шить мешочки. Прятали их за пазуху, куда угодно и наравне с одним законным кульком получали еще 2–3 нелегальных. А каждый кулек, не спрятанный надежно, грозил патриоту смертью. Конспирация и еще раз конспирация. Народ это прекрасно понимал и свято хранил своего благодетеля. Предателя, слава Богу, не нашлось. И так, войско фюрера балуется вареньем, повидлом, соком. Войско довольно, народ доволен, шеф доволен, а о мешках сахара, переправленного в лес, партизаны уже доложили в Москву, в штаб партизанского движения. Все довольны, а сам виновник этого торжества не очень доволен. На очереди еще одна не менее важная «афера».

Явившись в следующий раз на прием к шефу, бургомистр обратился к нему с новым предложением. Он предложил использовать огромные бетонированные чаны, сохранившиеся на территории бывшего крахмало-паточного завода. Привести их в порядок и в них солить и квасить капусту, огурцы, помидоры, свеклу, которые пойдут в рацион доблестных солдат фюрера. Не знаю, кто мог бы устоять перед таким многообещающим мероприятием. Генерал срочно распорядился выдать преданному слуге денежную премию, но не в оккупационных, а в настоящих рейхсмарках. Сценарий разворачивался по схеме вареньеварочного завода. Пошли гонцы. Стали поступать капуста, огурцы, помидоры, свекла, лук, чеснок, хрен, укроп и т. п. Народ стал обеспечиваться солью и тем самым спасаться от цинги. Население партизанской зоны тоже получало определенное количество соли через партизан. Было сделано большое дело. Васильчик отдавал всего себя работе. Трудился, бедняга, не на одном, а сразу на двух фронтах и не знал труженик, что в канцелярии Верховного Совета СССР уже лежал Указ Президиума Верховного Совета о награждении его за образцовое выполнение заданий ЦК ВКП(б), Советского военного командования и проявленное при этом личное мужество и отвагу, инициативу и находчивость наградить директора Краснобережского вареньеварочного завода Жлобинского района Гомельской области БССР Виктора Михайловича Васильчика орденом Красного Знамени. Этот Указ был оглашен на митинге в день освобождения нашего

Красного Берега. Вот тогда многие поняли, почему партизаны уничтожали фашистских прихвостней, в том числе и четверых краснобережцев, а его бургомистра Васильчика не тронули. Старичок Яков Захаренко обнял Виктора Михайловича, поцеловал и сказал: «Прости меня, дорогой Михайлович, я же за тобой ходил с топором за поясом». Васильчик с присущим ему юмором отпарировал: «Не один ты, Яков, ходил с топором или ножом. Вот сейчас соберемся все, врежем по доброй чарке, забросим подальше топоры, ножи и будем доживать в мире и согласии. Ну, а если я кого невзначай обидел, прошу прощения».

Так закончилась военная эпопея нашего славного земляка Виктора Михайловича Васильчика. После войны до конца своих дней Виктор Михайлович проработал заместителем директора совхоза «Малевичи» Жлобинского района. Он ушел из жизни, но его дела и подвиг будут жить вечно. О таких патриотах должен знать наш героический народ, наше молодое поколение. В меру своих возможностей я и постарался рассказать об этом замечательном человеке. Вечная ему память!

На нашей родной Добосне, как и на любой реке, есть свои урочища: ямы, отмели, которые имеют определенные названия: «Окно», «Новицкая Лука», «Прибор», «Взречье», «Федосова», «Адамова». Была и яма моего отца – «Никитова» – до того дня, о котором я хочу рассказать подробнее.

Было это в 1943 году, когда фронт стоял по рекам Друть, Днепр, Березина, образуя подкову Рогачев – Жлобин – Паричи. К этому времени многие краснобережцы ушли в партизаны, а кто не успел, старались не попадаться на глаза фашистам, которые свирепствовали с неистовой силой. Так, двоюродный брат моей матери, Роман Алексеевич Романенко (в настоящее время живы его жена Анастасия Григорьевна Ахрименко и дочь Жанна Романовна Мошкарлова), стал заядлым рыболовом.

Вот и в этот день он сидел в лодке с удочкой на «Никитовой яме» и вдруг на берегу появились три фашиста с гранатами в руках. Очевидно, они собрались глушить рыбу. Увидев дядю Романа, они начали кричать, требовать, чтобы он подплыл к берегу и переправил их на левый, более чистый и не заболоченный берег. Дядя Роман причалил к берегу и начал объяснять, как мог, что лодка «долбанка» рассчитана только на одного человека, но что можно доказать нелюдям. Пришлось решиться на опасную аферу. Грузный фашист уселся в лодку и она, как говорится, осела ниже ватерлинии. Отплыв от берега

на глубину, дядя осмотрелся и сделал еле заметное движение, которого хватило, чтобы лодка опрокинулась кверху дном. Немец, как топор, пошел ко дну.

Когда лодка опрокинулась, то между поверхностью воды и днищем лодки образовалось воздушное пространство, и дядя Роман, будучи отличным пловцом, воспользовался этим законом физики. Он, стараясь быть незамеченным, поднырнул под лодку и потихоньку стал удаляться с места происшествия. Оставшиеся на берегу два фашиста начали кричать во всё горло, потом один из них побежал в деревню. Фашисты по всей деревне стали искать владельцев лодок и организовали поиск утопленника: кто с багром, кто с бреднем, а мой отец приспособил «кошку». Проплыв несколько раз по яме, он почувствовал, что «кошка» за что-то зацепилась. Дно своей ямы он знал, как свои пять пальцев. Никаких коряг там не было. Он понял, что подцепил утопленника. Подтянув веревку, он окончательно убедился, что «добыча» попалась. И вот из воды показалась рука фашиста. Собравшиеся на берегу бешено взревели. Отец подтащил труп к берегу, передал веревку в руки немцам, а сам поспешно отчалил с места события. Причалив лодку, он поспешил домой, как говорится, от греха подальше.

Ещё не улеглись впечатления от случившегося, как вдруг около дома остановилась легковая автомашинка и два жандарма появились в хате. Офицер крикнул: «Ткачев Никита! Выходи!» Посадили отца в машину и она помчалась по улице. Мы все – мама, я, сестры Вера и маленькая Надя – без памяти бежали со слезами за машиной. Но около дома Исаенко Степана Венедиктовича улица была перегорожена колючей проволокой, потому что дальше была запретная зона: в доме Шкирманна Григория Ануфриевича располагался штаб корпуса. Мы стали кричать возле шлагбаума, и часовые автоматами отогнали нас. Возвращаясь домой, не помня себя, мы не ждали ничего хорошего. Соседи, односельчане как могли утешали нас, но это только ухудшало наше состояние, особенно нашей мамы. И вдруг, перекрывая наши рыдания, раздался крик тетки Ульяны: «Алена! Вон идет твой Никита!» И о Боже! По улице идет наш отец и несет в руках какой-то сверток. Глотая слезы от радости встречи, он развернул сверток и в нем – буханка эрзац-хлеба, кусок мыла и пачка табака. Это было «вознаграждение» от самого генерала Конради.

Так закончилась эта трагедия. А главный герой этой трагедии, дядя Роман, под опрокинутой лодкой заплыл за поворот, огляделся, прислушался и, убедившись, что погони нет, подплыл к берегу. Вы-

бравшись на берег, лодку оттолкнул, и она поплыла дальше. Рыбак, отжав одежду, спрятался в кустах и стал ждать ночи. В темноте он огородами пробрался домой и явился, как с того света, перед родными. На его счастье и немцы, и все мы подумали, что он утонул вместе со своей жертвой. Но Бог миловал. Что делать дальше? Семейный совет принял единственно правильное решение. Если бы фашисты узнали, что он жив, результат был бы губительный и, простившись с семьей, дядя Роман ушел в партизаны.

Воевал дядя Роман в партизанском отряде полковника Никитина Кировского соединения. В одном из многочисленных боев по разгрому вражеского гарнизона, незадолго до соединения отряда с частями Красной Армии, Роман Алексеевич Романенко погиб, так и не повидавши свою единственную дочь Жанну.

С тех пор, с чьей-то легкой руки, яма моего отца стала называться «Немцева яма». Ну что ж, пусть будет и так.

Тяжелейшие испытания для нас, краснобережцев, выпали на период с осени 1943 по конец июня 1944 года, когда линия фронта проходила по рекам Друть – Днепр – Березина, образовав «подкову» Рогачев – Жлобин – Паричи. К этому времени основной контингент мужского населения ушел в партизанские отряды, а кто не успел, всех фашисты взяли на учет. Каждый день нужно было отмечаться в комендатуре. Каратели проводили операции по установлению семей партизан. Об одной из таких «операций» я и хочу вкратце рассказать.

Моя мать, Ткачева Елена Павловна, официально не числилась партизанской связной, но она немало сделала для отряда Никитина, который действовал на территории Кировского, Бобруйского, Рогачевского и Жлобинского районов. Явочной квартирой для нашего «куста» была деревня Кривка. Ответственным на этой явке был наш родственник Романенко Алексей Григорьевич (Алешка Малах). В самый критический момент, когда немцы хватили молодежь для отправки в Германию (отправлены были Шкирман Владимир Васильевич, Романенко Владимир Гаврилович, Романенко Григорий Павлович, Лобанов Евгений Прокопович, Кулешова Варвара Кондратьевна, Романенко Никодим Михайлович), моя мать переправила в партизанский отряд своего сына, а моего брата Дмитрия, Владимира Титовича Ярошева, Дмитрия Климовича Романенко, Николая Андреевича Романенко. А меня дядя Алеша не взял. Убедил мать, что я еще мал для партизан. Забегая вперед, скажу, что для партизан был мал, а для концлагеря как раз сгодился. Но об этом немного позже.

Командованию партизанского отряда стало известно, что немцы готовят очередную карательную операцию против партизан и их семей. Командир отряда полковник Никитин со своим штабом предприняли меры по предупреждению населения о предстоящей беде. По всем населенным пунктам были разсланы оповестители. На наш «куст» были назначены бойцы отряда Кулачик и Шаленко. Дядя Алеша предложил моей матери, чтобы я (по уличному меня звали Сербиянка) в определенный день сидел на лавочке, возле хаты, готовил к использованию лозовые прутья, из которых отец плел корзины. Мучительно долго тянулись эти несколько часов ожидания. И вот на улице появились два «полицаи» в полувоенной немецкой форме с карабинами и с повязками со свастикой на рукавах. Не доходя до нашей хаты, увидев меня, один из «полицаев» во весь голос (так, что было слышно на полдеревни) закричал: «Эй, пацан, иди сюда, покажешь, где живут родственники бандитов-партизан». Я подошел к ним, а сидевшие рядом со мной на лавочке Петя Романенко и Гриша Шкирман быстро разбежались, чтобы предупредить о предстоящем. Так мы прошли по всей деревне, иногда останавливаясь перед домом партизан. Казалось, задание командования отряда было выполнено, люди были предупреждены, но оказывается, у разведчиков были и другие задания. В местечке Поболово фашисты собрали целую отару овец, награбленных в окрестных деревнях. На следующий день, утром, фашисты намеревались перевести их на станцию Красный Берег для отправки в Германию. Патриоты Кулачик и Шаленко не могли этого допустить и ночью сожгли кошару вместе с овцами. Через ночь, уничтожив охрану, они ликвидировали мост на магистрали Бобруйск – Жлобин около деревни Горбачевка. Фашисты зверствовали, но партизан им обнаружить не удалось.

Возвращаясь в отряд, недалеко от деревни Лиски, по дороге из деревни Репки во всю прыть скакал на коне юноша. «Полицаи» остановили всадника и он, плача от испуга, сбивчиво рассказал, что в деревне Репки немецкие солдаты арестовали его отца, мать и многих односельчан, а он убежал. На выгоне поймал пасущуюся лошадь и решил ускакать в деревню Лиски к родной тете. Разведчики отпустили парнишку и поняли, что каратели начали очередную карательную операцию. Через какое-то время они увидели нагоняющую их автомашину с фашистами в кузове. Раздумывать было некогда, и отважные бойцы приняли решение использовать две гранаты, которые они хранили на случай непредвиденных обстоятельств. Как только машина догнала их, прозвучали два взрыва. Одна граната полетела под ко-

леса автомашины, а другая – в кузов, в кучу фашистов. Партизаны бросились к, казалось, совсем близкому лисковскому лесу, но понятно, что двумя гранатами уничтожить машину и всех фашистов невозможно. Оставшиеся в живых каратели, опомнившись, открыли ураганный огонь по убегающим партизанам. Партизаны пробовали отстреливаться, но что могут сделать два карабина против десятка автоматов? До леса им добежать не удалось. Так оборвались две жизни верных сынов Отчизны, бесстрашных народных мстителей Кулачика и Шаленко, до конца исполнивших долг перед Родиной.

Фашисты положили трупы патриотов на телегу и приказали полицаям провезти их по всем окрестным деревням с целью опознания и предупреждения, что, мол, так будет с каждым, кто окажет сопротивление войскам рейха. Привезли и к нам, в Красный Берег. На улице поднялся шум, полицаи выгоняли всех на улицу, чтобы узнавали своих «бандитов». Сердце едва не вырвалось из груди, когда я увидел, что на телеге лежали знакомые герои партизаны Кулачик и Шаленко. Они навечно сохранились в нашей памяти. Последним населенным пунктом, через который провезли трупы, был поселок Цагельня, приютившийся на опушке поболовского леса. Точных сведений нет, но очевидно, трупы закопали в поболовском лесу. Пусть будет пухом им земля, которую они защитили своими жизнями.

Мне хочется еще восстановить в памяти ту жуткую, невоспринимаемую здравым умом, картину зверств фашистских нелюдей над самым дорогим богатством нашей страны – малолетними детьми в одном из филиалов фашистской фабрики смерти – Краснобережском детском концентрационном лагере Жлобинского района¹⁵.

С приближением фронта на линию Рогачев – Жлобин – Паричи – Горваль фашисты в Краснобережском сельхозтехникуме устроили военный госпиталь. Поскольку фронт стоял в 18–20 км, то сюда везли убитых, чтобы не закапывать их, где попало, а хоронить на кладбище. Эта работа была для нас – подростков, согнанных в лагерь.

Кладбище они устроили в северо-западной части парка. До войны в техникуме ежегодно организовывали пионерский лагерь республиканского значения. Так вот на площадке, где проводились пионерские костры и другие мероприятия, фашисты сделали кладбище. На фронтах в то время шли бои местного значения, и по ночам мы слышали, то в районе Рогачева, то в районе Паричей, как гремела «кату-

¹⁵ Статья с воспоминанием о детском концлагере уже была напечатана в районной газете «Новы дзень» от 28 июня 2008 года, но мы посчитали необходимым рассказать об этом еще раз.

ша». Значит, утром будет работы под завязку. Как ни грешно, но мы этому радовались. Нас заставляли копать яму шириной 2 метра, глубиной 1,7 метра и длиной на столько, сколько их, уже готовых, набралось. Тех, кого привезли убитыми, хоронили в одежде, а тех, кто умирал на операционном столе, зарывали голышом. Укладывали в яму рядом, поплотнее. Под низ клали и укрывали сверху какой-то бумагой и закапывали. Разровняв землю, ставили специально изготовленный из досок шаблон и в него насыпали землю. Получался могильный холмик. По центру устанавливали сбитый из молодых березок крест с выжженной свастикой, а на крест вешали каску. Расстояние между крестами было 1,5 м. И получалось, стоит, например, 7 крестов, значит, 7 трупов. А на самом деле их не 7, а 27.

Офицеров хоронили, как положено, в гробах, там, где сейчас стоит трансформаторная будка, возле здания бухгалтерии. Некоторых, мы предполагали баронов и разных высоких чинов, запаивали в цинковые гробы и отправляли домой. Для этого было пять самолетов санитарной авиации, а для сопровождения – три истребителя. Стоянки для самолетов были спрятаны в липовой аллее, вдоль стены парка.

Когда нас вели на работу, приходилось видеть, как на взлетно-посадочной полосе, которая была как раз там, где построен мемориал, стоит самолет, к нему подъезжают санитарные машины и загружают раненых на носилках. А в другой раз грузили цинковые гробы. Самолеты взлетали и почти над самой землей летели несколько километров, чтобы не стать мишенью для наших истребителей.

Для госпиталя нужна была донорская кровь, и немало. И вот до чего додумались фашисты. Они стали ловить по всем оккупированным районам детей 8–14-летнего возраста и устроили на территории бывшей воинской части детский концентрационный лагерь. Воинская часть имела ограждение, а бывшие хранилища техимущества – готовые бараки. Стеллажи приспособили под нары. Кормили довольно хорошо, так как использовали как доноров. Следили и за гигиеной. Был сооружен большой деревянный бокс, приспособленный под кухню.

Иногда, особенно во время уборки территории лагеря, приходилось встречаться с другими детьми у свалки мусора. Разговаривать было строжайше запрещено, за это детей жестоко наказывали. Но все же из отрывочных рассказов удалось узнать, что их заставляли обращаться к надзирательницам и всему персоналу «фрау Герта», «фрау Эльза» и обязательно с поклоном и приседанием. Одна девочка рассказала о диком случае. В раздаточной одна маленькая узница осту-

пилась, и у нее из рук выпала миска с супом. Суп разлился на пол. Озверевшая фашистка со всего маха ударила девочку черпаком по голове, и та упала замертво. Фашисты подбирали на эту работу озверевших, озлобленных на всех и вся «волчиц», для которых убить ребенка было то же, что убить муху.

Многие из уроженцев деревни Красный Берег, в том числе и я, и Виктор Еремеевич Лобанов, и Сергей Самуилович Романенко, и Андрей Никитович Романенко, и Тит Савельевич Ярошев и многие-многие другие односельчане угодили в этот концлагерь. Нас гоняли на ремонт шоссе от поболовского леса до деревни Красный Берег, которое было разбито огромными потоками тяжелой военной техники фашистов. Мы укладывали булыжник и параллельно из бревен клали гать, для чего пилили поболовский лес и доставляли сюда бревна.

Потом узников определили на постоянную работу. Нас гоняли в техникум, то есть в госпиталь. Мы там пилили, кололи, разносили по всем комнатам дрова. Бревна на дрова возили из бывшей роши, а уже тут доводили до кондиции и тем самым обогревали своих извергов.

Однажды мы услышали со стороны бани, которая еще с довоенных времен стояла над рекой Добосной, выстрелы, дикие вопли фашистов и раздирающий душу детский плач. Оказывается, это был очередной день заборки крови. Детей привозили на машинах, мыли в бане. А зачем и что было дальше, мы не знали. Оказывается, некоторые дети, отчаявшись, бросались в речку, в мыслях, что удастся переплыть эти 15 спасительных метров и скрыться в кустах. Но как можно было беззащитному существу уйти от вооруженных убийц? Автоматная очередь... и угасала еще одна только начавшаяся жизнь. Еще один удар по сердцу матери, хотя она этого и не видела.

Что тут говорить. Я, проживший большую жизнь, повидавший всего-всякого, в том числе и то, о чем сейчас вспоминаю, не могу обойтись без слез.

Когда войдешь в каминный зал дома-усадьбы, то направо дверь в бывший студенческий спортзал. Там когда-то были спортивные снаряды, а во время войны оборудовали что-то вроде нар. Детишек из бани загоняли в этот зал, где они ждали своей очереди. В двух комнатах была оборудована лаборатория. А в спортзале сделали из досок продольную перегородку от стены до стены. Вдоль перегородки соорудили через определенный промежуток что-то вроде стульев. На нужной высоте от пола в перегородке были сделаны отверстия со специальными шторками. Ребенка садили на стул, а ручонку просовывали в отверстие, а там уже вампиры делали свое черное дело, вы-

качивали святую детскую кровь. Были случаи, когда детишки, обескровленные, падали, потеряв сознание, тогда, убедившись в ненужности других мер, им смачивали губы каким-то ядом.

Дети умирали, и немало, но до сих пор не обнаружено нигде – ни на территории концлагеря, ни в окрестности – ни одного захоронения. Их нет и не было. Трупы узников просто сжигали в топках котельной. Потом мы уже понимали, почему невозможно было временно дышать от неприятного запаха из котельной.

К марту 1944 года в Красном Береге нам уже стало тесно, так как на место умерших везли все новые и новые жертвы. Тогда нас, подростков, перевели в деревню Радуш, а в Красном Береге стал чисто детский концлагерь.

Когда наша армия была уже близко, детишек погрузили в вагоны и еще успели провезти через Бобруйск. Но на третий день между Осиповичами и Пуховичами этот эшелон был перехвачен советскими войсками, и оставшиеся в живых маленькие узники были освобождены.

Из уроженцев деревни Красный Берег в живых из этого эшелона осталась только одна девочка – это моя троюродная сестра Зоя, дочка Романенко Никодима Матвеевича. Состояние ее было такое, что сама добраться до дома она не могла. Ее красноармейцы на машине привезли домой, благо, она еще смогла назвать свой адрес. Но родителям не удалось услышать от любимой дочурки, что она пережила – через три дня она умерла. Нас же погнали пешей колонной, но Бобруйск уже был освобожден, и мы, кто как мог, спасались в бывшем «Бобруйском котле». Мы вместе с Виктором Еремеевичем Лобановым и Сергеем Самуиловичем Романенко спаслись, и впоследствии у каждого из нас была своя судьба.

Более 70 лет прошло с тех огненных событий, той жесточайшей битвы, которую навязал всему миру кровавый гитлеровский режим. Десятки миллионов убитых, расстрелянных, повешенных, сожженных, пропавших без вести. Десятки миллионов калек, столько же сирот; миллионы разрушенных семей. Все это дело рук фашистских извергов. Чем больше уходит из жизни свидетелей тех грозных лет, тем чаще раздаются призывы об облагораживании мест захоронений кладбищ фашистских солдат, пришедших, чтобы уничтожить нас. Неужели можно допустить, чтобы на костях малолетних узников Краснобережского концлагеря устанавливали мемориалы их палачам? Там построен мемориал в память маленьких жертв зверств фашизма

на белорусской земле, детям, чьи жизни оборвались на взлете, чтобы трагедия тех далеких лет не повторилась больше нигде и никогда.

*Подготовил к публикации
ветеран Великой Отечественной войны,
бывший узник Краснобережского детского концлагеря
Ткачев П.*

САЛЮТЫ ПОБЕДЫ

Воспоминания Андрея Александровича Тринченко

Еще в 1938 году в армейской среде явственно ощущалось понимание неизбежности войны с Германией. Меня, младшего лейтенанта (на фото в центре), направили на подготовительные курсы при Киевском Доме офицеров Красной Армии для сдачи экзаменов в военную Академию. Из восемнадцати слушателей курсов в академию бронетанковых войск поступило только шесть человек, в том числе и я. Когда началась Великая Отечественная война, я учился на втором курсе инженерно-танкового факультета. Из курсантов факультета был сформирован оборонительный отряд, защищавший Москву от вражеских бомбардировок. За участие в обороне столицы я, по сути дела еще студент, был награжден орденом Красного Знамени и медалью «За оборону Москвы».

В ноябре 1941 года мы, курсанты, подготавливали станочное и лабораторное оборудование академии к эвакуации в город Ташкент Узбекской ССР. В Ташкенте я проучился до лета 1942 года, а затем меня направили на производственную практику на Челябинский тракторный завод. Весь июль 1942 года мы участвовали в сборке новых танков, изучали их характеристики, а затем отправились на Западный фронт в район между Смоленской и Калининской (теперь Тверской) областями, где дислоцировался 2-й танковый корпус. Здесь мы проверяли работу танков на практике в боевых условиях. Кроме того, мы, курсанты, обеспечивали ремонт танков в подвижных армейских ремонтно-эвакуационных мастерских – ПАРЭМах. Здесь я был ранен и контужен.

В августе 1943 года наша академия возвращается из эвакуации из Ташкента в Москву. 25 сентября 1944 года моя учеба закончилась – я получил диплом инженера-механика танковых войск. А уже 26 сентября я получил назначение на должность заместителя начальника ПАРЭБ (подвижной армейской ремонтно-эвакуационной базы). Семь месяцев лично составу базы пришлось укомплектовывать сложную систему ремонтно-эвакуационной базы. Наша база должна была обслуживать части и соединения Прибалтийского фронта. К началу мая 1945 года база была полностью укомплектована. Но поступил новый приказ – отправляться на Дальний Восток. Погрузили имущество и оборудование базы в вагоны и ждали подачи паровоза. Но тут стало известно, что паровоза в ближайшее время не подадут, поэтому офицеров отпустили на сутки в Москву. А было это 8–9 мая. Победа! И мы, того не ожидая, в День Победы оказались в ликующей, салютующей, счастливой столице, в самом центре праздника.

Каждый военный, от рядового до офицера, воспринимался москвичами как герой-победитель. Что тут было! Ликующая толпа обнимала, целовала, носила нас на руках в прямом смысле слова. Центр праздника, конечно же, Красная площадь Москвы. Здесь всех угощали «фронтowymi» ста граммами. Стояли походные полевые кухни, готовили для всех «фронтovou» кашу. Кругом поют, танцуют, плачут. Не описать словами, что происходило вокруг! Наконец мы с моими товарищами вырвались из этого круговорота и направились в гости к сослуживцам офицерам-москвичам. Снова песни, танцы, застолье, здравницы в честь Победы. Я вспомнил, что в Лефортово живет семья моего друга, однокашника по академии капитана Левина Эммуила Михайловича. Решил туда подъехать, а вдруг Эмка (так мы его звали в академии) дома. Едва я нажал кнопку звонка на двери знако-

мой квартиры, дверь тотчас открылась – на пороге стояла Валентина, жена Эмки, как будто ждала кого-то. Увидев меня, она разрыдалась, а успокоившись немного, сказала: «Андрюша, я только что получила похоронку, Эмка погиб смертью храбрых под Кенигсбергом». Вот так горе и счастье пересеклись в этот славный день 9 мая 1945 года.

А потом я отправился к своему земляку Кириллу Мироненко, с которым мы вместе провели детство и юность в деревне Кашаны и в городе Кричеве, что на Могилевщине. Он служил в одном из управлений Министерства обороны Советского Союза. Кирилл уже успел к этому времени побывать на родине в Кашанах. Как горько и радостно одновременно мне было услышать рассказ Кирилла. Радостно от того, что все мои родные, бывшие в оккупации, живы, а это отец с матерью, две сестры, младший брат и маленькая племянница. И горько от того, что вся большая деревня была сожжена немцами при отступлении, в том числе и дом моей семьи. Уцелела лишь одна хата моего деда Лукаша. Уцелела, потому что дед Лукаш построил дом не в общую линию («красную») с остальными домами, а в метрах двухстах от улицы, в глубине усадьбы. Немец с факелом, поджигавший хаты, то ли побоялся, то ли поленился подойти к дедовой хате и она уцелела. В ней после ухода немцев нашли приют несколько семей погорельцев.

До утра 10 мая мы с сослуживцами гуляли по праздничной Москве, смотрели грандиозный салют. Но надо было возвращаться на базу. Еще пять дней мы ждали отъезда. Наконец 16 мая наш эшелон тронулся, и мы двинулись на Дальний Восток. Но праздник Победы не кончился. Эшелон двигался медленно, пропуская платформы и вагоны воинских частей, направляющихся, как все понимали, на войну с Японией.

Май – самый красивый месяц весны. Во всей весенней красе разворачивались картины уральской и сибирской природы. Перед нами проплывали необъятные пространства страны. Только сейчас я воочию убедился, какая это великая и огромная наша Родина. И как она красива! На всем протяжении нашего долгого пути через всю страну нас, военных, снова встречали как победителей. Если эшелон стоял на вокзале какого-либо города, полустанка, женщины, девушки вручали нам горы цветов, если эшелон, не останавливаясь, проезжал без остановки какую-либо станцию, встречавшие махали нам руками, платками, бросали цветы в открытые двери вагонов. Радостные, счастливые лица! Только у одного офицера, заместителя начальника базы по хозяйственной части Туркина Ивана Васильевича, всеобщий восторг

вызывал досаду: «Что эти бабы наделали – своими букетами посшибали пилотки и фуражки у половины офицеров и солдат? Теперь никаких резервов у меня не хватит, чтобы возместить потери».

Однажды наш медленный поезд обогнал эшелон с войсковым соединением генерал-лейтенанта Героя Советского Союза И. А. Плиева (Исса Александрович Плиев, уроженец Северной Осетии, служил в армии с 1922 г. Участвовал в освобождении Западной Беларуси в 1939 г. В годы Великой Отечественной войны командовал кавалерийской дивизией, кавалерийскими корпусами, конно-механизированной группой. Под его командованием конно-механизированная группа участвовала в освобождении Беларуси, в том числе белорусских городов Глуска, Слуцка, Баранович, Бреста. И. А. Плиев дважды был удостоен звания Героя Советского Союза – в 1944 г. и в 1945 г. К моменту передислокации армейской группы под его командованием на Дальний Восток (весна 1945 г.) И. А. Плиев был достаточно известен в военных кругах своей смелостью, принятием неординарных решений, а также горячностью характера). Про горячего кавказца я впоследствии услышал такую историю. В городе Улан-Баторе Плиев должен был встретиться с маршалом Чойбалсаном, руководителем Монгольского государства, чтобы обсудить совместные действия против Японии. Генерал вошел в кабинет маршала, удобно расположился на кожаном диване, снял фуражку и произнес: «Плиев». Маршал медленно снял белую трубку телефона правительственной связи: «Иосиф Виссарионович, тут ко мне какой-то Плиев пришел, сидит на диване». В ответ послышалось требование пригласить к телефону Плиева. Чойбалсан протянул трубку телефона генералу: «Будешь говорить со Сталиным». После краткого разговора по телефону Плиев пулей выскочил из кабинета. Затем по всем требованиям устава постучал в дверь, представился, после чего начались переговоры. Правдивая ли эта история или очередная легенда про генерала, трудно сказать.

Ну, а мы продолжали свой путь и наконец прибыли в район дислокации базы около города Уссурийска в Приморском крае. Так началась моя служба в Управлении Командующего бронетанковыми войсками Приморской группы войск, с начала боевых действий с Японией реорганизованной в 1-й Дальневосточный фронт. Меня ждала еще одна война и еще один салют Победы.

С июля 1945 года началась интенсивная подготовка к операции против Японии. С нашей стороны в войне должны были участвовать 1-й, 2-й Дальневосточные, Забайкальский фронты, Тихоокеанский

флот, Амурская флотилия и войска Монгольской Народно-Революционной Армии. Это были танковые, танкосамоходные, мотоциклетные, артиллерийские и зенитно-артиллерийские полки и дивизии. Во всех этих многочисленных частях и подразделениях начались тщательные проверки. Проверялись укомплектованность войск механиками, водителями, офицерским составом, знание ими техники, ее эксплуатации и ремонта. Самым тщательным образом проверялась сама техника. На танкодромах отрабатывались способы преодоления естественных и искусственных (ежи, надолбы, противотанковые рвы и т. д.) препятствий. Мы проверяли также укомплектованность боевых машин вспомогательными средствами для проходимости танков в сложных условиях – это бревна, тросы и другие средства. Учитывалась также обеспеченность экипажей средствами обогрева. Мне помогал опыт службы в танковых войсках, полученный в 1941 году во время боевых действий против немцев под Москвой.

Проверялась также укомплектованность запасными частями бронетанковых соединений. После всесторонних проверок начинался разбор обнаруженных недостатков, устанавливались жесткие сроки ликвидации этих недостатков. Работать приходилось напряженно, часто не хватало времени на сон.

До начала военных действий с Японией оставались считанные дни, и один из этих дней у меня выпал на отдых. И я вместе с инженер-подполковником Вишневым и подполковником Карташовым решили посмотреть, как и где растет знаменитый корень жизни – женьшень. Сели в «виллис» и отправились вглубь Уссурийской тайги. Доехали до распадка (долины ручья) и вверх по ручью пешком направились к небольшой, видимой издали площадке на сопке. Оказывается, Карташов, прослуживший на Дальнем Востоке двадцать пять лет, еще месяц тому назад заметил это место, хорошо освещавшееся солнцем, и решил, что здесь обязательно должен расти женьшень. Так и было. Мы увидели небольшое деревце высотой около метра. На его стволе были видны веточки с пятипальными листьями. По количеству сгруппированных в пучки веточек можно было определить, сколько растению лет. Тому, который мы видели, было только три года, а целебную силу корень растения набирал только к пяти годам. Поэтому выкапывать женьшень мы не стали, но долго стояли около него. До сих пор в памяти остался вид этого чудодейственного растения.

В ночь с восьмого на девятое августа передовые группы первой Приморской армии перешли границу и уничтожили японские пограничные заставы. Ранним утром девятого августа парашютный десант

наших войск нейтрализовал вражеские аэродромы. Инициатива была у нас. Я в это время двигался в составе колонны штаба первого Дальневосточного фронта. Наш фургон ЗИС-5 и мотоцикл М-72 с двумя пассажирами замыкали колонну. Водитель мотоцикла нарушил приказ и вырвался далеко вперед, чтобы быстрее прибыть в пункт назначения – станцию Пограничная. Быстрее не получалось: мотоцикл попал в серьезную аварию, все трое, водитель и двое пассажиров, были тяжело ранены. Нам пришлось погрузить раненых и мотоцикл в свой фургон и вернуться в Уссурийск в госпиталь. А ночью, когда я и водитель фургона двигались вперед, чтобы догнать колонну, несколько японцев, отбившихся от своей части, бросили в наш фургон термитную гранату. Машина запылала. Огонь подпалил нам волосы и руки, но мы успели выскочить. Я захватил только планшетку с картой, полевую сумку с документами и оружие. К моему большому сожалению, сгорел мой дневник или, лучше сказать, фронтовые записки, которые я начал вести с первого дня войны и всегда держал при себе.

Об окончании военных действий с Японией, а значит и об окончании Второй мировой войны, я и мои товарищи узнали около города Муданьцзян, что в нескольких сотнях километрах от Уссурийска. После сообщения по радио о капитуляции Японии без всяких команд и приказов начался салют Победы из всех видов оружия. Стреляли даже из танковых пушек. Грохот от салюта усиливало эхо в сопках.

Все. Войне пришел конец.

*Подготовила к публикации
Бобкова Т. Г.*

МНОГО БЫЛО УБИТЫХ

Воспоминания Марии Максимовны Трояновской

Моя бабушка, Трояновская Мария Максимовна, родилась в крестьянской семье 21 июля 1927 года в местечке Бабиновичи Высочанского района Могилёвской губернии. Теперь это Лиозненский район Витебской области. Отец, Максим Иванович Багров, занимался земледелием. В 1932 году его забрали в тюрьму. Отцу, как раскулаченному, было запрещено жить на территории Беларуси, поэтому он был прописан в России, в Любавичах. Но работал в Беларуси в Осинторфе на торфоразработках. Мать, Прасковья Артемовна, была домохозяйкой. В семье росло пятеро детей. Бабушка вспоминает:

«До войны половину населения местечка составляли евреи. До войны они жили на улицах Ленинградской, Советской, Оршанской и Пионерской, то есть в центре населенного пункта. Я училась в одном классе с Шайкой, Нехемкой, Немкой, с Додой Певзнером сидела за одной партой. Все тут легли в братской могиле. До войны Бабиновичи были большим местечком. Люди работали на лесоучастке, в гончарной и сапожной артели, колеса делали в мастерской. До 1930 года была церковь, костел и две синагоги. Одна синагога была двухэтажная, деревянная. В ней потом сделали школу. Вторую синагогу отдали под жилье людям. Эти здания сгорели в первые же дни войны. Сохранились остатки старого еврейского кладбища. Часть надгробных памятников была уничтожена в годы войны. На кладбище падали снаряды и бомбы, а потом надгробные камни гитлеровцы стали использовать для строительства оборонительных сооружений. Фронт здесь стоял девять месяцев.

В 1941 году я уже окончила 5 классов. На улице было радио. В обед 22 июня 1941 года объявили, что началась война. У жителей Бабиновичей был целый месяц, чтобы принять решение и уйти на восток, подальше от наступающих частей гитлеровского вермахта. Сделали это молодые, сильные, те, кто был побогаче или прозорливее. До войны здесь жило порядка 50 еврейских семей. Часть мужского населения была мобилизована, кто-то успел эвакуироваться. Под немцами оставалось человек 60–70 местных евреев и те, кто приехал сюда из Витебска или других городов. Кто-то привез детей к бабушке с дедушкой на лето, кто-то думал, что в маленьких местечках или деревнях будет спокойно и немцы не станут трогать их население. Может быть, ушло бы на восток и больше людей, но всех вводила в заблуждение советская пропаганда. Говорили (еще до 22 июня 1941 года), что врага победим «малой кровью, могучим ударом», что мы с Германией союзники. А когда началась война, скрывали истинное положение дел на фронте. В начале июля 1941 года много дней подряд через Бабиновичи, от Смоленска к Богусhevску на запад, шли войска Красной Армии. Их было так много, что дорогу нельзя перейти. 21 июля немецкая авиация весь день бомбила Бабиновичи. Начались пожары. Выгорела половина городка. Я запомнила число. Это день моего рождения. А на завтра немцы заняли Бабиновичи. У кого остались дома, жили в них, у кого сгорели – пошли в старцы, стали бездомными. Мы были в это время в деревне в пяти километрах от городка, когда вернулись, увидели, что наш дом сгорел. Поселились в школе. Там ютилось много евреев. Мы жили какое-то время с ними.

Старший брат ушел на фронт, а оставшаяся семья два года жила на квартирах то тут, то там – где принимали.

Примерно в конце сентября или начале октября 1941 года гитлеровцы отобрали молодых и здоровых мужчин еврейской национальности, оставшихся в Бабиновичах, и отвели на косогор на краю гражданского кладбища. Никому не говорили, что ведут на расстрел. Об этом знали полицейки и злорадно говорили: «Скоро вам конец, пожили при советах – хватит». Но люди не хотели им верить. И даже когда мужчинам сказали, что с собой надо взять лопаты, они решили, что их ведут на работы. Первый расстрел осуществили немцы. А потом полицейки пригнали кого-то из крестьян и заставили их закапывать могилу. И хотя все в Бабиновичах уже знали, что был расстрел, с теми, кто закапывал, тоже расправились – убрали свидетелей преступления. Остались в Бабиновичах евреи, которые прятались и избежали расстрела.

Две сестры Певзнер ушли в партизаны. Их звали Бася и Хана. После войны Хана приезжала в Бабиновичи. В лесу Бася наступила на мину, и ей оторвало обе ноги. Они жили в землянке. Когда партизанскому отряду надо было отходить, Хану отправили куда-то. Она потом поняла: её отправили, чтобы она не слышала выстрел. Басю застрелили – безногая, она была обузой для отступающего отряда.

Когда расправились с мужчинами, оставшихся евреев немцы согнали в один дом, там было гетто. Его никто не охранял. Но идти было некуда. Двух или трех еврейских женщин полицейки повезли по чьему-то приказу в Лиозно. Но женщины смогли откупиться. И они вернулись снова в Бабиновичи, потому что там, в гетто, были их дети.

Евреев гоняли на работы, издевались над ними. Была в Бабиновичах молодая учительница-еврейка. Очень красивая. Ее полицейки звали в дом и издевались над ней, как хотели. А потом расстреляли.

Где-то в середине февраля 1942 года немцы и полицейки выгнали всех оставшихся евреев из гетто и приказали собраться на площади около магазина. Потом их погнали через озеро на противоположный берег к острову. Там и расстреляли. Был еще в Бабиновичах еврейский дом. Жили там три сестры: Белька, Блюма и Белита. Белька очень красивая женщина была. И вот повели их на расстрел по нашей улице. Они не убегали никуда. Белька поскользнулась и упала в ручей. Полицейки тут же выстрелили в нее и ранили. Она кричала: «Помогите», а потом, когда никто не пришел на помощь, стала кричать: «Добейте меня». Все это слышали. Я не знаю, сколько евреев вели на расстрел, но их много было. Их повели через озеро к острову,

теперь это место заросло и его не узнать. Тогда был ров, и их там убили. А Бельку доби́ли в ручье.

Жили до войны в Бабиновичах Люба Соркина и Аркаша Семченко. Аркаша был старше на два года. Они дружили с детства, не могли дня обойтись друг без друга. Когда повзрослели, несмотря на то, что родители не очень одобряли их решение, женились. У них родилось двое мальчиков. Старшему Адику к началу войны было чуть больше десяти лет, а младшему Игорю – всего годик. В самом начале войны Аркадия Степановича Семченко забрали на фронт. Люба с младшим сыном была у родителей, которые к этому времени перебрались в Витебск. Они уговаривали ее отправиться вместе с ними в эвакуацию. Говорили, что старший сын будет с бабушкой в Бабиновичах, она досмотрит его. «Нет, – отвечала Люба, – где будут мои дети, там буду и я». И уехала в Бабиновичи. Она жила у свекрови в доме за мостом. Ей сумели сделать немецкие документы «аусвайс». Но в Бабиновичах знали, кто родители Любови Израилевны Семченко. Когда в феврале 1942 года расстреляли всех из гетто, мой отец пришел в дом к Семченко и сказал: «Люба, малого сына кидай свекрови, а со старшим я завезу тебя за Любавичи. Определю к старику. Там тебя никто не знает. А старший совсем не похож на еврея. Уцелеете». А Люба категорически отказала: «Я не оставлю сына». 8 марта 1942 года за Любой пришли немцы и полицаи. Забрали её из дома с маленьким сыном, старший катался рядом с домом на санках. Когда он увидел, что ведут маму, он подбежал к ней. Свекровь бежала следом и молила, чтобы хотя бы детей отпустили. Ей кричали «юда» и стреляли около ног из автомата, чтобы не подходила. Любу с детьми отвели на еврейское кладбище и там расстреляли. Когда освободили Бабиновичи в 1943 году, Аркадию Семченко на фронт сообщили о гибели жены. А вскоре погиб и он сам. После войны свекровь перезахоронила невестку и внуков на гражданском кладбище».

К Бабиновичам приближался фронт, и бабушка с семьёй ушла в лес. 6 ноября 1943 года их выгнали из лесу немцы. Семью разделили. Бабушку с сестрой отправили на передовую. Говорили, что пойдут копать окопы, а вечером вернуться. Вернулись они только через 9 месяцев. Они жили за 4 километра от передовой. Гоняли туда на работу: копали траншеи, землянки. «Мне было 16 годков, но я была маленькая и худенькая, килограмм 45 весом. А заставляли работать. Работали с 6 утра до 6 вечера. Кормили нас баландой, хлебом

овсяным с опилками. Нам мерили траншеи, за день нужно было выкопать 3–4 метра. Траншеи были очень глубокие.

Во время наступления убирали убитых. Мы убирали только русских, немцы своих убирали сами. Была одна площадь, где лежало много наших убитых, больше, чем снопов в поле. Их чем-то залили и туда не разрешали ходить убирать. А там, где мы убирали, был красный снег и красная вода.

23 февраля было наступление. Помню, была оттепель, а потом начался мороз. Убитые замёрзли. Приходилось их доставать изо льда. Мы были на горе, а наши – внизу. Мне было любопытно, как там русские. Я проковыряла в снегу лопаткой дырку и смотрела на них. Меня увидел снайпер и выстрелил. С головы сорвало платок. Больше я так не делала. А один парень сильнее заплатил за своё любопытство – пуля задела ухо. Было много крови.

Несколько раз русские прорывались, а потом 23 июня после обеда начался сильный обстрел, и налетело много самолетов. Стали бомбить и стреляли. Мы попали к нашим 25 или 26 июня. Нас освободили и сказали: «Езжайте в свою местность». На нашем огороде как раз была немецкая траншея. Бабиновичи освободили без боёв. Внимание было направлено в основном на Высочаны, Осинторф, Оршу. Немцы оказались в кольце и бросили Бабиновичи сами.

И вот май 1945 года. После войны радио уже не было. Позвонили в сельсовет и сказали: «Победа!». После войны работала в колхозе разнорабочей – и косила, и жала. Делала всё, что было нужно. Работала кладовщиком, учётчиком».

Бабушка вышла замуж, родили трёх дочек. В свои 86 у неё пять внуков и два правнука. Но, несмотря на свой возраст, бабушка помнит о войне. Память жива, пока живы очевидцы.

*Подготовила к публикации
Трояновская П. И.*

ДЛЯ МЕНЯ ВОЙНА НАЧАЛАСЬ 1 СЕНТЯБРЯ 1939 ГОДА Воспоминания Ивана Фёдоровича Труша

Для западных белорусов Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года, так как территория Полесья тогда входила в состав Польши. Многие наши земляки в те роковые дни проходили службу в Войске Польском. Они и приняли на себя удар военной мощи немецкого фашизма. События тех дней развёртывались стремительно, и простому полешуку, далёкому от политики, трудно было понять, что же на самом деле происходит. Хотя большинство населения чувствовало неладное и готовило запасы продуктов. Все понимали, что назревает большая война в Европе.

Мне захотелось более подробно узнать, как развёртывались события начала Второй мировой войны. Имелось желание встретиться со свидетелем тех трагических дней. Им оказался мой земляк, хорошо знакомый мне с детства житель деревни Брашевичи Иван Фёдорович Труш. Ему в этом году исполнилось 99 лет. Чувствовалось, что судьба не баловала его: он наперекор всему выдержал нелёгкие испытания и с достоинством прошёл Вторую мировую войну. Иван Фёдорович рассказал:

«Как только мне исполнилось 23 года (в 1937 году это было), меня призвали в Войско Польское. В связи с тем, что знал польский язык и был относительно грамотным, меня направили служить в полк тяжёлой артиллерии в городе Влодава, что недалеко от Белостока. До присяги больше месяца изучал военное дело, учился управлять лошадьми, обращаться с оружием и выполнять строевые и уставные правила. Было тяжело, но интересно. Со мной служило немало парней из Пинщины. В полку были не только белорусы, но и украинцы, евреи, русские.

К лету 1939 года офицеры начали говорить, что приближается большая война в Европе и Польша обязательно в неё будет втянута. Это я слышал и от своего командира. Он отмечал, что полякам трудно будет воевать, но если помогут Англия и Франция, то можно выстоять и защитить свой край.

1 сентября в предрассветных сумерках нас подняли по тревоге. Офицеры объявили своим подчинённым, что несколько часов назад Германия напала на Польшу, началась война. До нас со всех сторон доносились раскаты артиллерийской канонады. Наш полк находился в лагерях и не подвергся бомбёжке немецких самолётов. Мой офицер

сказал, что будет со штабом полка и ему денщик пока не нужен, мол, иди, Иван, в разведку первого дивизиона. Что я и сделал.

К 8 часам утра мы заняли боевые позиции. Всё вокруг горело. Небо заволокло чёрным дымом. Артиллерийская канонада, доносившаяся с разных сторон, переросла в сплошной гул. Немецкие самолёты уже бомбили наши позиции. К обеду обстрел прекратился, и на нас пошла вражеская пехота. Атаку мы отбили. Но радости было мало – ждали следующей. Через час пошли вражеские танки с пехотой. Наша артиллерия стала бить прямой наводкой, загорелось несколько бронемашин. Фашисты отошли.

Мы продержались до вечера. Вдруг вызывает меня командир взвода и отдаёт приказ провести разведку в деревне Узин, которая располагалась в нескольких километрах от нас. Я экипировался, взял лошадь, вскочил на неё и погнал краем леса. Видимо, немцы засекли меня – рядом начали рваться мины. Выскочив на край поля, я прищпорил коня к видневшимся вдалеке домам. На полном ходу влетел в деревню. Людей видно не было. Вдоль улицы стояла разбитая и дымящаяся техника, лежало множество трупов немецких и польских солдат. Недалеко от костёла увидел идущего старика. Поскакал к нему. Остановил коня и спрашиваю: «Пане, где немцы?» «Немцев тут нема, пан. Были, но зараз нема», – отвечал мне старик.

После этого я развернулся и помчался той же дорогой к своим. Уже темнело и по мне никто не стрелял. Правда, с разных сторон доносилась артиллерийская канонада. Где-то шли бои. Прибыв к своим, доложил командиру взвода, что немцы днём выбили из деревни поляков, прошли дальше её и сейчас там никого нет. Ночь прошла относительно спокойно. А за ужином мы, полешуки, собрались в одно место и начали рассуждать о том, что происходит. Шансов уцелеть у каждого из нас было очень мало.

Как только рассвело, опять вызвал наше отделение командир взвода и сказал, что в штабе полка приказали для уточнения обстановки взять живого немца. Это очень ответственное задание и его нужно выполнить как можно быстрее. Вскоре, оставив лошадей в густых кустах, наша разведгруппа засела у обочины дороги. Через час услышали звук приближающейся машины. Как только она поравнялась с нами, открыли огонь. Водителя убили сразу – грузовик съехал в кювет и остановился. Из него выскочил офицер. Его-то мы и взяли. Это был первый живой немец, которого мы видели близко. Передали его в штаб, начальник разведки объявил нам благодарность.

3 сентября мы получили приказ на отступление. Отходили в западном направлении к Варшаве вместе с остатками 27-й пехотной дивизии. Двигались лесом и только ночью. Немцы постоянно бомбили наши колонны. Особенно большие потери понесла наша часть, когда мы двигались через старый парк одного населённого пункта. Практически была уничтожена вся артиллерия и грузовики с боеприпасами, много солдат погибло. На краю леса собрались уцелевшие. Офицер штаба полка приказал небольшими группами пробираться к реке Берёза. Через некоторое время мы были у реки. На другом берегу были наши. Они кричали, чтобы мы делали плоты и переправлялись. Многие не послушались и бросились в воду плыть. Но ни один из них не достиг противоположного берега – течение было очень быстрым, а солдаты – изнеможенными и уставшими. Увидев, что мы переправиться не сможем, с того берега нам сообщили, что в нескольких километрах вниз по течению осталась брошенная переправа. Наша небольшая группа двинулась туда. Где-то вдалеке шёл ожесточённый бой. По понтонному мосту мы благополучно преодолели реку. Встретивший нас офицер сообщил, что немцы уже на подступах к Варшаве, а мы находимся в тылу врага.

Было уже 12 сентября. Нас повёл дальше этот офицер. Он хорошо знал местность. Через некоторое время подошли к какому-то хутору. Передохнув, ночью опять двинулись вперёд. Раненых оставили у хозяина хутора. Нам нужно было пробраться к Висле и соединиться с теми, кто обороняет Варшаву. Переправиться через Вислу мы не смогли. Широкая и глубокая река могла стать для нас могилой. Заметив нас, с противоположного берега по нам ударил пулемёт – там уже были немцы.

Мы двинулись в сторону от реки. В лесу наткнулись на брошенную телегу с продовольствием. Впервые за несколько недель хорошо поели и прихватили с собой запасы консервов. Через некоторое время вышли на опушку. Чтобы идти дальше, нужно было пересечь поле с каналом. Вдруг по нам ударил пулемёт. Один солдат достал белый платок, поднялся и стал им махать. Но его сразили пули. Я решил бежать в направлении хутора, который виднелся возле леса. Бежал, не оглядываясь, и думал лишь одно: если добегу – спасусь. На ходу сбросил ремень, куртку, сапоги.

Перевести дух удалось в кустах. Со мной оказался ещё один солдат, которого легко ранило в плечо. Перевязав рану, мы направились к хутору. Забрались в сарай и вскоре уснули. Проснулся от удара. Открыл глаза – увидел немцев. Так оказался в плену. Было это в

середине сентября 1939 года. Нас под охраной отвели в колонну пленных. Я оказался почти голым. Там, в колонне, один земляк дал мне свою шинель. Оказалось, что вместе с нами в плен попало много солдат и офицеров из нашего полка. Нас погрузили в машины и повезли в сторону Германии. В одном населённом пункте грузовики остановились. Мы выгрузились и пошли на пересыльный пункт, где было очень много пленных.

Сформировав команды, на следующий день нас погнали на железнодорожную станцию. В голодных, обессиленных пленных немки кидали камнями. Было обидно. В чём мы провинились? Вскоре загруженный эшелон тронулся вглубь Германии. Через сутки остановились в одном из лагерей. Как потом выяснилось, это было в районе города Ной-Бранденбург. Там, в лагере, держали около месяца. Многие умирали от голода и болезней.

К середине октября я обессилен до такой степени, что еле держался на ногах. Вскоре объявили, что карантин закончился, и пленных будут привлекать к работам по уборке урожая. Наша группа в количестве 10 человек работала у одного бауэра (крестьянина). Кормил он нас только в обед. Когда стало холодно, опять отправили в лагерь, стали возить на заготовку дров для Берлина. На каждого пленного доводилась норма: напилить ручной пилой один кубометр древесины. Так продолжалось всю зиму.

Немцы разрешили составить список пленных и передать в советское посольство. Но заинтересованности к нашей судьбе посольство не проявило.

Весной 1940 года, когда начались полевые работы, нас снова отправили на работы к бауэру. На этот раз мы попали к бывшему лётчику. Он был офицером вермахта. Относился к нам хорошо: кормил вволю и даже давал вино. Летом перевели к новому хозяину, у которого косили траву, гребли сено, ухаживали за скотом. Когда мы находились в поле, хозяин наблюдал за нами в бинокль. Если видел, что плохо работаем, то лишал еды.

Осенью 1940 года нас снова собрали в лагерь. Отделили поляков от украинцев и белорусов. Поляков отпустили домой, а нам (советским) сказали, что от нас посольство отказалось. Вместо паспортов нам выдали справки и направили в Австрию. Там я работал столяром в большой усадьбе. Хозяин платил 40 марок. На эти деньги покупал одежду и еду. Но прав никаких не имел. Фашистская Германия напала на СССР. Я по-прежнему находился в Австрии. И только весной 1945 года нас освободили части Красной Армии. Мы, человек 10 полешу-

ков, сели на подводу и решили ехать домой. Но на территории Чехословакии нас остановил советский патруль. Забрали телегу, вещи и отправили в фильтрационный лагерь для выяснения личности. Велись допросы. Через две недели в полевом военкомате мне выдали военный билет и направили для службы в воинскую часть. Демобилизовался и вернулся на родную землю в декабре 1945 года. Вот такой для меня была Вторая мировая война».

После войны Иван Фёдорович женился на девушке из деревни Брашевичи Нине Семёновне и стал работать в строительной бригаде. Работы у строителя было много, так как всё было разрушено, а такие деревни как Цыбки, Плищицы пришлось отстраивать заново (немцы спалили их дотла). Да и своё хозяйство надо было поднимать.

Его жена говорит: «Хорошо, что у моего мужа золотые руки: и дом, и сарай, и всё, что в доме, он сделал сам. А печку такую сложил, что все приходили смотреть и просили сделать им такую». Иван Фёдорович никому в помощи не отказывал. Он умел и сбрую к коню сшить, и простым советом помочь. Когда здоровье стало слабее, из строителей он перевёлся в полеводы. В 1974 году Иван Фёдорович вышел на пенсию, но ещё 10 лет трудился. У них с Ниной Семёновной две дочки – Таня и Рая, четверо внуков и пять правнуков.

В девяностые годы прошлого века польское правительство через посольство Беларуси решило найти тех, кто в сентябре 1939 года сражался с фашизмом, защищая свободу и независимость Польши. Вызвали в посольство и Ивана Фёдоровича Труша. Там ему вручили медаль и назначили пожизненную пенсию. Пенсия небольшая и выплачивается раз в квартал. Но и за это спасибо полякам, что не забыли тех, кто первым принял на себя удар гитлеровской военной мощи. Кроме этого, Иван Фёдорович награждён орденом «Участника войны» и медалями: юбилейная медаль «65 лет освобождения Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков, польская медаль «За участие в оборонительной войне 1939 года», 2 юбилейные медали «60 лет освобождения Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков» и медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг».

*Подготовила к публикации
Бердник Е. В.*

НО НАСТУПИЛО 22 ИЮНЯ...

Воспоминания Марии Игнатьевны Цыганковой

Наша семья до Великой Отечественной войны была очень большой: отец – Петров Игнат Силович (1901 г.р.), мать – Петрова (Разумова) Ефимья Григорьевна (1900 г.р.), братья: Иван (1924 г.р.), Василий (1926 г.р.), Михаил (1928 г.р.), Николай (1930 г.р.), Анатолий (1934 г.р.) и я (1933 г.р.).

Отец и мать работали в колхозе имени Молотова в деревне Путьки Чаусского района Могилевской области. Отец – конюхом, мать – в полеводстве. Детей с детства приучали к труду, старшие братья летом тоже трудились в колхозе.

Жили в небольшом деревянном доме с сенцами. Зимой большую часть хаты занимали кросны, на которых ткали зимними вечерами под керосиновую лампу. На самодельных кроватях были матрасы, набитые соломой, и самотканые дерюги (покрывала). Занавесок на окнах не было. Но старались поддерживать чистоту, каждую субботу я одна должна была вымыть окна, лавки и натереть гольнем (так назывался веник из березовых веток) полы до желтизны дерева.

Сладостей дети почти никогда не получали. Однажды мой маленький братик Толя попросил у мамы сахара, но она заплакала и показала пустой мешочек, где раньше хранился сахар.

В колхозе была натуральная оплата зерном (часто с мякиной) за отработанные трудодни. Денег не давали. Если нужны были деньги, то на продажу женщины собирали масло, творог, яйца и несли на базар. За эти деньги покупали соль, спички, керосин, сахар был уже роскошью. Жили трудно, но весело. На работу и с работы шли с песнями. По вечерам молодёжь в какой-нибудь хате устраивала вечеринки. Но наступило 22 июня 1941 года...

Деревня Путьки расположена в полукилометре от деревни Прилеповка на правом берегу реки Проня. Напротив Прилеповки, на левой стороне Прони, возвышается курган, который называют Городок. К началу 1941 года около Городка через Проню планировали построить мост, который так и не успели сделать. 25 июня 1941 года деревни Прилеповка и Путьки ночью начала бомбить немецкая авиация. Горели соломенные крыши домов, сами дома. Испуганные полусонные жители деревень выскакивали на улицу. На улице от пожара было светло, как днём. Было очень страшно, казалось, что это никогда не закончится. В дом Гавриленко Авраама попала бомба – и вся семья погибла. Следующую ночь жители провели в километре от деревни, в

Ипоновом рве. После того как наши солдаты ушли, деревню заняли немцы. Они ехали на машинах, мотоциклах. Перед въездом в деревню один из мотоциклов взорвался на mine, и немцы привезли своих солдат в деревню, похоронили. В Путьках немцы делали привал: чистили одежду, мылись, многие ходили по дворам. Одному из немцев понравилась местная девушка, на ее защиту встал муж сестры, Асипенко Яков Евдокимович, солдат заколол его штыком во дворе дома. До конца своей длинной жизни тетка Катя, жена убитого Якова, ходила только в черной одежде.

Летом 1941 года, во время оккупации, мой младший шестилетний брат Толя вместе со своими друзьями (6 и 8 лет), играя с гранатой, погибли.

После прихода немцев всю колхозную землю распределили среди крестьян. Летом 1943 года взрослое население по приказу немцев вынуждено было около деревни рыть окопы, а в конце сентября этого же года после уборки зерновых (картошку выкопать не успели) всех жителей выгнали в беженцы. Фронт двигался очень быстро. Казалось, мы скоро возвратимся назад, на зиму. Но фронт остановился около нашей деревни на целых девять месяцев.

Моя семья оказалась в деревне Городня Могилевского района. Отца и старших братьев Ивана, Михаила, Василия забрали рыть окопы в деревню Барышевка (имеются документы из Госархива Могилевской области о нахождении нашей семьи в рабочей колонне). Мать отправила и меня вместе с ними, так как думала, что, может быть, немцы сжалятся над ребенком и отпустят отца. Но этого не произошло. Отец отправил меня одну назад идти пешком, а это было около 30 километров. Я пошла сначала в деревню Путьки, там переночевала и утром через Русиновку пешком вернулась к матери. В Городне мы были вчетвером: мать, моя бабушка Разумова Мавра Эммануиловна (1888 г. р.), брат Николай и я. Спали мы на полу, подослав верхнюю одежду.

В январе 1944 года тяжело заболели тифом многие жители деревни Городня, в том числе моя мать, бабушка и я. 2 февраля мать умерла, а в начале марта – бабушка. Мы с тринадцатилетним братом остались одни в чужой деревне. Приходилось на речке самой стирать белье для себя и брата, в ледяной воде от холода немели руки, и сейчас помню женщину, которая однажды помогла мне. Еды у нас не было и мне приходилось с торбочкой на плечах (туда складывала кусочки хлеба), ходить по деревням Горбовичи, Самулки, Медведовка и просить милостыню, чтобы не умереть с голоду. Иногда в какой-

нибудь деревне хозяйка сажала меня за стол и кормила, но мне нужно было немного еды и для брата. Иногда я возвращалась только с несколькими картофелинами. В деревне Горбовичи была мельница, куда жители возили молотье зерно. Когда мололи пшеницу, я просила немного муки, потому что из нее можно было сделать кулеш. Немецкая кухня также располагалась в Горбовичах, и я иногда заходила на эту кухню и просила поесть, мне наливали супа и давали хлеб. Суп я ела, а хлеб несла брату. Ему было тринадцать лет, но по росту он был высокий и если он выходил на улицу в тулупе его забирали копать окопы, поэтому собирать кусочки хлеба мне приходилось одной. Было очень большой радостью, если кто-то из немцев иногда давал печенье или конфеты. В начале мая 1944 года я заболела чесоткой. У жителей деревни никаких лекарств не было. И я осмелилась пойти в немецкую комендатуру, которая находилась в деревне Городня. При входе в здание я показала часовому свои руки. Он долго что-то говорил по-немецки, потом повел меня внутрь и там мне дали мазь, которая мне помогла вылечиться от чесотки.

Перед самым освобождением немцы переписали в деревне всех детей от 7 до 12 лет. На домах висели списки этих детей, под страхом смерти запрещалось их снимать. После освобождения деревни все узнали, что эти списки составлялись для сдачи крови немецким солдатам.

В конце июня 1944 года мы были освобождены войсками Советской Армии. Никогда я не плакала так, как в тот день, когда пришли первые советские солдаты в Городню и сказали, что мы вернемся в родную деревню. Все будут возвращаться с мамами, а мы вдвоем с братом. Солдаты утешали меня.

Отец и старший брат Иван ушли на фронт. Отец погиб осенью 1944 года под Елгавой в Латвии, и только в середине 1970-х годов мы узнали о месте его захоронения. А брат Иван закончил войну в августе 1945 года в Китае, был ранен.

В деревне не осталось ни одного целого дома и только восьми семьям «повезло» – у них уцелели стены от домов. Накануне войны в деревне Путьки насчитывалось 139 дворов и проживало 618 жителей. 3 июня 1944 года немецко-фашистскими захватчиками было сожжено 131 двор и 3 жителя деревни Путьки (архивная справка Л-1794 от 14.06.2000). Жили в землянках и немецких блиндажах. Ели лебеду, крапиву и лапуны (оставшаяся с осени невыкопанная картошка). Наша хата тоже сгорела, и после возвращения из беженцев я, мой брат Николай и тетя Лукерья жили у Петровой Агафьи Евсеевны, ее муж

был моим крестным. В июне 1944 года в Городне меня с братом нашла тётя Лукерья, сестра отца, своей семьи у неё не было. Кроме нас, у тётки Гапьи проживала ещё одна семья. В конце июля 1944 года пришёл брат Михаил с Николаем, нашли немецкий блиндаж, где стены были сделаны из какой-то бани, и к середине осени из этого блиндажа мы все сделали себе хатку, крышу накрыли соломой. Так что зимовали мы в своей хате. Тётя Лукерья была нам и за отца, и за мать, слушали мы её беспрекословно, как могли помогали по хозяйству.

Во время войны школа сгорела, и поэтому дети учились в уцелевших домах. Позже, к одной из изб сделали пристройку и открыли семилетку. Не было тетрадей, писали на немецких мешках, чернила делали из столовой свеклы, в одном классе были дети разных возрастов. Дети учились с большой охотой и уважительно относились к учителям. До сих пор с благодарностью вспоминаю учительницу младших классов Екатерину Устиновну Шуманскую.

Накануне экзаменов за восьмой класс от инсульта умерла тетья, и мне пришлось самостоятельно вести домашнее хозяйство. Но как же хотелось учиться дальше! В деревне была только семилетка, а дальше, чтобы учиться, нужно было ходить в Чаусы. Я была принята в восьмой класс Чаусской средней школы № 1. Денег на питание и проживания в Чаусах не было, а в десятый класс на первое сентября я пошла босиком и прятала ноги от взглядов учителей под партой. Потом мне приходилось в воскресенье носить на базар пшено, сделанное вручную из проса и продавать стаканами на базаре. Окончив десятилетку, я поступила в Гомель на курсы бухгалтеров, позже закончила в Бобруйске сельскохозяйственный техникум, некоторое время работала на торговой базе. После того как вышла замуж, работала в должностях бухгалтера и зам. главного бухгалтера совхоза «Чаусский» до выхода на пенсию. Награждена медалью «Ветеран труда». Вырастила двоих детей, имею четверых внуков.

Я хочу, чтобы нынешнее поколение ценило то, что имеет, любило свою Родину и чтобы никогда для нашего народа не повторились ужасы минувшей войны.

*Подготовила к публикации
Макаренко Т. А.*

В БОРЬБЕ ЗА РОДИНУ

Воспоминания Анны Кузьминичны Шамаль

Я родилась 16 февраля 1921 года в городе Минске. Мой отец работал стеклодувом на фабрике, но в 38 лет он был уволен по состоянию здоровья, и мы всей семьей переехали в Кличев. Папа устроился работать в местный колхоз.

С детства я мечтала учить детей и в 1939 году поступила в Минский учительский институт им. Горького на филологический факультет. После распределения меня направили на работу в Западную Беларусь в Давид-Городок. Но день 22 июня 1941 изменил все планы, отрезал все пути к мирной жизни. Война! Это слово молнией ворвалось в каждый дом. Круто повернулась наша жизнь. Пришлось в первые дни повидать бомбежку Минска, а потом пешком идти домой в Кличев. 3 июля 1941 года фашисты появились в нашем городе. Подкатили к аптеке, согнали народ и на ломаном русском языке продиكتовали свой «новый порядок».

Однажды немцы ворвались в госпиталь с требованием выдать им офицеров. Все молчали. Тогда они вывели двоих раненых на улицу и расстреляли их. Так «новый порядок» наводил ужас и заставлял думать, как быть дальше нам, молодым. Нас сплотила какая-то невидимая сила. Мы стали вечерами собираться в доме Насти Лось. Сюда же приходил наш школьный учитель военного дела Иосиф Савельевич. Он рассказывал нам, как москвичи создают отряды ополчения, роют противотанковые рвы, копают окопы, охраняют город. Мы догадывались, что Иосиф Савельевич слушает тайком радио, всегда тесным кругом обступали его, как только он появлялся. Днем по наказу своих родителей я ходила на работу. Наш бригадир колхоза Иван Емельянович говорил: «Война войной, а урожай сберечь надо». Пололи лен, сено убирать помогали. Однажды когда мы с девушками возвращались с поля домой, нас окликнул мужской голос. Оглянулись. Нас догонял незнакомый рослый мужчина босиком, сапоги в руках, в белой нижней рубахе и брюках галифе. «Я вас знаю, – сказал он, подойдя к нам. – А с твоим, отцом, Аня, мы в детстве вместе коней пасли. Зовут меня Игнат Зиновьевич Изох. Я командирован ЦК партии в родные места создавать партизанские отряды для борьбы с врагом. В Кличеве много молодежи, поэтому передайте всем, чтоб не особенно фашистам попадались на глаза, в Германию угонять будут. Ребята пусть собирают оружие, его много по дорогам и лесам, оно нам пригодится, пусть разбирают по шоссе деревянные мосты, всячески вре-

дят вероломному врагу. Придет время – всех заберем в отряд». Вечером, когда опять все собрались дома у Насти, мы рассказали о нашей беседе, и это был такой заряд для нас, что, казалось, нам открыли глаза на мир и указали, какой дорогой идти. Заставили поверить нас в то, что есть сила, которая поведет нас, молодых, на борьбу с коварным врагом.

14 июля 1941 года недалеко от Кличева в лесу состоялось первое подпольное собрание коммунистов, оставшихся на оккупированной территории. Это были член РК КПБ Заяц Я. И., Изох И. З., работники райсполкома Викторчик П. М., Бай А., редактор районной газеты Крисковец И., офицер Витоль И.К., работник лесхоза Якимовец Ф., председатель Гончанского сельсовета Букатый П. Вот на этом собрании и был создан партизанский отряд, которому был присвоен № 227.

После собрания к нам ночью часто стали заходить командир Изох И. З., Заяц Я. И. В сентябре мой брат отдал им 5 винтовок, присился в отряд, но они сказали, что пока нельзя, что мы нужны здесь для сбора необходимых сведений – сколько немцев и полицаяев в гарнизоне, какое у них вооружение, какие планируются у них вылазки. «Будут к вам приходить девушки из деревни Уболотье Надя и Ульяна, передавайте им эти данные и вообще все, что творится в Кличеве», – говорили они нам. Однажды мы разведали, что на ликвидацию отряда выедет весь гарнизон. Благодаря нашему сообщению партизаны устроили засаду и уничтожили много немцев, полицаяев. Мало кто из них уцелел. Оставшиеся ушли в Березино и Осиповичи. После этой операции все ребята ушли в партизаны, со своим оружием их приняли. Это Володя Валендо, Гриша Черняк, брат мой Николай, Рево Владимир, Счисленок Василий и другие. Девушек не принимали.

25 марта было проведено первое комсомольское собрание, на котором решили продолжать работу по сбору оружия, решили готовиться для партизанской борьбы. Мы договорились с врачом Сомовым, чтобы обучил нас оказывать первую медицинскую помощь. Пожилой врач с женой охотно помогали нам осваивать новое дело. Потом по два-три человека ходили по деревням и собирали перевязочный материал. Кто марли кусок дал, кто старенькую простыню не пожалел. Собирали и лекарства. Из всего собранного врач укомплектовал нам сумки «скорой помощи», добавив, что было у них с женой в запасе. Теперь около 10 девушек были готовы вступить в партизаны. Это Ульяна Изох, Мария и Аня Русецкие, Лена Изох, Мария Лось, я и другие. По-прежнему к нам приходили девушки-связные, от кото-

рых мы узнали, что от Москвы враг отброшен, и наши войска успешно громят врага. Эту добрую весть мы старались донести до населения.

А в Кличеве продолжались расправы: расстреляли семью Якима Русецкого, Петра Изоха и его жену, Сашу Ачиновича. Отец как-то утром сказал, что надо уходить, за нами черед. Мы уехали в деревню Вязень к дальней родственнице Ф. Лесковец. Деревня оказалась небольшая, вблизи лесной массив, где-то там был партизанский лагерь. Казалось, лучше быть не может. Но нет, только недельку пожили спокойно. Нагрянули фашисты, стали избивать хозяина, требуя оружие. Хозяин отвечал, что нет оружия, а когда его фашист ударил прикладом в грудь, два мальчика принесли пять винтовок. Хозяина и соседа увели, угрожая расстрелом. Ночью арестовали и моего отца. Утром смотрю – вокруг деревни окопы и солдаты с автоматами. Надо было уходить любой ценой, но нас не выпускали. Покинуть деревню нам помог солдат-коллаборационист. Он проводил нас до леса и пожелал счастливого пути. Так мы к вечеру добрались до деревни Поплавы, что в трех километрах от Кличева. Тут же, когда стало темнеть, к нам в дом (а остановились мы в доме родственницы Матюшонок Ф.Ф.) постучал мужчина. Он сказал, что на лугу, недалеко от леса, лежит наш раненый отец. Я пошла и привела его в дом, попросила хозяйку растопить печь. Все окровавленное белье сняла и бросила в огонь. Оказывается, отца вели на расстрел, когда подошли к лесу, он побежал, но был ранен в грудь. Позже мы узнали, что в день нашего отъезда фашисты собрали всех жителей деревни Вязень, пригнали стариков, женщин и детей из соседней деревни Селец, заставили копать яму и всех – 143 человека расстреляли.

Лечила я отца, промывала раны реванолем, сжимала грудь потуже, прятала днем то на чердаке, то в огороде в картошке. А в конце августа пришел полицай и сказал: «Я заберу вашего коня, а вы уходите, сегодня вашу семью расстреляют». И такие полицайи были у нас. Ушли мы в деревню Ковяза, переночевали, а утром хозяин дал нам топор и отвел далеко в лес в урочище Парна, где мы сделали два шалаша из еловых лапок. Жили в страхе, ежедневно ожидая погони. Приходилось голодать, потому что с собой не успели что-либо взять. Примерно дней через десять хозяин привел к нам семью Заблоцких. Их было пятеро. Дядя Вася был умным и здоровым мужчиной, с ним мы по ночам ходили копать картошку, даже меду добыли. Но вот однажды дядя Вася сказал, что на бревнах сидят партизаны, они хотят со мной поговорить. Пришла, гляжу, сидят двое. Один был Крисковец

Иван Павлович – редактор районной газеты, другой – Лемешонок Даниил Матвеевич – секретарь райкома партии. «Мы тебя пригласили по очень важному вопросу, хотим дать тебе задание, и если ты его выполнишь, заберем тебя и родителей в отряд». Я подумала, что хорошо было бы в партизаны пойти, но смогу ли я выполнить то, что мне поручат. Но все-таки согласилась. Мне было поручено сходить в Кличев, связаться с каким-нибудь полицейским, узнать, сколько в гарнизоне немцев, полицаев, какое у них вооружение, есть ли пулеметы, пушки, где самые укрепленные точки, амбразуры. Я решила идти к Ивану Изоху: мы учились в одном классе, он жил недалеко от нас, воевал в финской войне, был ранен, работал потом сапожником, женат, есть ребенок. Жил Иван в небольшом домике за речкой. Рано утром добралась до дома Ивана, постучала. Оля, жена Ивана, открыла. «Аня, как ты сюда попала?», – с удивлением и каким-то испугом спросил Иван. «Да вот, Ванечка, туфли совсем износились, может быть, ты сможешь починить?». Он попросил жену подобрать и принести колодки на 37 размер из сундука, что стоял в сенях. Только захлопнулась дверь, я сказала, что пришла с заданием от партизан и продиктовала Ивану все, что держала в памяти. Он ответил, что задание выполнит, даже чертежи сделает. Мы договорились о следующей встрече. На прощание Иван достал из-под кровати противогазную сумку, в которой были патроны и 2 гранаты и сказал: «Неси, хлопцам пригодятся». Уходя, я сказала, что если выполнит задание, то заберут в партизанский отряд. И еще чтобы берег семью. Но меня не покидала мысль о том, что он может меня предать. К вечеру добралась до своего лагеря, на том же месте ждали меня товарищи, рассказала все, как было, передала им сумку с боеприпасами. Все остались довольны. После они дали мне термитный шар, который я должна была передать Ивану. Он, в свою очередь, должен чиркнуть им о спичечный коробок, бросить в склад с оружием, а потом идти в лес к партизанам. Шарик оказался небольшим, с теннисный мяч, только с выступом, я его хорошо спрятала и пошла. На следующий день Иван дал мне тетрадный листок со всеми сведениями и чертежами, кроме того, он опять дал сумку патронов, вернул мои туфли. Я поспешила в лес. В лагере уже с нетерпением ждали меня. Командир отряда Изох И. З. благодарил меня, по-отечески обнял и сказал: «А теперь собирайтесь, в лагерь партизанский вам дорога, воевать будем». И ушли мы с ними – отец, мать и младший брат Володя. Отец, мать и младший брат определены были в хозяйственную часть, я – в боевое подразделение, во второй батальон, которым командовал В. Силин. В этом отделении

служил и мой старший брат Николай. Он дал мне винтовку СВТ десятизарядную, кто-то из ребят шинель и поношенные сапоги.

В канун Октябрьских праздников 4 ноября наш взвод выступил на задание. Разведка доложила, что из Бобруйска в Кличев немцы, полицаи должны были везти оружие, патроны. Было холодно, иней покрыл землю. По команде залегли у самой дороги, замаскировались. Командир Дариенко И. И. прошел, проверил. Лежим, ждем, уже порядком промерзли, а их все нет. По краям засады справа и слева пулеметчики, мой брат Николай и Блинков Костя. Команда такая: как только голова колонны поравняется с правым пулеметом, открыть огонь пулеметчику. Это был сигнал, а после остальные из винтовок. Слева у меня Тарелко Николай шепчет: «Приложи ухо к земле – идут, слышишь?». И правда – зарокотали моторы, но у перелеска сбавили ход. Сначала прошел дозорный чуть ни по головам, потом потянулись две подводы – немцы очень осторожны. Потом пошла машина и тут заработал пулемет. Мы открыли дружный огонь, «ура» и вперед. Начался настоящий бой. На поле было много трупов, ребята разгружали машину – ящики с патронами. И я еще успела вскочить на машину, чтобы подавать ящики, тут же, на машине, взяла немецкий карабин. Он удобен и к нему у нас есть патроны. Еще пару ящиков успела подать и тут слышу «Отход!». По команде все направились к реке. Уже слышен был рокот моторов мотоциклов – это из Кличева и Бацевич шла немцам помощь. Но мы выполнили задание и взяли много трофеев.

Так в боях наступил тяжелый 1943 год. В нашем втором батальоне была создана группа подрывников из 30 человек, куда тоже входили я и Ольга Балтушко из Бацевич, хорошая, смелая девушка. Нас учили, как изготовить толовые шашки, как потом подкладывать их под стык рельсов, как зажигать, отходить. Тол, бикфордов шнур, капсуля-детонаторы нам доставляли самолетами. В единый день 23 августа 1943 года по всей белорусской земле прогремела «рельсовая война». Мы тоже получили свое спецзадание по уничтожению врага. К исходной позиции, деревне Тумановка, подошли только вечером на второй день. Идем тихо, оружие наготове, в любой момент можем вступить в бой с охраной дороги. У каждого из нас по восемь толовых зарядов за ремнем. Весь полк разделен на группы. Кто-то должен взорвать водокачку, кто-то «снять» посты охраны, кто-то на охране подступов к железной дороге. Дисциплина поддерживалась железная, все четко расставлено, определено. Командование группой подрывников выполнял помощник командира полка М. П. Коканцев. Через неболь-

шой перелесок, потом по мокрому от ночной росы лугу мы подошли к заветному месту. Ни шороха, ни звука. Наконец, впереди, насыпь – дорога. И тут команда – «разойтись по полотну», также по команде подложили каждый свои четыре шашки под рельсы на стык. И вдруг: «Поджигай!», «Отход!». Спустились в кювет. Небо озарилось сотнями молний, в воздухе с визгом и грохотом полетели куски рельсов, шпал. Казалось, что сердце вырвется из груди от радости. Затем команда «принять вправо», подкладываем остальные четыре шашки. Опять взрывы и команда: «Отход!». С чувством выполненного долга как-то торжественно идем к условленному месту сбора в лес.

Это была моя первая операция на железной дороге. После мне еще приходилось работать на железной дороге, но не всегда так удачно. Помню, наша группа получила задание взорвать эшелон в Рогачевском районе. Нас разделили на подгруппы по пять человек на подводах. В нашу группу входили Гриша Черняк, Андрей Прохоренко, я и Катя Боровикова, ездовой Малахов И. Рогачевские места трудные – безлесье. Подложить толовый заряд килограммов восьми под рельсы выпало нашей пятерке. Ездовой, конечно, остался в небольшом укрытии в перелеске. Нам тащить толовый заряд помогал проводник, молодой человек из местных, что взяли в деревне Хапаны. И вот мы у дороги, выбрали удобное место, ползком поднялись на полотно. Гриша и Андрей залегли по полотну слева и справа от нас с бесшумками, на случай если будет необходимо «снять» охрану и дать нам возможность поставить заряд. Остальные из группы охраняли подходы к дороге. Вокруг метель, а нам жарко: разгребаем снег возле рельсы и клинками (штыки от немецкой винтовки) роем гнездо для заряда, да так аккуратно, чтоб не звякнуть об рельсу. Нам хорошо помогает проводник, он тоже в белом халате, как и мы. Мерзлая земля плохо поддается, стараемся, сбиваем пальцы до крови о рельсы, но не единого звука. Наконец, гнездо готово, под рельсы положили заряд, в отверстие вставили взрыватель: когда паровоз нажмет на рельсы, так и взрыв обеспечен. Сползаем с полотна, тщательно присыпая снегом. Вот и товарищи остальные из группы уже все на месте. «По коням!». Немного проехали, перед деревней Хапаны спешили, уже в конце деревни разведка подала сигнал, что путь свободен. Идем к деревне, оружие наготове, и только вошли в деревню, как по нам засевшие на чердаках домов, в подворотнях немцы и полицаи открыли огонь. Мы припали к забору на противоположной стороне улицы, стали отстреливаться, но огонь противника стал только сильнее. Командир Тарелко Игнат скомандовал отходить. Ползем обратно, падаем на сани и по

заснеженному полю уходим к небольшому перелеску. Только тут мы поняли, что наши ребята, Гриша и Андрей, остались на поле боя. Мы заминировали свой след, дождались утра и целый день, голодные пробыли на лютom морозе. Добрели до соседней деревни, где попросили коням сена. Кто-то из ребят дал нам по кусочку хлеба, который мы проглотили уже в дороге. Была еще одна попытка взорвать мост на Березине, но нас обнаружили, еле ушли. Надо было спешить, нас ждали новые задания.

1943 год стал значимой вехой в моей партизанской судьбе. Я участвовала в подрывной группе уверенно, как подобает настоящему бойцу, меня уважали товарищи. В апреле 1943 года я вступила кандидатом в члены КПСС.

Перед концом войны я была назначена секретарем Кличевского подпольного райкома комсомола. Перед нами ставили новые задачи. Комсомольская организация была разделена на группы, которые стали выезжать в деревни, близлежащие к гарнизонам, собирать молодежь, читать сводки совинформбюро, нести людям правду о победах Красной Армии. В августе 1944 года я была переведена в Могилевский обком комсомола инструктором отдела школ.

После войны вернулась в родной город, устроилась на работу в СШ № 1 учителем русского языка и литературы. Вскоре вышла замуж, родила троих детей. Жизнь потихоньку стала налаживаться. В 1953 году переехала в город Могилев, где продолжила свою педагогическую деятельность. Всю свою сознательную жизнь посвятила воспитанию подрастающего поколения. Очень хотелось бы, чтобы нынешнее поколение стремилось к знаниям, вело здоровый образ жизни, любило свою Родину и свой народ.

*Подготовила к публикации
Массалкова И. И.*

НАС НИКТО НЕ УЧИЛ ВОЕВАТЬ

Воспоминания Петра Дмитриевича Шардыка

Родился я в 1926 году в деревне Римовцы (Бобруйский район,

Могилевской области). В семье было трое детей (две сестры и я). Пошел в школу в 8 лет. К началу войны закончил 7 классов (семилетней школы). 16 июня я окончил школу, а 22 июня началась война. Мне было 15 лет. 27 июня немцы уже были у нас. Отцу моему было 48 лет, и в первую волну призыва он не попал, его призвали потом в трудовую армию.

Это были три года страшной оккупации, которые нам предстояло пережить. К 1944 году в хозяйстве не было ничего – ни свиней, ни коров, ни кур. Недалеко от Бобруйска, в городском поселке Глуша был немецкий гарнизон, а 4 километра южнее была моя деревня, а еще в 4 километрах от нас была партизанская зона. Вот так мы и жили эти три года между партизанской зоной и немецким гарнизоном. Сестра моя была медсестрой. Ее в первые дни войны мобилизовали. Потом она вернулась домой и ушла в партизаны. Я был еще мал для партизан. У нас была партизанская семья. Дважды ко мне приходили повестки из РОА (немцы организовали российскую освободительную армию). Мы прятались в лесу, чтобы нас не нашли и не забрали насильно. Это было в конце 1942 – начале 1943 года. Но были и такие, которые уходили в РОА.

30 июня 1944 года нас освободили, хотя Бобруйск был еще окружен немцами. После того как нас освободили, нужно было явиться в Бобруйский военкомат. На тот момент мне было 18 лет и я пошел служить. У меня не было свидетельства о рождении, но была справка, которую дал мне священник. И когда объявили о мобилизации, я пришел и показал им, что мне есть 18. Нас призвали в часть западнее Бобруйска. На второй день мы уже приняли присягу. Дня три постояли и пошли на запад. Старших (видевших войну и раньше отслуживших) сразу из запасного полка отправляли в военные части. А нас, кто помладше – вперед на запад. Вот и пошли мы на запад. Фронт идет, и

мы идём. Шли мы в том, что было, только перед переходом на польские земли нам всем выдали военную форму. Дальше шли по польской земле. Мы шли с 30 июня. Нас было много. Шли только днем. С 9 утра до 4–9 вечера, и так каждый день. Проходили около 40–50 километров в день. Отдыхали ночью в лесу. А с утра подъем и дальше в путь. Вот так мы и шли июнь, июль, август. И где-то в конце сентября мы попали на Наровский плацдарм в боевую часть.

Определили в полк. За все время пути нас никто не учил воевать. Только когда были в маршевой роте, мы 2–3 дня кидали макеты гранат. «Ура» покричали. На Наровском плацдарме нам выдали винтовки, которые остались от убитых. И пошли наши боевые дни. Плацдарм простреливался немецкой артиллерией насквозь. Много было раненных и убитых. Со временем мы начали расширять плацдарм. К осени фронт вообще остановился. До 14 января никаких крупных наступлений не было. Кормили редко, на плацдарме кухни не было. Завтрак привозили рано утром еще затемно. Мы завтракали, и кухня уезжала. Как стемнеет, опять приезжала кухня и привозили боеприпасы. Поужинали – и до утра. Ночью глаз не сомкнуть. В траншее стоишь и наблюдаешь. Лазутчики немецкие ходили к нам, а наши – к ним за линию фронта.

Началась зима, а мы все сидели в траншее. Осенние дожди, а потом морозы дали свое. Все очень сильно болели. От простуды у меня на шее до сих пор остались шрамы, похожие на порезы. В медсанбате полежал неделю, отогрелся и опять в траншею. С 14 января началась крупная операция по освобождению Польши. Утром прошла артподготовка. Она работала 1,5 часа по траншеям немцев. И потом – в атаку. Мы оттеснили немцев, они отступили. Потом пошли прерывистые бои. С боями мы шли весь февраль и 10 марта мы дошли до населенного пункта Быджишь. Рядом был немецкий опорный пункт Раудзенс. Все наши части обошли его, а наш полк попал прямо туда, и 14 марта мы пошли в атаку на эту крепость. 17 марта во время атаки попали под сильный артиллерийский обстрел. Нам нужно было пересечь шоссеиную дорогу. Все укрылись в здании хутора, который был впереди, а я не успел. Я бежал через дорогу и хотел упасть в траншею за дорогой и не успел. Снаряд взорвался у меня за спиной и меня ранило.

В справке мне написали, что ранение легкое. А доктор потом исправил, что тяжёлое: осколок пробил сустав большого пальца, который в госпитале загноился. Потом меня выписали в выздоравливающую команду. Я постоял на посту раза два по пару часов и у меня

распухла нога так, что в сапог не лезла. Меня отправили в Ленинградский стационарный эвакогоспиталь 1015. И там я пролежал с апреля по июнь. Уже приближался конец войны. Мы все свободное время проводили возле радио. Узнавали последние новости. Больше я не попал на фронт.

День Победы я встретил тоже в госпитале. Где-то в июне я со своими ровесниками прошел комиссию. Нас погрузили и обрадовали: «Вы едете в Россию долечиваться». Выдали сухой паек, подогнали эшелон, прицепили кухню. Уже вечер близится, а мы все в этом эшелоне. А потом команда: «Разгружайся!». Все были очень не довольны, что нас никуда не повезли. И мы остались лежать в своем госпитале. Потом я узнал, что был отбор парней 1924–1926 года рождения, которых отправили на Дальний Восток на Японскую войну. Но я туда не попал. Мы должны были ехать через Варшаву, но там было восстание и поезда не ходили. Я расстроился, что не попал домой. Тяжелая была служба. Кончилась война. Меня потом перебросили в Германию, и я там жил 5 лет. Неудачным был мой год. Пришлось служить ровно 6 лет. 30 июня 1944 я ушел и 30 июня 1950 вернулся в Бобруйский район. На войне немецкий снайпер убил моего друга. Он только успел ойкнуть и всё.

После войны, когда вернулся домой, работы не было. Потом ближе к концу осени устроился грузчиком по погрузке торфа на торфозавод. Зарплата была невысокая. В марте 1951 года я устроился кассиром в сельпо. Денег в семье практически не было. Потом я пошёл на курсы бухгалтеров-ревизоров в Гомельскую торгово-кооперативную школу для тех, кто имеет неполное среднее образование. Стипендия была 250 рублей. И квартирные оплачивают. Я понял, что это мой шанс пробить себе дорогу. Закончил годичную школу и работал ревизором в Бобруйском райпотребсоюзе. Потом я подал заявление в облпотребсоюз, чтобы получить среднее специальное образование. Но пришел отрицательный ответ. Ревизоры не принимаются. Два года не вызывали на экзамен. А потом в сентябре месяце пришло письмо, что я зачислен без экзаменов в связи с недобором. Окончил двухлетнюю школу и получил среднее специальное образование – экономист. Работал в Могилёвском облпотребсоюзе заместителем главного бухгалтера до 1962 года. Потом мы собрались командой в 6 человек и подали заявление в Московский институт центрального заочного. И в 1962 году мы все закончили институт. Работал главным бухгалтером регенераторного завода. Потом перешёл на работу на Могилёвский лифтостроительный завод и оттуда ушёл на пенсию.

Ещё 10 лет на пенсии работал в частной фирме консультантом. Трудовую деятельность закончил в 2002 году (в 76 лет).

*Подготовили к публикации
Борисов Ю. А. и Шульгат Т. П.*

ЗДЕСЬ БЫЛА ДЕРЕВНЯ КИСТЕЛЕВО... Воспоминания Любови Ануфриевны Шнитко

«Товарищ, остановись! Здесь была деревня Кистелёво. 10 июня 1942 года немецкие каратели сровняли с землёй и расстреляли 30 мирных граждан». Эта надпись будто ножом резанула по сердцу. Очевидцами тех страшных событий были мои прабабушка Шнитко Любовь Ануфриевна и прадедушка Шнитко Иван Илларионович.

Шнитко Любовь Ануфриевна проживала со своей семьёй в глубинной деревушке Кистелёво, что расположена в Сосняговской пуще, что в Лепельском районе Витебской области. Тогда в деревне насчитывалось 12 дворов. Проживало на начало войны около 50 человек. Жителям деревни жилось уютно и хорошо в любое время года. Дворы и улицу украшал не только вековой лес, но и липы, клёны, которые и сейчас растут на месте бывшей деревни. Так было до войны. Уже 6 июля 1941 года гитлеровские захватчики ворвались в Лепель. Оккупировали Лепельский район.

В Сосняговской пуще зародился партизанский отряд, который в дальнейшем стал бригадой «Дубова», которой командовали Ф. Ф. Дубровский и В. Е. Лобанок. В пущу собирались местные коммунисты и комсомольцы из близлежащих деревень. А жители Кистелёво делились с ними картошкой, хлебом, другим продовольствием, сообщали о враге, пускали партизан на ночлег, разрешали помыться в бане. Несколько раз в деревню приходили немцы за провизией. К 1942 году в деревне осталось всего две курицы и коза. И на всю деревню – один конь.

В тот страшный 1942 год Любе исполнилось 25 лет. Семья ждала рождение второго ребёнка. Она вспоминает те события, без конца вытирая глаза платком.

«Деревня с трёх сторон была окружена лесом, и очень удобно было поддерживать связь с партизанами. Однажды ночью в двери кто-то несмело постучал. Люба открыла дверь, там стояли три молодых человека. Один из них был ранен в ногу. Офицера поддерживали два солдата. Красноармейцы попросили, чтобы пустили в дом отдох-

нуть и перевязать рану. Хозяева других домов им отказали. Люба впустила солдат. Офицеру обработала рану и перевязала. Собрала кое-что из еды и завернула в платок. Офицер в знак благодарности оставил пистолет и две обоймы. Люба передала этот «подарок» партизанам.

Немцы догадывались о связи жителей деревни с партизанами и оставили засаду. Целую неделю отдежурили в деревне немцы, а когда собирались снимать засаду, в последний день случилось следующее. Трое немцев отлучились в лес, то ли прогуляться, то ли по нужде, а партизаны, увидев врага, не смогли их оставить живыми. По немцам из лесу полоснула автоматная очередь. Двоих убили сразу, третий умер по дороге в Камень. Там было фашистское логово.

Район был поделен на волости. Волостная управа была в соседней деревне Несино. В военном городке Боровка был размещен немецкий штаб. Большой немецкий гарнизон был в местечке Камень. Гитлеровцы зверски расправлялись с населением, грабили. Оттуда 10 июня примчалось всё немецкое начальство, отряд карателей и их помощников-полицаяв. Всех жителей деревни собрали и погнали в соседнюю деревню Костинка, где закрыли в амбаре. Тем временем сами занялись мародёрством, выгребали из опустевших домов все, что могли. На следующий день деревня запылала. Горело все: хаты, сараи, сады. Когда деревня догорала, кистелёвцев пригнали обратно. Тем временем полицаи копали огромную яму. Жители думали, что на этом мечь фашистов закончится, что так их наказали немцы. Но лица кистелёвцев ещё больше опечалились, когда они увидели свежерытую огромную яму. Только малолетние дети не могли предчувствовать близкую смерть. Кистелёвцев тут же поставили возле вырытой ямы. Начали переписывать фамилии».

Накануне к дочке Любе пришла мать из соседней деревни Халимоново. Мужа Ивана Илларионовича дома в этот день не было. Мать и дочь Люба с двухлетним сыном Мишей 10 июня 1942 года были вместе с кистелёвцами и стояли на краю могилы. При проверке документов немцы остановились на матери Любы. Мать бросилась к немцам, начала просить отпустить дочку с внуком, показала документ, в котором было написано, что она уроженка деревни Халимоново. Мать убедила, что муж Любы служит у немцев, скрывши, что его вместе с другими мужчинами принудительно погнали с подводой ремонтировать дорогу под Лепель. Враги поверили, что Иван завербовался в полицаи и отпустили его жену. Немцы дали три дня сроку добраться пожилой женщине с беременной дочкой и внуком до Ха-

лимоново, обещали проследить. Женщины побежали без оглядки в сторону леса, таким образом, им удалось спастись. Любовь Ануфриевна вспоминает:

«Подводили к яме по несколько человек, стреляли как-то неправильно, не целясь. Кому в голову, кому в грудь, кому в руку попадали. Большинство было раненых. Многие сами, не дожидаясь выстрела, падали в яму. В детей не стреляли, а прямо на штыках бросали в яму. Большинство жителей закопали живыми.

Последним расстреливали очередного старосту деревни 75-летнего Шнитко Свирида. Фашисты ему сказали, что он уже старый и ему дарят жизнь. Но он отказался, сказал, зачем жить, если все односельчане, соседи, родственники здесь, в могиле. Он упал последним, закрыв собою тела односельчан.

Особой жестокостью выделялся полицай Лаврен. Когда к яме подвели его двоюродную сестру и её детей, не вняв её слезам и просьбам, не помиловал их. Сестра бросилась целовать ему ноги, он сбросил их в яму и расстрелял.

Когда жители соседней деревни Костинка пришли подобрать остатки кистелёвского добра и посмотреть, что же здесь произошло, они увидели могилу, которая «шевелилась, дышала». Ещё три дня она была оцеплена полицаями со всех сторон. Говорят, что земля над могилой сутки «ходуном ходила».

Муж Любы Шнитко Иван Илларионович, возвращаясь пешком домой с принудительной работы от немцев, не думал, что не увидит больше свой дом. От встретившихся по дороге людей он узнал, что в Кистелево немцы. Деревню сожгли, а жители расстреляны. К деревне его близко не подпустили полицайи. Он в слезах, убитый горем, уверенный, что семью расстреляли, переночевав в Новосёлках, утром пошёл к родственникам в Халимоново, где и встретился со своей Любовью и сынишкой Михаилом. Но тяжесть на сердце осталась. Не было уже того дома, где жили вместе, не было односельчан, которые всегда помогали один одному, не было родственников.

Расстреляли 29 человек, жителей деревни Кистелёво, среди которых были близкие родственники Любви Ануфриевны и Ивана Илларионовича: семьи Галай, Спиридович, Мисник, Шнитко – всего четыре фамилии, как это водится в небольших населённых пунктах. Фамилию Шнитко носило 17 жителей деревни. Среди расстрелянных были и новорожденные дети.

Партизаны отомстили за сожжённую деревню. Ночью на 1 сентября 1942 года группа партизан ворвалась с боем в местечко Камень

и разгромила общежитие полицейских и помещение телефонной связи. Бой длился два часа. Потом еще не раз проводили партизаны налеты на врага не только ночью, но и днем. Уничтожили машину с немецким генералом, который ехал из Витебска в Боровку.

В 1944 году по вызову Лепельского военкомата Ивану Илларионовичу выдали обмундирование и отправили на фронт. Во время боевых действий возле Риги попал в плен. Военнопленных отправили в Германию. Как вспоминает Иван Илларионович, их погрузили в товарные вагоны и повезли. Куда, они еще не знали. В каждом вагоне был немецкий солдат с автоматом, следящий за тем, чтобы никто не убежал. Из вагонов не выпускали. По дороге многие умирали, их выбрасывали из вагонов. Кто пытался бежать, расстреливали. Состав пришел в Польшу, это был лагерь Освенцим. На территории лагеря было много бараков. Обнесен лагерь был проводом с электрическим током. Вся территория охранялась немецкими автоматчиками. На территории лагеря было шесть крематориев. Когда состав зашел на территорию лагеря, всех выгнали из вагонов. Всех заставили раздеваться. Побрили головы. Начали осмотр пленных, слабых и больных сразу же уводили. При осмотре сразу же спрашивали: комсомолец или коммунист. Комсомольцев и коммунистов расстреливали. Остальных погрузили в вагоны и повезли в Германию. Поезд прибыл в г. Бохум, где были расположены угольные шахты. Ивана и его товарищей определили на работу в шахту, добывать каменный уголь. Им выдали деревянные колодки и рабочие костюмы. Работали на километровой глубине на проходке штрека. Кормили ужасно. Утром выдавали 400 грамм эрзац-брода (специальный хлеб для гастарбайтеров, который состоял наполовину из древесных опилок). Три раза в день давали баланду из сушёной брюквы и шпинат. Иван трижды пытался убежать, но его ловили и сажали в одиночную камеру. Пленные не могли смириться со своей участью. Пробовали совершать диверсии: выводили из строя машины для транспортировки угля. Немцы искали виновных и сразу расстреливали. В мае 1945 года пленные были освобождены американскими войсками. Иван вернулся домой к семье.

После войны жили в деревне Острова Лепельского района.

Как память о наших дедах и прадедах, погибших в годы Великой Отечественной войны, память о грозных боях за наш сегодняшний светлый день, память об уничтоженной деревне возвышается памятник жертвам фашизма в Кистелево. Благодарные потомки заботятся о благоустройстве территории возле памятника. Не так давно памятник жертвам фашизма обновили. На месте братской могилы на-

сыпан курган, на нем закреплена мемориальная доска с именами погибших кистелёвцев. Поставлена стела, которая символизирует крышу дома и дымоход, печную трубу, на которой закреплено несколько гильз, которые перестукиваются на ветру, напоминая о случившейся трагедии.

Моей прабабушке Шнитко Любови Ануфриевне сейчас исполнилось бы 96 лет. В прошлом году её не стало. Но остались воспоминания о Великой Отечественной войне, записанные мною с её слов.

*Подготовила к публикации
Микуленок Д. Н.*

МНОГО РАЗ СМОТРЕЛ В ГЛАЗА СМЕРТИ **Воспоминания Петра Антоновича Шостака**

Мой прадедушка по материнской линии Шостак Пётр Антонович родился 1 января 1917 года в деревне Рагозино Логойского района Минской области. Он является участником Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., имеет военные награды: орден Отечественной войны I степени, орден «Партизан Беларуси», орден ветерана войны, медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», медаль Георгия Жукова, юбилейные медали, медаль «Ветеран труда». К сожалению, сохранились не все удостоверения к орденам и медалям, некоторые из них были переданы в Логойский музей.

«Семья наша, в которой было пятеро детей, жила бедно. Когда коллективизация затронула Рагозино, мой отец вместе со своим скарбом записался в колхоз. После учёбы я одним из первых на деревне «оседлал» стального коня, но долго поработать на нём не получилось.

Я не только с немцами воевал, но пришлось повоевать и с японцами. Это во время войны Японии с Китаем. В 1937 году, напав на Китай, японцы захватили крупнейшие города страны, беспощадно уничтожая население. Много убили китайцев. В 1938 году японцы предприняли попытку вторгнуться на советскую территорию. Попытка провалилась. В учебниках по истории это называется «конфликт 1938 года Японии с СССР у острова Хасан».

В 1938 году меня забрали в армию, а служить я попал в Хабаровский край. За два с половиной года на пустыре построили целый городок недалеко от Благовещенска. Потом меня перебросили в Ханой, где в то время советские солдаты сражались с самураями. 1939

год – конфликт Японии с СССР в Монголии, где также неудачно закончилось, и вторжение японцев на территорию Монголии, где находились советские войска.

В конце сорокового года меня уволили в запас. После возвращения на Родину, чтобы зиму не сидеть без дела, устроился на работу в леспромхоз. Дальнейшие планы прервала война.

3 июля 1941 года меня отправили отвезти новобранцев в посёлок Плещеницы в военкомат. Сели парни в мою «полуполторку» и ещё не знали, что уже Плещеницы захватили немцы. По дороге в небе очень низко летали самолёты, на них отчётливо виднелись немецкие кресты. Стали подъезжать к Плещеницам, поняли, что что-то неладное. Люди бегут, дым стоит в Плещеницах, гремят орудия, навстречу нам едут немецкие танки. Остановил я машину. А что делать дальше? Сказал я новобранцам: «Расходимся! Все в лес! Встречаемся возле кладбища в Сушково». Тут загорелась моя «полуполторка», немцы её подбили. Еле успели отскочить от неё. Лесом, постоянно прислушиваясь и оглядываясь, напрямик пошёл к своей деревне. А идти надо было километров двадцать семь–тридцать. В лесу было не страшно. Людей больше всего боялся, потому что были всякие люди. Так, к вечеру вышел я к деревне Сушково, а там через болото дошёл и до Рагозино.

Решил идти на фронт добровольцем, но не успел. Вскоре власть перешла в руки оккупантов, чтобы не служить им и чтобы не вывезли на принудительные работы в Германию, я ушёл в лес. А вот в деревнях Ходаки, Межанка, Людвиново молодые мужчины решили переждать войну, сидя на печи. Вскоре их всех угнали в Германию. А сейчас за свою трусость и боязливость ещё и денежные выплаты получают, героями поделались. Попробовали бы повоевать с немцами, а не работать на них. Конечно, тяжело было и на работах у немцев, но те люди, у которых была голова на плечах, которые понимали и хотели оборонять свой край, ушли в партизаны, не стали дожидаться прихода немцев и сидеть сложа руки.

Через некоторое время начали в близлежащих лесах появляться партизанские формирования из окруженцев. Мы, местные хлопцы, наладили с ними связь, каждый день пополняя запасы отрядов оружием, продуктами питания, медикаментами. Оружие добывали по-разному. Однажды, еще в самом начале войны, шли мы лесом в направлении дороги на Долгиново (Вилейский район), стали подходить к мосту возле деревни Камено. Мост охраняли полицаи. Я предложил дожидаться вечера, подобраться к полицаям, убить их и забрать себе

оружие. Нас было трое, а полицаев пятеро. Так и добыли себе оружие (как убивали полицаев, дедушка не захотел рассказывать).

Сначала мы собирались в группы, это уже потом Сталин отдал приказ об организации партизанских отрядов, а сразу собрались втроем, потом узнали, например, что в лес ушли такие и такие, встретились в лесу, потом подошли и ещё пару хлопцев. Потом уже стал воевать в бригаде имени Пономаренко, которая базировалась в Борисовском районе под Ельней. В лесу строили землянки, была своя кухня, свой госпиталь. Продукты питания заготавливались впрок, просили у людей продукты питания, кто давал. А были и такие, что и отказывали.

Расскажу о самом памятном эпизоде войны. Много раз приходилось смотреть в глаза смерти, но, наверное, сам ангел-хранитель оберегал меня. Я с группой партизан шёл на задание и неожиданно мы наткнулись на засаду. Один из немцев бросил гранату. Она упала возле ног моего друга. Чтобы спасти друга, да и себя, я не растерялся, схватил гранату и отбросил её за дерево, но граната взорвалась в воздухе, боевой друг остался жив, а меня тяжело ранило в руку, осколок в руке и сейчас даёт о себе знать.

Много раз приходилось драться врукопашную. Я был здоровый, всегда побеждал. Я был пулемётчиком, а помощником у меня был Стэфан Малиновский. И вот однажды возвращались мы с задания, и нас окружили немцы. Мой помощник, у которого были патроны, и он должен был заряжать пулемёт, испугался и убежал. Я стрелял из пулемёта, пока не закончились патроны. Кричу: «Стэфан, Стэфан, подавай патроны!», – а его и след простыл. А немцы наступают. Ну, что делать? Я встаю и иду на них. Рукава закатал. Ну и давай махать кулаками.

После войны на день 9-е мая встретились мы за праздничным столом в деревне Сушково. Малиновский рассказывал, как он из пулемёта уложил фрицев. А я подошёл чуть попозже и говорю ему, а где патроны были? Так хотелось ударить его по лицу за предательство и трусость, еле сдержал себя. Стыдно стало Малиновскому, встал он из-за стола и вышел. Больше он нигде не хвастался.

Старший брат Иван был стрелком-радистом на самолёте. Имеет боевые награды. Уже умер. Брат Андрей – летчик, также награждён медалями, но умер после войны. Вся семья, за исключением младшей сестры Анюты, были военные.

После освобождения Беларуси пришлось обновлять местный МТС (в Нестановичах, 15 километров от Рагозино), там и познако-

мился с будущей женой – Анкудо Ольгой Макаровной, ударницей пятилетки, позже стала ветераном труда, первой женщиной-трактористкой в колхозе. Потом перешёл работать в леспромхоз. Руками рвал корчи, взрывчатки было мало. Я был такой сильный, что вырвать корч мог за полчаса, за то меня и прозвали «Экскаватором». Была еще история с трактором. Перед приходом немцев я решил закопать трактор в землю, чтобы не достался им. А после освобождения Логойщины мне дали «бронь», я был первоклассным механизатором, и оставили в колхозе. Раскопал его, почистил и завёл».

Каждый год на 9 Мая моего дедушку всегда приглашали на митинг возле памятника «Скорбящий воин» в деревне Крайск, часто дедушка бывал и на открытых уроках в Крайской средней школе.

*Подготовил к публикации
Куранов И.*

«САЛАСПИЛС» НАДО ПОМНИТЬ **Воспоминания Виктора Степановича Юдина**

История – нечто таинственное и грозное слышится в этом слове. История – дыхание грозы, удары молний и раскаты грома.

История – как мал перед ней человек. Но именно человек стоит перед лицом Истории, именно через человека она проходит и живет. «Малые сии» выдерживают ее удары, гнутся, но не ломаются, заставляют, в конце концов, Историю отступить, наполняют ее, придают ей смысл и направление. Среди людей, выдержавших один из страшнейших ударов

Истории XX века, был и мой отец. 22 июня 1941 года моему отцу, Юдину Виктору Степановичу, всего-то и было неполных 15 лет.

Лето, сданы экзамены за семь классов, что делать дальше, пока не ясно. Надо продолжать учебу, чтобы получить среднее образование и идти дальше учиться. Лето, и мысли об учебе можно пока оставить. Хотя 15 лет в то время – это уже возраст. Мальчишки знали, что в Гражданскую 16-летние командовали полками.

Отец рассказывал, что в тот день он с друзьями еще с утра пошел на реку. Возвращались с Суры (река, на которой стоит родной город отца – Пенза) около 12 часов дня. Из репродукторов, висевших на столбах на улице, звучал мужской голос. Отец говорил, что голос Молотова (нарком по иностранным делам) он узнал сразу. Люди стояли и молча слушали.

Мальчишки, только что выкупавшиеся в речке, смеявшиеся и радовавшиеся жизни, не знали, что такое война, они ее видели только в кино. Отец рассказывал, что известие о войне мальчишки приняли чуть ли не с радостью. Никто из них не сомневался, что врага быстро разобьют и на его же территории. Отец говорил, что они, мальчишки, в этот день принимались маршировать под песни из кинофильмов «Трактористы» и «Большая жизнь», вспоминали фильмы «Чапаев» и «Александр Невский».

Немцы захватывали советские города, фронт отодвигался на Восток. На фронт уходили и уходили, а с фронта шли и шли «похоронки». У меня как-то отец спросил: «Знаешь, кого больше всего ждали и больше всего боялись оставшиеся в тылу женщины?» И сам ответил: «Почтальона».

А между тем жить становилось все тяжелее, дело могло дойти и до голода, рассказывал отец, поскольку уже в конце июля иной раз карточку иждивенца можно было и не отovarить. Нужно было как-то выживать. В августе 1941 года отец поступил в ремесленное училище № 1 г. Пензы на специальность токаря. Поступив в училище, отец стал получать довольствие почти по рабочей карточке, что несколько улучшило положение в семье.

В августе и сентябре, как рассказывал отец, курс больше обучали специальности. Когда учащиеся немного освоили токарное дело, в мастерских стали выполнять заказы завода. В конце декабря 1941 года вчерашних учеников перевели полностью на завод им. М. Фрунзе. «А этих пацанов из-за станков не видно, пришлось для нас специальные помосты сколачивать. На заводе учились, работали и жили. С завода не уходили неделями. У нас было два желания: поспать и поесть. Только ты закончил смену, которая 12 часов длилась, добрался до лежака, уснул, а тебя уже толкают – срочный заказ».

Тогда зимой 1941–1942 года отец чуть было не потерял мать и младшую сестру. Время тяжелое, с завода не уйдешь, «ты или работаешь, или отдыхаешь, или учишься». «Уже почти два месяца не был дома, работаем без выходных. А у всех семьи. Партийная организация, комсомол, завком решили создать группу, которая бы ходила по

семьям работников и помогала всячески. Вот так и моих нашли. Мать сильно заболела, обессилила. Тамарка – сестра, лет пять ей тогда было, воев возле лежащей матери. Одним словом, мать выходили, за сестрой присмотрели, в садик определили. В то время, хоть и тяжело было, но никого не оставляли, помогали чем могли».

Отец часто вспоминал парторга цеха: «Мы называли его между собой «Батя», это был настоящий коммунист. Он сам на станке работал так, что было не угнаться за ним не только нам, пацанам, но и опытным токарям. И вот видит он, что все, усталость одолевает всех, сходит в «красную комнату» за баяном. Он играет, а мы поем и снова снаряды точим. Потом и меня на баяне учил играть».

Летом 1942 года немцы перешли Дон и ринулись к Волге. Вот тут и начались, в основном ночные, налеты на Пензу, которая, кроме всего прочего, была еще и узловой станцией. Пацанов, у которых все было в порядке с учебой, а о работе говорить не приходится, «премировали» ночными дежурствами по городу. Нужно было проверять светомаскировку и дежурить на крышах многоэтажных домов. Если во время налета «зажигалка» упадет на крышу, ее следует сбросить на землю и затушить. Среди премированных был и мой отец, он рассказывал: «Сначала мы делали обход улиц, которые были указаны в предписании. Идем вдоль улицы, у каждого противопожарный пояс на рукаве. Внимательно всматриваемся в окна домов, чтоб ни щелочки. Потом идем к указанным высоткам. Город немцы не бомбили, они рвались к станции и к заводам. Объявляют воздушную тревогу. А мы сидим на крыше, смотрим. Зенитчики по небу полосуют. В небе самолеты гудят, стрельба, прожекторы рыскают. И тут раз, в районе железнодорожной станции ракеты в небо пошли, потом еще в других местах и стрельба слышна в районе железной дороги и заводов. Немецкая агентура работала, показывала своим, куда лететь, где бомбить. Иногда фонариками светили, нам на крыше хорошо было видно луч фонарика, направленный в небо. Немцы хорошо подготовились к войне».

Потом ночные дежурства прекратились, отец рассказывал, что работали уже и по 16 часов, «пацаны, а иной раз и взрослые дядьки падали от усталости прямо за станками». Разворачивалась Сталинградская битва.

«После Сталинграда и Курска все окончательно стало ясно. Победа наша! Карты повесили, на которых флажками отмечали линию фронта. Но работать продолжали по 12 часов, правда, уже выходные давали», – вспоминал отец. 30 октября 1943 года Юдин Виктор Степанович окончил ремесленное училище № 1 г. Пензы, стал токарем 4-го разряда и был направлен на завод им М.Фрунзе. «Стало намного легче, ни тебе математики, ни физики, ни химии, ни технологии, просто работай».

В ноябре 1944 года, отцу уже два месяца как исполнилось 18 лет (призывной возраст), а в армию (считай, на фронт) не берут. Что-то надо делать с этим. Пошел к военкому спросить, почему повестку не присылают. Военком, дядька суровый, послал... обратно на завод, спросить там. Отец и спросил в отделе кадров, после чего имел беседу с парторгом цеха. В отделе кадров отцу объяснили, что у него «бронь», поскольку уже три года работает на военном заводе. Отец, чтобы освободиться от «брони», тут же написал заявление на увольнение по собственному желанию. В отделе кадров люди сидели мудрые и на глупости внимания не обращали, а глупым бумажкам ходу не давали. Позвонили в цех, вызвали парторга цеха, чтобы тот разобрался с «добровольцем», а авторитет у парторга был непререкаемым. Парторг увел отца в цех.

–Сбежать захотел?

–Не сбежать, а на фронт. Других призывают, а я что, хуже?

–Кто снаряды будет точить?

–Найдется кому.

–Не понимаешь. Теперь послушай. Воевать ты не умеешь, тебя надо научить этому, иначе какая от тебя польза на фронте, так, мясо. Человека, который заменит тебя здесь, у станка, тоже еще надо обучить, чтоб он работал так же, как и ты. Ты три года работаешь, а если мерить по мирному времени, то все семь. Мы потеряем здесь, в тылу, но не приобретем на фронте. Мы станем из-за твоей прихоти хоть чуть-чуть, но слабее. Ты свой аттестат об окончании ремесленного училища внимательно смотрел? Так вот, ты уже мобилизован, ты уже на фронте.

Примерно такой по содержанию разговор состоялся в ноябре 1944 года между отцом и парторгом. Отцовский аттестат я видел, и могу сказать, что в аттестате имеется выдержка из Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 2 октября 1940 г. «О Государственных трудовых резервах СССР». «...10. Установить, что все окончившие ремесленные училища, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения считаются мобилизованными и обязаны проработать 4 года подряд на государственных предприятиях, по указанию Главного Управления Трудовых резервов при Совете Народных Комиссаров СССР, с обеспечением им зарплаты по месту работы на общих основаниях».

В общем, на фронт отец не попал ни в 1944, ни в 1945, а продолжал работать на заводе им. М. Фрунзе и проработал на нем до 1949 года, пока не призвали в армию.

Мы привыкли к тому, что 9 Мая – это большой праздник, с гуляньями, концертами и митингами. Тогда, в 1945 году, для отца это был обыкновенный рабочий день, один из многих. Отец стоял за станком, точил снаряд. И тут в цех быстро вошел парторг и закричал: «Кончай работу!». Мы ничего не понимали, тут еще заводской гудок забасил. Парторг повел нас из цеха к заводууправлению. Я заметил: у парторга слезы. И говорит он нам так тихо: «Ребятки, война закончилась, немцы капитуляцию подписали». В тот день никто уже и не работал. Люди были на улицах, радовались. Пели. Плясали. Плакали.

Как-то, взяв свою первую медаль, отец посмотрел на нее и сказал: «В эту войну каждый свой выбор делал. Мне, 18-летнему пацану, медаль дали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». А друга детства расстреляли за бандитизм».

В сентябре 1949 года отца призвали в Советскую Армию, а поскольку к этому времени отец уже был кандидатом в члены КПСС, то в Заводском райкоме г. Пензы отцу предложили поступить в военно-политическое училище. Отец сразу дал согласие, но заметил «достаточно ли образования». Как оказалось, на тот момент, образования было достаточно: семь классов и ремесленное училище. В октябре 1949 года Юдин Виктор Степанович становится курсантом Краснознаменной военно-политической школы войск МГБ им. К. Е. Ворошилова в Саратове.

Осенью 1951 года школу расформировали и отец доучивался в Сортавальском военном училище ВВ МГБ (Сортавала, Корело-Финская ССР). Участь в этом училище, отец впервые поучаствовал в боевых операциях. Это было во время военной практики летом 1952 года в Прибалтике, в Латвии, где действовали «лесные братья», бывшие legionеры СС, «айсерги» и прочие военные преступники по тем временам. Отец рассказывал: «Меня особо никуда не пускали. Комроты сказал, чтобы держался возле него, вперед не рвался. Все лето по латвийским лесам и пролазили. В нас стреляли, мы стреляли. Так и прошла моя практика. А ведь у нас и раненые были, и убитые».

После возвращения в училище с летней учебы, в октябре 1952-го, отец получил офицерские погоны и был направлен к месту службы опять в Прибалтику.

«Часть, в которой я продолжил службу, располагалась в Риге, но ездили мы по всей Латвии. Наша задача была уничтожать остатки «лесных братьев». Сейчас это герои, борцы за независимость Латвии, а тогда это были просто бандиты. В СССР не принято было вспоми-

нать о том, что много латышей пошли в «айсерги» – латышское СС – и много воевало на восточном фронте против Красной Армии и советского народа. Из таких вот и формировались отряды «лесных братьев». Мне рассказывали, что после того как Прибалтику освободили, в лесах целые полки дислоцировались, с минометами, пушками, даже танками. В лесах еще одна война развернулась, но поменьше. Вот тут с фронта иногда части снимали для борьбы с недобитыми латышскими фашистами. У нас в части были офицеры, которые принимали участие в тех боях.

Я ведь приехал в Латвию осенью 1952 года. К этому времени от тех полков мало что осталось. По лесам еще прятались банды, самые крупные до 50 человек. Эти «борцы за свободу» превратились в уголовников. Семьями вырезали тех, кто принял советскую власть и помогал ей. Или вот парнишка-почтальон, мы его прямо у дороги нашли, недалеко от поселка. Бандиты распотрошили всю его сумку, деньги, наверно, искали.

Мы выехали в тот район по оперативной информации, замечено было движение. Бандиты готовили какую-то акцию, вот парнишке и не повезло: попался им на дороге, и убили совслужащего. Мы прочесали весь район, выяснили маршрут движения и больше ничего. Естественно, что «лесные братья» получали помощь от населения. Я в этом убедился после одного случая.

Прибыл к нам в район дислокации с предписанием лейтенант из Риги. Вот ему откомандировали мою группу. Наша задача была проверить один хутор. На хуторе по оперативной информации мог скрываться активный член националистического подполья. Лучше взять живым, если не удастся – ликвидировать: таково было наше задание. В машины – и поехали.

Поехали утром рано, туман в лесу. Примерно за километр до хутора остановились и пошли. Мои ребята опытные, мы уже полтора года по лесам. Подходим к хутору, взяли его в кольцо. Говорю я лейтенанту, чтоб он никуда впереди меня не лез. Мои ребята уже под окнами дома, постройки контролируют.

Я кобуру расстегнул, рукой показал лейтенанту, чтоб тот отошел в сторону от двери, и сам, тоже в сторонку и правой рукой стучу. Нам ответили по-латышски, тут уже заговорил лейтенант.

Дверь открылась, лейтенант с хозяином разговаривал. Я тоже немного понимал, хозяин настаивал, что нужного нам человека он уже давно не видел, сделайте обыск. Лейтенант напоследок сказал латышу, что тот пойдет как сообщник, если он укрывает кого-то у себя.

Мы принялись искать, и уехали бы так ни с чем. Совершенно случайно в доме мы обнаружили еще один ход под пол. И вот тут лейтенант не выдержал, сунулся туда, открыл лаз – а оттуда очередь. Мы в ответ тоже очередями поливаем, и нам в ответ очереди. Латыша мои ребята из дома увели, лейтенанта оттащили и перевязали, чудом остался жив. Чтоб больше не валандаться, я сказал своим ребятам кинуть в дырку пару гранат – и дело с концом».

«У нас всякое случалось. К примеру, начштаба, боевого офицера, несколько орденов, медали – все фронтовые, мы между собой называли «Бандолов», операции планировал, мы только удивлялись. Нюх у него был на «лесных братьев». Только потом и выяснилось, откуда тот «нюх» взялся. Наш начштаба был родом из Украины, и, как оказалось, с 1941 по 1943 года участвовал в операциях против партизан, всюду сотрудничал с оккупантами. Потом каким-то образом попал в армию, на фронт, получил офицерские погоны, дошел до Вены.

Летом 1954-го нашего «Бандолова» потянуло в родные места, да в форме и с наградами, вот односельчане и написали куда следует. Осенью того же года нашего начштаба арестовали, провели следствие, но не посадили, только лишили звания, наград и уволили.

Еще у нас был интересный боевой офицер – тот во время боя матерно ругался. Ничего с ним не могли сделать, ни выговоры по партийной линии, и командир части с ним беседы проводил, мол, какой пример солдатам показывает.

Взяли мы как-то в кольцо банду. Засели те в своих блиндажах в лесу, огрызаются. Кольцо плотное – мышь не проскочит. Мы же так, налегке, с автоматами. Запросили минометчиков, чтоб батарею к нам по-быстрому перебросили. Вот тут комбат и выступил на весь лес: «...». Однако слова комбата «лесных братьев» к сдаче оружия не вдохновили. Они еще постреляли, мы в ответ. Тут минометы подъехали. Что минометы не разнесли, мы доламывали гранатами».

Я как-то у отца спросил, много ли он убил этих самых «лесных братьев»? Отец не сразу ответил, сказал: «Бой идет, в тебя стреляют, ты стреляешь. Откуда знать, чья пуля врага сразила, твоя или твоего товарища? Вообще человека убить, даже если это враг, стреляющий в тебя, – непросто. Мне потом неделю снился. Мы цепью шли по лесу, а это было их боевое охранение, он выскочил из-за дерева. Я первый дал очередь. После боя мне совсем плохо стало. У нас старшина был, тоже боевой, после войны остался в армии, он мне сказал тогда: «Оно всегда так, коли ты человек».

Тут у нас случилась перестройка. Предателей стали превращать в героев, а героев, с легкой руки «демократической общественности» – в преступников. Преступниками стали называться и бывшие офицеры МГБ. Отец как-то сказал: «Мне стыдиться нечего, я свой долг честно исполнял, а эти крикуны – не видели они «Саласпилс» в 1952 году. Латыши помалкивали тогда – знала кошка, чье сало съела. В «Саласпилс» я попал еще летом 1952 года. Тогда там не было мемориального комплекса, а вот детские старенькие вещи я там видел. Они лежали на земле еще, наверное, с 1944 года. Сейчас любят кино смотреть про вампиров и бояться. В этом лагере у детей кровь пили, для нужд солдат вермахта. Охраняли лагерь латыши в немецкой форме (*сейчас известно, что это латышский батальон СД*), кто-то из этих нынешних «героев» Латвии попал в «лесные братья». Я уже не говорю о латышах, служивших в СС и в вермахте. «Саласпилс» надо помнить, это место меня потрясло тогда, в 1952».

Это не воспоминания моего отца, это то, что хранит моя память о моем отце, о том, что он мне рассказывал о той Великой войне, о том, как воевал после войны, но об этом не принято было говорить. Но все же...

«Саласпилс» надо помнить.

*Подготовил к публикации
Юдин В. В.*

партизаны
 Штыки
 сое
 Бригады (полки)
 Партизанские аэродромы
 и основные посадочные
 площадки

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

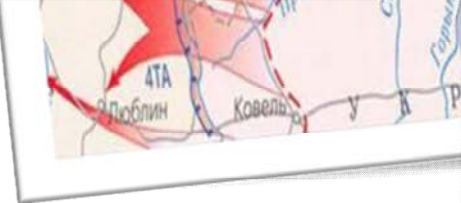
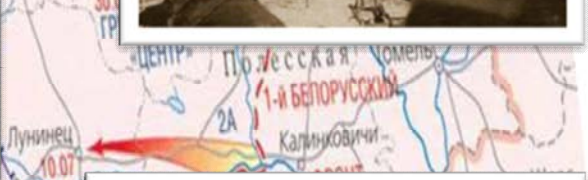
соединения на оккупированной территории

ЛАТВИЙСКАЯ
Даугава
Утена

БССР
граница СССР дана на
2.06.1941 г.,
границы прочих госу-
дарств — на 1.03.1938 г.

40°

Линия фронта на заводе 18 листа 1942г.

Контрнаступление советских войск в Сталинграде 19 листопада 1942 року 1942г.

Первые блокады Ленинграда 11 студзеня 1942г.

Агудальнае наступленне савецкіх в

кавіля 19-
кіх войск
міся 1942
Савецкіх в
номсцкіх в
оду 23 см
и:
гарма

франтоў і груп армій да -
а пачатак і канец перыяду.
Іншыя граніцы паказаны:
на 22 чэрвеня 1941г., замержай - на 1 сакавіка 1938г..

А Е ЧАРНАМОРСКИ ФЛОТ
М О Р А

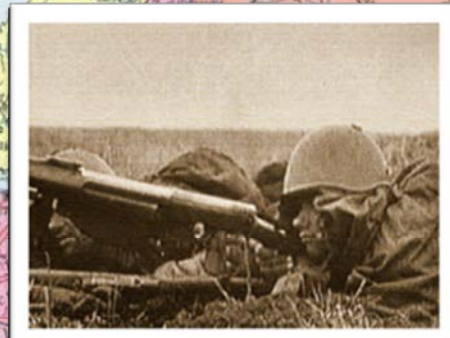

КАРТА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Линия фронта до ноября 23 ноября 1942 г.
 Линия фронта после советских войск у Сталинграда, сентябрь 1942 г.
 Линия фронта у города Сталинграда, октябрь 1942 г.
 Линия фронта советских войск у Сталинграда, май 1943 г.

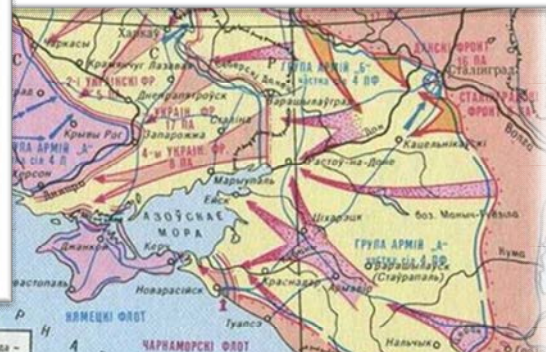
НАСТУПЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЙСК

Кавказский фронт
 Восточный фронт
 1-й Украинский фронт
 2-й Украинский фронт
 3-й Украинский фронт
 4-й Украинский фронт
 5-й Украинский фронт
 6-й Украинский фронт
 7-й Украинский фронт
 8-й Украинский фронт
 9-й Украинский фронт
 10-й Украинский фронт
 11-й Украинский фронт
 12-й Украинский фронт
 13-й Украинский фронт
 14-й Украинский фронт
 15-й Украинский фронт
 16-й Украинский фронт
 17-й Украинский фронт
 18-й Украинский фронт
 19-й Украинский фронт
 20-й Украинский фронт
 21-й Украинский фронт
 22-й Украинский фронт
 23-й Украинский фронт
 24-й Украинский фронт
 25-й Украинский фронт
 26-й Украинский фронт
 27-й Украинский фронт
 28-й Украинский фронт
 29-й Украинский фронт
 30-й Украинский фронт

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Учебное издание

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ
ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ И СВИДЕТЕЛЕЙ СОБЫТИЙ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Составители:
Бубнов Юрий Михайлович
Маркасова Ольга Сергеевна

Корректоры: *Т. Л. Матеуш, А. А. Щербакова*
Технический редактор *Н. Г. Тверская*
Оформление обложки *Е. В. Сенчурова*

Подписано в печать 27.05.2014. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография.
Уч.-изд. л. 14,4. Усл. печ. л.15,8.
Тираж 99 экз. Заказ 64.

Учреждение образования
«Могилевский государственный университет продовольствия».
ЛИ № 02330/630 от 31.01.2012 г.
Пр-т Шмидта, 3, 212027, Могилев.

Отпечатано в учреждении образования
«Могилевский государственный университет продовольствия».
Пр-т Шмидта, 3, 212027, Могилев.